

84-492
К62
ЙОН КОЛФЕР

АВИАТОР

ОТ СОЗДАТЕЛЯ ЗНАМЕНИТОГО
«АРТЕМИСА ФАУЛА»

АВИАТОР

АВИАТО

(XX)

Тычина
КГ 1

ЙОН КОЛФЕР

АВИАТОР

153987/2

ЭКСМО
Москва
2009

Санкт-Петербург
ИД ДОМИНО

Муниципальное объединение
библиотек
620077, г.Екатеринбург,
ул.Антон Валека, 12

УДК 82(1-87)-93
ББК 84 (4Вел)
К 61

Eoin Colfer
AIRMAN

© 2008 by Eoin Colfer

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен
Издательским домом «Домино»

Колфер Й.

К 61 Авиатор : роман / Йон Колфер ; [пер. с англ.
Б. Жужунавы]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. —
608 с.

ISBN 978-5-699-36928-7

Если человек родился в корзине терпящего бедствие воздушного шара, к гадалке ходить не надо — он вырастет авиатором. Тем более что отец Конора Брокхарта, будущего покорителя неба, капитан гвардии скромного островного государства, состоит на службе у короля-романтика, для которого слава и богатство ничто в сравнении с заботой о своих подданных. И все вроде бы идет своим чередом, ничто не нарушает идиллию, но в один несчастливый день в государстве происходит переворот, доброго короля убивают, а на его месте утверждается злобный генерал Бонвилан.

Но не может такого быть, чтобы человек, родившийся в воздухе, смирился с подобной несправедливостью. И Конор Брокхарт начинает борьбу...

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(4Вел)

© Перевод. Б. Жужунава, 2009
© Оформление.
ООО «ИД «Домино», 2009
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-36928-7

Посвящается Деклану Демпси

Кларк Бренксфилд был рожден, чтобы летать, твое
 же тело было рождено в полете. Хотелось бы Брен-
 сфилду пострелать фантастическими снами, твоими
 трудом и женой поверить и рассказать о его полете
 полете летом 1878 года. Но тому было бы сче-
 сать, если. Сообщение и публикации Бренкс-
 филда несут в корабле воздушного шара, который
 прыгает на волнах умеренной планеты — в при-
 чине. Бренксфилд пишет «Летая журнал»,
 доступный для любого любителя полета в
 Нью-Йоркской библиотеке.

В третьей статье упоминается черно-белая фот-
 тография, которую ты сделал своей же-
 ной и ее сестрой. Журнал, но счастливый слу-
 чайности и случайности и друг детства и сестра
 Трэнксфилд.

На этой фотографии и фотографиях твоих
 три Деклан Бренксфилд и его жена Клэр. Он

* Сестра Трэнксфилд — для сестры, которая была и
 между Бренксфилдом и его женой Клэр.

Пролог

Конор Брокхарт был рожден, чтобы летать, точнее говоря, рожден в полете. Хотя судьба Брокхарта пестрит фантастическими событиями, труднее всего поверить в рассказ о его первом полете летом 1878 года. Но тому были тысячи свидетелей. Сообщение о появлении Брокхарта на свет в корзине воздушного шара можно прочесть — за весьма умеренную плату — в архивах французской газеты «Ле пти журнал», доступных для любого любопытствующего в Национальной библиотеке.

В газетной статье помещена черно-белая фотография, удивительно четкая для своего времени; ее сделал репортер, по счастливой случайности оказавшийся в тот момент в садах Трокадеро*.

На этой фотографии легко узнаваемы капитан Деклан Брокхарт и его жена Кэтрин. Он,

* Сады Трокадеро — два сада в английском стиле в центре Парижа. (Здесь и далее — прим. пер.)

спокойный и статный, в малиновой с золотом форме снайпера Соленых островов*; она, потрясенная, но довольная — улыбающаяся. И здесь же, на руках у Брокхарта-старшего, — малыш Конор, со светлыми волосами отца и большим, умным лбом матери. От роду ему не больше десяти минут, однако благодаря игре света и тени кажется, будто его взгляд сфокусирован. Подобное вряд ли возможно. Но представьте на мгновение, что так оно и было: в таком случае первое, что увидел малыш Конор, — это летящее над ним безоблачное небо Франции. Стоит ли удивляться, что он стал тем, кем стал?

Париж, лето 1878 года

Всемирная выставка была самой впечатляющей за все годы своего существования — свыше тысячи участников со всех концов света.

По настоянию короля капитан Деклан Брокхарт отправился с Соленых островов во Францию. Кэтрин по собственному желанию сопровождала мужа. Она была женщиной-ученым и желала собственными глазами увидеть шумно разрекламированную Галерею машин, где,

* Соленые острова — острова Салти на юго-востоке Ирландии.

как было заявлено, представлены изобретения, которые в будущем существенно улучшат жизнь.

Король Николас послал чету Брокхарт в Париж с целью выяснить, можно ли создать подразделение воздушных шаров для укрепления боеспособности Соленых островов.

На третий день путешествия супруги в легком экипаже ехали по Авеню-дель-Опера* в сады Трокадеро, где намечался показ эскадрильи воздухоплавательных шаров.

— Чувствуешь? — Кэтрин приложила ладонь мужа к своему животу. — Наш сын рвется на свободу. Жаждет сам стать свидетелем всех этих чудес.

Деклан рассмеялся.

— Ему — или ей — придется немного подождать. Через шесть недель мир останется на своем месте.

Прибыв в сады Трокадеро, Брокхарты нашли эскадрилью воздушных шаров в тени статуи Свободы или, точнее, ее головы. Всю статую по завершении выставки планировалось подарить Соединенным Штатам, но на данный момент экспонировалась лишь одна голова Ле-

* Авеню-дель-Опера — проспект в центре Парижа от Лувра до дворца Гарнье.

ди Либерти, как ее часто называли*. Рядом с ней остальные предметы выглядели карликами, и это поражало воображение. Насколько же огромна будет вся статуя, когда в конце концов встанет на страже в гавани Нью-Йорка!

На лужайке, вежливо отгородившись от любопытных с помощью бархатного шнура, члены воздухоплавательной эскадрильи накачивали газом управляемый аэростат. Деклан Брокхарт подошел к часовому и вручил ему рекомендательное письмо французского посла с Солёных островов. Спустя несколько минут к ним вышел капитан эскадрильи Виктор Вигни.

Вигни был гибкий, смуглый мужчина, с крючковатым носом и абсолютно черными волосами, стоящими на голове торчком, словно щетка.

— Bonjour**, капитан Брокхарт.— Он снял белую перчатку и тепло пожал руку офицера Солёных островов.— Мы ждали вас.— Француз отвесил глубокий поклон.— А это, надо полагать, мадам Брокхарт.— Вигни с видом при-

* Статуя Свободы французского скульптора Фредерика Бартольди, выполненная из металла (сталь и медь), была подарена Францией США, перевезена через океан по частям и в 1886 г. установлена на входе в Нью-Йоркскую гавань; в настоящее время стала символом не только Нью-Йорка, но и самих США.

** Добрый день (*фр.*).

творного смущения пробежал взглядом по тексту письма.— Однако, *madame*, тут нигде не сказано, насколько вы хороши собой.

Француз сопровождал эти слова такой очаровательной улыбкой, что Брокхарты при всем желании не смогли бы обидеться.

— Вот, капитан.— Вигни сделал эффектный жест в направлении аэростата.— Предоставлю вам *Le Soleil*, «Солнце». Что вы о нем думаете?

Аэростат был, без сомнения, великолепен: удлиненный золотистый баллон, мягко покачивающийся над обтянутой кожей корзиной. Деклана Брокхарта, однако, интересовала не столько внешняя, сколько техническая сторона дела.

— Этот более остроконечный, чем те, которые мне приходилось видеть,— сказал он.

— Обтекаемый,— поправил его Вигни.— Скользит по небу, словно его тетка.

Кэтрин отпустила руку мужа.

— Смесь хлопка и шелка.— Она, откинув голову и сощурив глаза, разглядывала аэростат.— Сдвоенные пропеллеры на корзине. Искусная работа. Как быстро он летит?

Вигни быстро заморгал, услышав технические комментарии от женщины, но постарался скрыть удивление.

— Шестнадцать километров в час. С божьей помощью и попутным ветром.

Кэтрин отогнула уголок кожи, так что стала видна плетеная корзина.

— Ивовые прутья,— сказала она.— Создают упругую подушку.

Вигни был очарован.

— Да. *Absolument**. Эта корзина выдержит пятьсот часов в небе. Французские корзины лучшие в мире.

— *Très bien***,— сказала Кэтрин.

Она приподняла край юбки и по приставной деревянной лестнице поднялась к корзине, демонстрируя поразительную резвость для женщины на восьмом месяце беременности. Мужчины рванулись вперед, чтобы остановить ее, но она не дала им и слова вымолвить.

— Осмелюсь заметить, что знаю о науке воздухоплавания больше вас обоих. Я пересекла Кельтское море*** не для того, чтобы стоять на каком-то хваленном поле и смотреть, как мой муж проводит испытания одного из чудес света.

Кэтрин произнесла все это совершенно спокойно, но только полный кретин не уловил бы сталь в ее голосе.

Деклан вздохнул:

* Совершенно верно, несомненно (*фр.*).

** Очень хорошо (*фр.*).

*** Кельтское море — воды между юго-западной частью Англии и Ирландией.

— Хорошо, Кэтрин. Если капитан Вигни позволит...

В ответ Вигни по-французски выразительно пожал плечами, как бы говоря: «Позволю? Жаль мне того мужчину, который встанет на пути этой женщины».

Кэтрин улыбнулась:

— Ну, вот и хорошо, все улажено. Когда отбываем?

Около трех часов дня «Солнце» отцепилось от якорей и быстро поднялось на высоту несколько сот метров.

— Вот мы и в небесах,— вздохнула Кэтрин, крепко сжимая руку мужа.

Молодая пара посмотрела вверх, на днище аэростата. Шелк мерцал и искрился в лучах солнца, по его поверхности пробегали золотистые волны. Грохот над головой напоминал отдаленные громовые раскаты. А внизу, словно изумрудные озера, раскинулись сады Трокадеро; голова Леди Либерти возвышалась над ними наподобие легендарного Титана.

Вигни включил маленький паровой двигатель, питающий сдвоенные пропеллеры. Ветер уносил дым прочь от корзины.

— Впечатляет, да? — прокричал он сквозь тарыхтение двигателя.— Как насчет того, чтобы сделать заказ?

Деклан притворился, будто не очень-то удивлен.

— Не знаю, не знаю. Сомневаюсь, что такие маленькие пропеллеры способны противостоять океанскому ветру.

Вигни уже собрался с пеной у рта отстаивать достоинства своего дирижабля на паровой тяге, когда по небу вдруг прокатился резкий, звонкий треск. Этот звук был хорошо знаком обоим военным.

— Ружейный выстрел.— Вигни посмотрел вниз, на землю.

— Винтовка,— мрачно заметил Деклан Брокхарт; будучи капитаном снайперов Соленых островов, он сразу же узнал звук.— С дальнего расстояния. Может, винтовка Шарпса*. Смотрите, вон там.

На западной границе садов поднимался в небо столб серо-голубого дыма.

— Ружейный дым,— согласился Вигни.— Хотелось бы знать, в кого целились.

— Тут нет вопроса, monsieur,— дрожащим голосом сказала Кэтрин.— Посмотрите наверх. Аэростат.

* Шарпс Кристофер (Кристиан) — один из главных американских производителей огнестрельного оружия середины XIX в. Точность крупнокалиберных винтовок Шарпса стали легендой; смертельный выстрел мог быть сделан с расстояния до 900 метров.

Мужчины окинули взглядами золотистую оболочку в поисках прокола. И нашли его. Пуля вошла через нижний правый квадрант и вышла через верхнюю левую секцию.

— Почему мы еще живы? — удивился Деклан.

— Пули недостаточно, чтобы воспламенить водород, — объяснил Вигни. — Это может сделать только зажигательный снаряд.

Кэтрин была в шоке. Впервые за всю ее короткую жизнь смерть оказалась совсем рядом — и не только ее собственная. Она подвергла риску жизнь будущего ребенка!

— Нужно быстро спускаться! — воскликнула Кэтрин, обхватив руками живот. — Прежде чем порвется оболочка.

На протяжении нескольких последующих минут Вигни демонстрировал свое мастерство воздухоплавателя. Взгромоздившись на край корзины, одной рукой он держался за стойку, другой выпускал из шара газ, а ногой толкал румпель*. «Солнце» по плавной дуге пошло вниз. Вигни планировал посадить его внутри очерченной бархатным шнуром зоны.

Деклан Брокхарт не отходил от жены. Сильная и упрямая от природы, Кэтрин была все же потрясена выстрелом. И это способствовало

* Румпель — рычаг для поворачивания руля судна.

тому, что роды начались прежде времени. Тело осознало, что оказалось в смертельной опасности, и, следовательно, для ребенка лучше поскорее выйти на свет. Приступ боли был настолько силен, что у Кэтрин подогнулись колени. Она упала на спину, по-прежнему обхватывая руками живот.

— Наш сын рвется наружу, — тяжело дыша, сказала она. — Не хочет больше ждать.

Вигни чуть не свалился с края корзины.

— *Mon Dieu!** Но, *madame*, это совершенно невозможно. Я не могу позволить чему-либо подобному произойти на моем корабле. Я даже не знаю, можно ли считать это счастливой приметой или нет. Что ж, придется перейти на ручное управление, хотя может пострадать какой-нибудь альбатрос.

У Вигни была такая черта: в тревожные минуты он начинал неудержимо болтать и даже становился развязен. Что не мешало ему исправно делать свое дело. Он умело направлял дирижабль к месту посадки, то выпуская газ, то перекрывая его.

На полу тесной корзины Кэтрин тужилась, выталкивая дитя. При одной особо сильной схватке она непроизвольно раскинула ноги в стороны. Удар, пришедшийся мужу в голень,

* Бог мой! (фр.)

оказался очень кстати, выведя его из состояния, близкого к панике.

— Что я могу сделать, Кэтрин? — спросил он, стараясь говорить как можно спокойнее, словно рождение ребенка в падающем аэростате было вполне обыденным событием.

— Держи меня крепче, чтобы меня не болтало, — сквозь стиснутые зубы попросила Кэтрин. — И помоги мне, зафиксируй себя, мне надо отталкиваться от чего-либо тяжелого.

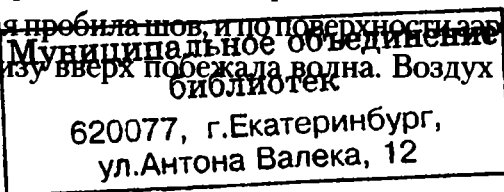
Деклан сделал, как ему было сказано, через плечо крикнув Вигни:

— Не дергай! Постарайся не дергать, друг!

— Обращайся к Господу Богу! — ответил Вигни. — Он посылает порывы ветра, не я.

Вообще-то все обстояло не так уж и плохо. Оболочка была повреждена, но лишь частично. Брокхарты возились на полу, поглощенные произведением на свет новой жизни.

И они, без сомнения, справились бы. Вигни уже предвкушал первый глоток шампанского, которое он потребует подать в тот момент, как только его ноги коснутся земли. Но тут воздух разорвали новые ружейные выстрелы. Обе пули попали в аэростат, на этот раз результат оказался куда более плачевным. Одна пуля прошла примерно там же, где ее предшественница; зато вторая пребила шов, и по поверхности аэростата снизу вверх побежала волна. Воздух и газ

вырывались наружу, пронзительно вопя, словно стая баньши*.

Вигни упал в корзину на широкую спину Деклана Брокхарта и отлетел в угол. Теперь все они были в руках Божьих. При таком серьезном повреждении оболочки ни о каком управлении аэростатом не могло быть и речи. Они быстро падали; съеживающийся аэростат хлопал над ними. Забыв о собственной судьбе, Кэтрин и Деклан сосредоточились на ребенке.

— Уже почти все, моя дорогая! — прокричал Деклан.

Разум Кэтрин отчаянно протестовал, и все же она взяла себя в руки и последним усилием вытолкнула младенца в солнечный мир. Ребенок не заплакал, а сразу же вцепился в палец отца.

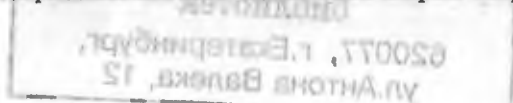
— Мальчик! — восторженно произнес Деклан. — Мой храбрый сын.

Кэтрин не позволила себе и минутной передышки. Наклонившись вперед, она схватила мужа за лацкан.

— Не дай ему умереть.

Слова ее прозвучали как простой и ясный приказ.

* Баньши, банши — в ирландском фольклоре — духи в женском обличье, которые появляются возле дома обреченного человека и своими душераздирающими стонами и рыданиями возвещают о его скорой смерти.

Вигни завернул новорожденного в голубой мундир воздухоплавательной эскадрильи.

— Нам остается только молиться,— сказал он.

Деклан Брокхарт встал. Ему хватило одного взгляда, чтобы оценить серьезность ситуации. Корзина находилась в свободном падении, летя прямо в направлении головы Леди Либерти. Любой сильный удар приведет к гибели младенца, а Деклану было приказано не допустить этого.

Но как избежать неизбежного?

Их спасла судьба; по крайней мере, заступилась за них на некоторое время. Оболочка аэростата, испустив последний вздох, зацепилась за третий и четвертый лучи короны статуи Свободы. Материя рвалась и собиралась складками, набиваясь между лучами и тормозя тем самым снижение корзины.

— Провидение,— одними губами прошептал капитан Брокхарт.— Мы спасены.

Корзина раскачивалась, как маятник, всякий раз задевая округлость щеки Леди Либерти. Медная поясная скульптура звенела, словно церковный колокол, привлекая внимание зевак. Кэтрин обнимала малютку-сына, надеясь по возможности смягчить удар. Куски оболочки аэростата рвались с треском, напоминающим артобстрел.

— Аэростат не выдержит,— сообщил Вигни.— А до земли нам еще метров шесть.

Деклан кивнул.

— Нужно привязать его к статуе.— Он схватил якоря «Солнца» и бросил один из них Вигни.— Ящик лучшего красного вина, если не промахнетесь.

Вигни прикинул якорь на вес.

— Шампанского, если не возражаете.

Мужчины зашвырнули якоря между двумя последними лучами короны Леди Либерти. Те дружно ударились о локоны статуи и заскользили вниз; от соприкосновения металлических поверхностей в воздух полетели искры. Прочно зацепившись по обеим сторонам короны, якоря остановились. Деклан и Вигни быстро протянули веревки через оба кольца корзины и крепко их связали.

Но момент счастья длился недолго. С визгом морской птицы материал аэростата сорвался с короны статуи, корзина, головокруглительно кренясь, полетела вниз и остановилась, только когда натянулись якорные веревки. Они застонали, но выдержали.

— Теперь моя корзина — колыбель для вашего малыша,— заявил Вигни.— Шампанского. Ящик. Чем скорее, тем лучше.

Деклан присел, скрывшись за краем корзины, и потянул француза за манжету, пока тот не наклонился до его уровня.

— Ваш охотник, возможно, истратил еще не все пули,— сказал он.

— И то правда,— согласился с ним Виктор Вигни.— Но я думаю, что он сбежал. Теперь мы не представляем такой значительной цели, как прежде, и gendarmes* уже наверняка сели ему на хвост. Думаю, это был анархист. Они угрожали нам.

В садах Трокадеро вся толпа стекалась к корзине. Люди пришли на Всемирную выставку, ожидая яркого зрелища, и оказались свидетелями небывалого, захватывающего приключения. Военные из воздухоплавательной эскадрильи прислонили лестницы к плетеной корзине — началась эвакуация «севших на мель» пассажиров «Солнца». Кэтрин с помощью галантного капитана Вигни спустилась первой. За ней шел гордый отец, обеими руками прижимая к себе «чудотворного» малыша.

Люди пораженно открыли рты и хлынули вперед. Ребенок! Когда корзина взлетала, никакого ребенка в ней не было. Казалось, будто они никогда прежде не видели младенцев.

«Родился в небе. Только представьте себе! Чудо-ребенок!» Леди и джентльмены, не стесняясь, отталкивали друг друга, страстно желая

* Жандармы (фр.).

хотя бы мельком взглянуть на ангельское личико. «Смотрите, глаза открыты! А волосы почти белые. Может, это из-за высоты?»

Кто-то выстрелил пробкой от шампанского, итальянский граф раздавал всем кубинские сигары. Казалось, все собравшиеся празднуют тот факт, что младенец выжил.

Вигни схватил бутылку и сделал несколько больших глотков.

— Превосходное шампанское.— Он передал бутылку Деклану Брокхарту.— Очаровательный мальчик. Как вы его назовете?

Брокхарт улыбнулся, чувствуя себя невероятно счастливым.

— Может, Ангел? В конце концов, он пришел с небес. А вообще моя семья родом из Фландрии.

— Нет, Деклан,— сказала Кэтрин, поглаживая светлые, почти белые волосы сына.— Хотя он и ангел, но у него лоб моего отца. Его будут звать Конор.

— Конор? — с притворным возмущением воскликнул Деклан.— Твоя семья ирландская, моя фламандская. С какой стати Конор?

Вигни разжег две сигары и одну из них протянул гордому отцу.

— Сейчас не время спорить, *mon ami**.

* Друг мой (*фр.*).

— Никогда не время спорить,— кивнул Деклан.— Конор так Конор. Самое подходящее имя для такого храбреца.

Вигни постучал костяшками пальцев по подбородку Леди Либерти.

— Как бы ни называли этого мальчика, у Свободы он в долгу.

Это было второе знамение дня — Конору Брокхарту предстояло выплатить свой долг свободе. Первым знамением, конечно, было его рождение в воздухе. Вероятно, он и без «Солнца» стал бы летчиком, но, может быть, что-то пробудилось в нем именно в этот день. Одержимость небом, подчинившая себе жизнь Конора Брокхарта и всех, кто его окружал.

Спустя несколько дней после чудесного рождения сына капитан Деклан Брокхарт и его семья отплыли из Франции домой, в крошечное независимое государство под названием Солёные острова, неподалеку от побережья Ирландии.

С 1171 года на Солёных островах правила семья Трюдо. Именно тогда английский король Генрих II даровал их Раймонду Трюдо, могущественному и честолюбивому рыцарю. Это выглядело как злая шутка, поскольку в то время Солёные острова представляли собой все-

го лишь заселенные чайками скалы. Подарив Трюдо Соленые острова, Генрих выполнил обещание сделать его ирландским рыцарем, но одновременно давал понять, какая судьба ожидает впредь честолюбивых рыцарей.

Раймонд Трюдо запротестовал против такого дара, король в ответ сделал ему выговор, который Трюдо потом часто цитировал.

— Ты стал бы возражать против назначения, полученного от самого Господа? — согласно официальным записям, сказал Генрих. — Возможно, господин Трюдо считает себя выше своего короля. Возможно, господин Трюдо считает, что место короля подошло бы ему самому. Что же, так тому и быть. Ты с моего благословения возьмешь эти Соленые острова, но не как барон. Ты будешь править там как король, Раймонд Первый. Я не стану требовать ни десятины, ни податей с тебя и твоих потомков до скончания дней. А в качестве дополнительной награды можешь носить при моем дворе свою корону. Все, что найдешь на этих щедрых островах, принадлежит тебе.

Трюдо не оставалось ничего другого, кроме как поклониться и пробормотать слова благодарности, пусть и с горечью в душе. Это было ужасное оскорбление. На Соленых островах ничего не было, кроме морских птиц да птичьего помета, а во время бурных приливов — мел-

ких соленых брызг, которым острова и обязаны своим названием.

Однако судьба Раймонда Трюдо была не столь плачевна, как поначалу казалось. Он отправился в ссылку на свои Соленые острова, и там один из его людей, огнем сгонявший чаек с насестов, обнаружил странную сверкающую пещеру. В ней оказалось месторождение алмазов — самая большая когда-либо обнаруженная и единственная в Европе шахта. Генрих сделал Раймонда Трюдо королем самого дорогого государства в мире.

Спустя семь столетий семья Трюдо по-прежнему властвовала там, несмотря на более дюжины попыток вторжения со стороны Англии, Ирландии и целых армий пиратов. Знаменитая Стена Соленых островов выдерживала обстрел пушками и удары таранов, а прославленные снайперы Соленых островов были обучены отстреливать бакенбарды у пиратов, находящихся на расстоянии мили. На Соленых островах существовали лишь две отрасли хозяйства: алмазы и оборона.

Тюрьма Соленых островов была переполнена мерзкими убийцами, засылаемыми Ирландией и Великобританией. Они работали в алмазных шахтах, пока не истекал срок их заключения или пока они не умирали. В основном они умирали. Наказание в виде работы на

Малом Соленом означало смертный приговор. Никого это не волновало. Соленые острова на протяжении столетий делали множество людей богачами, и никто из них не хотел изменения этого статус-кво.

Но изменения все же назревали. Теперь на троне восседал новый король, американец по имени Николас Первый, или Добрый Король Ник, как его называли в народе. Пробыв у власти всего шесть месяцев, Николас сумел радикальным образом улучшить жизнь трех тысяч своих подданных, отменив налоги и построив современную дренажную систему, протянувшуюся от города Форт-на-Мысу к северной оконечности Большого Соленого.

Когда после трехдневного путешествия из Франции королевская яхта «Гагарка» прибыла в гавань Соленых островов, король Николас сам вышел встречать ее. По правде говоря, он мало походил на других королей наших дней — энергичный человек тридцати семи лет от роду, в добротном охотничьем костюме и плоской шляпе. Короткие, аккуратные бачки, волосы пострижены совсем коротко, на военный манер. Лицо смуглое, с крапинками едва заметных шрамов на лбу — следы того, что однажды он оказался на волосок от смерти рядом с взорвавшейся фугасной бомбой. Посторонний мог бы принять Николаса за королевского егеря,

но уж никак не за короля. Это был человек не помпезный, не тяготеющий к ритуалам, ведущий жизнь простую, насколько это возможно в роскошном дворце. Во время американской Гражданской войны Николас служил стрелком и воздухоплавателем. Поговаривали, что в своих королевских апартаментах он спал на стульях у окна, потому что постель казалась ему слишком мягкой.

Николас представлял собой новый тип европейского короля — он был полон решимости всю имевшуюся в его распоряжении власть употребить на то, чтобы улучшить жизнь как можно большего числа людей. Добрый Король Ник. Деклан Брокхарт любил его как брата.

Деклан закрепил носовой линь* яхты и спрыгнул на берег, чтобы приветствовать своего монарха.

— Ваше величество,— сказал он с легким поклоном.

Король Николас поклонился в ответ и хлопнул друга по плечу.

— Деклан! Что спасло вас? Я прочел о вашем родившемся в воздухе малыше. Могу лишь молиться, чтобы он унаследовал замечательные черты своей матери.

* Линь — судовой трос из высококачественной пеньки.

Мужчины рассмеялись. По трапу спустилась Кэтрин, прижимая к груди драгоценную ношу, завернутую в одеяло.

— Кэтрин,— Николас подал ей руку,— вы, наверное, нуждаетесь в отдыхе?

— Я достаточно отдохнула на борту.— Она слегка отогнула одеяло Конора.— Ваш новый подданный рад приветствовать своего короля.

Николас заглянул в сверток и слегка удивился, обнаружив, что младенец глядит на него как бы оценивающим взглядом.

— О! — Он непроизвольно отступил.— Такой... внимательный.

— Да,— с гордостью заявила Кэтрин.— У него взгляд отца — снайперский.

Однако король Николас увидел нечто большее.

— Возможно. Но у него и подбородок Брокхарта. Чересчур упрямый. Хотя лоб ваш, Кэтрин. Возможно, будет ученым, как его мать.— Он пощекотал Конора под подбородком.— Ученые нам нужны. Из Америки, да и из Европы, на нас надвигается новый мир. Соленые острова не смогут сохранить независимость, если нам нечего будет предложить этому миру, а ведь алмазные шахты на Малом Соленом когда-нибудь себя исчерпают. Ученые, вот что нам требуется.— Король Николас натянул перчатки.— Учите его хорошо, Кэтрин.

— Постараюсь, ваше величество.

— И принесите его во дворец. Представьте Изабелле.

— Сразу же после завтрака,— пообещала Кэтрин.

Николас грустно улыбнулся.

— Мать Изабеллы была бы счастлива получить такой дар — завернутым и готовым. Такой прекрасный дар.

Король помолчал, вспоминая жену, но потом снова вернулся к действительности.

— А теперь, Деклан, сожалею, но вынужден отвлечь вас. По-видимому, какие-то контрабандисты опиума проникли в пещеру Леди Бродяги. Прямо у нас под носом.

— Я займусь этим, ваше величество. Вы проводите Кэтрин домой?

— Неплохая попытка, капитан.— Николас усмехнулся и хлопнул в ладоши.— Попытка удержать меня подальше от опасности.

Короля охватило возбуждение — старый солдат в нем получал удовольствие от погони. Однако в отличие от большинства старых солдат он не получал удовольствия от убийства. Этих контрабандистов отошлют работать в алмазную шахту на тюремном острове Малый Солёный, но без необходимости вреда им не причинят.

— Пошли, сейчас только-только рассвело и отлив. Преступники не любят подниматься рано, мы имеем шанс захватить их спящими.

Король попрощался с Кэтрин, прикоснувшись рукой к шляпе, и зашагал по пристани в сторону маленького кавалерийского отряда. Фактически это было все конное подразделение армии Соленых островов — дюжина опытных кавалеристов на ирландских жеребцах. Два коня были без всадников.

Деклану хотелось остаться с женой, но еще больше хотелось заняться делом.

— Мне нужно идти, Кэтрин. Король может пострадать в этих пещерах.

— Иди, Деклан. Позаботься о его безопасности; островам нужен Добрый Король Ник.

Капитан Брокхарт поцеловал жену, малыша и пошел вслед за королем. Кони нетерпеливо цокали копытами по доскам пристани, выбивая из них спиральные стружки.

— Твой отец — герой, — сказала Кэтрин Коннору и помахала его крошечной ручкой вслед Деклану. — А теперь пошли домой и подготовимся к встрече с маленькой принцессой. Ты хотел бы встретиться с принцессой, мой упрямый ученый?

Конор загукал в ответ; похоже, он был не прочь.

Учите его — Конор — принцесса. .ТРИННННН

Принцесса

и пират

ЧАСТЬ 1

БРОКХАРТ

Брокхарт был выжженным мальчишкой, который с детства любил читать книги и играть в войну. Он был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке. Брокхарт был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке. Брокхарт был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке.

Брокхарт был выжженным мальчишкой, который с детства любил читать книги и играть в войну. Он был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке. Брокхарт был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке. Брокхарт был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке.

Брокхарт был выжженным мальчишкой, который с детства любил читать книги и играть в войну. Он был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке. Брокхарт был самым лучшим другом принцессы, которая жила в замке.

ГЛАВА 1

ПРИНЦЕССА И ПИРАТ

Конор Брокхарт был выдающимся мальчиком — факт, ставший очевидным с самых ранних времен его идиллического детства. Природа обычно скупа на дары, раздавая их крайне неохотно, однако в распоряжение Конора она предоставила все, что могла предложить. Казалось, он обладал достоинствами всех своих предков: умом, сильным характером и привлекательностью.

С положением ему тоже повезло. Он родился в богатой семье, придерживающейся таких ценностей, как равенство и справедливость, — внешне по крайней мере. Он рос с сильной, незапятнанной нуждой и насилием убежденностью в том, что такое хорошо и что такое плохо. Мальчику все было ясно и понятно. Хорошо — это Большой Соленый; плохо — Малый.

Сейчас это легко — надергать разных событий из ранних лет Конора и сказать: «Вот так

мальчик становился мужчиной. Видите, как это происходило?» Но взгляд в прошлое — ненадежный подход. На протяжении всего детства Конора был, наверное, один-единственный эпизод, наводящий на мысль о его возможностях.

В то время Конору было девять лет, и он часенько бродил по служебным коридорам, которые извивались за стенами дворцовой часовни и главного здания. Его товарищем по этим экскурсиям были принцесса Изабелла, старше на год и из них двоих более склонная к приключениям. Изабеллу и Конора редко видели порознь, зато часто оба они были так перемазаны грязью, кровью, а то и чем-нибудь похуже, что с трудом удавалось отличить мальчика от принцессы.

Как-то летним днем они развлекались тем, что лазили по заброшенному дымоходу с целью обнаружить, куда он выходит, и, утомившись этим занятием, решили устроить неожиданное пиратское нападение на королевские апартаменты.

— Ты будешь капитаном Кроу*, — заявил маленький Конор, облизывая налипшую во круг рта сажу. — А я буду юнга, который всадил топор в его голову.

* Капитан Кроу — вероятно, вымышленное лицо.

Изабелла была хорошенькой девчушкой, с лицом эльфа и круглыми карими глазами, но в тот момент она больше походила на пострела-трубочиста, чем на принцессу.

— Нет, Конор. Ты будешь капитаном Кроу, а я принцессой-заложницей.

— Нет никакой принцессы-заложницы, — твердо заявил Конор, которому не нравилось, что Изабелла, как обычно, стремится приспособить легенду под себя.

В прошлый раз она включила в игру единого рога и фею, которых точно не было в первоначальной версии.

— Конечно, есть, — воинственно возразила Изабелла. — Есть, потому что я говорю, что есть. Ведь я самая настоящая принцесса, а ты родился в аэростате.

Изабелла надеялась зацепить его этими словами, но, по мнению Конора, ничего не могло быть лучше, чем родиться в аэростате.

— Спасибо, — ответил он с широкой улыбкой.

— В этом нет ничего хорошего! — воскликнула Изабелла. — Доктор Джон говорит, что эта... как ее... высота, скорее всего, испортила твои легкие.

— Легкие у меня получше твоих. Смотри!

И Конор испустил громкий крик, чтобы показать, какие они у него здоровые.

Это произвело на Изабеллу впечатление.

— Хорошо,— сказала она.— Но я все равно принцесса-заложница. И не забывай, я могу казнить тебя, если ты не будешь делать того, что я хочу.

Конор не слишком боялся, что Изабелла исполнит свое обещание,— она приказывала повесить его по крайней мере дюжину раз на дню, но до сих пор этого не произошло. Гораздо больше его огорчало то, что Изабелла не такой хороший товарищ по играм, как ему хотелось бы. По существу, Конору нужен был кто-то, кто играл бы в предлагаемые им игры, в которые обычно входили летающие бумажные планеры или поедание насекомых. Однако в последнее время Изабелла склонялась к переодеваниям и поцелуям и соглашалась исследовать дымоходы, только если Конор был готов сделать вид, будто они легендарные возлюбленные Диармуид и Грейни*, сбежавшие из замка Фионы.

Нет нужды говорить, что Конор отнюдь не жаждал становиться одним из них. Легендарные возлюбленные редко летают и вряд ли едят насекомых.

* Диармуид и Грейни — герои старинной ирландской саги о возлюбленных, предшественницы легенды о Тристане и Изольде.

— Ладно,— со стоном согласился он.— Ты принцесса-заложница.

— Отлично. Теперь тащи меня в комнату отца и требуй выкуп.

— Тащить? — с тоской в голосе спросил Конор.

— Не по правде тащи, понарошку, а не то я тебя повешу.

Конор подумал, что если бы его действительно вешали каждый раз, когда Изабелла отдает такой приказ, то шея у него уже стала бы длиннее, чем у жирафа. Замечательно мудрая мысль для девятилетнего мальчика, не правда ли?

— Тащить понарошку? Ладно. Могу я убить кого-нибудь, кто встретится нам по пути?

— Любого. Только не папу, а иначе мы не увидим, как он огорчится.

«Любого. Неплохо»,— подумал Конор и взмахнул деревянным мечом; казалось, что воздух он рассекает, словно крыло чайки.

«В точности как крыло».

Они пробирались через навесную башню, Изабелла охала, Конор рычал, привлекая ласковые, но одновременно озабоченные взгляды тех, мимо кого они проходили. Они были единственными живущими во дворце детьми, и все очень любили их, но старались не баловать.

Когда родители находились поблизости, дети вели себя прилично. Однако им без труда удавалось стянуть что-нибудь во время ежедневных скитаний по дворцу. Однажды итальянец — золотых дел мастер — в поисках щетки отвернулся от херувима, которого покрывал золотой фольгой, и за считанные минуты поднос с тонкими золотыми пластинками исчез. Позже золото вернули, оно покрывало крылья неделю как погибшей чайки, которую кто-то пытался отправить в полет с зубчатой стены.

По мосту они прошли в главное здание, где находилась резиденция короля, его кабинет и приемные. Как правило, здесь у нашей парочки возникали трудности с добродушным охранником. Однако случилось так, что король как раз перед этим высунулся из окна и отослал охранника, чтобы тот успел перехватить корабль из Уэксфорда* и поставил десять шиллингов** на коня, которого считал фаворитом в предстоящем забеге на побережье Карраклоу***. Во дворце были установлены телефо-

* Уэксфорд — город на юго-востоке Ирландии.

** Шиллинг — английская монета и денежная единица Великобритании; до 1971 г. равнялась 12 пенсам, или 1/20 фунта стерлингов.

*** Карраклоу — побережье на юго-востоке Ирландии.

ны, но провода на материк пока не протянули, и букмекеры на побережье отказывались принимать ставки по семафору.

На протяжении двух минут, к восторгу принцессы и пирата, главное здание дворца оставалось без охраны. Дети прошагали внутрь, как будто были владельцами замка.

— На самом деле хозяйка этого замка я, — заявила Изабелла, никогда не упускающая случая напомнить Конору о своем высоком положении.

— Р-р-р-р... — с чувством зарычал Конор.

Винтовая лестница проходила через три этажа, на которых размещались уборщики, адвокаты, ученые и чиновники. Однако сочетание детской изворотливости и удачи помогло парочке беспрепятственно пройти через все нижние этажи и добраться до входа в резиденцию самого короля. Они подошли к внушительной дубовой двери, с вырезанными на каждой створке половинами флага и девизом Соленых островов, который гласил: «Vallo Parietis» — «Защищайте Стену». Флаг представлял собой герб, разделенный вертикально на две части — малиновую и золотую, с белой кирпичной башней в центре.

Дверь была чуть приоткрыта.

— Она открыта, — сказал Конор.

— «Она открыта, принцесса-заложница», — напомнила ему Изабелла.

— Прости, принцесса-заложница. Давай взглянем, что за сокровища внутри.

— Предполагается, что я не должна соглашаться, Конор.

— Пиратский капитан Кроу, — поправил ее Конор и прошмыгнул в щель.

Как обычно, апартаменты Николаса хранили следы множества экспериментов. На каминном коврике стояло разобранное динамо*, из внутренностей которого торчали медные провода.

— Это морское чудовище, а это его кишки, — с удовольствием заметил Конор.

— Ох, грязный пират! — сказала Изабелла.

— Нечего улыбаться, если я грязный пират. Заложницам полагается плакать и причитать.

В нише камина стояли банки с ртутью и экспериментальным топливом. Николас запретил своим служащим относить их вниз.

«Слишком летучие вещества, — объяснял он. — А здесь, в случае чего, огонь уйдет в дымоход».

* Динамо, динамо-машина — устаревшее название генератора постоянного электрического тока.

Конор кивнул на эти банки.

— Яд из задницы дракона. Только вдохни, и ты испаришься.

Это звучало вполне правдоподобно, и Изабелла не знала, верить или нет.

На шезлонге стояли ведра с удобрениями, от некоторых из них еще поднимался пар.

— Тоже из задницы дракона,— с видом знатока заявил Конор.

Изабелла сжала губы, пытаясь сдержать крик, но он вырвался через нос.

Конор сжалился над ней.

— Да ладно тебе, это удобрения. Чтобы растения на острове лучше росли.

Изабелла вперила в него сердитый взгляд.

— На закате тебя повесят. Обещаю это как принцесса.

Для безнадзорных детей королевские апартаменты казались неизведанной страной. С плеч чучела черного медведя в углу свешивался звездно-полосатый флаг. В деревянном ящике, один конец которого был накрыт крышкой, посверкивали призмы и линзы; сложенные высокими стопками старые и новые книги напоминали колонны разрушенного замка.

Конор бродил между этими грудями знаний, испытывая желание прикоснуться к ним,

но сдерживая себя, потому что каким-то образом чувствовал — мечты человека тревожить нельзя.

Внезапно он замер. Ему пришла в голову великолепная идея. Второго такого шанса, может, не будет никогда.

— Я должен захватить флаг,— пробормотал он.— Так поступают все капитаны пиратов. Пошли на крышу, я захвачу флаг и буду тайно торжествовать.

— Захватишь флаг и козу?*

— Тайно торжествовать.

Изабелла уперла руки в боки.

— Это слово произносится go-o-a-a-t, идиот.

— Ты вроде бы принцесса. Принцессы не оскорбляют своих подданных.

Изабеллу, однако, было ничем не прошибить.

— Принцессы делают что хотят. Как бы то ни было, у нас на крыше нет козы.

Конор не стал тратить время на пререкания; не стоит спорить с тем, кто может тебя казнить. Он побежал к двери на крышу, рубя мечом во-

* Изабелла неправильно поняла произнесенное Конором слово. По-английски gloat — тайно торжествовать, злорадствовать; goat — коза.

ображаемых противников. И эта дверь тоже оказалась открыта. Невероятное везение! Они уже раз сто устраивали засаду на короля Николаса, но все двери во дворце всегда были заперты. К тому же родители строго предупреждали детей, чтобы они не вздумали в одиночку подниматься на крышу. Падать оттуда высоко.

Конор вспомнил об этом.

«Родители? Флаг?»

«Родители? Флаг?»

— Что ты за пират! — фыркнула Изабелла. — Торчишь тут, размахивая игрушечным мечом. «Я выбираю флаг».

— Р-р-р-р... Я иду за флагом, принцесса-заточница. — И дальше уже нормальным голосом, без всякого рычания: — Не трогай тут ничего, Изабелла. В особенности вон те бутылки. Папа говорит, что однажды король со своими выдумками взорвет всех нас к черту, так что они, наверное, опасны.

Конор зашпешил вверх по лестнице — пока мужество не оставило его. Идти было недалеко, всего дюжину шагов. И скоро из замкнутого пространства лестничного колодца он вырвался на открытый воздух каменной крыши. Из тьмы к свету за полсекунды. Эффект оказался поразительным: казалось, можно дотро-

нуться до лазурного неба с плывущими по нему облаками.

«Вот в таком месте я родился», — подумал Конор.

«Ты необычный ребенок, — говорила ему мать по крайней мере раз в день. — Ты родился в небе, и там для тебя всегда будет место». Конор верил, что это правда. Счастливее всего он чувствовал себя на высоких местах, там, куда другие боялись ходить.

Конор вскарабкался на парапет, крепко держась за флагшток. Мир вращался вокруг него, оранжевое солнце нависало над Килмором*, словно маяк. Внизу сверкало море, скорее серебристое, чем голубое, и небо взывало к Конору, как будто он и впрямь был птицей. На мгновение он замер, очарованный этим зрелищем, но потом в поле его зрения попал уголок флага.

«Р-р-р-р, — подумал он. — Вот он, флаг. Гордость Соленых островов».

Флаг — идеально прямоугольный, малиновый с золотом, с такой белой башней, что она мерцала, — жестко удерживался бамбуковой рамой, дабы эта эмблема островов горделиво

* Килмор — небольшой городок на юго-востоке Ирландии.

реяла независимо от погоды. Внезапно до Конора дошло, что он стоит на вершине той самой башни, которая изображена на флаге. У какого-нибудь старого островитянина это могло вызвать всплеск патриотической гордости, но для девятилетнего мальчика означало лишь, что на флаге должно присутствовать и его изображение.

«Я нарисую себя после того, как украду флаг», — решил он.

На крыше появилась Изабелла, мигая из-за хлынувшего на нее света.

— Слезь с парапета, Конор. Мы играем в пиратов, а не в мальчика-птицу.

— И оставить флаг? — в ужасе спросил Конор. — Ты не поняла? Я стану знаменитым пиратом, знаменитее самого Барбароссы!*

— Стена старая, Конор.

— Не забывай: «пиратский капитан Кроу».

— Эта стена старая, Конор. Она может обвалиться. Помнишь, как в прошлом году во время бури в часовне отлетели шиферные плитки?

— А как же флаг?

* Барбаросса Хайр-ад-Дин (1475–1546) — турецкий мореплаватель, средиземноморский пират, подчинивший своей власти почти все северное побережье Алжира.

— Забудь про флаг и про козу. Я хочу есть. Пошли вниз, пока я не приказала тебя повесить.

Конор топнул ногой. Настроение у него испортилось. Он был готов нагругить Изабелле, сказать, дескать, давай, вешай меня, хоть и сама знаешь, кто ты, но сейчас-то ты всего лишь жалкая заложница. Кто слышал, чтобы заложницы отдавали приказы? Лучше бы тебе научиться плакать и причитать, как положено, вместо того чтобы по сто раз на дню угрожать казнью.

Он был готов сказать ей все это, когда снизу послышался глухой удар и камни под его ногами задрожали. Из дверного проема вырвалось облако фиолетового дыма.

Конора охватило подозрение на грани уверенности.

— Ты там что-нибудь трогала? — спросил он.

Опасность ничуть не убавила высокомерие Изабеллы.

— Я принцесса и имею право прикасаться в этом дворце, к чему пожелаю.

Башня снова содрогнулась; на этот раз дым повалил зеленый и сопровождался омерзительным запахом.

— Что ты трогала, Изабелла?

Принцесса стала такой же зеленой, как дым.

— Я сняла крышку с деревянной коробки.
С той, в которой эти хорошенькие линзы.

— Ох! Это может плохо кончиться.

Король Николас, восхищенный тем, что тяга мальчика к знаниям не уступает его собственной, однажды объяснил Конору кое-что об этом ящике с линзами. «Они установлены в строго определенном порядке,— сказал он, присев на корточки, в результате чего его глаз сквозь первую линзу выглядел огромным.— Когда я снимаю крышку и сверху падает свет, расположенные друг за другом линзы собирают его и он может воспламенить бумагу. Это маленькое приспособление позволяет разжечь огонь на расстоянии. Абсолютно безопасный запал».

Помнится, Конор подумал тогда, что можно поставить ящик у окна и с его помощью каждое утро растапливать печку — рутинная работа, которая ему никогда не нравилась. И теперь Изабелла сняла крышку.

— А ящик ты не двигала?

— Смени тон, простолюдин!

«Простолюдин? Похоже, Изабелла в ужасе».

— Изабелла?

— Я, кажется, передвинула его на столе, поближе к окну, чтобы посмотреть, как получаются разные цвета, когда свет проходит через линзы.

Очевидно, линзы в ящике поймали дневной свет и собрали его в мощный пучок, который упал на что-то легко воспламеняющееся.

— Нужно уходить,— сказал Конор, мгновенно выкинув из головы капитана Кроу.

Он имел представление о том, что такое сила взрыва. Его отец возглавлял оборону Стены и взял Конора с собой, когда взрывали пещеру контрабандистов. Это был подарок на день рождения, но одновременно урок — держаться подальше от всего, что может взорваться. Пещера обрушилась, словно игрушечные кирпичи, по которым хлопнул малыш.

Башня снова содрогнулась; несколько кирпичей задребезжали и провалились в нижние апартаменты. Сквозь образовавшиеся отверстия вырвалось оранжево-голубое пламя; звон бьющегося стекла, треск плавящегося металла окончательно испугали детей.

— Лезь на стену! — закричал Конор. — Пол падает.

В виде исключения Изабелла не стала спорить. Она приняла протянутую Конором руку и залезла к нему на парапет.

— Толщина пола всего тридцать сантиметров,— объяснил он, перекрикивая рев пламени,— а парапета чуть больше метра. Он выдержит.

Взрывы грохотали внизу, словно оружейный огонь, и сопровождались выхлопом газов и дыма всех цветов. Газы были ядовитые; Конор решил, что лицо у него позеленело, как у Изабеллы. Какая разница, выдержит парাপет или нет? Пламя доберется до них раньше.

Возникло чувство, будто весь мир вокруг сотрясается. Из дверного проема снова вырвались пламя и дым, как будто внизу прятался дракон. Когда сверху начали падать обломки башни, во дворе слышались крики.

«Я должен вытащить нас обоих отсюда, — подумал Конор. — Никто другой нас не спасет, даже папа».

Сойти вниз было невозможно — там бушевал огненный ад. Существовал единственный способ спуститься — улететь.

Николас находился в туалетной комнате, когда его дочь взорвала королевские апартаменты. Он восхищался новым фаянсовым унитазом Доултона* со смывом, который совсем недавно установил у себя. И подумывал о том,

* Широко известна английская керамика Доултон — по имени владельцев керамической фабрики в Лондоне Дж. Доултона и его сына Г. Доултона (1820–1897). В середине XIX в. Доултон-младший наладил промышленный выпуск керамической сантехники.

чтобы смонтировать их по всему дворцу, однако пошли слухи, что вот-вот появится новая модель, а отставать от прогресса ему не хотелось.

«Мы должны идти в ногу с прогрессом, быть, так сказать, на передовой линии, а иначе Солёные острова утонут в волне нововведений».

Когда бапню сотряс первый взрыв, у Николаса мелькнула мысль, что, может, именно его мочеиспускание вызвало этот грохот, но потом он сообразил, что даже бутылка домашнего пива, которую он распил вчера вечером с Декланом Брокхартом, никак не может привести к такому результату.

Что же тогда? Нападение? Маловероятно, если только какой-нибудь корабль не ухитрился среди бела дня подойти к острову.

И вдруг его словно ударило. Может, он не закрыл ящик с линзами? Если в комнате вспыхнет хотя бы искра...

Закончив свои королевские дела, Николас рывком распахнул дверь туалетной комнаты и тут же снова захлопнул ее, потому что мутное облако дыма и пламени сразу же ворвалось внутрь, обжигая легкие. Апартаменты разрушены, можно не сомневаться. По счастью, в его комнатах и над ними никого нет, а осталь-

ным обитателям башни не составит труда спе-
зать вниз.

«Только не королю. Король Николас Тупой
оказался в ловушке, и все благодаря собствен-
ным научным экспериментам». Конечно, име-
лось окно. Николас был большим поклонником
хорошей вентиляции. И кстати, привержен-
цем медитации; однако сейчас вряд ли для то-
го было подходящее время.

Король сунул под дверь туалета полотен-
це, чтобы сквозняк не втягивал огонь внутрь,
и широко распахнул окно. Мимо пролетали
стекла и обломки кирпичной кладки, новый
взрыв потряс башню, и все здание содрогну-
лось. Николас высунул голову в окно, и как
раз в этот момент из его гостиной вырвался
столб разноцветного дыма.

«Это банки с горючим».

Внизу, во дворе, царил хаос. Пожарная ко-
манда, к ее чести, уже подтянула фургон с на-
сосом к основанию башни и начала поливать
ее водой. Чего на Соленых островах было мно-
го, так это воды. Как правило, над островом
висело облако соленых морских брызг, кото-
рые быстро погасили бы огонь, но как раз сего-
дня, несмотря на устойчивый ветер, море ле-
жало гладкое, точно полированное зеркало.

У основания башни стоял человек, он хорошо смотрелся во французском летном мундире и шляпе с пером. Рядом лежал большой кожаный чемодан. Казалось, вся ситуация со взрывом башни забавляет летчика.

Николас тут же узнал его и окликнул:

— Виктор Вигни! Вы прибыли?

На смуглом лице летчика засияла белозубая улыбка.

— Прибыл! — прокричал он с французским акцентом, неудивительным для человека его облика. — И правильно сделал, Ник. Вы, похоже, еще не научились обеспечивать безопасность своей лаборатории.

Последовал новый, сопровождаемый голубым дымом взрыв, который потряс башню до самого основания. Король на мгновение отшатнулся, но потом снова появился в окне.

— Прекрасно, Виктор. Шутки в сторону. Пора мне отсюда выбираться. Надеюсь, знаменитая изобретательность Вигни сохранилась и по эту сторону Атлантики?

Виктор Вигни проворчал что-то и оглянулся по сторонам. К пожарному фургону сзади была прикреплена лестница и веревка. Однако ни то, ни другое не было достаточной длины, чтобы достать до короля.

— Интересно, кто это придумал? — бормотал Виктор, вешая свернутую кольцами веревку на плечо. — Высокие башни и короткие лестницы. Лишнее доказательство того, что идиоты есть везде.

— Что вы делаете? — спросил один из пожарных. — Кто позволил вам взять это?

Вигни ткнул пальцем в небо.

— Он.

Пожарный нахмурился.

— Бог?

Француз поморщился. Ну точно, идиоты везде.

— Не так высоко, mon ami.

Пожарный глянул вверх и увидел в окне короля.

— Делайте, что он говорит! — взревел Николас. — Этот человек однажды уже спас мне жизнь и, надеюсь, сделает это снова.

— Да, ваше величество. Я к вашим... к его услугам.

Виктор указал на лестницу.

— Прислоните ее к стене, под окном.

— Она не достанет, — сказал пожарный, страстно желая продемонстрировать, что он тоже кое-что соображает.

— Просто сделайте это, monsieur. Ваш король вот-вот поджарится.

Пожарный подозвал товарища, и вместе они прислонили лестницу к стене. Не успел верх лестницы встать на место, как Вигни полез по ней. Ступеньки под ним вибрировали вместе с башней, и он понимал, что еще немного времени — и башня взорвется, словно забитая пушка. От королевских апартаментов и всего, что выше их, останутся лишь пыль и воспоминания. Скользя по ступенькам, он быстро добрался до конца лестницы и снял веревку с плеча.

— Какой шустрый, а? — сказал пожарный, обращаясь к своему товарищу. — Но как я только что справедливо заметил, лестница не достает.

Сейчас вниз летели осколки — крупные куски, мелочь и целые гранитные блоки. Три человека, державшие лестницу, не могли уклониться от них. Они сгорбились и с ворчанием терпели удары.

— Отклоните ее назад! — крикнул вниз Виктор.

Пот заливал его лицо. Шляпу с пером охватил огонь, и он сорвал ее, обнажив коротко стриженные волосы, которым был обязан своим прозвищем Щетка.

— Вы должны мне шляпу, Николас. Эта была у меня из Нового Орлеана.

Пожарные приняли на себя вес лестницы и француза, оттянув его на метр от стены. Вигни собрал в руке кольца веревки и швырнул ее вверх. Его расчет оказался точен: веревка развернулась и конец ее упал прямо в руки короля.

— Теперь крепко привяжите ее, да поторопитесь.

Виктор затянул другой конец веревки на верхней ступеньке и спустился вниз настолько быстро, насколько это было возможно без того, чтобы содрать с ладоней кожу. Внизу он сунул руки в ведро с водой.

— Лестница не достает,— снова заметил пожарный.

— Мне это известно, monsieur. Но лестница достает до веревки, а веревка достает до короля.

— О! — воскликнул пожарный.

— Теперь отойдите подальше... насколько я знаю вашего короля, в этой башне больше взрывоопасных веществ, чем в пушке такого же размера. Уверен, она способна закинуть нас на Луну.

Пожарная бригада сдалась. У них не хватало давления, чтобы доставать до огня. Но даже если бы они и сумели это сделать, пламя полы-

хало разными цветами, и кто его знает, может, от воды оно разгорелось бы еще жарче?

Поэтому они отошли подальше от плюющего огнем замка, собираясь посмотреть, сумеет ли последний в роду Трюдо избежать смерти от огня или падения с большой высоты.

Королю Николасу пришлось подвергнуть королевский унитаз Доултона суровому испытанию. Конечно, унитаз был сконструирован в расчете на вес тяжелого взрослого человека, но вряд ли кому-нибудь приходило в голову повиснуть на веревке, привязанной к его трубе. Намочив полотенце и обвязав им голову, король четырежды обмотал сливную трубу веревкой и несколько раз подергал.

«Надеюсь, труба не лопнет. Сгореть заживо плохо само себе, но не хватало еще, чтобы обнаружили покрытый нечистотами труп».

Прочная деревянная дверь туалетной комнаты потрескивала от жара, как будто в нее колотили снаружи. Стальные каемки изогнулись, заклепки со свистом летали по комнате, как рикошетирующие пули.

Вытирая глаза полотенцем, Николас пробивался к тусклому желтому треугольнику, который, видимо, и был окном. Там дым не рассеи-

вался, просто в центре него виднелся слабый просвет.

«Двигайся вдоль веревки, и все, — сказал себе Николас. — Это нетрудно. Или вперед, не выпуская из рук веревку».

Так, держась за веревку, он вылез из окна и замер, словно приговоренный к смерти у подножия виселицы.

— Не спите, Ник! — закричал Виктор Вигни. — Спускайтесь. Одна рука за другой, одна за другой. Даже простак вроде вон того пожарного способен на это.

— Еще как способен! — воскликнул пожарный, решив, что разберется с обидчиком позже.

Оказавшись ниже слоев дыма, король Николас снова смог дышать. Каждый новый глоток свежего воздуха удалял токсины из его организма и придавал сил.

— Спускайтесь! Я не для того приехал из Нью-Йорка, чтобы смотреть, как вы тут висите.

Николас усмехнулся, сверкнув белыми зубами.

— Я почти покойник, Виктор. Можно бы и сочувствие проявить.

Эти простые фразы дались ему с трудом, каждое слово сопровождалось кашлем.

— Это конечно, — сказал Вигни. — Старина Ник, ниже, еще ниже... Вот так, молодцом!

Король спускался медленно, несколько раз останавливаясь из-за новых взрывов. Но едва нога его коснулась верхней ступеньки, он затропился. В конце концов, могли пострадать и другие. Если Виктор погибнет из-за его преступной небрежности, можно не сомневаться, он будет досаждать ему и с того света.

Не успели ноги короля коснуться булыжника, как Виктор подхватил его и оттащил в относительно безопасное место. Оттуда они смотрели, как лестница короля чернеет под воздействием жара.

— Что, черт побери, там было? — спросил Виктор.

Каждый вдох короля сопровождался свистом.

— Немного черного пороха. Фейерверки. Пара банок с экспериментальным горючим, шведский нитроглицерин. Запальный шнур. Старое зернохранилище внизу мы временно использовали как арсенал. Ну и, конечно, удобрения.

— Удобрения?

— Удобрения очень важны для Соленых островов, Виктор. В них наше будущее. — Внезапно Николас кое-что вспомнил. — Изабелла!

Она должна удостовериться, что я не пострадал.— Он обежал взглядом двор.— Не вижу ее. Не... Конечно. Кто-нибудь отвел ее в безопасное место, так ведь, Виктор?

Однако заглянуть в глаза французу король не смог: взгляд того был устремлен через плечо Николаса, на парапет башни. Там, в гуще дыма и пламени, стояли двое. Мальчик и девочка. Лет этак девяти-десяти.

— Mon Dieu,— вырвалось у Виктора.— Mon Dieu!

Теперь крыша орудийной башни полностью обвалилась, если не считать зазубренных блоков вокруг стен — как будто дракон подрос и занимал теперь всю башню. Сквозь клубы дыма и языки пламени Конор видел растрескавшуюся каменную кладку и падающие балки. Густой столб дыма поднимался из башни, которая превратилась в настоящий дымоход, вытягивая воздух снизу и подпитывая им огонь. Дым вырастал, словно огромное изогнутое дерево, черное на фоне летнего неба.

Изабелла вовсе не впала в истерику; наоборот, на нее снизошло редкостное спокойствие. С остекленевшим взглядом, как бы в полусне, она стояла на парапете, не совсем осознавая происходящее.

«Единственный способ спуститься — улететь», — думал Конор.

Это была его давняя мечта — полететь еще раз, однако все время что-нибудь мешало.

В свой пятый день рождения он едва не полетел. Тогда Брокхарты отправились в однодневную поездку в Ирландию, в Хук-Хед*, чтобы посмотреть на знаменитый маяк. Конору подарили большого воздушного змея, раскрашенного в цвета знамени Соленых островов. Змея запустили на продуваемом ветрами выгоне вблизи берега. Внезапный порыв ветра заставил Конора подняться на цыпочки и утащил бы его в море, если бы отец не схватил сына за руку.

«Воздушный змей. Цвета знамени Соленых островов. Флаг».

Ухватившись за флагшток, Конор потянул за узлы, крепящие к нему бамбуковую раму. Ветер сильно хлопал флагом, и узлы выскальзывали из пальцев Конора.

— Помоги мне, Изабелла! — закричал он. — Нужно отвязать флаг.

— Забудь про флаг, капитан Кроу, — вяло ответила Изабелла. — И козу тоже оставь в по-

* Хук-Хед — мыс на юго-востоке Ирландии.

кое. Терпеть не могу коз. Они такие хитрые и так противно трясут бородой.

Конор продолжал сражаться с узлами. Веревки были толще его худых пальцев, но от жара стали ломкими и рассыпались на части. Наконец он сдернул флаг и теперь стоял на парапете, сражаясь с ним, бьющимся на ветру. Флаг взбрыкивал и щелкал под его руками, словно волшебный ковер, и тогда Конор всем телом навалился на него.

Теперь Конор почти не видел Изабеллу; сквозь дым она выглядела точно призрак. Он попытался окликнуть ее, но, прежде чем слова вырвались наружу, в горло хлынул дым. Конор корчился, хрипел и хлопал руками, словно тюлень лапами, стараясь привлечь внимание принцессы. Не обращая на него внимания, она улеглась на парапет, решив, что самое лучшее — дожидаться отца.

Конор непослушными пальцами расстегнул пряжку на штанах, вытащил из петелек кожаный пояс, перекатился на спину и прикрепил его по диагонали бамбуковой рамы флага.

«Это безумный план. Ты не пират, участвующий в фантастическом приключении».

Хотя о каком плане могла идти речь? На составление планов просто не оставалось времени. Это был акт отчаяния. Среди дыма, взры-

вов и языков пламени Конор с трудом встал на ноги, стараясь держать флаг как можно ниже и тем самым укрывая его от ветра.

«Пока нет. Пока нет».

Он почти споткнулся об Изабеллу. Казалось, она спит. Он коснулся рукой ее лица, но никакой реакции не последовало.

«Умерла? Она умерла?»

Девятилетний мальчик почувствовал, как по щекам текут слезы, и устыдился этого. Ради принцессы он должен быть сильным. Должен быть героем — как папа.

«Что на моем месте сделал бы капитан Деклан Брокхарт?»

Конор представил себе лицо отца.

«Придумай что-нибудь, Конор. Используй мозги своей матери, о которых столько разговоров. Создай свою летающую машину».

«Не машину, папа. У меня нет никакого механизма. Это воздушный змей».

Пламя уже яростно лизало стену парапета, и камень начал чернеть. Балки, ковры, бумаги и мебель летели в ненасытную утробу, питая огонь. Конор поднял принцессу, заставил ее встать.

— Что? — сварливо спросила она.

Потом дым хлынул ей в горло, и дальнейшие слова растворились в кашле.

Конор стоял, чувствуя, как массивный флаг трещит и хлопает на ветру.

— Это как большой воздушный змей, Изабелла, — прохрипел он, чувствуя, что слова режут горло, словно стекло. — Я обхватчу тебя, вот так, и потом мы...

Конор не закончил свою инструкцию. Последовал новый взрыв, мощный поток задымленного воздуха вырвался наружу и сорвал детей с парашюта. Флаг закружился в воздухе, словно огромный осенний лист.

Обстоятельства сложились уникальные. Если бы они просто прыгнули, как планировал Конор, их общий вес оказался бы слишком велик, чтобы флаг мог замедлить спуск. Однако восходящий поток воздуха подхватил импровизированного воздушного змея, подбросил его вверх еще на добрую сотню метров и понес в сторону моря. Они повисли в небе, подпираемые снизу воздушным потоком. Невесомые. Небо наверху и море внизу.

«Я дечу! — думал Конор. — Я помню, как это было».

Потом полет закончился, началось падение, и, хотя флаг существенно замедлял его, оно казалось ужасно быстрым. Перед глазами все слилось в калейдоскоп осколков голубого и

серебристого цветов. Время от времени флаг ловил небольшой ветер и подскакивал в воздухе. Конор смотрел, как облака кружатся над ним, вытягиваясь кремовыми полосками. И все время он так крепко обнимал Изабеллу, что заболели пальцы. Конор смеялся и плакал, он понимал, что, когда они ударятся о воду, будет больно.

Они рухнули в океан. Это и вправду было больно.

Увидев дочь на парашюте, король Николас попытался вскарабкаться на башню с безрассудством пса, рвущегося выбраться из колодца. В считанные секунды он сорвал ногти, пальцы начали кровоточить.

Виктор Вигни оттащил его от стены.

— Подождите, Ник. Это еще не конец. Подождите. Мальчик... Он...

Николас вперил в него взгляд обезумевших, полных боли глаз.

— Что? Он что?

— Ну, посмотрите сами. Пошли. Нам понадобится судно, если ветер подхватит их.

— Судно? Судно? О чем вы?

— Пошли, Ник. Пошли.

Когда дочь Николаса взлетела в воздух, он взвыл и рухнул на колени.

Виктор смотрел в полном изумлении. Этот мальчик. Он особенный, кто бы он ни был. Может, девять, но не больше десяти. Какая находчивость! Взрыв подбросил их высоко; Виктор проследил взглядом траекторию полета и бросился на пирс, волоча за собой короля.

— Флаг может утопить детей,— задыхаясь, говорил он.— Рама сломается, и флаг обмотается вокруг них.

Король уже пришел в себя и вскоре, обогнав остальных, неся к пристани. К упавшему флагу уже мчались штук шесть лодок. Первым до ребят добрался маленький береговой ялик, несшийся по волнам под взмахами весел двух мускулистых рыбаков. Позади него до самого пирса тянулась вереница отставших лодок.

— Живы? — взревел Николас, но расстояние было слишком велико.— Они живы?

Флаг достали из моря и размотали, вытащив из него два мокрых комка. Виктор схватил короля за плечи и крепко сжал их. Ялик сделал крутой разворот и понесся к берегу, срывая веслами пену. Новости добрались быстрее его, передаваясь от лодки к лодке. Слова, поначалу неразличимые, с каждой последующей лодкой звучали все яснее.

— Живы! Живы! Оба!

Николас упал на колени и возблагодарил Бога. Виктор улыбнулся и захлопал в ладоши.

— Я приехал, чтобы учить принцессу, — воскликнул он, не обращаясь ни к кому конкретно. — Но я буду учить и этого мальчика... или, может быть, он будет учить меня.

ГЛАВА 2

ЩЕТКА

На какое-то время Конор Брокхарт стал героем. Казалось, на острове не осталось человека, который не пришел бы к нему в дворцовый лазарет, чтобы выслушать рассказ об импровизированном планере и на удачу постучать по гипсу, наложенному на его сломанную ногу.

Изабелла приходила каждый день и частенько приводила с собой отца, короля Николаса. В один из таких визитов он принес свой меч.

— Я не хотел прыгать с башни,— запротестовал Конор.— Просто не смог придумать ничего другого.

— Нет, нет,— сказал Николас.— Это церемониальный меч Трюдо. Я собираюсь сделать тебя пэром*.

* Пэр — звание представителей высшей аристократии во Франции и Великобритании.

— Вы сделаете меня пером? Это что, какая-то волшебная игра?

Николас рассмеялся.

— В некотором роде. Одно прикосновение этого меча, и ты станешь сэром Конором Брокхартом, а твой отец станет лордом Брокхартом, и, конечно, твоя мать станет леди Брокхарт.

Знаменитое оружие маячило в десяти сантиметрах от носа Конора, и это немного беспокоило его.

— Я не должен его целовать?

— Нет, просто прикоснись к лезвию. Хватит и одного пальца. Когда поправишься, устроим настоящую церемонию.

Конор провел пальцем по сверкающему лезвию. От прикосновения оно запело.

Николас отложил меч.

— Поднимайся, сэр Конор. Не в буквальном смысле, конечно, не прямо сейчас. Всему свое время. Когда поправишься, у меня для тебя будет новый учитель. Очень необычный человек, который работал со мной, когда я летал на аэростатах. Мне кажется, тебе он понравится больше, чем любому другому.

«Аэростаты!»

Что до Конора, то пэрство волновало его гораздо меньше, чем полеты на аэростатах.

— Я чувствую себя намного лучше, ваше величество, и мог бы встретиться с этим человеком уже сегодня.

— Не торопись, сэр Конор,— рассмеялся король.— Я попрошу его заскочить к тебе завтра. У него есть эскизы, которые наверняка тебя заинтересуют. Кое-что о летающих машинах тяжелее воздуха.

— Спасибо, ваше величество. Буду ждать встречи с ним.

Король со смехом взъерошил Конору волосы.

— Ты спас мою дочь, Конор. Она чуть не погибла из-за моей халатности и собственных пальчиков, которые так и чешутся, а ты спас ее. Я никогда этого не забуду. Никогда.— Он подмигнул мальчику.— И она тоже.

Король ушел, но его дочь осталась. За время всего посещения она не произнесла ни слова, да и вообще мало разговаривала с Конором после взрыва. Однако сегодня в ее карих глазах вспыхнул прежний огонек.

— Сэр-р-р-р Конор,— сказала она, перекачивая его титул во рту, словно твердую конфету.— Теперь тебя будет не так-то просто повесить.

— Спасибо, Изабелла.

Принцесса наклонилась и постучала по за-
гипсованной ноге.

— Нет, сэр Конор Брокхарт. Это тебе спа-
сибо.

В тот день, поздно вечером, когда нянечка ушла наводить порядок в доме его матери, к Конору явился еще один посетитель. В лазарете было пусто, если не считать дежурной медсестры, сидящей на посту в дальнем конце коридора. Она задернула занавеску у постели Конора и оставила свет включенным, чтобы он мог почитать.

Конор просматривал «Аэронавтику» Джорджа Кэйли*, излагавшего теорию, что воздушное судно с неподвижным крылом, некоторой разновидностью двигателя и хвостом, который будет служить рулем, сможет переносить человека по воздуху.

Тяжеловатое чтение для девятилетнего мальчика. По правде говоря, Конор многие непонятные слова пропускал, но постепенно понимал все больше.

* Кэйли Джордж (1773–1857) — английский ученый и изобретатель, один из первых теоретиков и исследователей в области летательных аппаратов тяжелее воздуха.

«Двигатель и хвост,— думал он.— Во всяком случае, лучше, чем летающий флаг».

И когда он заснул, ему приснился окутанный флагом сверкающий меч, тонущий в проливе Святого Георга*.

Его разбудил скребущий звук подошвы и тяжкий вздох крупного человека. Вздох, больше похожий на ворчание. Это был звук того рода, который любого мальчика заставил бы притвориться спящим. Конор лишь чуть-чуть приоткрыл глаза, стараясь дышать глубоко и ровно.

В кресле у постели сидел человек, его крупная фигура тонула в тени. Судя по красному кресту на груди, он принадлежал к гвардии Святого Креста** — сам маршал Бонвилан!

Дыхание у Конора участилась, и он замаскировал этот факт негромким стоном, как будто ему приснился ночной кошмар.

* Пролив Святого Георга — пролив между Англией и Ирландией, соединяющий Ирландское море с Атлантическим океаном.

** Тамплиеры, или рыцари Святого Креста,— члены католического духовно-рыцарского ордена, основанного в 1119 г. после первого Крестового похода для защиты паломников. В 1312 г. орден был юридически упразднен Папой Климентом V.

Что могло понадобиться здесь Бонвилану?
В такой час?

Сэр Хьюго был прямым потомком Перси Бонвилана, служившего под началом первого короля Трюдо семьсот лет назад. Исторически сложилось так, что Бонвиланы всегда занимали высокие командные посты в армии Соленых островов, но имели право покидать ее и собирать собственную гвардию Святого Креста. Одно время ее члены использовались для набегов на материк или в качестве профессиональных солдат нанимались к европейским королям.

Этот Бонвилан был последним в роду и самым могущественным. Фактически сэра Хьюго еще несколько лет назад, после смерти короля Гектора, провозгласили бы премьер-министром, если бы некий специалист по родословным не откопал Николаса Трюдо, живущего в Соединенных Штатах и зарабатывающего на хлеб насущный воздухоплаванием.

Сэр Хьюго представлял собой необычную комбинацию воина и умного человека. Имея сложение солдата, отдавшего этому делу всю жизнь, он умел приводить сокрушительные аргументы, причем удивительно мягким голосом.

«Этот тип с Соленых островов обойдет вас не мытьем, так катаньем» — так, по слухам, отзывался о нем Бенджамин Дизраэли*.

Конор однажды слышал, как отец говорил, что единственной слабостью Бонвилана было жгучее недоверие по отношению к другим нациям, в особенности французам. Когда-то до маршала дошел слух о существовании французской армии шпионов, *La Légion Noire***, в чью миссию входило собирать разведывательные данные об обороне Соленых островов. Бонвилан потратил тысячи гиней***, охотясь на членов этой несуществующей группы.

Бонвилан дышал глубоко и мерно, как будто и сам спал. Только похлопывающий по колену палец затянутой в перчатку руки свидетельствовал о том, что сэр Хьюго бодрствует.

— Спишь, мальчик? — неожиданно сказал он мягким голосом, в котором тем не менее

* Дизраэли Бенджамин (1804–1881) — английский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании, один из основателей Консервативной партии.

** Черный легион (*фр.*).

*** Гинейя — английская золотая монета; впервые была отчеканена в 1663 г. из золота, привезенного из Гвинеи; в 1717 г. приравнена к 21 шиллингу, в 1817 г. заменена золотым совереном. Сумма в 21 шиллинг длительное время называлась гинеей.

таилась угроза. — Или, может, просто притворяешься?

Конор все так же молчал, плотно закрыв глаза. Внезапно, по непонятной причине, его охватил ужас.

Бонвилан наклонился вперед.

— Я никогда прежде не обращал на тебя внимания, маленький Брокхарт. Ты был для меня просто малышом. Но на этот раз... на этот раз будет справедливо сказать, что ты... спас того, кому надлежало умереть. Брокхарты. Всегда Брокхарты.

Конор услышал, как натянулась и захрустела кожа перчатки, когда Хьюго Бонвилан сжал пальцы в кулак.

— Поэтому мне захотелось взглянуть на тебя. Предпочитаю знать в лицо... друзей моего короля.

Конор чувствовал запах одеколона маршала, слышал его дыхание.

— Однако я уже наговорил слишком много, мальчик. Тебе требуется мир и покой для выздоровления после вашего чудесного спасения. Поистине чудесного. Но помни — я не спускаю с тебя глаз. Рыцари не спускают с тебя глаз.

Бонвилан встал, шурша накидкой Святого Креста, которую носил поверх костюма.

— Ладно, юный Брокхарт, мне пора уходить. Возможно, что меня тут вообще не было. Тебе привиделся сон. Так для тебя даже лучше.

Когда маршал уходил, занавеска у постели Конора зашелестела.

Осмелившись спустя несколько мгновений открыть глаза, Конор понял, что лицо Бонвилана находится всего в нескольких сантиметрах.

— А-а, проснулся наконец. Превосходно. Я забыл постучать по гипсу. Может, твоя удача отчасти передастся и мне.— Маршал высоко поднял сломанную ногу Конора и дважды резко ударил по ней; мальчик лежал, словно каменный.— Будем надеяться, ты не раздаришь другим свою удивительную удачу, юный Брокхарт. Тебе она еще пригодится.

Бонвилан подмигнул ему и ушел. Занавеска колыхалась за ним, словно призрак.

«Может, это и впрямь был сон. Просто ночной кошмар».

Однако нога все еще тупо ныла после того, как Бонвилан поднял ее. В оставшуюся часть ночи Конор Брокхарт спал мало.

Из полутора миллиардов жителей Земли, возможно, всего человек пятьсот могли помочь Конору раскрыть свой потенциал пилота. Одним из них был король Николас Трюдо, а

вторым — Виктор Вигни. То, что эти трое сошлись вместе как раз во время бурного роста технических изобретений, можно рассматривать как маленькое чудо.

Борьба за небеса изобилует такими случайно возникшими группами. Уильям Самюэль Хенсон и Джон Стрингфеллоу*; Жозеф Луи Гей-Люссак и Жан Батист Био**; и конечно, Чарльз Грин и астроном Спенсер Раш***. Братьев Райт**** вряд ли можно отнести к этой категории, учитывая, что их встреча была пре-

* Хенсон Уильям Самюэль (1805–1888) — английский инженер. В начале 1840-х годов разработал проект большого пассажирского самолета. Для создания опытных моделей привлек к работе талантливого механика Джона Стрингфеллоу.

** Гей-Люссак Жозеф Луи (1778–1850) — известный французский физик и химик. Био Жан Батист (1774–1862) — французский физик, геодезист и астроном. В 1804 г. Гей-Люссак и Био с научной целью совершили полет на воздушном шаре.

*** Грин Чарльз (1785–1870) — английский воздухоплаватель. Трижды перелетал Ла-Манш, совершил более тысячи четырехсот полетов, к работе привлекал многих единомышленников, в том числе астронома Спенсера Раша.

**** Братья Райт, Орвилл (1871–1948) и Уилбур (1867–1912) — американские изобретатели и летчики, пионеры авиастроения. В 1903 г. установили двигатель автомобильного типа на построенный ими самолет и осуществили на нем полет.

допределена, поскольку они в детстве делили одну спальню.

Конор давно знал об интересе Николаса к воздухоплаванию — в конце концов, тот много лет зарабатывал этим на жизнь. Конор и Изабелла провели немало вечеров у камина в апартаментах Николаса, зачарованно слушая исполненные драматизма рассказы короля о его воздушных приключениях. И конечно, в этих рассказах присутствовал Виктор Вигни. В них он выступал как невысокий человек, говорящий с сильным акцентом, робкий и постоянно попадающий в ситуации, когда королю Николасу приходилось его спасать.

Тот Виктор Вигни, с которым Конор встретился лично, сильно отличался от описанного королем Николасом. Он не был ни низеньким, ни робким; более того, в замке поговаривали, что это Виктор Вигни спас короля.

В тот день, когда Конора выпустили из лазарета, он сразу похромал в апартаменты Виктора на втором этаже главного здания. Это помещение всегда резервировалось для особ королевской крови, прибывших с визитом, однако теперь здесь, похоже, прочно обосновался француз. Стены были покрыты схемами, с потолка свисали астрономические карты. Стоящий в углу скелет украшала обгоревшая шляпа с пе-

ром, костлявая рука сжимала кривую турецкую саблю. На подставке поблескивало другое оружие, и легкое, и тяжелое. Рапира, сабля, палаш.

Сам хозяин находился на балконе и, раздевшись до пояса, делал какие-то упражнения. Это был высокий, мускулистый человек и, судя по его движениям, начисто лишенный робости. Конору захотелось немного понаблюдать за ним. Движения француза были медленные, точные, плавные и прекрасно контролируемые. Создавалось впечатление, что упражнения труднее, чем кажутся.

— Шпионить невежливо,— не оборачиваясь, сказал Виктор со своим ярко выраженным французским акцентом.— Надеюсь, ты не шпион?

— Я не шпионю,— ответил Конор.— Я учусь.

Вигни выпрямился и тут же встал в новую позицию: руки в стороны, колени согнуты.

— Прекрасный ответ.— Он усмехнулся.— Иди сюда.

Конор, прихрамывая, вышел на балкон.

— Это называется тайцзи*. Практикуется в Китае с четырнадцатого столетия. Я научился

* Тайцзи — китайское боевое искусство, сочетающее работу с внутренней энергией с элементами жесткости и быстроты; служит для нападения и защиты.

этому боевому искусству у одного фокусника на базаре. Он утверждал, будто ему сто двадцать лет. Власть над разумом и телом. С этого будет начинаться каждый наш учебный день. Потом каратэ острова Окинава, а потом фехтование. Книги мы будем открывать после завтрака. Естественные науки, математика, история и беллетристика. В основном, из области воздухоплавания, поскольку это моя страсть, *jeune homme**. И, готов поспорить, твоя тоже, судя по твоим подвигам с полетом на воздушном змее.

Каратэ и воздухоплавание. Не сказать чтобы занятия, традиционные для принцессы.

— Изабелла будет приходить?

— После одиннадцати. Для нее — вышивание, этикет и геральдика, хотя изредка она будет принимать участие в фехтовании. Итак, занимаясь по четыре часа в день, мы узнаем, как сражаться и как летать.

Конор улыбнулся. Сражаться и летать. Его последний учитель начинал день с латыни и поэзии. Иногда латинской поэзии. Сражаться и летать — это звучало гораздо приятнее.

— Ну, как чувствует себя твоя нога? — спросил Виктор, натягивая рубашку.

* Молодой человек (*фр.*).

— Сломанной.

— Да ты не только летчик, но и шутник. Не сомневаюсь, что ты будешь сыпать остротами, даже когда твой планер врежется в склон горы.

«Планер? — подумал Конор. — У меня будет планер? И что там насчет горы?»

Виктор отступил на шаг, сложил на груди руки и вперил в ученика оценивающий взгляд.

— У тебя есть потенциал, — сказал он наконец. — Худощавое сложение. Лучше всего для воздухоплавателя. Большинство людей не понимают, что полет на аэростате требует умения владеть своим телом: быстрая реакция и тому подобное. Управление оснащенной двигателем летающей машиной тяжелее воздуха потребует гораздо большего, так мне кажется.

Сердце Конора подскочило в груди.

«Летающая машина?»

— И у тебя есть мозги, что доказало твое спасение с башни. Большие мозгов, чем у вашего короля, набившего лабораторию взрывоопасными веществами. Он делал это годами, как тебе известно, так что пожар был лишь вопросом времени. Что касается твоих личных качеств, то принцесса Изабелла утверждает, что ты не самый противный человек в замке, и поскольку это исходит от особы женского пола, то дорогого стоит, сэр Конор.

Конор вздрогнул. Этот титул все еще оскорблял его слух. Было бы гораздо лучше, если бы его никогда не использовали. Хотя он обратил внимание, что сегодня повариха вроде бы без всякой причины дала ему яблоко. И сделала реверанс. Реверанс? Это же та самая повариха, которая всего две недели назад стукнула его по спине обсыпанной мукой скалкой!

— Итак, ты готов учиться, парень?

— Да, сэр. Более чем готов... страстно желаю.

— Хорошо,— сказал Виктор.— Превосходно. Теперь подойди-ка сюда. У меня есть кое-какие мази, которые должны помочь твоей ноге окрепнуть. И упражнения тоже, для пальцев ноги.

Во все это верилось с трудом, не больше чем в существование оснащенной двигателем летающей машины тяжелее воздуха. Однако то была эра открытий, и Конор был готов поверить во что угодно. Виктор достал с высокой полки керамическую банку. Крышка представляла собой вощенный холст, перевязанный бечевкой. Когда крышку сняли, запах не был похож ни на что известное Конору.

— Делать эту мазь меня научил один фокусник-африканец из Сахары, у которого был номер с верблюдом.— Виктор набрал мази на

два пальца и принялся втирать ее в то место ниже колена, где кончался гипс. — Пусть она просочится под гипс. Пахнет, как задница Вельзевула, но когда гипс снимут, пострадавшая нога будет лучше, чем здоровая.

От мази по коже Конора побежали мурашки. Горячо и холодно одновременно.

— Если мы ученые, — спросил он, стараясь сохранять уважительный тон, — зачем нам уметь сражаться?

Виктор Вигни запечатал банку, обдумывая ответ.

— Вообще-то я рассчитываю, Конор Брокхарт, — но это между нами, — что мы будем учиться летать, и, когда этот день настанет и у нас будет наша замечательная машина, кто-то может попытаться ее украсть. Со мной такое уже случалось. Я построил из ивняка и шелка прекрасный планер. Воздух пел, когда он летел. Я пролетал под видом обезьяны больше тридцати метров. Шесть недель я был главной приманкой рынка. Каждый вечер шатер набивался до отказа.

Перед мысленным взором Конора возник этот планер. Обезьяна. Потрясающе.

— И что произошло?

— Был там один русский, метатель ножей. Однажды ночью он пришел к моей повозке в

компании шести дружков. Они сожгли мой планер, так что остался лишь пепел, а меня как следует поколотили. Прогресс, видите ли, угрожал их благополучию. Если выбор такой: летающая обезьяна или метатель ножей, кому нужен метатель ножей?

— Возможно, матери метателя ножей.

Виктор провел пальцами по своим черным волосам, как бы желая удостовериться, что они по-прежнему торчат.

— Возможно, мой забавный *jeune homme*. Но с другой стороны, женщины любят симпатичных обезьян. Есть немало матерей, которые пренебрегут своей родней ради возможности поглазеть на летающую обезьяну. Суть в том, что, если нагрянут метатели ножей, ты должен быть готов.

Конор вспомнил визит маршала Бонвилана. «Будем надеяться, что ты не раздаришь другим свою удивительную удачу, юный Брокхарт. Тебе она еще пригодится».

— С чего начнем? — спросил он.

Виктор взял с подставки тонкое лезвие.

— Начнем с того, что является душой фехтования. — Он со свистом рассек воздух. — С рапиры.

Вот так и началась работа.

Позже, в тяжелые времена, когда Конор Брокхарт, одинокий и впавший в уныние, вспоминал свою жизнь, немногие годы в обществе Виктора Вигни всегда выделялись как самые счастливые.

Они изучали боевые искусства, бокс и оружие.

— Первым подлинным мастером фехтования, оставившим нам реальное руководство по ведению борьбы, был Ахилл Мароццо,— говорил Виктор своему ученику.— Его «Орега Нова» теперь наша библия. Читай ее, пока она не станет частью тебя. Когда эта книга истреплется, мы двинемся назад во времени к Филиппо Вади*.

Они проводили долгие часы на тренировочных матах, воплощая в практику теории этих мастеров.

— Прежде всего ты должен научиться держать меч. Думай о нем как о дирижерской па-

* На протяжении длительного времени в Италии господствовала школа Мароццо, которого позднее называли «отцом итальянского фехтования»; в 1536 г. он написал руководство «Орега Нова», считающееся символом итальянской школы фехтования. Филиппо Вади — известный итальянский фехтовальщик, также оставивший после себя руководство, написанное в 1480 г.

лочке. Если использовать его правильно, ни один необученный человек в мире не выстоит против тебя.

Конор учился наносить удары, парировать, делать обманные выпады, ускользать и колоть. Каждое утро он терял с потом литры жидкости, а потом возмещал их кружкой мерзкого на вкус восточного чая Виктора.

Его первым оружием была короткая рапира, но по мере того, как крепили запястья, он перешел к шпаге, сабле и полномерной рапире. Месяцем раньше Виктор спилил гипс с ноги Конора, но вместо него заставил носить пропитанную чем-то повязку, от которой пожелтели и простыни, и сама нога.

— Еще один цирковой трюк? — спросил Конор.

— Нет, — ответил француз. — Один мой американский друг просто кудесник в том, что касается припарок и настоек. Это Ник посылал за ним. Я расскажу тебе больше, когда он закончит свою работу.

Этим его объяснения и ограничились.

Сам Виктор в основном предпочитал кортик.

— Уж конечно, не палаш, если только ты не собираешься в Крестовый поход, но даже и в этом случае вспомни, что случилось с кресто-

носцами. Пока они поднимали свои палаши, Саладин* успевал кривой саблей вспороть им животы.

Француз ознакомил Конора с трюком цирковых артистов — умением освобождаться от цепей.

— Ученые — враги традиций.— Он водрузил на стол ящик с самыми разными наручниками.— А именно традициям обязаны своим происхождением все тюрьмы.

В результате немало часов они потратили, открывая отмычкой замки и развязывая узлы. Конор по-настоящему оценил тайцзи, когда его привязали к креслу, а перед ним на стол положили аппетитное яблоко. Теперь он был способен растягивать отдельные части собственного тела, в то время как раньше не мог продуктивно пользоваться скребком для спины или разглядеть ее в зеркало.

Виктор был убежден, что каждый — специалист в том деле, которым занимается.

— Поговори с отцом об огнестрельном оружии,— наставлял он Конора.— Ник говорит, что Деклан Брокхарт — самый лучший снай-

* Саладин (Салах-ад-дин) Юсуф (1138–1193) — египетский султан, вел энергичную борьбу против крестоносцев.

пер, какого он когда-либо видел, а ведь мы провели целое лето с Диким Биллом Хикоком* в Абилине**, так что это очень высокая оценка.

Деклан был счастлив способствовать образованию сына и начал брать его с собой на Стену во время патрулирования и на полигон, прихватывая вещмешок с оружием. Он стрелял из кольта, ремингтона, веттерли-витали***, спенсера, винчестера и дюжины других моделей. Конор оказался от природы метким стрелком и учился быстро.

— На четырнадцатый день рождения ты получишь собственную винтовку Шарпса,— обещал ему отец.— К тому времени станет ясно, что лучше подходит для твоего плеча. Я подарил бы тебе ее и сейчас, но твоя мать считает, что для десяти лет это слишком рано.

Единственное оружие, из которого Виктор когда-либо давал пострелять Конору, был его наградной кольт «Миротворец», подаренный самим Диким Биллом.

* Хикок Джеймс Батлер (Дикий Билл) (1837–1876) — герой эпохи освоения свободных земель на западе США, гроза бандитов; позднее — офицер правопорядка.

** Абилин — в прошлом ковбойский город в штате Канзас, США.

*** Веттерли-витали — тип гладкоствольного ружья.

— Он пригласил меня сопровождать его в Дедвуд*, — рассказывал француз Конору. — Но воздухоплавателью там делать нечего. Золотоискатели имеют привычку расстреливать аэростаты. Да и я слишком хорош для захудалого городка старателей.

Все занятия по укреплению тела были замечательны, однако по-настоящему Конор жаждал интеллектуального вызова. Виктор обещал, что они будут строить летающую машину, и не разочаровал его. Способность защищаться — без сомнения, хорошо, просто необходимо, однако Конор был одержим идеей полета.

— Это настоящая гонка, *jeune homme*, — говорил ему француз как-то утром, когда они натягивали шелк на раму крыла, сделанного из бальзы**. Дерево специально для них доставили морем из Перу. — Многие мировые изобре-

* Дедвуд — город на западе штата Южная Дакота; золотая лихорадка 1876 г. вызвала огромный наплыв золотоискателей в район Дедвудского ущелья.

** Бальза (от исп. *balsa* — плот) — дерево из рода охрома семейства мальвовых (подсемейство баобабовые), растет в экваториальных широтах, главным образом в Южной Америке. Древесина бальзы мягкая и легкая, имеет широкое промышленное применение; в самолетостроении используется до наших дней.

татели и искатели приключений ломают головы над этой проблемой. Человек будет летать, это неизбежно. Более двадцати лет назад триплан Кэйлй уже перевозил человека. Венхам и Браунинг построили аэродинамическую трубу для изучения сопротивления движению тела сквозь газ. Альфонс Пено* был так уверен в своих расчетах, что разработал убирающееся шасси. Убирающееся! Гонка в разгаре, Конор, не стоит заблуждаться, и мы должны первыми добраться до финиша. К счастью, король поддерживает наши усилия, так что недостатка в средствах не предвидится. Николас понимает, что означает для Соленых островов возможность летать. Острова больше не будут отрезаны от мира. Алмазы можно будет транспортировать, не опасаясь нападения бандитов, а медикаменты доставлять по воздуху из Европы. Доставлять по воздуху, Конор!

Конор думал об этом. По правде говоря, он вообще больше ни о чем не думал. Каждую свободную минуту он использовал, чтобы набрасывать эскизы или строить модели. Об играх

* Пено Альфонс (1850–1880) — французский изобретатель, один из первых создателей самодвижущихся моделей летательных аппаратов.

в пиратов и поедании насекомых он давно позабыл.

Иногда отца это огорчало.

— Неужели тебе не хотелось бы иметь друга? Просто поиграть, повозиться в грязи, пусть даже испачкаться?

Однако мать Конора восхищалась тем, что сын унаследовал свойственную ей любовь к науке.

— Наш мальчик ученый, Деклан, — говорила она, помогая Конору обтягивать крыло или вырезать пропеллер. — Гонку за возможностью летать не выиграешь, валяясь в грязи.

Конор сделал для лампы в своей комнате абажур — бумажный экран, украшенный изображениями летательного аппарата Леонардо да Винчи, аэростата Монгольфье* и парового двигателя Кауфмана**, теоретически пригодного для машины тяжелее воздуха. По но-

* Монгольфье, братья Жозеф (1740–1810) и Этьен (1745–1799) — французские изобретатели; в 1783 г. построили аэростат — бумажный шар, наполненный нагретым воздухом («монгольфьер»).

** В 1868 г. некий инженер Дж. М. Кауфман из Глазгоу (США) на первой в истории выставке «Хрустальный дворец» привлек внимание своей моделью летательного аппарата, в которой паровой двигатель должен был приводить в действие две машущие поверхности.

чам жар лампочки заставлял вращаться эти тени, и Конору нравилось лежать, глядя, как проекции удивительных машин скользят по потолку.

«Когда-нибудь,— засыпая, думал он.— Когда-нибудь этот день настанет».

ГЛАВА 3

ИЗАБЕЛЛА

Конору исполнилось четырнадцать, когда учитель и ученик пришли к выводу, что пилотируемый полет для них не за горами. Они построили сотню моделей и несколько планеров в натуральную величину; все эти творения закончили тем, что развалились на куски и были преданы огню. Их труды давали не только пищу огню, но и работу языкам в островной таверне. Общее мнение сводилось к тому, что француз чокнутый и, похоже, парень Брокхартов движется в том же направлении. Тем не менее излюбленным развлечением многих было пойти вечером посмотреть, как взрослый человек прыгает с высокой стены, хлопая бумажными крыльями. К тому же король оплатил счета за доставку экспериментальных двигателей из Германии и специального дерева из Южной Америки.

«Волшебного дерева,— хихикали умники в таверне.— Пропитанного волшебной пылью».

Не то чтобы жители Соленых островов были недовольны тем, как Добрый Король Ник тратит свои алмазы, даже если львиная доля их уходила на какого-то французского летчика. Сейчас жизнь на Соленых островах была лучше, чем на протяжении многих поколений. Для тех, кто хотел, всегда имелась работа. И возможность получить образование тоже, а также продолжить его в Дублине и Лондоне — для наиболее одаренных, кого не удовлетворяла просто работа ради заработка.

Лазарет был укомплектован прекрасными инструментами и приборами. Канализационные трубы уносили нечистоты далеко в море, что значительно уменьшило заболеваемость. Крысы остались в прошлом, по крайней мере на Большом Соленом, и рыцарей Бонвилана держали на коротком поводке. Не стало ни избений, ни заключения в тюрьму без расследования, к чему маршал, да благословит его Бог, питал особую склонность. Можно было получить ссуду для улучшения жилищных условий, планировалось протянуть телефонные кабели между Большим Соленым, Малым Соленым и даже материковой Ирландией. Поэтому ни-

кого не волновало, что король желает доставить себе удовольствие маленькими учеными побрякушками. Не похоже, чтобы этот француз когда-нибудь и впрямь полетел. Человек, даже в птичьем наряде, все равно человек.

Вес и размах крыльев оставались главными проблемами Конора и Виктора. Как может летать в воздухе то, что тяжелее него? Только если вытеснять воздух под крыльями достаточно быстро, чтобы создать подъемную силу, которая сведет на нет силу тяжести. А чтобы создать подъемную силу, нужны большие и, следовательно, тяжелые крылья. Если же сделать маленькие крылья, они должны быть соединены с машиной, которая сама по себе тяжелая. Любое решение создавало множество проблем.

Несмотря на более чем три года неудач, Виктор верил, что они идут правильным путем.

— Нужно научиться управлять, прежде чем лететь с двигателем. Планирование — вот первый шаг. Лилиенталь — вот наш образец.

Немецкий авиатор Отто Лилиенталь пролетел больше двадцати метров на своем планере «Derwitzer». Он был самым последним героем Виктора и Конора.

Щетка никогда не терял надежды больше чем на пять минут. И эти минуты он обычно тратил на то, чтобы растоптать последний неудачный прототип, после чего возвращался в классную комнату и начинал строить новые планы.

В конце концов Конор построил модель, одобренную его учителем. Ученик затаил дыхание, глядя, как учитель изучает его творение.

— Ты понимаешь, что вот это, возможно, никогда не полетит.

— Конечно,— ответил Конор.— Существенная часть этого корабля — летчик. Он управляет им, поворачивает горизонтальный руль влево; корабль наклоняется вправо.

— Значит, мы не можем испытать эту модель.

— Нет. Если только у вас нет на примете чрезвычайно умной обезьяны.

Виктор улыбнулся.

— Помнится, я уже рассказывал тебе о летающих обезьянах. В любом случае обезьяны достаточно умны, чтобы оставаться на земле, где им и положено быть.

— А мы?

Виктор взял модель и взмахнул ею в воздухе, чувствуя, как она просто рвется в полет.

— А мы мечтатели, *jeune homme*. Обезьяна смотрит вверх, видит банан и дальше этого не заглядывает. Мечтатель смотрит вверх и видит луну.

Конор фыркнул:

— Которая похожа на большой банан.

— Ого! — воскликнул Виктор. — Ты смеешься надо мной, своим учителем? Это дерзость, и ты за нее заплатишь.

Француз бросил модель на диван и кинулся к подставке с оружием. Конор опередил его и схватил свою любимую рапиру, которую, так уж получилось, предпочитал и Виктор.

— О, черная карта, *monsieur*. — Виктор выбрал для себя короткую спортивную шпагу. — Возьми что-нибудь достойное мужчины. Долго ты будешь держаться за эту рапиру?

Конор отступал на тренировочный мат, не спуская с учителя взгляда.

— *En garde!** — воскликнул Виктор и бросился в атаку.

В детские годы, когда Конор лишь начинал осваивать это искусство, француз, фехтуя, успевал давать ему инструкции.

«Удар, защита, ответный удар. Работай ногами. У тебя что, свинец на подошвах? Видишь?

* Защищайся! (*фр.*)

Я наношу новый удар, так защищайся снова. И ноги, Конор, ноги».

Теперь было не до инструкций. Теперь француз приходилось сражаться за то, чтобы не выйти из поединка. Никаких щадящих ударов или снисходительных похлопываний боковой частью лезвия. Эта была война. Они сражались в пространстве всей комнаты, иногда даже выходя на балкон.

«Он настоящий дьявол, — думал Виктор. — Ни капли пота на лбу. Всего четырнадцать — и уже превосходит меня. Но старый пес еще имеет в запасе несколько трюков».

— Это лучшая модель, которую ты построил, — тяжело дыша, сказал Виктор.

Удар и ответный удар.

Конор не отвечал. Он никогда не утрачивал сосредоточенности. Даже если противник отпускает остроты по поводу твоей матери, отнесись к ним как к неуклюжему выпадку. Оскорбления только в том случае заставляют истекать кровью, если ты позволяешь им проникнуть в свое сердце.

— Думаю, ей нужно дать имя, — продолжал француз.

Парируй концом шпаги, отступи назад и нанеси ответный удар. Сильным взмахом Вик-

тор сбил с террасы карликовое деревце в горшке; снизу слышалось недовольное фыркание осла.

«Виктор в отчаянии,— подумал Конор.— Я одолел его. Наконец-то».

Он отскочил назад и применил атаку стрелой, которую Виктор еле-еле парировал.

Француз перенес тяжесть тела на левую ногу, но по-прежнему держал кончик шпаги по центру.

— Думаю, ты должен назвать ее «Изабелла».

Это имя отвлекло Конора всего на мгновение, которого Виктору хватило, чтобы пробить брешь в его защите. Он быстро пригнулся и нанес удар вверх в легком *passata-sotto**. Если бы лезвие не имело на конце сферической головки, оно вошло бы под ребра Конора и вонзилось в сердце.

— Туше!** — возликовал Виктор, на мгновение опустившись на одно колено.

Потом он со стоном выпрямился и вернулся в прохладную, затененную часть комнаты.

Конор вяло последовал за ним и поставил рапиру в кожаную муфту на подставке.

— Зачем вы сказали это? — спросил он.

* Пассата-сотто — фехтовальный прием (*ит.*).

** Туше — укол (в фехтовании).

Виктор пожал плечами.

— Какая разница? Ты утратил бдительность. Даже наш друг, летающая обезьяна, мог бы одолеть тебя.

Конор не отозвался на его шутку. Более того, он выглядел раздраженным.

— Это был грязный трюк, Виктор.

— Ну, я все еще жив, значит, это был удачный трюк. А ты остался с разбитым сердцем.

Конор взял в руки свою модель и стал выдергивать хлопковый пух с ее хвоста.

— Ох, не надо дуться, пожалуйста, — умоляющим, мелодраматическим тоном произнес Виктор. — Самое милое дело — любить принцессу. Это просто долг молодого человека — терять голову из-за принцессы. И тебе повезло, что одна как раз оказалась под рукой.

— Любить... принцессу? — пролепетал Конор. — Что? Я не знал...

Виктор налил себе стакан воды.

— Очень убедительное опровержение, *jeune homme*, ничего не скажешь. Но не переживай; я регулярно довожу людей до того, что они начинают бессвязно бормотать. Это галльский дар. Итальянцам он тоже свойствен.

Его ученик проявлял такие явные признаки замешательства, что в конце концов француз смилостивился.

— Прости, Конор, *jeune homme*. Я видел, что ты положил на нее глаз, но не осознавал, до какой степени ты задет. Стрела в сердце, да?

В ответ Конор еле заметно кивнул; точнее, лишь чуть-чуть опустил подбородок. Он сел на диван и распрямил руль своей модели, мягко дуя на крылья.

Виктор уселся рядом.

— Почему тогда у тебя вид человека, приговоренного к виселице? Ты любишь принцессу, и она не презирает тебя. По крайней мере, открыто. Радуйся, *jeune homme*. Живи своей жизнью. Юношеская любовь — дело обычное, но от этого не менее драгоценное.

Конору страстно хотелось поговорить на эту тему. Он слишком долго держал свои чувства запертыми в груди. Если бы не планеры, он, наверное, сошел бы с ума, думая об этом. Виктор читал его переживания как открытую книгу. Уже не в первый раз он заметил, что физически Конор скорее мужчина, чем мальчик. Высокий для своего возраста и сильный; выражение лица, как правило, серьезное; координация движений благодаря фехтованию превосходная. Все эти качества делали его юношей. Но эмоционально Конор все еще оставался мальчиком. Он представлял собой родник чувств, переполненный до краев и угрожающий выплеснуться наружу.

— Изабелла мой самый давний друг,— медленно начал Конор.— У меня только три друга моего возраста, и она самый давний из них. Мама говорит, я впервые встретился с ней, когда мне еще и недели не было.

— Это было давно, *vraiment**,— сказал Виктор.— Я хорошо помню день твоего рождения. Нам всем тогда повезло, что мы спаслись.

— Вы видели фотографию из французской газеты? Я выгляжу там словно старик, потерявший вставные зубы.

— Не люблю говорить неприятные вещи, *jeune homme*, но сейчас ты выглядишь ненамного лучше.

Эта добродушная шутка заставила Конора расслабиться, и он продолжал выкладывать то, чем до сих пор не делился ни с кем.

— Я не знаю, красива она или нет; наверное, да. Мне нравится ее лицо, вот все, что я знаю. Иногда мне даже не нужно видеть ее; я просто слышу, что она позади, и все мысли тут же вылетают из головы. Ради бога, Виктор, мне четырнадцать, не двенадцать. У меня нет времени болтать всякие глупости.

— Даладно тебе,— ответил француз.— Всегда есть время для болтовни.

* В самом деле, право (*фр.*).

— Это случилось на ее последнем дне рождения. Ну, я вручил ей подарок, как обычно. И когда она развернула его, я понял, что она разочарована. Она надеялась получить что-нибудь другое.

— Что ты подарил принцессе? Я не помню.

— Подпужиненный планер. Помните? Вариант с одним крылом.

— А-а, да. Как раз то, о чем мечтает любая принцесса.

Конор впал в уныние.

— Знаю. Он ей ужасно не понравился. Не сомневаюсь, она бросила его прямо в пролив Святого Георга. Я задумался обо всем этом. Об Изабелле. Что я сделал не так. И понял, что планер — неподходящий подарок для молодой леди. Изабелла стала молодой леди, и я никак не могу выбросить ее из головы.

Виктор потянулся так, что хрустнуло в плечах.

— Тебе повезло, *jeune homme*, что я с тобой. Поскольку я эксперт по всем видам инструкций, включая тех, которые касаются женщин.

Конор засомневался:

— Что и объясняет, почему на пятом десятке вы все еще холосты?

— Это мой выбор — оставаться холостяком. — Виктор погрозил ему пальцем. — На све-

те немало леди, которые, дай им шанс, с радостью привязали бы Виктора Вигни к стойке своих ворот. Если брать каплю шампанского за каждое разбитое мной сердце, набралась бы целая бутылка.

— В таком случае можете дать мне искренний совет, но не упоминая о летающей обезьяне?

— Прекрасно, Конор Брокхарт. Слушай и удивляйся.— Виктор наклонился вперед, опершись локтями о колени, как будто собирался излагать серьезный научный труд.— Как я предполагаю, Изабелла была разочарована подарком по той причине, что ожидала чего-то особенного.

— Это лучшее, на что вы способны?

— Она ожидала чего-то особенного от тебя,— невозмутимо продолжал Виктор,— потому что ты стал юношей, а она девушкой.

Конор не в полной мере понял суть сказанного.

— Это все биология, Виктор. Тут нет ничего нового.

— Есть, *imbécile**. Она заметила, что ты стал юношей, раньше, чем ты заметил, что она стала молодой леди. И рассчитывала — на ее дне рож-

* Тупица, дурак (*фр.*).

дения ты проявишь свою осведомленность. Однако планер доказал ей обратное.

— И она подумала...

— Изабелла подумала, что ты по-прежнему воспринимаешь ее как друга детства.

— Но это не так, теперь не так.

— Она-то этого не знает. Как она может догадаться? Через передачу мыслей на расстоянии?

Конор схватился за голову.

— Это все так сложно! Летающие машины проще.

— Добро пожаловать в ту часть твоей жизни, которая лежит за пределами летающих машин. Вот как обстоят дела. Однако позволь мне закончить лекцию на оптимистической ноте. Если бы Изабелла не ждала чего-то особенного от тебя, конкретно от тебя, она не была бы разочарована. Понимаешь?

На лице Конора явственно обозначилось смятение.

— Нет.

— Лично я подарил ей очень скучную книгу, и она была в восторге. Но от тебя ей требовался не просто подарок, а знак.

— Тьма, тьма. Полная тьма.

Виктор стукнул себя по лбу.

— Этот мальчик болван. Она хотела получить от тебя знак нежной привязанности, потому что сама равнодушна к тебе.

Лицо Конора расплылось в улыбке.

— Вы так думаете?

— Господи! Я вижу твои зубы. Впервые за сегодняшний день. Где королевский фотограф?

Улыбка погасла, словно накрытая шляпой лампа.

— Вы правы, мне кажется. Это имеет смысл.

— Если это имеет смысл, почему физиономия снова такая мрачная?

— Истинная причина, о которой я на время забыл, в том, что принц датский Кристиан попросил позволения присутствовать на чаепитии с Изабеллой. Это первая стадия королевского ухода. Изабелла согласилась принять его сегодня днем.

— О, не беспокойся. Сомневаюсь, чтобы этот принц Кристиан за несколько часов смог перечеркнуть четырнадцать лет дружбы.

— Да, но он принц.

— А ты сэр. Как бы то ни было, Николас совершенно современный король. Изабелла выйдет замуж за мужчину или даже за летающую обезьяну — в общем, за того, кого полюбит.

— Вы правда так думаете?

— Правда. Это что-то вроде старой волшебной сказки. Мальчик спасает принцессу; они влюбляются друг в друга. Он изобретает летающую машину — вместе со своим энергичным учителем, конечно. Они женятся и называют своего первенца именем вышеупомянутого учителя.

Конор нахмурился.

— Что-то я не припоминаю такой волшебной сказки.

— Поверь мне, это классика. Пусть Изабелла пьет свой чай; очень сомневаюсь, что за ним последует сообщение о помолвке. На следующей неделе мы начнем разрабатывать план действий. Возможно, настало время Шекспира.

Конор стукнул себя по колену — несомненный прогресс.

— К черту следующую неделю! Мы можем начать прямо сейчас. К вечеру у меня уже будет готов сонет.

Виктор встал и принялся расхаживать по своему кабинету, служившему также гостиной и лабораторией.

— Во-первых, следи за своим языком. Тебе четырнадцать, и ты не где-нибудь, а во дворце, не говоря уж о том, что в обществе гения. Во-

вторых, сегодня днем мне предстоит кое-какое дело. Важное дело. Нужно посетить одного человека. А завтра утром я должен поработать в нашей новой лаборатории.

Мысли Конора мгновенно переключились с одной страсти на другую.

— «Поработать в нашей новой лаборатории». Вы проводите в этой лаборатории почти каждый вечер. Когда я смогу увидеть ее, Виктор?

Француз предостерегающе вскинул руку.

«Подожди,— говорил этот жест.— И — тсс!»

Он закрыл дверь на балкон и удостоверился, что никто их не подслушивает.

— Позволь задать тебе один вопрос,— сказал он своему заинтригованному ученику.— Эти романтические чувства, которые ты испытываешь... Почему ты не обсуждаешь их с отцом?

Конор нахмурился.

— Я хотел бы. Мы с ним близки, но весь прошедший год он был очень занят. Рыцари Святого Креста стали сильнее. Произошло несколько инцидентов насилия против граждан и гостей. Рыцари открыто не исполняют волю короля. Отец обеспокоен его безопасностью.

— И правильно обеспокоен,— сказал Виктор.— Люди Бонвилана наглеют с каждым днем.

Маршал чуть не стал премьер-министром и верит, что у него еще есть шанс получить эту высокую должность. Король подумывает о парламенте, но не о таком, где будут верховодить эти рыцари. С обеих сторон можно ожидать серьезных политических махинаций. Настало время осторожности и скрытности.

— Это имеет отношение к человеку, с которым вы должны встретиться? И к новой лаборатории?

— Да. И к тому и к другому. Этот человек рискует своей жизнью, чтобы сообщать новости о том, как Бонвилан подминает под себя тюремную администрацию.

— А лаборатория?

Виктор опустил на колени перед Конором и стиснул его плечи.

— Она почти готова, Конор. Реконструкция практически закончена, хотя посторонним об этом ничего не известно. И прибыло оборудование для постройки нашей летающей машины.

Сердце Конора глухо ударило о ребра.

— Все?

— Да. О чем мы просили, и даже больше. Николас фактически удвоил заказ и запросил все, до чего только смог додуматься. Настоя-

шая пещера Аладдина для двух летчиков вроде нас с тобой. Шесть двигателей. Пять ящиков бальзы. Рулоны шелка и хлопка; кабели; пневматические резиновые обода, Конор. Все дорожное, но оно того стоит. Две пары новомодных защитных очков, самые последние точные инструменты. Все, что нужно, чтобы создать мастерскую, равной которой нет на земле; и благодаря щедрому подарку Ника в нашем распоряжении башня Мартелло* в окрестностях Килмора, где и расположилась лаборатория. Там Бонвилан не сможет заглядывать нам через плечо. У нас будет собственная аэродинамическая труба, *jeune homme*. Задумайся об этом.

Сознанием Конора полностью завладели летающие машины.

— Когда я смогу ее увидеть?

— Скоро, — пообещал Виктор. — Скоро. Только два человека на острове знают о нашем оборудовании. Теперь три, включая тебя. Для остальных это просто огромное собрание дорогостоящих несуразиц. Идиотские покупки, запертые внутри руин.

* Башня Мартелло — приморское оборонительное сооружение в виде круглой башни (по названию мыса Мартелло на острове Корсика, Франция).

— Но к чему такая секретность?

— Ты все еще не понимаешь значения того, что мы пытаемся создать. Если мы преуспеем, Солёные острова будут прославлять весь цивилизованный мир, а король Николас станет человеком, научившим этот мир летать. Его позиция будет защищена до конца дней. А до тех пор он просто чокнутый король, в эгоистических интересах расточающий казну Солёных островов. Мы та палка, с помощью которой можно его побить. Партия прибывшего товара огромна. Все необходимо хранить в секрете, пока мы не будем готовы. До тех пор нужно делать вид, что наши прогулки носят образовательный характер.

Конор все понимал, но возбуждение сделало его безрассудным.

— Проклятый Бонвилан! Он сдерживает развитие науки.

— Это будет продолжаться недолго,— успокаивающе сказал Виктор.— Ладно, в следующие выходные я украдкой проведу тебя на паром. Сможешь сам разглядеть наши новые двигатели.

— В следующие выходные... Хорошо.

— На борту мы почитаем Шекспира.

На лице Конора возникло выражение полнейшего недоумения.

— Шекспира? Я...— Потом он вспомнил и вскочил.— Изабелла как раз сейчас пьет чай. Сразу после этого я непременно должен поговорить с ней. Который час?

На каминной полке стояли часы, но француз тем не менее бросил взгляд на другие — солнечные — на балконе.

— Я бы сказал, примерно четверть шестого.

— Откуда вам это известно? — недоверчиво спросил Конор.— Солнца не видно, при такой-то облачности.

Виктор подмигнул ему.

— Может, другие и не видят солнца, *jeune homme*. Но я же мечтатель.

Голова Конора гудела от новой информации, когда он возвращался в апартаменты Брокхартов. День был серый, на гранитные стены падал тусклый свет, отчего они выглядели почти черными. Ничто не отвлекало его мыслей от изобретательства и романтики. Виктор был прав. Изабелла каждый день сидит рядом с ним на уроках латыни, французского, математики, а теперь еще и Шекспира. У него есть шанс. И разве существует лучший способ произвести впечатление на девушку, чем построить для нее летающую машину? Настоящий аэроплан, не игрушку. Он назовет его «Изабел-

ла», если Виктор согласится, но разве может такой экстравагантный романтик, как знаменитый Щетка, стать на пути юной любви?

Подгоняемый бурлящими мыслями, Конор пересекал внутренний двор, не замечая ничего вокруг, даже друзей. Они, правда, не относили это на счет грубости и лишь улыбались.

«Гляньте только на юного Брокхарта, парящего в небесах. Ничего удивительного. Разве он не родился в небе?»

Дорогу ему перебегала свинья, и он врезался в ее грязный бок.

— Извини, принцесса, — выпалил Конор; реальность и собственные мысли перемешались у него в голове.

Загонщик поскреб подбородок.

— Кого ты назвал принцессой? Меня или свинью?

Конор дважды извинился, сначала перед свиньей, потом перед загонщиком, и торопливо зашагал дальше, теперь уже вернувшись на землю.

— Свиная Отбивная говорит, что свободна в среду! — крикнул вслед ему загонщик, к немалому развлечению всех, кто мог его слышать.

Конор, с горящими щеками, свернул за ближайший угол, вовсе не туда, куда намеревался идти; но теперь, по крайней мере, загонщик не

видел его. На мгновение он, не обращая внимания на проходящих мимо полицейских, гражданских служащих и торговцев, прислонился к стене, дожидаясь, пока жар смущения угаснет. Протопали два рыцаря Бонвилана, по всей видимости пьяные, хватая с рыночных прилавков все, что душа пожелает. Ничего, конечно, не платя — да никто о том и не заикался.

Из открытого окна буфетной донесся незнакомый голос, говорящий с приятным напевным акцентом:

— ...такой миленький. Гретхен, знаешь, а ведь маленькая немецкая принцесса, с этими ее ушками и этими ее поместьями, убила бы, просто убила бы кого угодно ради того, чтобы сегодня днем отпить чаю с принцем Кристианом. Но он предпочел вашу Изабеллу. Она должна быть польщена. Если хочешь знать мое мнение, он ей все сегодня выскажет. И он не вернется обратно. Кристиан не любит плыть морем, со всеми этими волнами и тошнотой.

«Он ей все сегодня выскажет».

Конора охватила паника. Держать такие мощные эмоции под контролем... нет, это нелегко. Вид у него был ужасный.

«Я должен немедленно поговорить с ней».

Он пойдет к принцессе. Объяснит, что подарок в виде подпружиненного планера — это

была плохая идея. Наберет цветов и обернет их бумагой, на которой напишет поэму.

«Какая жалкая идея, даже в моих глазах. Я не поэт. Если Изабелла и любит меня, то, уж конечно, не за поэтический дар».

Он пойдет к ней и будет самым собой. Просто напомнит о своем существовании, прежде чем принц Кристиан очарует ее, чтобы увезти в Данию. Может, скажет какую-нибудь шутку. Одну из тех, которые так часто отпускает Виктор.

«Что происходит со мной?» — спрашивал он себя.

Конор всегда считал, что самая сильная когда-либо испытанная им эмоция — трепет научного открытия. Что может сравниться с ним? Однако потом он начал смотреть на Изабеллу другими глазами. Заметил, что в классной комнате становится светлее и радостнее от ее шуток и замечаний; даже ее постоянные оскорбления и угрозы пыток стали казаться милыми, подкупающими. Осознал, что ее карие глаза могут заставить исчезнуть все вокруг. Каждый день он с нетерпением ждал, пока пройдет утро и она появится в классной комнате.

«Я должен поговорить с ней. Даже мои летающие машины не доберутся до Дании!»

В заново возведенной Главной башне замка комнаты принцессы находились под королевскими. Над входом в башню на стене стоял караульный. Конор знал, что это один из фаворитов отца, несмотря на недостаточное уважение к властям.

«Бейтс когда-нибудь погубит и меня, и себя,— часто жаловался Деклан.— Не знаю, что у него острее, глаз или язык».

Конор поприветствовал его:

— Добрый вечер, капрал Бейтс.

— Правда, что ли? Не слишком добрый, когда торчишь на стене и океанский бриз раздувает тебе штаны.

— Наверное. Это я просто так, к слову. На самом деле я здесь, чтобы...

— Увидеться с Изабеллой, как обычно. Ты снова выглядишь как человек, у которого голова идет кру́гом от любви. Давай ступай туда, прежде чем этот датский парень украдет ее на своем коне-качалке.

Если бы Конор вслушивался в то, что ему говорят, то упоминание о «коне-качалке» могло бы заставить его призадуматься.

— Этот датчанин... Вы думаете, он правда может увезти ее с собой? Вы слышали что-нибудь?

Бейтс уставился на Конора с таким выражением, словно тот не в своем уме, но потом медленно улыбнулся.

— Ну, думаю, у него есть неплохой шанс. Он, знаешь ли, крутой парень. А как ест быстро! В общем, достоин похвалы. На твоём месте я поторопился бы.

— Я должен подождать, пока вы доложите обо мне?

— Нет-нет, — ответил Бейтс. — Иди. Уверен, принцесса будет рада тебя видеть.

Таким образом, процедура не была выдержана полностью, но пренебрежение Бейтса протоколом стало легендой.

— Хорошо, я пойду. Спасибо, капрал Бейтс. Бейтс весело отсалютовал Конору.

— Всегда рад, юный Брокхарт. Не благодари меня сейчас, просто не забудь прислать приглашение на свадьбу.

Конор с такой скоростью ринулся вверх по лестнице, что, добравшись до этажа принцессы, стал задыхаться. Лестничный пролет открывался в сводчатый вестибюль с четырьмя ярко горящими электрическими лампочками, нормандским средневековым гобеленом и фонтаном с херувимом. Фонтан был снабжен двумя насосами, испускающими больше шума, чем во-

ды. В вестибюле никого не было, и Конор привалился к стене, жалея, что он такой потный и грязный. Надо же, чтобы именно сегодня ему пришлось наткнуться на свинью, а потом стремглав взлетать по лестнице.

Из-за двери Изабеллы донесся веселый смех. Конор хорошо знал этот смех, редкий, припасаемый Изабеллой для особенных случаев: дней рождения, крещенских и майских дней*. В общем, дней приятных сюрпризов.

«Я должен идти туда, и плевать на последствия».

Конор выпрямился, лизнул ладонь, пригладил волосы и вошел в личные апартаменты принцессы.

Изабелла стояла на коленях на своем маленьком позолоченном столе, с ее рук капало что-то красное.

— Изабелла! — воскликнул Конор. — Ты в крови!

— Это просто краска, — спокойно ответила Изабелла. — Конор, что ты здесь делаешь?

На том же столе стоял прекрасно одетый маленький мальчик.

* Майский день — традиционный праздник весны, отмечаемый 1 мая; старый английский обычай, частично сохранившийся в США.

— От этого смешного человека пахнет пи-пи.— Мальчик ткнул в Конора пальцем, с которого капала зеленая краска.

Конору чуть не стало дурно.

«Господи! Ребенок. Рисует. А как он ест быстро!»

Лицо Изабеллы приняло строгое выражение.

— Ну, смешной человек, объясни принцу Кристиану, откуда у тебя запах пи-пи.

— Это принц Кристиан?

— Да, и он рисует для меня шедевр, используя только пальцы.

— И краску,— заметил принц.

Изабелла погладила мальчика по голове.

— Спасибо, Кристиан, ты такой умный. Давай, Конор, объясни, что за странный запах.

— Там была свинья во дворе,— еле слышно ответил Конор.— Свиная Отбивная, так, по-моему, ее зовут. Мы врезались друг в друга.

Кристиан в восторге захлопал в ладоши, обрызгав себя краской.

— У этого смешного человека нет денег на коня, и он ездит на свинье.

Конор не стал оправдываться. Он заслужил это и даже гораздо больше. «Я, наверное, выгляжу полоумным,— подумал он.— Прямо после фехтования и столкновения со свиньей».

Изабелла откашлялась.

— Гм! Сэр Конор, у тебя ровно минута до казни. Успеешь объяснить, что ты делаешь в моих апартаментах?

Теперь, оказавшись здесь, он не знал, что сказать, но не сомневался — это должно быть что-то очень искреннее. И многозначительное.

— Прежде всего, ваше высочество, простите за вторжение... Изабелла, мне нужно сказать тебе кое-что...

Никогда прежде Изабелла не слышала от Конора такого тона. За все четырнадцать лет.

— Да, Конор.

Вся ее вредность мгновенно испарилась.

— Насчет твоего дня рождения...

— До моего дня рождения еще далеко.

— Нет, этого, прошедшего.

— И что насчет моего прошедшего дня рождения?

Стало очень тихо, даже внизу, во дворе, как будто весь мир затаил дыхание, ожидая ответа Конора.

— Этот подпружиненный планер...

— Хочешь, чтобы я его вернула? Видишь ли, окно было открыто, и я...

— Нет-нет, не хочу, чтобы ты его вернула. Просто чувствую, что должен сказать — это был

неподходящий подарок для тебя. Надеюсь, ты ожидала чего-то другого, чего-то особенного.

— Подпружиненный планер — вещь особенная, — серьезно сказал принц Кристиан. — Неужели принцесса не хочет его?

Несколько мгновений Изабелла в оцепенении не отрывала от Конора взгляда, а потом дважды моргнула.

— Ладно, принц Кристиан, думаю, время чаепития закончено. Надеюсь, вам понравились и чай, и кексы, и лимонад.

Принц Кристиан вовсе не желал уходить.

— Да, лимонад был вкусный. Можно мне водки?

— Нет, Кристиан, — ответила Изабелла. — Тебе всего семь лет.

— Ну тогда бренди?

— Ни в коем случае.

— Да, но в моей стране есть такой обычай.

— Правда? Давай спросим твою няню, идет?

Изабелла потянула висящий на стене шнур колокольчика, и спустя несколько мгновений в комнату, словно колесный экипаж, вошла датская няня.

Она не улыбалась и вид имела такой, будто вообще не знает, что такое улыбка. Бросив один-единственный взгляд на принца Кристиана, она закатала рукава.

— Сейчас умою нашего маленького принца. Она схватила Кристиана за руку.

— Отвяжись от меня, служанка! — взвизгнул Кристиан, тщетно пытаясь вырваться. — Я твой господин.

Няня нахмурилась.

— Хватит болтовни о господине и служанке, Кристиан. Будь послушным маленьким принцем, и няня приготовит тебе на ужин wienerbrød*.

Мгновенно успокоившись, маленький принц позволил вывести себя из апартаментов, оставляя за собой хвост из капель краски. Изабелла без единого слова скрылась в туалетной комнате, и Конор слышал звук текущей воды.

«Смывает краску, — подумал он. — Как мне быть? Остаться или уйти? Может, ее уход означает, что мне тут нечего делать?»

Внезапно все изменилось. Прежде они всегда были равны; теперь его волновало каждое ее чувство, каждый шаг.

«Я должен уйти. Мы можем поговорить позже. Нет. Лучше остаться. Определенно нужно остаться. Виктор не сбежал бы. Если я сейчас уйду, завтра утром нам обоим будет неловко».

— С кем ты разговариваешь, Конор?

* Венский хлеб (*датск.*), то есть сдобное печенье.

Он хотел запротестовать, но заметил, что его губы и впрямь шевелятся.

— Я просто думаю вслух. Нервничая, я иногда...

Изабелла добродушно улыбнулась.

— Ты настоящий олух, правда, сэр Конор?

Конор расслабился. Она поддразнивает его. Знакомая тема для разговора.

— Мне очень жаль, принцесса. Теперь вы удушите меня гарротой?*

— Я предпочитаю повешение, как тебе известно.

Конор сделал глубокий вдох и излил всю душу, сделав это так быстро, словно с разбегу нырнул в океан.

— Я пришел потому, что ты сказала мне: этот чай — часть королевского ухаживания.

Изабелла имела любезность покраснеть.

— Может, и сказала. Дразнила тебя.

— Теперь я это понимаю. Слишком поздно. Иначе я не чувствовал бы себя так неловко.

— У отца Кристиана здесь бизнес. Я выполняю свою королевскую обязанность, вот и все. Никакого ухаживания.

— Никакого?

* Гаррота — испанский способ казни через удушение с помощью металлического обруча, стягиваемого винтом; применялась в Испании вплоть до 1974 г.

Плечи Конора поникли. По крайней мере, теперь у него пропало ощущение, будто он стал участником какой-то гонки.

— Ты собрал все свое мужество и ворвался сюда, чтобы сообщить мне о своей любви?

— Ну, я...

«Не паникуй. Не паникуй».

— Что-то вроде того.

Изабелла вышла на балкон и встала, облокотившись на резную балюстраду. Темные волосы стекали по спине, белые пальцы выделялись на фоне камня. Позади нее и внизу на Стене вспыхивали, словно рой светлячков, разноцветные огни.

«Нужно сказать, пока она отвернулась. Легче, когда она не смотрит».

— Изабелла... все изменилось теперь для нас... между нами. И это хорошо. Так и должно быть. Это естественно. Естественно, что все изменилось.

Конор внутренне застонал; как плохо получается!

«Говори то, что хочешь сказать».

— Я хочу сказать вот что. Наверное, с лазаньем по дымоходам для нас покончено, хотя мне и сейчас нравится лазать по ним, но, возможно, настало время заняться чем-то другим. Вместе. И не в обществе датских принцев.

Изабелла повернулась. В ее улыбке таилась, как обычно, насмешка, но, что необычно, она быстро исчезла.

— Конор, ты же ученый. Разве не существует способа выразиться короче?

Он нахмурился.

— Возможно, существует. Придется поэкспериментировать. Я новичок в этих делах и чувствую себя таким нескладным.

Изабелла демонстративно налила лимонад в стакан.

— Со мной так же, Конор. Иногда у меня возникает чувство, будто мы создали здесь свой собственный мир, и мне не хочется его покидать. Все правильно. И то, что происходит сейчас, правильно.

Конор рискнул улыбнуться.

— Значит, меня не казнят.

— Не сегодня, сэр Конор.— Принцесса вручила ему стакан.— В конце концов, ты спас принцессу. У этой волшебной сказки может быть лишь один конец.

Конор поперхнулся лимонадом, обрызгав испачканные свиным навозом штаны.

— Интересная комбинация запахов,— заметила Изабелла.

— Прошу прощения, принцесса. Просто меня поразила твоя дружеская реакция. Я-то уже

думал, что к этому моменту меня скрутят датские стражники.

Изабелла посмотрела ему в глаза.

— Конор, я, конечно, могла бы обойти весь мир в поисках другого сумасбродного ученого, но сомневаюсь, что найду равного тебе.— До принцессы дошло, что, пожалуй, она сказала слишком много, и потому она сочла своим долгом добавить: — Даже хотя ты и долговязый, заумный дурачок.

На первую половину комплиментов Конор среагировал улыбкой, на вторую — гримасой.

— Я чувствую то же самое. Если отбросить эту часть про долговязого, заумного и прочее. Ты ведь знаешь, что я пытаюсь сказать.

— Да, сэр Конор.— Она снова поддразнила его.— Знаю.

ГЛАВА 4

ИЗМЕНА И ЗАГОВОР

После встречи с Изабеллой Конор не пошел домой; он был слишком взволнован. У него возникло странное чувство, будто сердце стало вдвое меньше. Вопреки всем законам науки, он, поведав все свои мысли принцессе, почувствовал, что стал как бы легче. Поэтому, хотя было уже поздно, он, стремясь сохранить это ощущение, решил провести еще часок в своем любимом убежище, где не был уже несколько месяцев.

Родители бесчисленное множество раз запрещали ему подниматься на орудийную башню замка. Как правило, он их слушался; но у каждого мальчика есть тайный грех, от которого он не в силах отказаться. Для Конора это было вот что: посидеть на своем «насесте» под карнизом северо-восточной орудийной башни. Здесь он чувствовал себя ближе всего к собственной природе, ощущал, что в этой неви-

данной гонке за возможностью летать, они — мальчик и учитель — могут победить.

Однако этим вечером, протискиваясь через средневековую бойницу, карабкаясь по оббитым плющом деревянным козлам, установленным после химического пожара в апартаментах Николаса, он не думал о летающей машине тяжелее воздуха. Этим вечером он думал об Изабелле. Ничего конкретного — просто спокойные, теплые мысли. Едва прислонившись спиной к знакомой заплесневелой стене башни, он почувствовал, как его охватывают мир и покой. Правда, он удивился, обнаружив, что здесь стало немного тесновато. Скоро он, наверное, перерастет это тайное местечко, и для мечтаний о полетах придется искать другое, тоже где-нибудь на высоте.

Конор сидел, глядя, как солнце утопает в океане. Вместе с ним любовались видом около дюжины чаек, надеющихся, без всяких на то оснований, что кто-нибудь оставит для них открытую бочку с рыбой. Он видел большой пожар по ту сторону залива, в Килморе, и луч маяка Хук-Хед, уже отбрасывающий конус света на пролив Святого Георга. Был прекрасный, ранний летний вечер, и узкое пространство воды между Солеными островами мерцало, словно залитый лунным светом мост.

— Прямо под ним шла муштровка отряда караульных. И на Стене Большого Соленого — Конор был уверен, что видит это, — между наблюдательными постами большими шагами расхаживал отец; темный плащ хлопал у него за спиной. Возникло искушение окликнуть его; но нет, к чему подставлять себя под наказание за очередной проступок?

«Конор, я, конечно, могла бы обойти весь мир в поисках другого сумасбродного ученого, но сомневаюсь, что найду равного тебе».

Эхо этих слов прозвучало в сознании, вызвав у него улыбку.

Мысли Конора прервал регулярно повторяющийся звук, доносившийся изнутри башни: кто-то поднимался по каменным ступеням. Сколько раз он ни сидел тут, на высоте, единственными шагами, которые Конор слышал — кроме собственных, — были шаги отца, поднимающегося, чтобы согнать его вниз. Однако сейчас Деклан Брокхарт находился на пятнадцать метров ниже, на Стене, и, следовательно, это был не он.

Конор слегка изменил позу — насколько это позволяло ограниченное пространство — таким образом, чтобы, повиснув на вьющихся растениях, заглянуть сквозь обитое свинцом стек-

ло бойницы. Ветер взъерошил волосы, когда он высунулся из укрытия, и внезапно Конор очень ярко вспомнил, для чего принимал точно такую позу, когда был маленьким мальчиком.

«Я притворился, будто лечу,— он улыбнулся этому воспоминанию.— Скоро нужда притворяться отпадет. Мы с Виктором построим машину, и я пролечу на ней мимо окна Изабеллы».

Внутри башни двигалась чья-то фигура. Сначала Конор увидел лишь тень, трепещущую из-за того, что источник света находился в движении, а потом и сам фонарь. Его держали совсем низко, чтобы освещать лишь ступени. Отблески света скользили по складкам одежды и лицу. В глаза бросилось что-то красное. Да, красный крест. Потом стали видны тяжелый лоб и сверкающие глаза. Бонвилан.

Конор замер, точно горгулья*. Бонвилан обладал почти нечеловеческой восприимчивостью. Он мог в бушующем море разглядеть голову тюленя. Маршал имел все основания не одобрить того, что Конор болтается так близко к апартаментам короля, и полное право застрелить его как предателя.

* Горгулья — выступающая водосточная труба в виде фантастической фигуры (в готической архитектуре).

«Буду сидеть, не дыша и не шевелясь, пока маршал не отойдет подальше, а потом сразу домой».

Зрелище резко расчерченного тенями лица Бонвилана погасило радость этого вечера. На том бы, наверное, и закончились приключения дня, если бы в свете фонаря не мелькнуло еще кое-что. Кое-что, хорошо знакомое Конору. Револьвер с длинным дулом и украшенной перламутром рукоятью, зажатой в руке Бонвилана.

Никаких сомнений, это кольт Виктора «Миротворец». Чрезвычайно любопытно. Зачем маршалу Бонвилану красться по служебным переходам замка с пистолетом Виктора в руке?

«Ты ошибаешься. Это не может быть кольт Виктора».

Однако пистолет был тот самый. Острый взгляд Конора разглядел достаточно деталей, чтобы понимать — он не ошибся. Множество раз он внимательно изучал этот пистолет, затуманивая дыханием стекло ящика, в котором тот хранился.

«Тут может быть тысяча объяснений. Что с того, что тебе неизвестна причина? Это не означает, что ее нет».

Все правильно и разумно. Однако Конор был мальчиком и ученым, то есть относился к самому любопытному племени человеческих

существ. Он не мог просто отвернуться от увиденного, как не мог бесстрастно пройти мимо открытой двери. Если в руке Бонвилана пистолет Виктора, значит, Виктор должен узнать об этом. Учитель Конора давно подозревал, что маршалу доверять нельзя, и вот оно, доказательство.

Конор выждал несколько мгновений, пока последние отблески света фонаря Бонвилана проплясали мимо и за маршалом сгустилась тьма, а потом, словно обезьяна, закачался в бойнице, держась за длинные стебли. Если бы его родители стали свидетелями этого зрелища, их точно хватил бы удар.

Скрипело ли окно, когда он в прошлые свои набеги уходил отсюда? Он точно не помнил, поскольку тогда это не было жизненно важно. Он осторожно толкнул его. Никакого скрипа, просто еле слышный скрежет проржавевших петель. Достаточно безопасно. Он проскользнул внутрь руками вперед и стал перебирать ими по полу, пока ноги тоже не сползли на пол.

Конор скорчился на шероховатом граните, внимательно прислушиваясь. Звук собственного дыхания, отражающийся от стен, казался ужасно громким. Бонвилан наверняка мог услышать его.

Но нет. Маршал продолжал шагать в прежнем темпе, впереди были видны слабые отблески света. Конор развернулся в ту сторону и по винтовой лестнице на четвереньках последовал за Бонвиланом, пригнувшись к полу и руками нащупывая дорогу.

Этот переход выводил к служебной двери апартаментов короля Николаса, которая была заперта и охранялась, когда король находился у себя. Однако, выглянув из-за угла, Конор увидел, что дверь широко распахнута и охраны нет. Значит, и короля внутри нет. А если так, то зачем Бонвилан прокрадывается туда, вооруженный пистолетом, принадлежащим совсем другому человеку?

«Может быть тысяча причин. Ты многого не знаешь. Например, король Николас мог пожелать сделать для Виктора дубликат пистолета, для полноты набора. Подарок на день рождения».

Маловероятно, но возможно.

Конор прокрался через дверной проем, любопытный, как бесхвостые кошки, племя которых во множестве расплодилось на острове. Свет впереди был еле различим, но не двигался. То ли Бонвилан услышал что-то, то ли замер, прислушиваясь. Что делать? Ждать или продолжить путь?

У Конора свело живот. По-хорошему, ему следовало вернуться. Прямо сейчас. Вмешиваться в дело маршала... это чревато серьезными последствиями. У Бонвилана не задержится объявить его изменником, немало добрых людей оказались за решеткой и за меньшие проступки.

«Но как же револьвер? Револьвер Виктора...»

Еще несколько шагов, и Конор решил призвать на помощь все свое благоразумие.

«Я только выгляну из-за следующего поворота и уйду. Никакого риска».

Это было не совсем так, тем не менее Конор двинулся дальше, по-прежнему ощупывая пол руками, прижимаясь к стене и полу, держась в глубокой тени. В конце концов он медленно высунул голову из-за последнего поворота лестницы.

Бонвилан опережал его шагов на десять — двенадцать; фонарь стоял у его ног, отбрасывая вверх острые треугольники света. Лицо маршала приобрело демонический вид, но все дело было в том, под каким углом падал на него свет. Несомненно.

Внезапно Бонвилан повернул голову в направлении Конора, и мальчик с трудом поборол инстинктивное желание вскочить и убе-

жать. Разглядеть его, окутанного тьмой, было невозможно. Он замер, затаив дыхание, а потом внезапно осознал, что движение маршала было связано с желанием не бросить взгляд в сторону лестницы, а придвинуть ухо ближе к стене. Он прислушивался к чему-то. Или скорее к кому-то. И еще одна деталь: в левой руке он сжимал что-то темное. Свет мигнул чуть под другим углом, и Конор внезапно понял, что это кирпич, который маршал вынул из стены и теперь стоял, подслушивая разговор в королевских апартаментах.

Звук голосов достигал лестницы, и благодаря акустике оружейной башни Конор узнал их, как, несомненно, и Бонвилан.

«Голос короля. И Виктора. Значит, маршал шпионит за королем».

Закрыв глаза и напрягая слух, Конор пытался разобрать смысл слов, а ведь на самом деле ему следовало сделать одно — немедленно рвануть с места со всей скоростью своих молодых ног. И не куда-нибудь, а к отцу.

В королевских апартаментах Виктор Вигни расположился у камина в одном из кресел в стиле Людовика XV. Парадная дверь распахнулась, и вошел король, неся поднос с двумя высокими стаканами охлажденного пива, один

из которых с большой помпой и поклонами предложил Виктору.

— Фантастика! — сказал Виктор, сделав большой глоток. — Холоднее, чем задница полярного медведя. Надо полагать, холодильник работает на славу.

Николас сел и отпил из своего стакана.

— Превосходно, хотя аммиак — вещь довольно опасная. Немцам нужно подыскать новый газ.

— Не сомневаюсь, так и произойдет. — Виктор стер пенные усы. — Прогресс, что ни говори.

— Представляешь себе все выгоды надежной заморозки?

— Вы имеете в виду помимо холодного пива? — пошутил Виктор.

Николас принялся расхаживать по комнате. Тема прогресса никогда не оставляла его равнодушным.

— Мы сможем торговать с Соединенными Штатами. Получать свежие продукты. И экспортировать тоже.

— Алмазы не нуждаются в заморозке, — сострил Виктор.

— Я имею в виду другие вещи. Мы сможем замораживать сельскохозяйственную продукцию в огромном пакгаузе и потреблять ее в межсезонье. Земляника и лососина круглый год.

Виктор внезапно посерьезнел:

— Мой дорогой друг, у вас есть рыба покрупнее, о которой следует тревожиться.

— Что тебе известно? — спросил Николас и снова сел.

Виктор вздохнул.

— Все скверно, как вы и опасались, и даже хуже. Мой человек на Малом Соленом рассказывает, что Бонвилан загоняет пленников до смерти. Насколько известно моему осведомителю, вина многих заключенных — всего лишь бродяжничество. Пока мы не можем доказать этого, но, по моим подсчетам, по крайней мере половина алмазов исчезает между копиями и казначейством.

— Проклятье! — воскликнул король и швырнул свой стакан в камин. — Да, Бонвилан — вот наша головная боль. Погибель для Соленых островов. Он рассматривает острова как свое личное имущество. Я должен избавиться от него.

Виктор кивнул на камин.

— Прекрасное начало. Хрусталь в камине... Это, конечно, напугает маршала до смерти.

Мгновение глаза короля полыхали, но потом он взял себя в руки и поглядел на камин, возможно, сожалея о потере холодного пива.

- Как долго мы вместе, Виктор?
- Если я отвечу, за этим последует речь?
- Ох, я выпил слишком мало пива!

Виктор смягчился:

— Двадцать лет, Ник. Летали на аэростатах на каждой выставке в благословенных Соединенных Штатах, а теперь вот здесь, в этом прекрасном замке.

— Сколько времени! И чего мы достигли? Виктор, мы можем помочь здешним людям. Не просто несколько шиллингов беднякам... по-настоящему помочь. Сделать так, чтобы жизнь навсегда стала лучше. Машины — вот решение проблемы. Мы можем создать их. Посмотри на юного Конора Брокхарта. Ты когда-нибудь встречал такой ум?

— Это понятно, — с оттенком гордости ответил Виктор. — И Изабелла тоже понимает.

Николас улыбнулся.

— Бедный Конор!

— Думаю, бедный Конор понятия не имеет, через какие обручи Изабелла заставит его прыгать.

Хорошее настроение быстро покинуло короля.

— Будь он проклят! Я имею в виду Бонвилана. Он тиран. Король я или нет? Я избавлюсь от него.

— Будь осторожен, Николас. На стороне сэра Хьюго его армия. Деклан Брокхарт единственный, кто может поколебать их влияние. Люди прислушиваются к нему. Нужно как-нибудь пригласить его принять участие в нашем разговоре.

— Согласен. Сегодня вечером. Я не могу больше ждать ни дня. Еще месяц не закончится, как Бонвилан окажется в тюрьме. Больше ждать нельзя. Из-за этого человека острова оказались в ловушке средневековья. Его гвардейцы — кровожадные головорезы, а его правосудие ужасно и нацелено лишь на собственные интересы. Спустя семьсот лет союз между семьями Трюдо и Бонвиланов подходит к концу.

— Пью за это, — сказал Виктор и допил свое пиво.

Бонвилан вошел в служебную дверь уверенными, неторопливыми шагами, держа в вытянутой руке пистолет. Не было никакой напыщенной злодейской преамбулы; для этого сэр Хьюго слишком часто оказывался в ситуации жизни или смерти. Он позволил себе единственное высказывание.

— Виктор Вигни, вы убили короля.

Француз и монарх среагировали мгновенно, не тратя время на протесты или мольбы. В глазах Бонвилана светилось убийство, никаких сомнений. Виктор метнулся через комнату, чтобы закрыть телом друга; правая рука Николаса скользнула к револьверу «смит-вессон», который он всегда носил у бедра, в американском стиле.

Виктор, как более молодой, почти достиг своей цели; однако сколь ни быстр человек, пистолет быстрее. Бонвилан выстрелил, и пуля прошла между указательным и большим пальцами француза; это слегка отклонило ее, но не настолько, чтобы спасти короля. Николас рухнул в кресло и погиб еще до того, как «смит-вессон» выпал из его рук.

Бонвилан удовлетворенно заворчал, подобрал королевский пистолет и направил его на Виктора Вигни, лежащего на коврик у камина; из его руки струилась кровь.

— Вы почти успели, — с оттенком восхищения сказал Бонвилан. — Достойно похвалы.

Виктор поглядел в глаза маршала и понял, что ему конец.

— Значит, это я убийца? — спросил он.

— Да. Вы застрелили короля из своего пистолета. В Скотланд-Ярде разработали мето-

дику, позволяющую установить, из какого пистолета выпущена пуля. Я приглашу их эксперта. Я также нанял голландского эксперта-почерковеда, чтобы он подделал письма от вас к французскому правительству с детальным описанием оборонительных сооружений Соленых островов. Ну что, похоже это на действия человека, из-за которого острова оказались в ловушке средневековья?

— Никто не поверит, что я убил короля, — запротестовал Виктор. — Он был мне как брат.

— Об этом мало кому известно, — пожал плечами Бонвилан. — Вы были его тайным агентом, помните? Шпионили за мной. Ладно, к делу. Уверен, у вас что-нибудь да припрятано — кортик в сапоге, или дерринджер* в бороде, или еще какой-нибудь шпионский трюк. Прощайте, Виктор Вигни! Передайте своему господину, что союз между семьями Трюдо и Бонвиланов еще какое-то время продлится.

— Вам никогда не остановить всех нас! — воскликнул Виктор и отважно вскочил с кортиком в руке, который он прятал под одеждой.

Бонвилан возмущенно фыркнул и четыре раза выстрелил Виктору в грудь. Чересчур мно-

* Дерринджер — короткоствольный крупнокалиберный карманный пистолет.

го, может быть, но его поймут; ведь только что убили короля.

И тут его поразила одна мысль.

«Не остановить всех нас».

Что Вигни имел в виду? На островах есть другие шпионы?

— Или вы дурачите меня, француз? — Он присел на корточки и вложил в пальцы Виктора его кольт «Миротворец». — Хотите заронить во мне сомнения?

Открылась парадная дверь, и появился часовой.

— Предполагается, что мне пора войти?

— Да-да, — ответил Бонвилан. Необходимость вовлечь в дело часового раздражала его; нужно будет при первой же возможности избавиться от него. — Ты услышал выстрелы и вошел. Видишь, что здесь произошло? Они застрелили друг друга. Никаких выводов от тебя не требуется. Просто расскажешь, что увидел.

Часовой медленно кивнул, хотя уже не в первый раз получал эти несложные инструкции.

— Расскажу, что увидел. Да, маршал. А вы не убьете меня?

— Конечно, нет, Малдун. На тебе красный крест. Я не убиваю своих гвардейцев.

На лице Малдуна возникло выражение откровенного облегчения.

— Рад слышать. Спасибо, маршал, за то, что позволяете мне продолжать мою жалкую жизнь.

Бонвилан с трудом подавил желание прервать жалкую жизнь Малдуна немедленно.

— А теперь уходи и подними тревогу.

Малдун истово закивал.

— Да, маршал. Конечно. Но кто этот мальчик у вас за спиной, сэр?

Бонвилан удивленно замигал.

— Прошу прощения?

Конор был сообразительный молодой человек, и ему не понадобилось много времени, чтобы понять, что происходит. По-видимому, Виктор был не только домашним учителем, но и шпионом короля Николаса. Бонвилан, надо полагать, подслушивал за стеной, дожидаясь, пока их заговор созреет, с намерением положить ему конец, прежде чем прикончат его самого. Но при чем тут пистолет Виктора?

В голове зазвучал ворчливый голос учителя: «Ради бога, мальчик! Неужели это не очевидно?»

Конор побелел как мел. Конечно. Оружие Виктора. Значит, и преступление совершил Виктор.

Когда Бонвилан входил в дверь, у Конора уже возникли зачатки плана. Он ворвется следом, всего в двух шагах позади маршала, и криком предупредит Виктора. Тот наверняка среагирует быстро и без труда обезоружит Бонвилана.

Он был на середине лестничного пролета, когда прозвучал первый выстрел. Так быстро? Так быстро? Кто получил пулю? Может, король Николас выстрелил первым? Тогда все хорошо. Лишь один выстрел, в конце концов. Один выстрел — один человек.

Он продолжал подниматься, но теперь более настороженно. Ему не улыбалось, чтобы король или учитель застрелили его как предателя. Они, конечно, будут нервничать, ожидая появления людей Бонвилана. Да и необходимость предостерегать кого бы то ни было теперь отпала. Слишком поздно.

Конор остановился в дверном проеме, щурясь от яркого света. Глаза снова обрели способность видеть как раз в тот момент, когда Бонвилан застрелил бросившегося на него Виктора.

Конор потерял дар речи, когда разглядел открывшуюся ему живописную, но от этого еще более жуткую картину. Король мертв. Виктор тоже. Ужасно. А Бонвилан ухмыляется и раз-

говаривает сам с собой, точно безумный. Потом он вкладывает пистолет в руку Виктора. Нет, эти события не могут происходить на самом деле; они скользят по поверхности реальности, словно камни, пущенные вдоль морской глади. Ночной кошмар, вот что это.

Послышался стук в дверь, и вошел часовой. Конор узнал его по тем временам, когда странствовал по коридорам замка с Изабеллой. Олух, ставший караульным благодаря связям. Однако человек тем не менее, и, следовательно, нужно его предостеречь.

Конор набрал в грудь воздуха, чтобы крикнуть, и тут часовой заговорил с Бонвиланом. Этот человек участвовал в заговоре! Бонвилан ускользнет от правосудия, никаких сомнений. Король мертв, и память Виктора будет очернена. Невыносимо!

Нужно каким-то образом помешать осуществлению этого заговора. Нельзя допустить, чтобы Бонвилан добрался и до Изабеллы. Низко пригнувшись и прячась за мебелью, Конор подполз к Виктору. Тот лежал на боку. Глаза широко распахнуты с выражением удивления, на губах пузырится кровь. Мертв. Мертв. Конор изо всех сил сдерживал слезы. Чего в такой ситуации ждал бы от него Виктор? А отец? Чтобы он помешал этому заговору. В нескольких

сантиметрах от его руки лежал заряженный пистолет, и он провел немало времени, обучаясь стрельбе.

Внезапно Виктор несколько раз моргнул, его взгляд сфокусировался; ему было даровано еще мгновение жизни.

— Не делай этого, мальчик,— прошептал он, сразу же оценив ситуацию.— Башня Мартелло в Килморе. Найди и сожги ее. Бонвилан не должен узнать наши секреты. Ключ у орла. А теперь уходи. Уходи!

Конор кивнул. Сейчас слезы обильно стекали по щекам, капали с носа и подбородка.

«Башня Мартелло. Килмор. Сожги ее. Уходи».

Возможно, он и впрямь ушел бы, избавив себя от долгих лет страданий, если бы в этот момент француз не испустил последний вздох.

«Мертв. Теперь уж точно».

Конор был в шоке. Потерять друга и наставника дважды на протяжении нескольких минут! Они никогда не полетят вместе. Они никогда не полетят.

Брокхарт в нем взял верх, отпихнув в сторону ученого. Виктор пытался защитить его, но в этом не было нужды: Конор владел всеми видами боевого оружия, включая азиатское и индийское.

Он вытащил кольт из руки Виктора. Прикосновение перламутровой рукоятки к ладони вызвало ощущение уверенности и одновременно сердечной боли. Тысячу раз он вертел в руках этот пистолет, слушая, как Виктор бранит его за самонадеянность.

Он снова повертел его, стараясь успокоиться, и проверил барабан. Осталось пять выстрелов. Хватит, чтобы ранить. Конор встал. Слезы на лице быстро высыхали.

Первым его заметил часовой.

— Но кто этот мальчик у вас за спиной, сэр? — тупо спросил он.

Бонвилан медленно обернулся, успев придать лицу огорченное выражение.

— Ах, юный Брокхарт! — сказал он таким тоном, словно ждал появления Конора. — Какая ужасная трагедия.

Конор нацелил кольт в грудь Бонвилана; достаточно крупная мишень.

— Я все слышал, маршал. И видел, как вы застрелили Виктора.

Бонвилан перестал притворяться. Его лицо снова стало прежним: острые углы и тени.

— Никто тебе не поверит.

— Кое-кто поверит. Мой отец, например. Маршал задумался.

— Знаешь, ты, возможно, прав. Это означает, что я должен убить и тебя — если ты не убьешь меня.

— Я могу сделать это. И вон того олуха тоже. Конор взвел курок.

— Уверен, что можешь, теоретически, однако время теорий кончилось. Это не тренировочная площадка, Конор: мы на войне.

— Стойте, где стоите, маршал. Кто-то наверняка слышал выстрелы. И они вот-вот придут.

— Стакими-то стенами? Нет. Никто не придет.

Конор понимал: это правда. Виктор рассказывал ему, что как-то вечером они с Николаем испытывали фейерверки на каминной решетке и ни одна душа во дворце ничего не услышала.

— Ты, солдат! Положи ружье и сядь в кресло.

Часовому не понравилось, что ему отдает приказы четырнадцатилетний мальчишка, но тот очень уверенно держал в руке пистолет.

— В это кресло? На нем кровь.

— Нет, идиот! Вон в то. У стены.

Часовой положил ружье на каменный пол и поплелся к стулу у стены.

— Это стул,— пробормотал он,— а ты сказал кресло.

Бонвилан исподтишка сделал маленький шагжок вперед, рассчитывая, что глупая болтовня часового отвлечет Конора. Увы.

— Не двигайтесь, предатель! Убийца!

Бонвилан улыбнулся, сверкнув блестящими, словно желтый жемчуг, зубами.

— Сейчас, Конор, я объясню тебе, что собираюсь сделать, и, клянусь, так оно и будет. Я неспешно пересеку разделяющее нас пространство и задущу тебя. Ты можешь остановить меня одним-единственным способом: застрелить. Помни, это война, не учебные занятия.

— Стойте, где стоите! — закричал Конор, но маршал уже двинулся вперед.

Их разделяли пять шагов. Потом четыре...

— Стреляй, парень. Скоро я буду слишком близко, и тебе будет трудно промахнуться.

«Я все сделал неправильно,— понял Конор.— Нужно было сбежать и позвать отца».

Он в жизни не стрелял в человека. И никогда не хотел этого.

«Я хочу строить летающие машины. С Виктором».

Но Виктор мертв. И убил его Бонвилан.

— Я уже рядом,— сказал маршал.

Конор выстрелил дважды, чуть ниже вытянутых рук Бонвилана, в верхнюю часть груди.

«Я должен был сделать это. Он не оставил мне выбора».

Бонвилан слегка пошатнулся, но продолжал идти. Лоб у него побагровел, но свет в глазах не померк.

— А теперь,— он вырвал пистолет из руки Конора,— я задушу тебя, как и обещал.

Конор оказался в воздухе. Без всякого результата он молотил маршала руками и ногами по бокам, которые от ударов позвякивали.

— Я тамплиер, парень,— сказал Бонвилан.— Неужели ты никогда не слышал о нас? Отправляясь на войну, мы надеваем кольчугу. Кольчугу. И сегодня я тоже надел бронежилет, просто на случай, если дела пойдут не так, как планировалось. Нелишняя предосторожность, как мы можем убедиться.

Однако в данный момент это открытие почти прошло мимо сознания Конора. Он понял одно: Бонвилан по-прежнему жив. Получил пулю, но жив.

— Держите его, маршал! — закричал часовой и схватил свое ружье.— Держите его, чтобы он не закричал, а я застрелю его.

— Нет! — возопил маршал, представив себе весь унижительный идиотизм эпитафии, включающей слова: «нечаянно застрелен при попытке задушить юношу».

— Вы предпочитаете сделать это сами? — помрачнев, сказал часовой. -

Продолжая душить Конора, Бонвилан лихорадочно соображал. Он в буквальном смысле слова держал в руках решение проблемы капитана Брокхарта. Виктор Вигни был прав: Деклан Брокхарт представлял собой в армии единственную реальную оппозицию Бонвилану. Определенно сложившаяся ситуация открывала путь к тому, чтобы добиться преданности капитана. И если это потребует некоторых манипуляций, разве не этим он, Бонвилан, занимается всю жизнь?

Из глубин сознания вынырнула идея, словно голова коварной змеи из болота. Что, если мятежный Виктор Вигни действовал не в одиночку? Что, если у него был сообщник — вот этот часовой, например? Часового определенно следует пустить в расход.

Бонвилан почувствовал пробежавший по спине холодок. Он был на грани величия, он чувствовал это. Для Бонвилана именно такие моменты делали жизнь терпимой. Моменты, когда возникал вызов, достойный его специфических талантов.

— Эй ты, идиот! — окликнул он часового. — Открой окно.

— Это? — спросил часовой, хотя в комнате было всего одно окно.

— Да, — с притворным простодушием ответил Бонвилан. — То, которое выходит на обрыв.

Конор пришел в себя оттого, что едва не задохнулся в сырой камере без окон, где томился уже несколько часов. Периодически одиночество прерывалось появлением двух стражников, с заметным удовольствием пинавших его худощавое тело. В последний раз они содрали с него одежду и облачили в армейскую форму Соленых островов: «Потому что от твоей одежды несет кровью и страхом».

Страдая от боли, Конор тем не менее пытался понять, что бы это значило. Почему солдатская форма? Не успел его одурманенный мозг найти хоть какой-то ответ, как избиение возобновилось — тыльной стороной руки по лицу.

Один глаз заплыл, из носа потекла кровь. Стражники приложили к его голове что-то мягкое. Полотенце, может быть? Чтобы остановить кровотечение? Необычное проявление сочувствия с их стороны.

С ним делали еще что-то, столь же непонятное. Один стражник смазывал щеки чем-то, пахнущим как черный порох. Другой царапал предплечье писчим пером. Это продолжалось, каза-

лось, часами. Когда они удовлетворились плодами своих усилий, более тучный из этой пары защелкнул наручники на запястьях Конора, а на голову надел плетеную клетку для буйнопомешанных, так сильно затянув проходящий на уровне рта кожаный ремень, что зубы Конора раздвинулись, а челюсти затрещали. Теперь единственными звуками, которые он мог издавать, были стоны и мычание.

Сама камера представляла собой трехметровый закуток ада, и Конор никак не мог поверить, что на Большом Соленом может быть такое ужасное место. Стены и пол гранитные. Камера вырублена в толще самого острова. Никаких кирпичей или известки, просто твердая скала. Отсюда не сбежишь. По желобкам, возникшим в результате многовековой коррозии, стекала вода. Конор даже не пытался утолить ею жажду. Комбинация клетки на голове и наручников создавала условия, при которых ничто не могло проникнуть ему в рот. В любом случае сами желобки покрывали хлопья соли. По ним текла морская вода.

Его оставили на целую вечность одного — обреченного на страдания. Король мертв. Отца Изабеллы убил Бонвилан. Виктора тоже больше нет. Наставник и друг Конора жестоко убит. И что будет с ним самим? Конечно, Бон-

вилан не сохранит жизнь свидетелю. Конор чувствовал тяжесть клетки на голове, болезненные ссадины от наручников на запястьях и понимал, что его собственная смерть не за горами. От этой мысли сжималось сердце.

Металлическая дверь открылась, со скрипом поворачиваясь на петлях. Грязно-желтый свет проник в помещение, и в этом свете безошибочно различался силуэт сэра Хьюго Бонвилана. Королевского маршала и убийцы. Из-за этого человека Изабелла осиротела.

Гнев охватил Конора, придав ему сил. Шатаясь, он поднялся на ноги и вытянул руки в сторону Бонвилана. Это зрелище ужасно развеселило последнего. Насвистывая, он ухватился толстыми пальцами за прутья клетки и толкнул Конора к стене, но вздрогнул, когда послышались лязг и громохание.

— Я использовал против тебя твою же инерцию,— объяснил он, точно на школьных занятиях.— Базовые понятия. Базовые. Если бы один из моих людей допустил такую ошибку, я приказал бы его высечь. Неужели этот французский денди ничему путному тебя не научил?

Бонвилан присел на корточки, прислонив Конора к влажной шероховатой стене.

— Великий день, не так ли? Исторический. Король умер, убитый, по-видимому, мятежниками. Понимаешь, что это означает?

Конор не мог ответить, даже если бы захотел. Если бы не боль, все происходящее напоминало бы кошмарный сон.

Бонвилан постучал по клетке, привлекая внимание Конора.

— Эй, юный Брокхарт? Ты еще с нами?

Конор попытался плюнуть в своего мучителя, но лишь подавился слюной.

— Хорошо. Жив, по крайней мере. Так вот, касательно смерти короля, позволь объяснить тебе, что это означает. Это означает конец всех нелепых реформ. Деньги для людей. Для людей? Немытая, необразованная чернь — вот кто они такие. Больше никаких денег для людей, можешь держать по этому поводу пари на кровь в твоих жилах.

«Все, что сделал король Николас, пойдет прахом,— вяло подумал Конор.— Все впустую».

— Изабелла становится королевой. Марионеткой, естественно, но тем не менее королевой. И попробуй догадаться, чему она посвятит свою жизнь?

Конечно. Это было очевидно даже для Конора — для мальчика, находящегося в состоянии потрясения.

— Вижу по твоим глазам, что догадываешься. Она посвятит свою жизнь искоренению мятежников. И я буду неуклонно и в неограни-

ченных количествах поставлять их ей. Любой торговец, отказывающийся платить налог. Любой недовольный чем-то юнец. Все они станут мятежниками. Всех повесят. Теперь я ближе любого моего предка Бонвилана к тому, чтобы стать королем.

Это заявление повисло между ними, отягощенное предательством, длившимся долгие века. Конор слышал лязганье наручников и звук капавшей воды. Бонвилан притянул его клетку к себе так близко, как позволяли прутья, и отстегнул стягивающий рот ремень.

— Перед смертью твой учитель сказал, что мне никогда не остановить их всех. Был ли Виктор Вигни связан с французскими воздухоплатателями? Или с этим *La Légion Noire*... с «Черным легионом»?

Губы Конора распухли от ударов, челюсть простреливала боль, и все же он сумел заговорить.

— Нет никакого «Черного легиона». Вы погубите Соленные острова, сражаясь с воображаемым врагом.

— Позволь мне объяснить кое-что, человек! — прорычал маршал. — Если бы не Бонвиланы, эти острова были бы всего лишь скалами в океане. Ничего, кроме соли и птичьего дерьма. Мы столетиями нянчились с Трюдо. Но все,

хватит. Отныне этот остров мой. Я выдою его досуха, а королева Изабелла будет жить ровно до тех пор, пока не станет вмешиваться в мои дела.— Бонвилан постучал по клетке Конора.— Хотелось бы услышать, что ты думаешь о моем плане, юный Брокхарт.

— С какой стати вы рассказываете мне все это, убийца? Я не ваш духовник.

Бонвилан потряс клетку, как будто она скрывала в себе какую-то загадку.

— Не мой духовник. Прекрасно... мне будет недоставать наших разговоров. Я объясню тебе, юный Брокхарт, поскольку только такие моменты и делают жизнь сто́ящей. Мне лучше всего, когда вокруг все кипит. Колоть, стрелять, плести интриги. Меня это радует. Меня это возбуждает. На протяжении столетий Бонвиланы держались в тени трона, управляя им с помощью своих махинаций. Но так, как сейчас, не было никогда.

Бонвилан чуть не опьянел от счастья. Все его планы должны были вот-вот осуществиться.

— И ты, маленький надоеда, превратишь хороший план в превосходный. Все дело в твоём отце, видишь ли. Он прекрасный солдат, готов это признать. Замечательный солдат, способный разжечь в душах людей великую преданность. Я собирался убрать его и избавиться

от этой напасти. Но теперь мятежник Виктор Вигни и ты, его послушный ученик, убили короля. Для твоего отца — дело чести защищать новую королеву всеми доступными ему средствами. И поскольку я пообещаю ему не проводить расследования в отношении его сына, Деклан Брокхарт будет обязан мне тем, что его репутация не пострадает. Вот каким образом ты обеспечишь мне его преданность. Благодарю тебя за это. — Бонвилан наклонился еще ближе, придав своей физиономии выражение печали. — Однако должен сообщить, что сейчас он ненавидит тебя. И Изабелла тоже — когда я рассказал им свою версию ночных событий. Смею даже предположить, что отец собственноручно убил бы тебя, если бы я ему это позволил. Однако это дело семейное, уж никак не мое. Он сам тебе все скажет.

С этими словами Бонвилан снова затянул ремень клетки Конора и продел цепь от наручников в кольцо на стене. Потом встал, скрипя коленными суставами; крупная фигура заполнила всю камеру. Внезапно покрытое шрамами лицо Бонвилана приняло задумчивое выражение.

— Ты, возможно, думаешь, что я страдаю — учитывая, сколько людей я убил, сколько сотен жизней отнял. Разве меня не должны по

ночам посещать демоны? Разве я не должен терзаться чувством вины? Иногда я лежу в постели и действительно жду кары, но она никогда не приходит. — Бонвилан пожал плечами. — Да и с какой, собственно, стати? Возможно, я хороший человек. Сократ сказал: «Есть только одно благо — знание; и есть только одно зло — невежество». Ну, меня невежественным не назовешь, значит, я хороший. — Он подмигнул Конору. — Как думаешь, этот аргумент введет в заблуждение святого Петра?

В этот момент Конор осознал, что Бонвилан безумен.

Между тем маршал вернулся к настоящему.

— Продолжим философскую дискуссию как-нибудь в другой раз. Почему бы мне не пригласить сюда твоего отца? Думаю, у него найдется несколько слов для сбившегося с пути сына.

Бонвилан покинул камеру, насвистывая вальс Штрауса и дирижируя указательным пальцем.

Конор остался лежать на полу. От тяжести клетки ныла шея. Однако, несмотря на боль, сейчас в душе вспыхнула искра надежды. Отец разгадает эту шараду, несомненно. Деклана Брокхарта никто не обведет вокруг пальца, и он не оставит сына лежать на полу мерзкой

камеры. Прошло несколько минут, и Конором овладела уверенность, что скоро он окажется на свободе и сможет разоблачить Бонвилана как убийцу. Бонвилан даже не потрудился запереть дверь камеры. Прошло совсем немного времени, и он вернулся с Декланом Брокхартом. Никогда в жизни Конор не видел отца таким несчастным. Спина Деклана, обычно распрямленная, сейчас горбилась; он вздрагивал и держался за Бонвилана, словно старик за свою сиделку. Хуже всего выглядело лицо; глаза, рот, морщины и складки — все горестно стекало вниз, словно оплывший воск.

— Вот он, — с сочувствием в голосе сказал Бонвилан. — Вот он. Учтите, всего несколько секунд.

Конор постарался выпрямиться, опираясь на стену.

«Отец, — попытался он сказать. — Отец, помоги мне».

Однако из его распухших, стянутых ремнем губ вырвался лишь стон.

Деклан Брокхарт возвышался над ним, слезы стекали по его подбородку.

— Из-за тебя, — прошептал он. — Из-за тебя...

И потом он бросился на Конора, но не чтобы обнять, а чтобы убить. Бонвилан был наготове и удержал Деклана Брокхарта сильными руками.

— Не надо, Деклан. Соберите все свое мужество. Ради Кэтрин. И ради юной Изабеллы. Мы все нуждаемся в вас. Соленые острова нуждаются в вас.

Говоря все это, Хьюго Бонвилан посмотрел через плечо Брокхарта и снова подмигнул. Эта комбинация печали и безумия подействовала на юного Конора, словно физический удар. Он отпрянул от отца и подтянул колени к подбородку.

«Что происходит? Неужели весь мир сошел с ума?»

Деклан Брокхарт справился с собой и вытер рукавом лоб.

— Хорошо, Хьюго, — запинаясь, заговорил он. — Я в порядке. Вы правы. Этот негодяй для меня ничто. Ничто. Его смерть ничего не исправит. Пусть им займется Малый Соленый. Пошли; я нужен жене.

«Негодяй? Отец назвал меня негодяем».

— Конечно, капитан Брокхарт... Деклан. Конечно.

И Бонвилан увел его. Два солдата, два товарища по несчастью.

«Что? Что это было? Деклан? Малый Соленый?»

Из последних сил Конор застонал, призывая отца вернуться. И он добился своего. Отец

вернулся — всего на несколько мгновений, только для того, чтобы произнести последние убийственные слова.

— Твои подлые действия лишили меня короля. И хуже того, гораздо хуже — из-за того, что ты сделал, я лишился сына. Мой сын ушел, и это... — Деклан Брокхарт замолчал, борясь с яростью, и наконец сумел справиться с собой. — Мой сын ушел, а ты остался. Предупреждаю, предатель. Если мы когда-нибудь снова встретимся, то лишь ради того, чтобы я убил тебя.

Это были слова, которые ни один человек не должен говорить другому, а в устах отца, да еще обращенные к сыну, они звучали непереносимо жестоко. Конор Брокхарт почувствовал, будто его сердце и впрямь разбито*. Все, на что он был способен, — это поднять руки в наручниках, вцепиться в клетку и дергать, дергать ее до тех пор, пока боль не вытеснит из головы эти полные ненависти слова.

— Безумен, — сказал Бонвилан, выводя Деклана Брокхарта из камеры. — Но возможно, именно поэтому он и сделал то, что сделал.

Когда камера осталась позади, Бонвилану стоило большого труда изображать печаль. Поджидающие снаружи стражники были готовы

* Английская фамилия Брокхарт (Broekhart) буквально означает «разбитое сердце».

выхватить сабли, но маршал еле заметно покачал головой. Его махинации увенчались успехом; значит, пока Деклан Брокхарт будет жить.

— Доставьте капитана к его экипажу, — приказал он стражникам. — Я сам прослежу за пленником.

Деклан стиснул руку Бонвилана.

— Вы вели себя сегодня как настоящий друг, Хьюго. В прошлом мы не раз ссорились, но теперь это позади. Я не забуду, как быстро вы схватили предателя. И я верю, что он заплатит за участие в убийстве короля и за то, что произошло с Конором. Моим сыном.

Лицо Брокхарта снова исказилось от горя.

«Как слаб этот человек, — подумал Бонвилан. — К чему вся эта истерика?»

— Конечно, Деклан. Заплатит, можете рассчитывать на это.

Они обменялись рукопожатиями. Спотыкаясь, Брокхарт удалился по каменному коридору. Бонвилан повернулся к камере; несчастный мальчик лежал, потеряв сознание. Крошечная муха в мастерски сплетенной паутине. Бонвилан опустился рядом с Конором на колени, неожиданно для себя обнаружив, что испытывает к нему нечто вроде сочувствия.

«Это не слабость, это вполне естественно, — сказал он себе. — Я же человек».

Просто невероятно, как легко удалось все повернуть. Выяснить, когда король пригласит к себе Виктора, и свалить убийство Николаса на француза. Конор Брокхарт стал чем-то вроде восхитительного приза — способом обеспечить преданность его отца. Правда, он с ними обоими немного поиграл, но в этом ему никогда не было равных. Бог дал ему талант манипулировать людьми.

Финальная часть плана пришла маршалу на ум после неожиданного появления Конора в королевских апартаментах. Поскольку Бонвилан чуть не задушил его, лицо мальчика распухло до неузнаваемости. Даже родная мать не узнала бы его. Бонвилан приказал облачить Конора в солдатскую одежду, на голову нацепить старый, изъеденный крысами парик, а лицо измазать черным порошком. Финальный трюк состоял в том, что один из сержантов Бонвилана, не лишенный талантов человек, с помощью писчего пера и чернил изобразил на предплечье Конора полковую татуировку. Пустяк, казалось бы, но и он произвел нужное впечатление. Учитывая кровь, полумрак, парик и форму, маловероятно, чтобы Брокхарт узнал сына. В особенности если ему только что сообщили, что его сын выпал из окна, в упорной борьбе пытаясь защитить Николаса, а этот пленник —

один из солдат-изменников, участвовавших в заговоре. У основания стены уже нашли труп часового. Тело Конора, видимо, унесло в море.

Конечно, если бы Деклан Брокхарт узнал сына, то Бонвилан немедленно собственными руками перерезал бы ему горло, а ответственность за это тоже можно было бы повесить на Конора. Убийство короля днем, отцеубийство вечером.

Однако сейчас благодаря маленьким играм Бонвилана Деклан Брокхарт думал, что его сын мертв, а Конор думал, что отец презирает его как изменника. Сэр Хьюго получил полный контроль над семьей Брокхарт, и если Деклан когда-нибудь отобьется от рук, то Конора можно будет «воскресить» и использовать как оружие шантажа. Неколебимая преданность в обмен на жизнь сына. Бонвилан понимал, что игра с Конором была излишней и жестокой; но и забавной тоже. Собственная бесстыдная отвага вызывала у него трепет.

Бонвилан негромко трижды хлопнул в ладоши.

«Браво, маэстро. Браво. Это мне нравится,— думал он.— Это меня возбуждает».

ЧАСТЬ 2

ФИНН

ГЛАВА 5

МАЛЫЙ СОЛЕННЫЙ

Следующим вечером Конора Брокхарта грубо перетащили на пароход с мелкой осадкой и перевезли на Малый Соленый. Единственный пленник на палубе, он был вынужден делить стоящую на корме клетку с двумя свиньями и овцой. На грязном судне было два охранника, и старший из них горел желанием убедить Конора в собственной важности.

— Вообще-то я пленников не вожу,— объяснил он, стукнув ногой по клетке, чтобы привлечь внимание Конора.— Просто начальник тюрьмы настоял, чтобы я лично доставил твои мослы. Лично, заметь; и приказ поступил напрямую от маршала Бонвилана. Так что прикажешь делать? Отказать Бонвилану? Сомневаюсь, сынок. Если только нет желания распрощаться с хозяином.

Конора его болтовня мало интересовала. Он чувствовал себя потерянным, как цыпленок,

только что вылупившийся из яйца. Он узнал силуэт Малого Соленого в пятистах километрах к северу, и даже с такого расстояния этот остров внушал ужас. А ведь еще вчера он рассматривал его как место, где властвует справедливость.

«Только вчера?»

Возможно ли это? Как много всего случилось за один день.

В широкий киль судна били волны, поднимаемая соленый туман, сквозь который они плыли. Это облако окутывало планшир*, орошая тех, кто сидел в клетке, и вызывая у них дрожь. В первые мгновения Коноор ощутил благословенную прохладу, но потом соль впиталась в раны, заставив его вскрикнуть от боли.

Этот крик, казалось, доставил удовольствие сопровождающим.

— А-а! Значит, мы все еще живы, мистер Коноор Финн?**

«Мистер Коноор Финн?»

Коноор не удивился. Ясное дело, Бонвилан не хотел, чтобы стало известно настоящее имя его пленника. Значит, теперь он Коноор Финн.

* Планшир — деревянные или металлические перила поверх судового ограждения.

** Финн Мак-Кумал (Фингал) — герой кельтских мифов III в. н. э., воин, мудрец, провидец.

— Конор Финн,— продолжал охранник.— Дружок контрабандистов и чокнутый. Пустая голова. Дубина. У нас тут целая компания таких же сумасшедших. Уверен, тебе здесь не понравится.

«Конор Финн. Контрабандист и чокнутый».

Бонвилан обезопасил себя от малейшего риска. Даже если тут будет с кем поговорить, кто поверит чокнутому?

— Нет, Малый Соленый — невеселое местечко. Ни тебе майских деревьев*, ни цирковых представлений. В особенности для Конора Финна. Бонвилан велел поместить тебя в отделение к другим придуркам и не спускать глаз. А что Бонвилан велит, то Артур Биллтоу делает.

Щурясь сквозь отекавшие веки, Конор пригляделся к охраннику. Тот сильно смахивал на литографию орангутанга с Суматры, которую когда-то показывал ему Виктор. Драчливую физиономию обрамляла густая кайма каштановых с проседью волос, пряди которых стекали за воротник гофрированной пиратской рубашки. Ноги короткие, толстые, на них высо-

* Майское дерево — украшенный цветами столб, вокруг которого танцуют во время первомайских праздников.

кие сапоги; пальцы украшали серебряные кольца. В другое время полубандитский вид этого человека мог позабавить Конора, однако сейчас произвел устрашающее впечатление. Как можно человеку, столь далекому от реальности, доверять обязанности охранника?

Тем не менее искра прежнего Конора еще не угасла. Вчерашнего Конора.

— Отличные сапоги, капитан,— пробормотал он.

Биллтоу не разозлился, ни капельки. Он улыбнулся, обнажив полдюжины прокуренных зубов.

— Ох, мы еще повеселимся с тобой, парень. Ты и понятия не имеешь как. Я одеваюсь как мне в голову взбредет и делаю что мне в голову взбредет. В своем уголке Малого Соленого Артур Биллтоу король.

«Король мертв,— подумал Конор, прислоняясь спиной к животным в клетке.— Я видел его мертвым».

Костлявые, дрожащие животные представляли собой почти такое же жалкое зрелище, как и сам Конор.

Пароход обогнул мыс и направился к серповидному побережью Малого Соленого напротив того места, где в его стене были проре-

заны увенчанные орудийной башней ворота. Солнце садилось, отбрасывая на песок красный свет. Крабы сновали в водоемах среди скал, сражаясь за объедки. Кружащиеся в глубине острова чайки точно указывали местоположение тюремной кухни. Биллтоу осторожно открыл клетку и за соединенную с наручниками цепь вытащил оттуда Конора. Его партнер в это время закрепил носовой линь.

— Вот мы и здесь, мистер Конор Финн. Должен предупредить — люди на Малом Соленом недолголюбивают солдат. Был ты солдатом или не был, на тебе солдатские штаны.

Впервые в жизни Конор пожалел, что так вымахал в высоту. Его вполне можно было принять за человека призывного возраста, несмотря на отсутствие растительности на подбородке.

«Если бы только я умел летать,— с тоской подумал он, глядя в небо.— Оставить этот кошмар позади. Улететь домой к...»

Однако у него теперь нет дома. Нет больше уроков с Виктором. Нет моделей планеров и дирижаблей. Нет пикировок с Изабеллой. И отец поклялся убить его, если когда-либо снова увидит,— обещание, причинявшее жгучую боль. Откровенно говоря, Конор жаждал, чтобы отец выполнил его в ту же минуту.

Биллтоу вывел Конора на низкую деревянную пристань, прямо в руки второго охранника.

— Избавь его от блох, мистер Пайк, — сказал Биллтоу. — Дай чего-нибудь пожрать и подготовь к работе в копиях.

Артур Биллтоу вытащил из кармана пресованный жевательный табак и заложил кусок между нижними зубами и губой.

— Теперь мы семья этого солдатики, и нужно отправить его трудиться с крепким поцелуем Малого Соленого. Очень крепким, очень долгим.

Охранники погнали Конора по эллингу* тычками прикладов своих ружей. Когда они входили в тюрьму, Конор заметил, что навесная стена имеет в толщину метра четыре и сделана из прочного гранита. Сотни лет назад Раймонд Трюдо приказал вырыть тюрьму в скальном массиве острова. По мере того как стены становились все выше, тюрьма опускалась все ниже. Происходили обрушения стен, потопы, и пленники погибали, но этот факт ни в коей мере не способствовал прекращению горных

* Эллинг — помещение для постройки или ремонта судов на берегу.

разработок. И так было до тех пор, пока трон не занял король Николас. Теперь, когда главным стал Бонвилан, безопасность заключенных вряд ли будет кого-то волновать.

Охранники провели Конора за спускаемую решетку, черные металлические зубы которой лязгали при каждом ударе волн. Они оказались в просторном дворе, окруженном зубчатой стеной с отложениями соли на ней, на которой стояла по крайней мере дюжина снайперов.

В одном углу двора было озеро, тоже обнесенное невысокой стеной, размером два на два метра. Оценить его глубину не представлялось возможным из-за тины и густых водорослей. От воды несло затхлостью и гнилью.

— А теперь — хлоп! — жизнерадостно сказал Биллтоу и толкнул Конора с края озерца. — Эти клещи убивают все, — услышал Конор за мгновение до того, как грязная вода сомкнулась над ним и наручники потащили его к вязкому дну.

Каждая клеточка тела напряглась в ожидании воздействия соленой воды на порезы, но вместо этого боль унялась. Пресная вода. И еще что-то. Возможно, природное обезболивающее в водорослях. Не успел Конор в полной мере оценить эту неожиданную удачу, как мутные

клубки в озере целенаправленно двинулись в его сторону. Живые, они живые! Конор чуть было не открыл рот, чтобы закричать, но здравый смысл вовремя возобладал. Он находился под водой. Откроешь рот, и эти микроскопические существа хлынут прямо туда. Он закусил зубами губы, плотно сжал их и, преодолевая вес наручников, попытался заткнуть ноздри. Ушам придется самим о себе позаботиться.

Клещи уже трудились над ним, обдирая кожу крошечными зубами. По ощущениям Конора, то была смертная мука, но для его тела это было настоящее благодеяние. Споры растений, взболтанные клещами, дезинфицировали раны, а затем клещи пожирали все остатки инфекции. Они обдирали кровь и струпья, проникая глубоко в раны и полностью очищая их. Подъели болтающиеся волосы, грязь и даже сгрызли фальшивую полковую татуировку на предплечье. Единственное, что они проигнорировали, были следы черного пороха на щеках Конора, но их и так смыло водой.

Он не думал, что охранники позволят ему утонуть. Бонвилан не для того отправил его сюда, чтобы он погиб прямо во дворе. Тем не менее грызущие клещи довели Конора до отчаяния, и, если бы охранники не потянули за цепь и не

выволокли его из озера, он скорее открыл бы рот и позволил воде затопить легкие, чем еще хоть мгновение выносить, как клещи грызут его.

Хватая ртом воздух, Конор лежал на шероховатых плитах, чувствуя, как их края врезаются ему в лоб. На нем все еще оставалось много клещей. Он ощущал, как они трепыхаются на веках и в ушах, шныряют по коже.

— Страхните их, — умолял он охранников, потому что ему претила мысль сделать это самому. — Пожалуйста.

Посмеиваясь, они выполнили просьбу Конора, вылив на него заранее приготовленные ведра соленой воды. Соль оставила на теле горящие следы — словно от ключей проволоки, которую король Николас привез из Техаса. Однако даже эта боль была предпочтительнее миллиона вгрызающихся в кожу зубов.

Биллтоу ткнул Конора сапогом в зад.

— Поднимайся, Конор Финн. И шевелись, если хочешь в постель, а иначе будешь спать прямо на земле. Мне-то все равно, но завтра поутру в Трубу опустят колокол и тебе потребуется для него вся твоя энергия.

Это замечание о колоколе было непонятно Конору. Может, речь идет о церковном оркестре? Хотя вряд ли в таком месте поднимают на-

строение чем-то столь духовным, как церковная музыка. Он медленно встал, стряхивая последних клещей.

— Что это за твари? — спросил он, чувствуя, как странно звучит собственный голос в заложенных ушах.

— Клещи, — ответил Биллтоу. — Паразиты, которые живут в пресной воде. Кроме этого озера они обитают лишь в Австралии, и благодарить за них надо Бродячего Черта. Мы специально подогреваем озеро.

Конор запомнил преподанный ему маленький урок. Виктор советовал никогда не пренебрегать информацией. Информация спасает жизнь, а вовсе не героическое поведение. Однако, несмотря на всю информацию, которой была набита голова Виктора, она не помогла ему спасти собственную жизнь.

Бродячий Черт — подходящее прозвище для короля Гектора II, того, что правил Солеными островами перед Николасом. Изучением других континентов он интересовался больше, чем собственной страной, — факт, который очень устраивал маршала Бонвилана.

Конор стоял, низко опустив руки, чтобы вес цепи больше приходился на долю земли. Что-то зашипело у левого глаза. Очень горячее. Конор не среагировал, совершенно вымотанный

всем, что произошло за день. В противном случае он, возможно, отсрочил бы неизбежное до тех пор, пока не вызвали бы еще нескольких охранников. В том же состоянии, в каком он находился сейчас, и один из них легко справился с ним. Артур Биллтоу пригвоздил его левую руку к камню и прижал к предплечью раскаленное докрасна тавро.

— Поцелуй Малого Соленого,— пояснил Биллтоу.— Надеюсь, он тебе понравится.

Конор, не веря своим глазам, смотрел, как вода выпаривается, и вдыхал паленый запах собственной плоти. Боли не было. Однако она придет, и нет способа избежать ее.

«Я хочу улететь отсюда,— думал Конор.— Я должен улететь отсюда».

Накатила боль, и Конор Брокхарт «улетел», но только в своем усталом сознании.

ГЛАВА 6

ВИНТЕР

Утро на Малом Соленом начиналось рано, о чем возвестил пушечный выстрел, направленный в сторону материка. Этот выстрел был традицией острова, от которой отступали всего дважды за шестьсот лет, прошедших с тех пор, как король Раймонд II ввел этот обычай. Первый раз в 1348 году, когда вспышка чумы меньше чем за месяц унесла половину населения, и потом в Средние века, когда флот пирата Кроу едва не захватил Большой Соленый. Одинокий пушечный выстрел служил сразу двум целям: будил пленников и напоминал ирландским контрабандистам, разбойникам или даже правительственным силам, что войска Соленых островов бдят и готовы отразить любое нападение.

Конор Брокхарт проснулся на деревянных нарах, разбуженный эхом выстрела. Несмотря на все случившееся, спал он крепко. Телу тре-

бовалось время, чтобы восстановить себя, и желательно без перерывов, поэтому Конору была дарована ночь без сновидений. Болело все, но сильнее всего левая рука.

«Поцелуй Малого Соленого».

Значит, все произошло на самом деле. Убийство короля. Осиротевшая Изабелла. И отец Конора, угрожавший ему смертью. Все правда. Вздрагивая, он поднял руку, чтобы осмотреть рану, и удивился, обнаружив, что она аккуратно перевязана. Из-под края повязки подтекала зеленоватая жидкость.

— Нравится повязка, парень? — произнес голос. — Эта зеленая мерзость — подорожник. Я немного и на лицо тебе намазал. Это стоило мне последнего табака — пришлось отдать его одному из охранников.

Конор вгляделся в полутьму камеры и сумел разглядеть длинные тощие ноги и лежащую на одном колене худую руку с отстукивающими воображаемый такт длинными пальцами.

— Это вы сделали? — спросил он. — Повязку? У меня есть... У меня был друг, хорошо разбирающийся в медицине.

— Молодым человеком во время Гражданской войны я в течение года входил в банду

Миссурийских головорезов. — В ~~голосе~~ незнакомца явственно чувствовался американский акцент. — И научился кое-чему в медицине. Конечно, когда они узнали, что я шпион янки, сам Джесси Джеймс* отходил меня кочергой по черепу. Надо полагать, посчитал, что я уже достаточно всего повидал.

— Спасибо вам, сэр. Не ожидал встретить здесь такую доброту.

— И ты немного ее тут увидишь, — проворчал янки. — Но то, что увидишь, будет сиять, словно алмаз в бадье с углем. Естественно, мы, помешанные, добрее всех в этой компании.

Конор пришел в полное замешательство.

«Мы, помешанные?»

Потом он вспомнил, что Бонвилан объявил его безумным. Пустоголовым. Дураком.

— Конечно, технически я инвалид, а не помешанный, — продолжал американец, — но здесь, на Малом Соленом, нас держат вместе. Помешанные, инвалиды, буйные. — Он встал и протянул Конору руку. — Давай познакомим-

* Джеймс Джесси Вудсон (1847–1882) — знаменитый бандит; во время Гражданской войны в Америке был партизаном на стороне южан-конфедератов. После войны в течение тринадцати лет вместе с братом возглавлял банду, грабившую банки и поезда. Стал героем многих народных баллад и песен.

ся. Я Линус Винтер. Ты меня будешь часто видеть, а вот я тебя, увы, нет.

Винтер вышел из тени, а скорее вывалился, как груды метел из шкафа. Высокий, костлявый человек лет за пятьдесят, облаченный в рваные остатки того, что когда-то было прекрасным вечерним костюмом. Как и у Конора, на нем была повязка, но не на руке; она полностью прикрывала глазницы. Джесси Джеймс хорошо поработал кочергой, следы которой запечатлелись на высоком лбу Винтера в виде красновато-фиолетовых рубцов.

Винтер оттянул повязку.

— Раньше, когда я играл, то носил оперную маску. Очень мелодраматично. Чистый Диккенс.

Конор пожал руку Винтеру со всей силой, на какую оказался способен.

— Конор... Финн. Так меня теперь зовут.

Винтер кивнул. При этом торчащий нос и адамово яблоко отбросили треугольные тени на лицо и шею.

— Прекрасно. Новое имя. На Малом Соленом лучше стать другим человеком. Прежний Конор мертв. Чтобы выжить здесь, человеку требуется восприимчивость особого рода. Даже очень молодому человеку.

Конор согнул и разогнул пальцы. Сухожилия побаливали, но все функционировало вполне сносно. Он без особого энтузиазма оглядел тюремную камеру. Она мало чем отличалась от предыдущей, разве что имела одно застекленное, зарешеченное окно и две деревянные койки.

С некоторой задержкой до него дошло кое-что, сказанное Винтером.

«Даже очень молодому человеку?»

Он замахал рукой перед глазами Винтера.

— Откуда вам известен мой возраст? Вы компенсируете отсутствие зрения другими ощущениями?

— В какой-то степени; так что можешь опустить руку. Однако я знаю о тебе все, юный Конор Брокхарт или Конор Финн, поскольку ты бредил ночью и своим бормотанием не давал мне спать. Король? Он и вправду мертв?

На глазах Конора выступили слезы. Услышать такое произнесенным вслух... Это создавало ощущение того, что семя злых дел Бонвилана проросло в реальном мире.

— Да. Я видел его мертвым.

Винтер издал долгий, печальный вздох и провел рукой по густым седеющим волосам.

— Это действительно грустная новость, чреватая серьезными последствиями. Большими,

чем ты в состоянии понять. Бонвилан снова утает эти острова в средневековье.

— Вы знаете Бонвилана?

— Я много чего знаю о том, что происходит на Соленых островах.— Винтер открыл рот, собираясь развить тему, но внезапно замер, склонив голову набок,— словно олень, учуявший поблизости охотников.— Поговорим вечером. Возможно, после обеда.

Он вытянул перед собой руки, ощупывая пальцами воздух, словно паука, пока не наткнулся на плечи Конора.

— А теперь послушай меня, Конор Финн,— продолжал он настойчиво.— Приближаются охранники. Они будут пытаться сломить тебя. Следи за ними в оба. Коварный удар ножом. Или доской по голени. Если сумеешь пройти целым и невредимым через сегодняшний день, вечером я научу тебя, как выжить в этом аду. Когда-нибудь ему придет конец, и, верь мне, мы его увидим.

— Сломить меня? — спросил Конор.— Зачем?

— Такой тут подход. Сломленный человек, пусть даже мальчик, не сорвет добычу. А на Малом Соленом именно добыча король, не Артур Биллтоу.

Конор вспомнил обезьяноподобного пирата, который перевозил его в тюрьму. Вряд ли Биллтоу хотя бы пошевелит украшенным драгоценностями пальцем, чтобы защитить Конора.

— Что мне делать?

— Усердно работать,— ответил Винтер.— И не доверять никому, ни человеку, ни животному. В особенности баранам.

Объяснить это свое неожиданное замечание Линус Винтер, однако, не успел. С почти музыкальным скрипом повернулся тяжелый язык замка.

— Верхнее «до»,— мечтательно заметил Винтер.— Каждое утро. Восхитительно.

Это был звук, мечтать о котором Конору предстояло на протяжении многих месяцев, звук, который будет ему сниться. Отпирание замка означало возможность покинуть сырую камеру, то есть относительную свободу, но одновременно служило написанием о том, что свобода эта временная. Социологические исследования отмечают тот факт, что выжившие на Малом Соленом часто страдают бессонницей, если на двери их спальни замки не проедены ржавчиной.

В дверь заглянул Артур Биллтоу. На его лице играло жизнерадостное выражение доброго

дядюшки, пришедшего разбудить племянника, чтобы тот поплавал в бассейне. Волосы он смазал жиром и зачесал назад, на лице торчала густая щетина.

— Ну, ты готов для Трубы, Конор Финн? — сказал он, позвякивая наручниками.

Винтер стиснул руку Конора, словно угольными щипцами.

— Держи рот на замке. Работай усердно. Помни о баранах. И не перечь мистеру Биллтоу.

Биллтоу вошел в камеру и защелкнул наручники на запястьях Конора.

— О да, никогда не перечь мне, солдатик. Тронь меня хоть пальцем, и тебя пристегнут к низко висящему кольцу во время высокого прилива. А что касается баранов... мудрые слова, если учесть, что их говорит слепой. Бараны здесь, на Малом Соленом, не для еды.

Весь этот разговор о баранах казался странным и зловещим. Конор предположил, что его ждет сюрприз, и не из приятных.

Традиционно в гостиницах и даже в тюрьмах по всему миру завтрак подают прежде, чем берут в руки лопату. Но не на Малом Соленом. Здесь утренняя еда использовалась как стимул

для более усердной работы. Нет алмазов — нет хлеба. Примитивное уравнение, которое тем не менее обеспечивало высокую эффективность на протяжении столетий. Конор рассчитывал на заход в столовую, но вместо этого его повели прямо в алмазные копи, или Трубу, как называли это место заключенные.

По дороге Биллтоу объяснял ему, как тут у них, на Малом Соленом, все заведено.

— Тот, у кого брюхо набито жратвой, делается довольным и вялым,— разглагольствовал он, жуя хлеб, который отщипывал от лежащей в кармане краюхи.

Для Конора, у которого вот уже двадцать четыре часа во рту маковой росинки не было, это стало еще одной пыткой. Правда, муки голода несколько ослабляла отвратительная привычка Биллтоу сначала наполовину проглатывать то, что было у него во рту, а потом срыгивать, чтобы лучше насладиться вкусом. Каждое срыгивание сопровождалось конвульсией, пробегавшей вдоль позвоночника, словно веревка, которой стеганули по земле. Противное зрелище, и все же Конор понимал, что чувство голода скоро вернется и будет грызть его изнутри, как если бы тело, впав в отчаяние, ополчилось само на себя. Внезапно в отдале-

нии слышался звон церковного колокола. В таком забытом Богом месте... в этом было что-то загадочное.

Эти звуки, казалось, развеселили Биллтоу.

— Можешь помолиться, парень,— сказал он с мерзким хихиканьем и прикладом ружья ткнул Конора в зад, гоня его по вымощенному булыжником переходу, освещенному факелами и светом зарождающегося дня, который проникал сквозь бойницы.

Слева от них прибор бил в гранитную стену, наполовину естественную, наполовину высеченную, как будто остров прорастал сквозь строение. От каждого удара волн коридор сотрясался, и сквозь известковый раствор, крошащийся, словно сыр, просачивались сотни ручейков.

— Мы сейчас ниже уровня моря, вот мы где,— объяснял Биллтоу, как будто Конор и сам этого не понимал.— Когда-то давным-давно тюрьма и копи были две разные вещи. Однако жадность Трюдо и труд заключенных соединили их. В конце концов и то и другое встретилось. Это очень удачно для нас, охранников безумного отделения. Теперь нам не нужно рисковать выходить наружу и встречаться со стихией. Мы запускаем придурков работать в Тру-

бе — они даже не осознают, что это опасно, и большинство из них будут вкалывать до кровавых мозолей, если сказать им, что мамочка этого хочет.

Все эти откровения сообщались жизнерадостным тоном, противоречащим жестокой натуре Биллтоу. Если бы не тычки прикладом ружья в спину и не горящий «поцелуй» Малого Соленого на руке, Конор, может, и поверил бы, что охранник порядочный человек. Они шли лабиринтом коридоров с прочными дверьми по бокам и низкими сводами. Весь тюремный фундамент выглядел так, словно ему грозит скорое обрушение.

— Кажется, будто все тут вот-вот рухнет, правда? — сказал Биллтоу, расшифровав выражение лица Конора. — С тех пор как я здесь, ничего еще не менялось. Не сомневайся, эта шахта переживет тебя. Хотя ты и Соленый теперь, хвастаться тут нечем.

«Соленый».

Конор уже слышал прежде это прозвище. Так называли заключенных Малого Соленого, навсегда заклеянных буквой «С» на руке. Теперь он тоже стал Соленым.

Они вышли из коридора на открытое пространство, которое, возможно, на протяжении

нескольких столетий служило кладовой. На стенах все еще оставались выцветшие надписи, показывающие, где стояли специи, мука и прочее. Центральные плиты были вынуты, и с их краев уходили вниз приставные лестницы. Вокруг стояли десятка два охранников, не только с казенными ружьями, но и с личным оружием. Конор заметил индийские клинки, кортики, абордажные сабли, американские шестизарядные револьверы, дубинки и даже один самурайский меч. Традиция Соленых островов пользоваться услугами наемников оставила свой след и на местном оружии. Охранники слонялись вокруг, курили, жевали табак и сплевывали. Они изображали полнейшую беззаботность, однако Конор заметил, что буквально каждый держал руку на своем оружии. Тут для них было небезопасно, и не следовало забывать об этом.

Лестницы опускались прямо в открытую воду, глубокую, черную, ловящую малейшие отблески света. Еще одна группа охранников находилась внутри самой ямы, держась выше уровня воды. Несколько заключенных, стоя на подмостях*, прикладывали невероятные уси-

* Подмости — настил, рабочая площадка на строительных лесах.

лия, чтобы удержать на весу огромный медный колокол. Покачиваясь в ограниченном пространстве и ударяясь о стены ямы, он выбивал осколки из каменных стен и издавал долгие глухие звуки, слышные и наверху.

— Добро пожаловать в Трубу,— сказал Биллтоу и сплюнул хлебный мякиш.

Из уроков с Виктором Конору было кое-что известно о геологии этого острова, и он быстро сообразил, что тут происходит. Алмазоносная труба Соленых островов представляла собой трещину вулкана, расположенного где-то на другом конце света, отрезанную глетчером* и залегающую вдоль ирландского побережья. Это означало, что рано или поздно запасы алмазов иссякнут, в особенности если учесть, как неустанно и энергично семья Трюдо эксплуатировала шахту. Находясь внутри водолазного медного колокола, заключенные могли выковыривать необработанные алмазы из подводной части Трубы. В прошлые времена подводные разработки часто использовались для увеличения добычи, однако король Николас, не прошло и шести месяцев после его коронации,

* Глетчер — ледник — естественные скопления массы льда на земной поверхности.

наложил на эту практику запрет. Постановления короля Николаса были отменены, не успело его тело остыть. Без сомнения, план заговора Бонвилан разрабатывал долгие, полные горечи годы.

— Это древний колокол,— сказал Конор, обращаясь скорее к самому себе.— Ему, наверное, лет сто.

Биллтоу демонстративно пожал плечами и отомкнул наручники Конора.

— Мне на это плевать, поскольку я, слава богу, не собираюсь спускаться в нем. Человек может получить там повреждения или кое-что похуже, как ты обнаружишь уже нынешним прекрасным утром. А теперь вниз!

Очередной пинок прикладом ружья направил Конора к широкой лестнице, уходящей во тьму ямы. Только удар грудью о перекладины помешал ему свалиться вниз, что стало бы концом его не успевшей начаться карьеры шахтера.

— Еще один спускается! — закричал Биллтоу.

Старший охранник в яме поднял на него хмурый взгляд. Конор узнал в нем партнера Биллтоу по предыдущему вечеру. Его главными отличительными чертами было практиче-

ски полное отсутствие волос и сильная, до горбатости, сутулость.

— Не надо больше никого, Артур! — прокричал он в ответ. — У нас полный комплект. Даже если кто-то из них сдохнет в колоколе.

Биллтоу взял Конора за загривок и подтолкнул его к лестнице.

— Не тебе решать, Пайк. Вспомни, это мальчишка маршала. И за ним нужно присматривать особо.

Угодливое выражение на физиономии Пайка сменилось затаенной злобой с оттенком хитрости.

— Ах да, особый мальчишка! Маленький принц. Давай его сюда. Тут есть несколько баранов, жаждущих проверить на нем свои рога.

«Снова бараны. Что бы это значило?»

Биллтоу наступил на пальцы Конора, заставив его продолжить спуск.

— Иди, иди, Конор Финн, не вынуждай меня переломать тебе пальцы. Сапоги славные, и кровь Соленого может их испортить.

Пока Конор опускался в яму, стояла полная любопытства, выжидательная тишина. Температура падала с каждой ступенькой, холод, исходящий от поверхности воды, все сильнее пронизывал тело Конора. Ему стало по-насто-

ящему страшно, так страшно, что он едва не остановился, но сила тяжести тянула вниз, помогая продолжать путь.

Заключенные отделения сумасшедших представляли собой пеструю компанию; общим у них были лишь разинутые рты и тяжелые взгляды. Они смотрели на Конора с неприязнью и страхом, в соленом воздухе явственно ощущалась угроза. Тишину нарушали лишь поскрипывание лестницы да мягкий плеск воды о камень.

Наконец Конор добрался до поверхности воды, чувствуя себя вражеским флагом под тяжелыми, пристальными взглядами противника.

Биллтоу спустился следом и кивнул на водолазный колокол:

— Это «Флора». Знаешь, что это такое?
— Водолазный колокол,— пробормотал Конор.

— Нет, тупая башка! Это...— Биллтоу разозлился, потому что его лишили возможности сообщить новую информацию, и ткнул Конора пальцем в грудь.— Да, это водолазный колокол. И раз уж тебе об этом известно, ты войдешь туда первым. «Флора» простаивала несколько лет, но, уверен, с ее оснащением все в порядке.

Конор заставил себя внимательно осмотреть колокол, хотя больше всего ему хотелось

забиться куда-нибудь в тихий уголок и оплакать свою судьбу. Колокол выглядел достаточно прочным, хотя в нескольких местах остались глубокие выбоины от камня. Он держался на цепях, прикрепленных к железному кольцу, висящему над его верхушкой. От этого кольца, в свою очередь, к подмостям наверху уходили штук шесть цепей. Цепи выглядели такими же старыми, как сам колокол. Некоторые их звенья были проедены ржавчиной, при покачивании с них облетали хлопья. Из верхушки колокола торчал потрескавшийся резиновый шланг и змеей тянулся вверх к ручным мехам, бывшим, как предположил Конор, древним вариантом воздушного насоса. У насоса трудились двое заключенных. Один страдал мучительным кашлем, похоже, туберкулезного происхождения, а другой все время останавливался, чтобы сплюнуть на скалы пропитанную табаком мокроту. Не самая подходящая парочка для такой работы. Казалось, ни один из них не способен накачать даже столько воздуха, сколько требовалось легким маленькой собачки.

Биллтоу отступил на приличное расстояние и крикнул охраннику наверху:

— Опускайте! Да не повредите шланг, не то начальник тюрьмы сдерет с нас шкуру.

Водолазный колокол опускался рывками, в зависимости от силы удерживающих его заключенных; влияло также и то, что во время предыдущего, не слишком умелого использования цепи перекрутились. На некоторых из них даже образовались узлы. Все это заставляло колокол крениться и качаться. Стены ямы гудели от ударов, да и сам колокол звенел, заставляя тех, у кого свободны руки, затыкать уши.

— Чертов колокол! — крикнул Биллтоу своему напарнику. — Звонит, словно мы празднуем День святого Кристофера.

Святой Кристофер был избран семьей Трюдо в качестве покровителя островов. Церковь на Большом Соленом носила его имя.

— Это не моя вина, Биллтоу, — ответил охранник. — Он опускается, так? Поберегись, чтобы я не надел его тебе на голову.

Это было сказано в шутку, но Биллтоу тут же отступил в сторону. «Флора» уходила вниз, покачиваясь, словно легкомысленный детеныш обезьяны на веревке, и в конце концов с плеском опустилась на темную воду, разметав во все стороны круги.

— Каждый день. — Биллтоу вздохнул, вытирая лоб головным платком. — Каждый день

нам приходится болтать этот вздор.— Он поднял голову и крикнул заключенным у насоса: — Эй вы, качайте, тупицы, садовые головы!

— Да, босс,— ответили они и заработали ручными мехами, через резиновый шланг нагнетая в колокол воздух.

Шланг извивался и дергался, наполняясь воздухом. Колокол медленно тонул в океане, испуская странные гудящие звуки, когда вода лизала его поверхность.

Биллтоу локтем подтолкнул Конора.

— Слышишь, солдатик? Мы называем это песней сирены. Потому что для многих Солёных это последний звук, который они слышат. Господи, я и позабыл, как успокаивающе он действует.

В купол водолазного колокола был встроен продолговатый кусок стекла на резиновых уплотнителях — что-то вроде окна, так облепленного водорослями и грязью, что сквозь него ничего не было видно. Биллтоу проследил за взглядом Конора.

— Да, какая жалость! Грязный, как задница нищего. Нам и не разглядеть, что происходит внутри. Молюсь и надеюсь, что обойдется без несчастных случаев.

Конор почему-то был уверен — что бы с ним ни произошло, это будет не несчастный случай.

Биллтоу хочет сломить его в этом колоколе. Чем дальше, тем кошмарнее. Конор отпрянул от охранника, словно от горящего факела.

— Что ты дергаешься, парень? — спросил Биллтоу. — Крыша поехала? Так скоро? Лучше побереги мозги — они пригодятся тебе в колоколе.

Удивительно было услышать такие слова от тюремного охранника. Они прозвучали как предостережение, и Конор так их и воспринял. Конечно, проблем у него было полно, однако лучше забыть о них, пока он снова не окажется в камере. Линус Винтер поможет ему выжить в этом аду, но лишь в том случае, если он дотянет до встречи с ним. И хотя Конор считал, что предатель Бонвилан не хочет его смерти, возможно, существуют какие-то бараны, которые не следуют ничьим приказам.

— Что я должен делать? — спросил он Биллтоу, стремясь как можно лучше подготовиться к тому, что его ждет.

Биллтоу был только рад прочесть маленькую лекцию.

— Мы опускаем «Флору» в Трубу, ты выходишь со своим партнером, ищешь и отковыриваешь алмазы. Просто, как хлебный пудинг. Эй ты, наживка для рыбы! — рывкнул он на за-

ключенного, замешкавшегося у края воды.—
Дай ему свой пояс.

Человек прижал руку к поясу.

— Но, босс, я годами шлифовал эти инструменты! Они мне от папы достались.

Биллтоу постучал по голове заключенного, как будто в ушах у того застряла вода.

— Что это за болтовня? Можно подумать, болтает покойник. Наверное, у него проткнула шея, вот и происходит утечка.

Не прошло и двух секунд, как кожаный пояс оказался в руках Конора. Биллтоу просмотрел набор инструментов.

— У тебя есть отбойный молоток, чтобы отбивать куски скалы, а потом выковыривать из нее алмазы, которые выглядят просто как стеклянные шарики. Не беспокойся, как бы нечаянно не разбить их; это невозможно, потому что они...

— Самая твердая материя в природе,— автоматически закончил за него Конор.

— Самая твердая материя в природе,— по инерции повторил Биллтоу и, нахмурившись, ударил Конора в висок.— Нечего подсказывать мне то, о чем я должен сообщить тебе. Отвратительная привычка, и я с удовольствием выбью ее из тебя.

Конор кивнул, не обращая внимания на боль от удара — как и на все остальные неприятные ощущения в теле.

— Вот это,— с гордостью продолжал Биллтоу, кивнув на маленький инструмент в форме трезубца,— Вилка дьявола. Изобретена Артуром Биллтоу на этом сáмом острове больше двадцати лет назад. Красиво, правда? С тех пор я могу не беспокоиться о том, чтобы заработать на кусок хлеба, до конца своих дней. Плюс сам маршал Бонвилан даровал мне дом на Большом Соленом. Инструмент... это... как его... раз...

— Раздвижной,— подсказал Конор.

У него мелькнула мысль, что если Биллтоу даже не в состоянии выговорить это слово, то вряд ли он изобрел раздвижной инструмент. Скорее украл идею у какого-нибудь заключенного.

— Точно, раздвижной. Так и вертелось на кончике языка.— Биллтоу вытащил инструмент из держателя и повернул несколько колец, удливнив вилку с двадцати сантиметров до одного метра.— Теперь можно засунуть эту маленькую красавицу в любую трещину и подцепить застрявший там камень. Изумительно, правда?

Конор уже понимал достаточно, чтобы кивнуть, хотя вряд ли в книгах могли назвать раз-

движную вилку изумительной. Тем не менее она была практична и умно придумана; это свидетельствовало о том, что, столкнувшись с хорошей идеей, Бонвилан в состоянии оценить ее.

— Значит, все, что ты должен делать, Соленный,— это подплыть под колокол и нырять за алмазами, пока твоя смена не кончится. Складывай их в свой мешочек и приноси наверх. Просто, как хлебный пудинг. Естественно, мы обыскиваем всех ныряльщиков. И если мы обнаружим хоть один камень не в мешочке, то я найду на острове самого крупного быка-охранника и он выбьет из тебя склонность к воровству. Я понятно объясняю, солдатик?

Конор кивнул, задаваясь вопросом, насколько близка Труба к открытому морю.

И снова Биллтоу продемонстрировал способность «читать» мысли Конора.

— Конечно, ты станешь думать, что сумеешь отсюда уплыть. Соблазн вырваться на свободу может оказаться слишком силен. И возможно, у тебя это даже получится — заметь, в этом случае ты будешь первым. Люди и посильнее тебя предпринимали такие попытки. Но и спустя десятилетия мы все еще находим в яме прибитые волнами тела. И знаешь что? Они все выглядят одинаково. Покойники.

Конор подтянул пояс вокруг талии, застегнул его плотно, на последнюю дырку. Он не видел способа уклониться от поставленной перед ним задачи. В греческой мифологии, когда герои сталкивались с испытаниями, которые оказывались непомерными, они терпели все со стоической решимостью, но не сдавались. Конор не ощущал в себе ни грамма подобной решимости; все его ощущения сводились к полному изнеможению. И даже если он не сдастся, какая его ждет награда? То же самое завтра утром и послезавтра тоже.

Биллтоу подбодрил его дружеским подмигиванием и самодовольно похлопал по свисающей с пояса кобуре пистолета. Конор погрузил ноги в воду, холод сразу же пронзил их, выдавливая из пальцев жизнь. У него вырвался невольный всхлип изумления, что вызвало громкий смех окружающих.

Привыкая к температуре воды, Конор бросил быстрый взгляд по сторонам в надежде обнаружить хотя бы одного человека, способного прийти на помощь, но встретил лишь враждебные взгляды. Это были грубые люди, оказавшиеся в очень суровой обстановке, где не оставалось сил на сочувствие. Если бы не форма, отличить охранников от заключенных было бы

практически невозможно. Конор оказался в полном одиночестве. Всего четырнадцать лет, и уже совсем один, без направляющей руки отца, чего почти не случалось за всю его жизнь. И даже если бы здесь оказался Деклан Брокхарт, он, наверное, смеялся бы вместе с остальными. Эта мысль ударила сильнее всего.

И все же, несмотря на это ощущение жуткого одиночества, было в Коноре Брокхарте что-то, не позволяющее ему сдаваться. Ум матери и мужество отца пустили сильные корни в его душе. Так или иначе, он вынесет все и выживет. Если Конор сможет вернуться в камеру и все еще будет дышать, этот американец, Линус Винтер, преподаст ему пару уроков о Малом Соленом.

«Выкинь все из головы,— сказал он себе.— Забудь родных, короля, Изабеллу. Забудь всех. Просто старайся уцелеть, чтобы настал день, когда можно будет думать о них».

Это было легче сказать, чем сделать, но Конор старался изо всех сил, глубоко запрятав свою боль и сосредоточившись на том, что было перед ним. Он сошел с края скалы и быстро погрузился в холодные, темные воды Малого Соленого.

На мгновение показалось, что холоднее просто быть ничего не может. Конор заколотил ру-

ками и ногами, не от страха, а чтобы хоть немного согреться. Он часто плавал у побережья Большого Соленого, однако воды, в которую он погрузился сейчас, никогда не касался благословенный луч солнца.

Конор открыл глаза и вперил взгляд в текущую тьму вокруг. Под собой он различал оранжевый шар, похожий на бледное во мраке космоса солнце.

«Колокол. Он не очень далеко. Нужно быть совсем уж плохим пловцом, чтобы не преодолеть такое расстояние».

Конор нырнул, сложив руки чашкой, чтобы лучше разрезать воду. Он всегда был хорошим пловцом, и почти сразу же оранжевый шар принял форму колокола; Конор мог даже разглядеть текстуру его поверхности. Это был пусть совсем крошечный, но успех, что отчасти успокоило его.

«Я не беспомощен. У меня еще остались силы».

Колокол мягко покачивался в полуметре от дна ямы; из множества крошечных отверстий вырывались пузырьки воздуха, похожие на нити жемчуга. Конор вцепился в изогнутый край колокола и поднырнул внутрь. Его усилия были вознаграждены — не едой или питьем, а лишь

воздухом; зато каким воздухом! Конор вдохнул его столько, сколько позволяли легкие, не обращая внимания на запах резины и масляную пленку, мгновенно покрывшую горло и нос.

Дно находилось совсем рядом, и его поверхность под ногами Конора выглядела неровной, скользкой, ненадежной. Не самая подходящая обстановка для работы. Сам колокол в диаметре едва ли достигал трех метров и, покачиваясь в зависимости от силы и направления течения, ударял Конора то в локоть, то в плечо. Он сгорбился, защищая голову. Освещение было скудное, мерцающее.

Он поднял взгляд, но не смог разглядеть ничего, кроме мутных колеблющихся силуэтов. Люди? Скалы? Невозможно определить. Но потом один из этих силуэтов отделился от остальных.

Его охватил страх холоднее, чем морская вода, когда он увидел прыгнувшую в океан фигуру.

Поверхность воды, словно картинка-загадка, распалась на множество серебряных полумесяцев. Послышался всплеск, а следом за ним другой звук — смех, проникший сверху через воздуховод и похожий на хохот призрака. Мрачный, злобный, угрожающий смех.

Конора охватил неимоверный ужас.

«Выжить. Ты справишься. Выжить».

Потом что-то промелькнуло мимо иллюминатора. Бледная конечность, крепкая, мускулистая, рассекающая воду. И на предплечье, нарисованная точками, но различимая даже сквозь пенящуюся воду, татуировка, изображающая рогатого барана.

«Бараны,— подумал Конор.— Бараны здесь, на Малом Соленом, не для еды».

Фигура исчезла из иллюминатора, устремившись к нижнему срезу колокола. По меди зашлепали руки, вызывая какофонию дрожащих звонов под юбкой колокола, таких гулких, таких громких, что Конор мысленно взмолился, чтобы наступила тишина. Наверняка из ушей уже течет кровь. Потом под край колокола просунулись четыре толстых пальца, отсвечивая белым во тьме.

На каждом была вытатуирована одна-единственная буква, и, хотя они были перевернуты, Конор без труда узнал их. Б.О.Л.Ь.

Никаких сомнений, именно это он и прочел.

Крупный мужчина протащил себя по дну, безразличный к царапающим тело острым камням. Когда он встал внутри колокола, по его ту-

ловищу стекало больше десятка красных ручейков.

Внезапно у Конора возникло ощущение, что под колоколом совсем не осталось воздуха. Он попятился, пока не уперся спиной в холодный металл.

Конечно, тесное пространство создавало впечатление, что человек крупнее, чем на самом деле, но все равно в глазах Конора он выглядел великаном. Широко раскинув руки, он постукивал пальцами по меди колокола, словно это было огромное пианино. Мелодичные звуки плохо соответствовали ситуации. Что бы человек ни собирался делать, он явно не спешил. Потягивался то так, то эдак, трещал суставами шеи, костяшками пальцев и все время сохранял выражение безмятежного довольства. Его полуулыбка о многом сказала Конору: уверенность в собственной способности совершать жестокие поступки, воспоминания о прошлых актах насилия — и предвкушение новой возможности поработать руками.

Человек улыбался, демонстрируя желтые от табака зубы, но потом до него дошло, какого возраста Конор, и его улыбка увяла.

— Черт побери, ты же просто мальчишка! Что ты натворил? Соврал насчет своего воз-

раста, чтобы попасть в армию? Так сильно рвался патрулировать на Стене? Ведь сейчас даже войны никакой нет.

— Вы «баран», — ошеломленно сказал Конор. — «Бараны» на Малом Соленом не для еды.

Человек нежно погладил свою татуировку.

— Да, некоторые называют нас «баранами», но более подходяще говорить «Убойные бараны». В этом названии суть нашего излюбленного способа делать Большое дело.

Конор понимал, что имеет в виду «баран». «Убойные бараны» были печально известной шайкой лондонских ирландцев, которые занимались контрабандой в портах от Лондона до Бостона, хотя в основном зарабатывали себе средства к существованию в качестве наемных головорезов.

Похоже, что этот «баран» нашел себе выгодную работенку.

— Ну ладно, — продолжал человек. — Мне уже уплачено, и я не люблю разочаровывать нанимателей, поэтому ты получишь свое, мальчик ты там или нет.

— Вы собираетесь убить меня? — спросил Конор.

Сейчас в замкнутом пространстве сгустился запах этого человека — смесь пота, крови, табака и несвежего дыхания.

Он расстегнул рубашку, обнажив татуировку на груди.

— Я могу убить тебя, и на счету моего нанимателя еще кое-что останется, потому что он заплатил мне три фунта*.

Конор прочел слова на бледной плоти чело-
века:

Убить — 2 шиллинга

Восставить синяки под оба глаза — 4 шиллинга

Сломать нос и челюсть — 10 шиллингов

Свалить с ног и избить дубинкой — 15 шиллингов

Награть уши — как предыдущее

Сломать руку или ногу — 19 шиллингов

Выстрелить в ногу — 25 шиллингов

Ударить кинжалом — как предыдущее

Сделать Большое дело — 3 фунта и больше

Человек застегнул рубашку.

— Он заплатил мне три полных фунта, но сказал, что я должен растянуть их. Избивать тебя каждый день, пока деньги не кончатся. Но что значит избивать по отношению к такому щенку, как ты? Думаю, одного удара в день хва-

* Фунт (стерлингов) — денежная единица Великобритании и Ирландии; равен 100 пенсам; до 1971 г. равнялся 240 пенсам или 20 шиллингам.

тит. Может, через несколько недель мне это надоеет и я надеру тебе уши, чтобы закрыть счет.

Конору просто не верилось, что он слышит все это. Человек рассуждал так профессионально, как... ну, скажем, кровельщик, обсуждающий свою работу.

— А что будет, если ваши расценки увеличатся?

Человек нахмурился.

— Ты имеешь в виду татуировку? Я никогда об этом не задумывался. Видимо, придется переписать заново. Здесь есть такой чудак Голуэй, который очень хорош с иголками. Ну, до завтра...

— Что? — недоуменно спросил Конор, но не успел закрыть рот, как огромный кулак начал свое движение по дуге, устремившись к его голове, словно пушечное ядро.

Последнее, что он увидел, были буквы Б.О.Л.Б., но прежде, чем потерять сознание, успел услышать, как «баран» поет свою жестокую песню:

Мы колошматим,
Мы калечим,
Мы рубим,
Мы убиваем.
Для нас нет никаких пределов.
Плати — и мы замочим любого.

Если тебя загнали в угол,
Не заплатили долг
Или обмишурили —
Приходи к нам,
«Убойным баранам».

И потом весь мир вокруг стал водой, и Конор с радостью позволил течению унести себя.

«Может, на этот раз я не проснусь,— мелькнула мысль.— Хотел бы я никогда не просыпаться».

Однако он пришел в себя много часов спустя, Линус Винтер склонился над ним, с его пальцев капала зеленая мазь.

— Снова без подорожника не обойтись,— объяснил он.— Это становится привычным.

Конор закрыл глаза, опасаясь, что расплачется. И так лежал долго, тихо-тихо, глубоко дыша через нос, чувствуя холодную мазь на виске, куда ударил его великан, и на руке, где все еще жгло клеймо.

«Должно же это когда-то кончиться? Как долго разум в состоянии выносить эти пытки?»

— Ты спал почти двенадцать часов. Я сохранил твою порцию. А сейчас выпей немного воды.

«Вода».

Одно это слово заставило Конора полностью пробудиться. Горло пересохло от жажды.

«Основной инстинкт любого человека — выжить,— как-то говорил ему Виктор.— И, следуя этому инстинкту, он в состоянии вынести почти все».

— Воды...— прохрипел мальчик и приподнял голову, чувствуя, как по лбу стекает сок подорожника.

Винтер поднес к его губам грубую глиняную чашку и потихоньку влил в горло воду. Для Конора вода имела вкус жизни, и вскоре у него уже хватило сил самому держать чашку. Он медленно сел и испустил благодарный вздох.

— А теперь ты должен поесть,— сказал Винтер.— Нужно поддерживать силы. Любая болезнь здесь может убить тебя.

Конор засмеялся, нервно вздрагивая. Как будто ему угрожает смерть от болезни! «Убойный баран» получил три фунта за каждодневное избиение его; вот это Конор вряд ли переживет.

Винтер вложил в руку Конора неглубокую миску.

— Что бы ни случилось с тобой и что бы ни произошло в будущем, никакие молитвы не помогут тебе, если ты будешь слаб.

Конор уступил и взял кусок тушеного, уже остывшего мяса. Вряд ли это блюдо выгляде-

ло аппетитным, даже когда было горячим. Мясо жесткое, с большой прослойкой сала и пережаренными краями. Но мясо давало силы, а силы — это то, что ему понадобится, когда он снова окажется в колоколе наедине с безумным «бараном».

— Теперь,— сказал Винтер,— Расскажи, что произошло сегодня. Тебя принесли сюда на доске. В первое мгновение я даже не мог нащупать пульс.

Конор с трудом жевал очередной кусок мяса, скользкий от жира и по вкусу похожий на резину.

— Они оставили меня в водолажном колоколе с одним из этих «Убойных баранов».

— Опиши его.

— Крупный такой. Просто огромный. Весь в татуировках. На костяшках пальцев Б.О.Л.В. и...

— Перечень расценок на груди,— закончил за Конора Винтер.— Отто Маларки. Он у них старший. Этот зверь избил столько людей, что и не сосчитать, а считать он умеет, в особенности когда речь идет о деньгах.

— Ему много заплатили, чтобы избивать меня каждый день. Вот как они хотят сломить меня.

— Простой, но эффективный план,— признал Винтер.— Поставить крупного человека

избивать мелкого. Эта тактика срабатывала всегда, даже с Наполеоном.

Конор отпил еще воды. Теперь, когда ощущения вернулись, он чувствовал в ней привкус селитры.

— Должно же быть что-то, что я могу сделать.

Винтер задумался, приглаживая повязку на глазах длинными пальцами пианиста.

— Эта проблема важнее, чем все те неприятности, справляться с которыми я собирался научить тебя. С Маларки нужно разобраться, если хочешь выжить, юный Конор.

— Да, но как?

— Тебе нужно отдохнуть. Ложись и вспоминай свои сильные стороны. Используй все, чему тебя когда-либо учили. У тебя наверняка бывали мрачные часы, когда ты лелеял мечты о насилии; сейчас самое время припомнить их. У тебя должны быть таланты; ты высокий, сильный мальчик.

— Ну, допустим, у меня есть таланты. И что тогда? — спросил Конор.

— Еще один простой план. Даже древнее первого. При следующей встрече с Маларки ты должен немедленно убить его.

«Убить его!»

— Не могу. Я никогда...

Винтер мягко улыбнулся.

— Ты славный парень, Конор. Добрый. Убить человека — эта мысль ненавистна тебе.

— Да. Я не из тех...

Винтер предостерегающе поднял палец.

— Мы все не из тех. Выживание — основной инстинкт. Ты восприимчив, так мне кажется, поэтому я могу помочь тебе на пути к убийству. Лишившись зрения, я стал специалистом в воссоздании образов у себя в голове. Могу видеть концертные залы своей юности. Требуются лишь время и сосредоточенность, чтобы картинка приобрела законченный вид. Каждое обтянутое бархатом кресло, каждый софит, каждый позолоченный ангел. — На несколько долгих мгновений Винтер затерялся в своем красочном прошлом; потом звуки и запахи Малого Соленого разбили вдребезги возникший перед его мысленным взором образ. — Тебе нужно сделать вот что: закрыть глаза, вообразить человека, загнавшего тебя сюда, и использовать ненависть к нему, чтобы пробудить в себе инстинкт убийцы.

Конор не нуждался в долгой сосредоточенности. Лицо Бонвилана мгновенно всплыло в сознании — и полные ненависти глаза, и презрительная усмешка.

— А теперь, Конор, скажи: как тебе кажется, ты можешь убить?

Конор вспомнил все, что Бонвилан сделал с семьей Брокхарт.

— Да,— сказал он.— Могу.

На лице Линуса Винтера возникла грустная улыбка.

— Мы все можем. Спаси, Господи, наши души.

ГЛАВА 7

ВИЛКА ДЬЯВОЛА

В двери напротив койки Конора Брокхарта имелось маленькое прямоугольное окошко. Примерно три раза в течение каждого часа мимо него проходил охранник с фонарем в руке. Мерцающий оранжевый свет проникал в полумрак камеры, отбрасывая неясный танцующий отблеск на руку Конора, когда он поднимал ее, чтобы взглянуть на «поцелуй» Малого Соленого. Там, уже покрывшаяся корочкой, была буква «С». Он заклеен навеки, он преступник.

В душе Конора возникло странное ощущение спокойствия. Просто происходящие события были настолько грандиозны, что он не мог никак повлиять на них, и это принесло ему своеобразное чувство свободы. Оставалось одно: сконцентрироваться на Отто Маларки, смертоносном «Убойном баране», с таким удоволь-

ствием свалившем с ног свою жертву в водозлазном колоколе.

«Неужели нужно убить его? Неужели нет другого выхода?»

Нет, решил он. Как ни печально, но вопрос стоял так: либо Отто Маларки, либо он сам. И хотя Конор никогда не страдал избыточным самомнением, он искренне верил, что может предложить человечеству больше, чем кровавый Маларки. Самое меньшее, он приложит все усилия, чтобы никого и никогда больше не убивать.

«Но как убить Маларки? Как?»

Чему он научился у Виктора? Фехтованию, конечно; в нем он достиг наибольшего успеха. Запястья у него сильны, как у настоящего мастера фехтования, а ноги и руки быстры в силу молодости. Но что толку?

«У меня нет рапиры или чего-то вроде нее».

Но потом Конор вспомнил пояс с инструментами, затянутый на талии. Возможно, Артур Биллтоу, сам того не желая, поможет ему спастись.

Распорядок следующего дня ничем не отличался от предыдущего. Вскоре после одинокого выстрела пушки в дверях камеры возник

Биллтоу с непокорно выющимися волосами, которые он пытался укротить с помощью свежего слоя жира. В это утро он выбрил отдельные участки лица, оставив другие заросшими черно-серебристо-рыжеватой щетиной.

— Готов ко второму раунду с Маларки? — спросил он, выставив ружье перед собой на случай, если Конор вздумает сопротивляться идее вновь оказаться избитым «бараном».

Конор встал, чувствуя боль и окостенение в теле после всего, что ему пришлось пережить.

— Не готов, мистер Биллтоу, но, полагаю, это ничего не меняет.

Биллтоу фыркнул и отцепил от пояса наручники.

— Ты прав, парень. Попал в самую точку. Это ничего не меняет. И пусть мистер Винтер заварит для тебя горшок подорожника побольше, если он окажется в состоянии разглядеть, как приготовить варево.

Линус не реагировал, просто сохранял мрачное выражение лица. Конор воспринял это как напоминание о том, что нужно сделать. Сегодня он станет убийцей — или трупом.

Дорога до Трубы со вчерашнего дня не изменилась, однако этим утром за дверьми камер поднялась какая-то суматоха. Заключенные вы-

крикивали насмешки и колотили по дереву ладонями.

— Лунное безумие,— пояснил Биллтоу.— Этой ночью луна висела в небе, словно серебряный шиллинг. Плохо действует на сумасшедших.

Внезапно Конор кое-что вспомнил.

— Вот откуда это слово. Буквально «ударенный луной», от латинского *lunaticus**.

Биллтоу врезал Конору сапогом пониже спины.

— Хватит учить меня. Я чувствую себя тупицей, а чувствовать себя тупицей раздражает.

— Привычное чувство, готов поспорить,— пробормотал Конор.

Биллтоу не мог сообразить, оскорбили его или нет. Он снова пнул Конора сапогом, просто на всякий случай.

— Умничай лучше с Маларки. Он любит, когда жертва дерзит; это пробуждает в нем энтузиазм.

При упоминании Маларки у Конора пропало всякое желание острить; теперь отчаяние явственно читалось на его лице.

* Помешанный (сумасшедший, безумный); по-английски: *lunatic*; и то и другое происходит от слова «луна».

— Вот это правильно,— хмыкнул Биллтоу.— Лучше записывай свои умные мысли в тетрадку. Что, пропала охота поучать?

Когда они добрались до Трубы, водолазный колокол был уже под водой, над ее поверхностью торчала только его верхушка. Сквозь иллюминатор были смутно различимы фигуры двух заключенных, воодушевленно колотящих по скале у себя под ногами. Охранники отбирали тех, кто работал у насоса, из группы заключенных, согнанных в деревянный загон в кладовой, и часто меняли их, чтобы обеспечить бесперебойную подачу воздуха.

— Труба никогда не спит,— разглагольствовал Биллтоу.— Теперь, когда нет Доброго Короля Ника, каждый день без перерыва она вытягивает из земли ангельские слезы. А мы видим хоть пенни?* Нет, мы — нет.

Конор почувствовал горечь в словах охранника. Эта информация могла пригодиться — при условии, что он пробудет на этой земле достаточно долго, чтобы использовать ее.

* Пенни — разменная монета Великобритании и Ирландии; равняется 1/100 фунта стерлингов; до 1971 г. равнялась 1/240 фунта стерлингов, или 1/12 шиллинга.

— Правда, есть и кое-какие компенсации. Спортивные игры вроде этой, к примеру.— Биллтоу снял с Конора наручники.— Хотя мы не можем видеть в деталях, что происходит между пленниками внутри «Флоры». Все как в тумане, понимаешь ли.

«Вот оно что. Никто ничего толком не знает, потому что никто ничего не видит».

Биллтоу окликнул Пайка:

— Эй, посылай тех наверх! Пора Маларки заработать еще несколько шиллингов.— Он вручил Конору пояс с инструментами.— На случай, если ты пробудешь в сознании достаточно долго, чтобы найти несколько камешков.

Пайк вытащил пробковую затычку из воздушного шланга колокола и прокричал вниз приказ. Спустя несколько мгновений из открытой рябью воды показались два мокрых каторжника. Их живо оттащили в сторону и обыскали на предмет утаенных алмазов. При чем обыскали очень тщательно, сверху донизу.

Конор начал спускаться по лестнице, шаря взглядом по яме в поисках Маларки. Заметить его оказалось нетрудно: он развалился на каменной глыбе, отдаленно напоминающей трон. Маларки сделал шутливый выпад в сторону

Конора, уверенный, что сегодняшнее «представление» в точности повторит вчерашнее.

«На этот раз нет, “баран”, — подумал Конор. — Это будет твое последнее выступление. Сегодня утром занавес опустится».

Оказавшись внизу, Конор направился прямо к краю воды, не дожидаясь инструкций от Пайка. Разговоры были ему сейчас совсем ни к чему — они лишь отвлекли бы его. Прежде чем нырнуть в соленую воду, он ощупал пояс, чтобы убедиться, что Вилка дьявола на месте. Без этого нехитрого инструмента у него мало шансов одолеть Маларки.

Вода сомкнулась над ним. Он зашарил пальцами в поисках колокола, нашел его и, продвигаясь вдоль изгиба, добрался до нижнего края. Когда он оказался внутри, чрезвычайно тесное пространство колокола чуть не сокрушило его волю, и Конору пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем он смог заставить себя хотя бы встать.

«Следуй своим инстинктам, — сказал он себе. — Полностью отдайся им».

Из вентиляционного отверстия послышался всплеск, а затем приветственные выкрики. Маларки был уже в пути. «Убойные бараны» подстрекали своего чемпиона, хотя никто ни-

чего особенного от этой схватки не ждал. Потрясенная вода сотрясала колокол, и внутри возникло гулкое гудение.

«Нужно действовать быстро. Будь начеку».

Конор глянул вверх. Маларки остановился у иллюминатора, чтобы подольше помучить свою жертву. Постучал по стеклу и широко ухмыльнулся, хотя сквозь грязь на стекле его желтые зубы не были толком видны.

И едва Маларки исчез из виду, Конор принялся за дело. Быстро расправил на полную длину складное приспособление для вытаскивания алмазов и плотнее надвинул кольца, чтобы оно не слишком легко складывалось. Получилось — грубо, конечно, — нечто похожее на учебную рапиру, но отвратительно сбалансированную, поскольку почти весь вес был сосредоточен на ее кончике. Тем не менее это было все же лучше, чем ничего.

Потом он снял с пояса влажный мешочек для алмазов, взял его в левую руку и скатал в плотный шарик. Теперь Конор был готов настолько, насколько это вообще возможно, однако вся последовательность событий несла в себе привкус нереальности.

В ужасном темпе происходило то, во что верилось с трудом.

Как и любой мальчик его возраста, Конор часто представлял, как он участвует в сражении, однако то, что происходило сейчас, ничуть не походило на его фантазии. В них героисолдаты сражались друг с другом на открытом всем ветрам поле боя под звуки барабанов и сигнальных труб. В нынешней реальности ничего героического не было. Тесное пространство, вонь масла, пота, страха и тошнотворное ощущение внутри при одной мысли о том, что он собирается убить человека, каким бы подлым тот ни был. В точности как не раз говорил его отец: в войне нет ничего благородного.

Из-под края колокола показалась бледная рука, от которой пошли небольшие волны. Возникло сильное искушение рубануть по ней трезубцем, но это было бы глупо. Чего Конор добьется? Утратит эффект неожиданности в обмен на несерьезную рану. Маларки отступит, соберется и вернется, исполненный мрачной решимости.

Конор сдержал себя и согнул колени, готовясь к прыжку. Маларки поднырнул под край колокола и появился с потоком воды, лицом вверх. Длинные пряди волос, словно водоросли, вздымались вокруг его головы. Он по-прежнему улыбался, изо рта вереницей поднимались

воздушные пузырьки. Оказавшись полностью под колоколом, Маларки встал на четвереньки и выскочил из воды, словно морж.

Дыхание Конора участилось.

«Ударь сейчас, или упустишь момент и он получит свои два шиллинга».

Маларки начал подниматься, и, пока еще он был согнут почти вдвое, Конор использовал выпуклости его позвоночника как стремянку и молниеносно вскарабкался ему на плечи. Неудачная позиция, и вряд ли он смог бы продержаться в ней дольше нескольких мгновений. Однако этого времени хватило, чтобы сунуть скатанный мешочек для алмазов в воздуховод, закупорив его.

Маларки, все еще с улыбкой, стряхнул Конора с себя. Хотя вообще-то он был ошеломлен.

— Что ты собираешься сделать, солдатик? Улететь? Здесь баран возьмет верх даже над орлом.

— Перекрываю воздух,— холодно ответил Конор.— В нашем распоряжении две минуты.

Последнее утверждение было бесстыдной ложью, но Конор не собирался терзаться муками совести по этому поводу. Воздуха под колоколом хватило бы по крайней мере на полчаса, но Маларки об этом наверняка не знал.

На этот раз, в виде исключения, удача улыбнулась Конору, и едва Маларки разглядел заткнутый воздуховод, как самодовольно-развязное выражение сползло с его физиономии, словно кусок жирного мяса с горячей сковородки.

— Ах ты окаянный тупица! — взвыл он, и колокол сочувственно завибрировал в ответ. — Хочешь прикончить нас обоих?

Конор держал свою рукотворную рапиру за спиной.

— Нет. Не обоих.

На лице Маларки появилось раздраженное выражение добродушного школьного учителя, чье терпение в конце концов иссякло.

— Вчера я уложил тебя быстро, солдатик. Одним ударом. На это, знаешь ли, требуется талант. Сегодня я постараюсь растянуть удовольствие, и потом не сетуй на синяки или сломанные кости.

— Давай-давай, «баран», — сказал Конор. — Продолжай говорить, трать воздух.

Маларки протянул руку и схватил Конора за горло.

— А теперь залезай снова мне на плечи и убери затычку. Может, тогда я и сегодня ударю тебя всего раз, правда, с двойной силой.

Судя по тону Маларки, он считал это проявлением величайшей доброты.

Конор выхватил трезубец из-за спины так быстро, что тот со свистом рассек воздух.

— Затычка останется на месте, — сказал он и ткнул крошечными головками вилки в бедро Маларки.

«Баран» уронил его и взвизгнул, словно собачонка, которую пнули ногой. Отпрянув, он стукнулся головой о колокол, и тот издал долгий глухой звук.

От удара в глазах Маларки потемнело, а в ушах зазвенело. Конор воспользовался моментом, чтобы сделать стойку: колени согнуты, рукотворная рапира вытянута вперед, левая рука за спиной.

«Нападай! — требовал здравый смысл. — Сейчас не время проявлять благородство».

Однако дело было не в благородстве. Конор хотел, чтобы Маларки осознавал, что с ним происходит. Конор дождался, когда Маларки придет в себя, и сказал:

— En garde!

Маларки нахмурился.

— Хочешь напугать меня этими словами? Думаешь, я не слышал их от всяких там офицеров-ханжей, от которых сейчас остались лишь

кости да форма? — Маларки широко раскинул руки и двинулся к Конору. — En garde так en garde, солдатик.

Голос Виктора зазвучал в ушах Конора:

«Спокойно, не торопись. Жди, пока он сделает ход».

Долго ждать не пришлось. Маларки обрушил на него в точности такой же удар, что и вчера. Сейчас, когда Конор ждал его, этот удар не показался ему таким уж молниеносным. Он прибег к приему *attaque au fer**, который сводится к нападению путем отклонения клинка противника, хотя поистине он скорее отклонился сам, а не отклонил руку Маларки, которую можно было с полным основанием приравнять к боевому палашу.

Вот! Сейчас бок Маларки открылся, и Конор нанес ему три резких удара, с такой скоростью, что вилка превратилась в размытое пятно, напоминающее золотистый веер. На участке тела между рубашкой и поясом штанов Маларки проступили три красные полосы. Эти удары преследовали цель причинить боль.

Маларки взвизгнул и громко завыл, ощущая жгучую боль. Конор с силой толкнул его

* Нападение на оружие (*фр.*).

плечом в задницу, прикасаться к которой было не слишком приятно даже на мгновение, однако это привело к тому, что Маларки врезался лбом в колокол и тот зазвенел снова.

Конор нанес новый удар сквозь воду, сзади и чуть повыше пятки Маларки, ощущая, как зубцы вонзаются в жесткую плоть. Этот удар преследовал цель обездвигить противника.

Маларки рухнул, словно стена от выстрела пушки; в воздух полетели брызги. «Баран» продолжал выть, сходя с ума от боли и ярости. Конор почувствовал, что его решимость слабеет.

— Убью тебя! — всхлипнул Маларки. — Сдеру все мясо с костей.

Решимость Конора снова окрепла. Он нанес несколько ударов плашмя по спине и плечам Маларки, загоняя его глубже в море. Напряженно вытянутыми пальцами свободной руки ткнул противника в почки, заставив его рефлексивно втянуть в себя два литра воды — прием, заимствованный из каратэ.

Маларки оказался практически беспомощен — барахтаясь в мелкой воде, ослепленный болью и солью. Сейчас его мог убить даже ребенок, не обладающий никакими особыми способностями. Конор, тяжело дыша, отступил к стене колокола. Ненависть к Маларки исчез-

ла так же быстро, как и появилась. И тем не менее эту проблему следовало разрешить сегодня. Прав ли Винтер? Должен ли он убить этого человека?

Маларки перекатился на спину и лежал, всхлипывая. Лицо лишь на несколько сантиметров выступало над поверхностью воды, волны, образованные его падением, набегали на живот.

Конор поставил на его шею солдатский сапог, презрительно отразив ударом ноги слабые попытки Маларки схватить его.

— Понимаешь теперь, на что я способен? — прошипел он, удивляясь тому, как злобно звучит его голос.

Маларки не отвечал. Даже если бы не сапог на горле, у него просто не было слов.

«Хватит болтать! Убей его!»

Конор воткнул трезубец глубоко в складки плоти под подбородком Маларки. Еще одно усилие — и острие проткнет кожу и прорвет артерию.

— Мне не просто повезло. Я могу убить тебя с такой же легкостью, как цыпленка.

Взгляд Маларки внезапно обрел фокус. Мысль о том, что он на пороге загробной жизни, помогла ему сосредоточиться.

— Ты понимаешь это, мистер «баран»? Я могу убить тебя.

«Сделай это. Прекрати болтать».

Конор сильнее сжал вилку; мышцы предплечья напряглись. Рядом с остриями трезубца начала скапливаться кровь. Еще один толчок — и больше мучитель никогда не сможет терзать его.

— Пожалуйста...— пролепетал Маларки, булькая горлом.

Капля пота скатилась в глаз Конора. Вода мягко покачивала колокол, заставляя его негромко гудеть.

— Пожалуйста, пощади меня,— сказал могущественный «баран».

«Не могу. Не хочу убивать этого человека».

Конор до глубины души прочувствовал, что он не убийца, и понимание этого наполнило его теплым ощущением, потому что оно свидетельствовало — он еще не полностью утратил себя, несмотря на все, что пережил. Он не опустится до победы ценой убийства — нет, пока существуют другие средства.

Должен быть другой способ. Более разумный.

Продолжая прижимать вилку к горлу Маларки, Конор обдумывал проблему. Нужно сде-

лать «Убойного барана» своим союзником. Эта борьба не может продолжаться день за днем. Итак, вот он выход — для них обоих.

— Слушай меня внимательно, «баран». — Конор слегка повернул трезубец. — Я должен выплыть из-под колокола, в точности как вчера.

Отто Маларки нахмурил лоб.

— Но я...

— Тихо! — прикрикнул на него Конор, с такой властью, какой и сам от себя не ожидал. — Выслушай меня. Мы с тобой разработаем план, ты и я. Будем опускаться сюда каждый день, и пусть все думают, что ты отрабатываешь свои два шиллинга. Таким образом, ты останешься королем «баранов». Главным «бараном». На самом деле мы будем спокойно беседовать, и ты поможешь мне уцелеть здесь.

В таком состоянии, в каком находился Маларки, сосредоточиться ему было нелегко. Однако кое до чего он додумался.

— А как быть с моей ногой? Я не могу ходить.

Действительно проблема. Вода капала с изгиба колокола, обрызгивая их, словно дождем. Конор лихорадочно искал решение.

— После того как я уйду, выжди час или два, а потом выбирайся из-под колокола, подняв

как можно больше шума. Молоти по воде и кричи, что колокол придавил тебя, что лодыжку повредила «Флора». Рана болезненная, но не-серьезная. Тебе повезло, я не задел ахиллово сухожилие. Перевяжи рану плотно и несколько часов оберегай ногу. Завтра будешь крепок, как дуб.

Судя по тому, каким уклончивым стал взгляд Маларки, его мужество начало возвращаться. Он нормально дышал и сейчас подсчитывал свои шансы. В любой момент он мог броситься на юного мучителя, и тогда Конору придется убить его. Это вновь обретенное мужество следовало задавить в зародыше. Конор хлестнул его по обоим предплечьям — чтобы тот успокоился.

— Еще хочешь? Ты слишком туп, чтобы жить? Прими мое предложение, «баран», и сохранишь и жизнь, и честь. Если же нет, все узнают, что поражение тебе нанес мальчик.

Похоже, перспектива потерпеть поражение подобным образом была даже хуже, чем идея смерти. Маларки заскрежетал зубами и кивнул, по-прежнему отводя глаза.

— Даешь слово?

Виктор когда-то рассказывал Конору, что у городских преступников развито своеобраз-

ное чувство чести, что-то вроде слабого отражения самурайского кодекса бусидо*.

— Да, чтоб ты провалился, даю.

Конор холодно улыбнулся; он уже понял — этот прием очень уместен в отчаянных ситуациях.

— Ладно, поверю тебе. Руки жать не обязательно. — Это прозвучало, как злая шутка — руки Маларки неподвижно лежали по сторонам тела, словно два куска отрубленного мяса. — Хорошо, «баран». Мы заключили соглашение. Предупреждаю: если попытаешься завтра смощенничать, я не буду так милосерден. И молчать тоже не стану.

Конор повернул кольца трезубца и сложил его.

— Нет нужды вставать, я сам выберусь наружу.

Надо же! Вторая злая шутка всего за несколько минут. Это было непохоже на него — насмехаться над людьми в таких обстоятельствах. Но возможно, Малый Соленый уже переплавлял его в другого человека. В человека того типа, который может уцелеть.

* Бусидо — моральный кодекс самураев, в котором воплощается сама сущность благородного боя.

Конор сделал глубокий вдох, собираясь поднырнуть под край колокола. Прежде чем соленая вода затемнила ему обзор, он успел увидеть последнюю неприятность, случившуюся с Маларки: мешочек для алмазов упал из воздуходувного отверстия прямо ему на лицо.

Маларки извергнул длинное, грязное ругательство, но его слова заглушил промокший мешок, который он был неспособен снять и отбросить в сторону.

ГЛАВА 8

КОНОР ФИНН

Биллтоу и Пайк несли Конора на доске в его камеру и делали это крайне небрежно. Несколько сильных ударов и тычков привели его почти в такое же состояние, как если бы Маларки действительно заработал своих два шиллинга.

Считая, что он без сознания, они свободно болтали о положении дел на островах.

— Бонвилан обдерет их до нитки,— сказал Пайк.— Я бы пожалел Соленых, если бы они не были гаже морских раков.

— Раков, да,— согласился Биллтоу.— Но раки, по крайней мере, не хамят. И не приходится отчитываться перед начальником тюрьмы, если случайно растопчешь рака.

Они неуклюже обнесли доску вокруг угла, цапнув локтем Конора о стену.

— Я сказал бы, что можно растоптать и всех пленников, каких пожелаешь,— теперь, когда

Добрый Король Ник отправился на небеса. Бонвилану на это плевать.

— Твоя правда, Пайки.— Биллтоу расхотался и рыгнул.— Хорошие времена настали — в смысле, пока Изабелла не вошла в возраст. Возможно, она тоже за людей, как ее отец. Я слышал о ней много хорошего, и это тревожит.

— Ах да, принцесса Изабелла,— сказал Пайк.— Я бы на этот счет не беспокоился. Она не наденет корону, пока ей не исполнится семнадцать, а до этого еще два года. Спорю на свои праздничные сапоги, что после этого с нашей маленькой принцессой — если она станет вмешиваться в дела маршала — случится какая-нибудь беда.

Конору понадобилась вся его выдержка, чтобы не выхватить у Биллтоу оружие и не попытаться тут же прорваться на свободу. Однако Конор Финн, умирающий на холодном тюремном полу, мало чем поможет Изабелле. Нужно ждать, пока представится возможность.

Дотацив Конора до камеры, охранники подняли один конец доски, и он соскользнул с нее. Свалился у стены и лежал там, раскинув конечности и постанывая. Стоны были непритворные.

Пайк и Биллтоу стояли у порога.

— Знаешь что, Пайки? — сказал Биллтоу, почесывая ключицу. — Может, я стал стар и мягок, но мне симпатичен юный Конор Финн.

Пайк ужасно удивился. Испытывать симпатию к пленникам — это было совсем не в духе Биллтоу.

— Правда?

— Нет, — ответил Биллтоу, закрывая дверь камеры. — На самом деле, конечно, нет.

Конор лежал, не двигаясь, пока шаги охранников не затихли вдали. Выждав на всякий случай еще минуту, он заполз на койку и уткнул лицо в предплечье, хотя находился в камере один.

Дрожь возникла внезапно, сотрясая все тело от макушки до кончиков ног, как если бы он схватился за обнаженный электрический провод, как много лет назад произошло на его глазах с рабочим в коронационном зале. На другом острове, совсем в другой жизни.

Слишком много на него сразу навалилось, мысли разбегались. Отец, мать, король Николас, Изабелла... То, что он оказался в этой тюрьме... Бонвилан, «Убойные бараны», Биллтоу и Пайк... Образы друзей и врагов мелькали в со-

знании, заставляя страдать сильнее, чем от «поцелуя» Малого Соленого.

Мама и папа берут его с собой на Хук-Хед, чтобы запустить бумажного змея... Рассказы короля Николаса об американской Гражданской войне и о том, почему он в ней участвовал... Лицо Бонвилана с глумливой ухмылкой... Отто Маларки, страх смерти в его темных глазах.

Слишком много. Слишком много.

Конор стиснул зубы и до тех пор представлял себе, что летит, пока дрожь не унялась.

Спустя несколько часов Пайк ударом сапога загнал Линуса Винтера в камеру. Конор в этот момент как раз заканчивал со своей первой за день едой.

— Я поставил вашу порцию на плоский камень у окна,— сообщил он американцу.— Это самое теплое место здесь. Садитесь, я принесу.

Винтер с нетерпеливым восклицанием устремился прямо к плоскому камню.

— Не нужно. Я знаю, где миска. Я здесь уже почти год, юный Конор.— Наклонившись, он принялся ощупывать воздух, пока не нашел миску.— Спасибо, ты очень внимателен.

Винтер уселся на свою койку и подцепил кусок хрящеватого мяса, с которого капал жир.

— О господи, это не похоже на «Савой»*, верно? Я как-то останавливался там в восемьдесят девятом. Изумительно! Всюду электричество, в каждом номере ванна. И туалеты. Во сне вижу эти туалеты!

— У нас на Большом Соленом электрическое освещение с восемьдесят седьмого,— сказал Конор.— Король Николас говорит, что нужно перенимать все новое.— Лицо у него вытянулось.— Король Николас говорил...

Винтер молчал, пытаясь хорошенько разжевать кусок жирного мяса, который в противном случае мог бы задушить его на пути к желудку. Наконец с этим было покончено.

— Ну что, юный Финн, мы так и будем весь вечер говорить о туалетах или ты расскажешь мне о своих приключениях в колоколе?

— Я сохранил Маларки жизнь,— ответил Конор.— Но я одержал над ним верх, и он понимает, что я могу сделать это снова. И что в следующий раз я не стану держать язык за зубами. Посмотрим, как долго после этого он будет оставаться главой «Убойных баранов».

Винтер замер, не донеся до рта очередной кусок истекающего жиром мяса.

* «Савой» — отель-люкс в Лондоне, открыт в 1889 г.; один из самых известных отелей мира.

— Черт с ним, с колоколом, мальчик. Если бы я мог посмотреть на тебя с восхищением, я бы так и сделал. Ник был прав насчет тебя.

— Ник? Король Николас? Вы знали короля?

— Мы встречались в Миссури. Он был в корпусе воздухоплателей. Фактически он один и представлял собой корпус. Буксировал два обветшалых, наполненных горячим воздухом аэростата с одного места сражения на другое. Наши пути пересеклись в Питерсберге* в шестьдесят пятом. От меня тогда было мало толку, поскольку к тому времени юный Джесси Джеймс уже выколол мне глаза. Ника генералы тоже едва терпели; так и завязалась наша дружба. Он научил меня вязать узлы и наполнять балластные мешки. Даже брал с собой летать несколько раз. Я понятия не имел, что он королевских кровей, — он, конечно, тоже.

Конор всегда быстро соображал.

— Это не может быть случайным совпадением — что вы здесь.

Винтер, прислушиваясь к чему-то, склонил голову набок.

* Питерсберг — город в штате Виргиния, США; осада Питерсберга (1864–1865 гг.) — один из последних эпизодов американской Гражданской войны.

— Нет, Конор, это не совпадение. Ник послал меня сюда шпионить.

— Вы шпион? Зачем же вы говорите мне об этом? Я могу оказаться кем угодно. Скажем, другим шпионом, посланным, чтобы найти вас.

— Можешь, но не являешься. Я слышал о тебе от Виктора Вигни. Он посещал меня несколько дней назад и должен был передать мои новости королю. Предлог — я украл у него что-то. Вот такие шпионские игры.— Винтер вытянул руку и длинными пальцами нащупал плечо Конора.— Король Николас относился к тебе как к сыну. Виктор говорил, что ты его величайшая надежда на будущее. Ты не шпион.

Конора охватила печаль. Он тоже воспринимал короля почти как второго отца.

Внезапно у него мелькнула ужасная мысль.

— Но теперь, мистер Винтер, вы стали таким же пленником здесь, как и все мы.

Винтер вздохнул.

— Похоже на то. Вряд ли я могу сообщить мистеру Биллтоу, что на самом деле я профессиональный шпион, выдающий себя за бродячего музыканта.

— Наверное, нет. За кем вы шпионили?

И снова Линус Винтер внимательно прислушался, прежде чем ответить.

— За маршалом Бонвиланом. Николас подозревал его в измене и в особенности во всем, что касалось Малого Соленого. Бонвилан управлял тут, словно это был его личный лагерь рабов. Тюремные реформы производились, только когда Николас или его представители приезжали сюда. Королю нужен был свой человек внутри, а кто может лучше шпионить за обожающим музыку начальником тюрьмы, чем слепой музыкант? Никто не заподозрит человека, неспособного шпионить, в том, что он шпион.

— Понимаю,— сказал Конор.

Винтер усмехнулся.

— Правда? И как тебе все это кажется?

Конор улыбнулся, впервые за эти дни. Улыбка была еле заметной и мимолетной.

— Не думаю, что я мог бы пройти через такое, мистер Винтер. Для этого я недостаточно силен.

— Чепуха! Сегодня ты продемонстрировал и мужество, и изобретательность. Тот, кто смог одержать верх над этим скотиной Маларки, конечно, найдет в себе силы выжить на Малом Соленом.

Конор кивнул. Да, некоторые люди оказывались в худших ситуациях. Он, по крайней мере, молод, и сила на его стороне.

— Скажите, мистер Винтер, как вы начали заниматься вашим делом?

— Какое дело ты имеешь в виду? — с невинным видом спросил Винтер.

— Шпионское, конечно.

Винтер изобразил убедительную гримасу ужаса.

— Шпион? Я? Но, мой глупый мальчик, я слеп, а это все равно что туп и ненамного лучше, чем покойник. Ну разве что меня можно посадить за пианино в офисе начальника тюрьмы, а он будет заниматься своими делами, как будто меня там и нет.

— Но теперь вам и докладывать некому?

— Совершенно верно. Какое-то время назад по требованию Николаса меня временно освободили, чтобы я сыграл в его оркестре. Тогда я ему и докладывал в первый раз. То же самое должно было произойти завтра. Подозреваю, что этот отчет, равно как и все последующие, я никому представить не смогу.

Конор внезапно почувствовал свое родство с высоким американцем.

— Значит, мы с вами заодно.

— Пока один из нас не освободится. И когда я говорю «освободится», я имею в виду в специфическом смысле Малого Соленого. Время

от времени какой-нибудь заключенный исчезает, и охранники сообщают нам, что он освобожден.

— То есть мертв.

— Полагаю, да. Убийство — самый быстрый способ предотвращения перенаселенности в таких местах. Молюсь, чтобы нам обоим повезло никогда не «освободиться».

— Повезло? — удивился Конор. — Странное слово вы употребили.

Винтер погрозил ему похожим на тростник пальцем.

— Вовсе нет. Мы оба — цивилизованные, одинаково мыслящие люди. Только представь себе, кого мы могли заполнить в качестве сокамерников.

В памяти Конора вспыхнуло лицо Маларки, его характер, сформированный полной насилием жизнью.

— Вы правы, мистер Винтер. Нам действительно повезло.

Винтер поднял воображаемый стакан с шампанским.

— Твое здоровье.

— Ваше здоровье. — Конор повторил его жест.

Сама камера была выдержана в спартанском духе — немногим больше, чем просто яма в толще острова. Высоко в стене имелось одно-единственное окно размером с почтовый ящик. Сквозь него проникал слабый, бледный свет, способный разгонять мрак на расстоянии не больше метра.

Стены были умело вырублены в скале и фактически не нуждались в штукатурке, и хотя когда-то она была наложена, но давным-давно осыпалась, и на стыках во множестве разрослись самые разные грибки и плесень. Конор оценивал размеры камеры как три с половиной на четыре метра. Вряд ли достаточно для двух высоких мужчин, чтобы чувствовать себя комфортно. С другой стороны, не отсутствие комфорта было тут проблемой.

Лежа на жесткой койке тем вечером, Конор думал о своих родных. В конце концов эти мысли стали столь мучительны, что с его губ сорвался негромкий, полный боли крик.

Линус Винтер промолчал, однако заворочался на койке, давая понять, что все слышал и готов к разговору, если есть такая необходимость.

— Вы говорили, что научите меня, как выжить здесь,— прошептал Конор.

Винтер перевернулся на спину, сомкнул руки на груди и вздохнул.

— То, что ты должен делать — что мы оба должны делать, — так ужасно трудно, что почти невозможно. Только самые стойкие способны на такое.

Конор предполагал, что выжить на Малом Соленом означает и впрямь совершить что-то, близкое к невозможному.

— Что, мистер Винтер? Расскажите. Мне нужна ваша помощь.

— Хорошо, Конор. Мой план состоит из двух частей. Первая кажется легкой задачей, но, поверь мне, это не так. Ты должен забыть свою прежнюю жизнь. Она закончилась, ее больше нет. Мысли о родных и друзьях будут лишь увлекать тебя в бездну отчаяния. Поэтому выстрой стену вокруг своих воспоминаний и стань совсем другим, новым человеком.

— Не знаю, смогу ли я... — начал Конор.

— Теперь ты Конор Финн! — прошипел Винтер. — И должен по-настоящему поверить в это. Ты Конор Финн, семнадцатилетний кап-рал, контрабандист и фехтовальщик. Конор Финн выживет на Малом Соленом. Тело Конора Брокхарта тоже может выжить, но его дух будет сломлен, как если бы Бонвилан собственными руками зажал его в тиски. В этом можешь не сомневаться.

— Конор Финн,— запинаясь, повторил Конор.— Я Конор Финн.

— Ты убийца. Ты молод и худощав, но беспощаден с оружием, а рука, которая держит его, сильна как сталь. Ты предпочитаешь собственную компанию и не терпишь оскорблений. Не так уж гнусно выглядит. Ты уже убивал прежде. Первый раз, когда тебе было пятнадцать,— пьяницу, который обчистил тебя. И это все правда.

— Это правда,— пробормотал Конор.— Все это правда.

— Семьи у тебя нет,— продолжал Винтер.— Ты никого не любишь, и никто не любит тебя.

— Никто...— начал Конор, но слова застряли в горле.— Никто не любит меня.

Винтер помолчал, повернув голову и прислушиваясь к огорченному голосу Конора.

— Так должно быть. Здесь любовь лишь разьесть тебе мозги. Я знаю это по своему опыту. У меня когда-то была жена, прекрасная Айсвария. Грезы о ней заполняли мои дни, пока я пять лет сидел в бенгальской тюрьме. Какое-то время они поддерживали меня, но потом любовь обернулась подозрительностью. И в конце концов ненавистью. Когда я услышал, что она умерла от брюшного тифа, чувство ви-

ны едва не убило меня. Я бы и впрямь умер, если бы меня не вышвырнули оттуда.— Винтер помолчал, заново переживая эти ужасные времена.— Здесь любовь должна умереть, Конор, это единственный способ. Стоит открыть свое сердце...

— Любовь должна умереть,— повторил Конор.

Мысленно он упрятал образы родителей в ящик, запер его на всякий замок и задвинул в глубину сознания.

— Однако что-то должно занять ее место,— продолжал Винтер более твердым голосом.— Какая-то страсть, чтобы подпитывать твой энтузиазм. Чтобы было ради чего жить, если угодно. Лично у меня это музыка. Я держу всю оперу у себя в голове и в других местах. Сам Амадей расплакался бы. Музыка почти все время у меня в мыслях. Самое мое горячее желание — когда-нибудь услышать ее исполненной в Зальцбурге*. В один прекрасный день, Конор. В один прекрасный день. Видишь ли, моя опера поддерживает во мне жизнь.— Винтер засунул два пальца под повязку и помассировал глазницы.— Я ви-

* Зальцбург — город в Австрии, родина В.-А. Моцарта.

жу музыку, как ты видишь цвета. Каждый инструмент — это взмах кисти. Золото — струнные. Темно-голубой — фагот. Даже отбарабанивая для начальника тюрьмы напыщенные марши на его разболтанном пианино — звуковая доска отвратительная, — я мечтаю о своей опере. — Винтер негромко пропел несколько музыкальных тактов. — А как обстоит дело с тобой, Конор? У тебя есть мечта? Нечто, что приходит к тебе во сне, всегда принося надежду, но никогда боль?

Ответ пришел молниеносно.

«Я хочу летать».

— Да, — сказал Конор. — У меня есть мечта.

Наступила ночь, хотя с точки зрения света в камере мало что изменилось. Просто слегка сгустилась тьма, вот и все. Это свидетельствовало о наступлении определенного времени суток, больше ни о чем. Конор лежал на койке, отгоняя от себя мысли о родных, о которых думать не следовало. Отказаться от прежнего себя не так просто, как сбросить грязную рубашку. Взывая к нему, всплывали непрошенные воспоминания. Мистер Винтер оказался прав — труднее этого ему в жизни ничего делать не приходилось. Конор чувствовал, как пот покрыв-

вает лицо, словно влажная фланель, и голос матери казался таким же реальным, как стены камеры.

«Как ты мог так поступить, сын мой? Как ты мог предать всех нас?»

Конор грыз костяшки пальцев, пока голос не затих. Нужно было как-то отвлечься; и еще требовалось доказательство того, что эта новая жизненная стратегия окажется эффективной.

— Мистер Винтер,— прошептал он,— вы спите?

С другой койки донесся шорох.

— Нет, Конор Финн. Временами мне кажется, что я вообще никогда по-настоящему не сплю. Всегда поглядываю одним глазком, как говорится. Наследие шпионской жизни. У тебя возникли сложности в предании забвению Конора Брокхарта?

Конор с горечью рассмеялся.

— Сложности? Это просто невозможно, мистер Винтер.

— Нет, не невозможно, но дьявольски трудно. У меня ушли месяцы на то, чтобы забыть реального себя. Чтобы стать таким беспутным, бесшабашным повесой. Даже рассказывая тебе об этом, я слегка приоткрываю дверь к себе прежнему.

— Простите,— сказал Конор.— Тогда расскажите мне о своей мечте. Об этой опере.

Винтер сел.

— Правда? Ты хотел бы услышать мою музыку?

— Да. Возможно, ваша музыка одарит меня энтузиазмом, необходимым для осуществления моих собственных планов.

Винтер внезапно начал заикаться.

— Оч-чень хорошо, Конор. Но ты первый человек, когда-либо... Вообще-то обстановка тут явно неподходящая. Акустика скверная — эти тесные стены искажают даже человеческий голос.

Конор улыбнулся во тьме.

— Я — доброжелательная публика, мистер Винтер. Моя единственная просьба — чтобы ваша музыка отвечала более высоким стандартам, чем ваши шпионские дела.

— Ах! — Винтер стукнул себя кулаком в грудь.— Критик. Из всех возможных товарищей по камере мне достался...— Однако эта шутка помогла ему успокоиться, и он уверенным тоном начал свое представление.— Наша история озаглавлена «Возвращение солдата». Представь себе, если сможешь, великий штат Нью-Йорк. Война окончена, и люди сто тридцать седьмого пехотного полка вернулись в

свои дома в Бингемтоне. Это время сложных эмоций — огромной радости и глубокой печали. Для бывших солдат и их родных ничто больше не будет таким, как прежде...

И, ограничившись этим кратким вступлением, Линус Винтер перешел к увертюре. Она была возвышенная, но не претенциозная; одно настроение постоянно сменялось другим — от восторженной радости и облегчения к бездонной печали. Временами она звучала даже с оттенком комизма.

Слепой «исполнял» для испуганного мальчика все оркестровые партии, и постепенно Конор почувствовал, что затерялся в этой музыке, и разворачивающаяся перед ним история захватила его целиком.

Это была печальная, хотя и победоносная история — с прекрасными ариями и грандиозными маршами; постепенно рассказ все больше уступал место музыке. Музыка несла в себе образы, и в сознании Конора образы эти принимали форму летающей машины. Тяжелее воздуха, но тем не менее парящую среди облаков, с самим Конором у руля. Такое возможно, и он сделает это.

«Я сделаю это,— думал он.— Я буду летать, и Конор Финн выживет на Малом Соленом».

Третий день. Биллтоу появился после выстрела пушки и выглядел так, словно тащился на работу по сточным канавам. Таков, начал понимать Конор, его обычный вид.

Услышав, как заскрипели петли, Винтер втянул носом воздух.

— Ах, охранник Биллтоу. Точно вовремя.

Биллтоу бросил в слепого пленника куриную кость, которую до этого обсасывал.

— На, Винтер, свари себе супчик. А ты, Конор Финн, выглядишь прекрасно. Труба ждет. Может, сегодня ты что-нибудь и принесешь в клюве, а не проплаваешь все время в бессознательном состоянии.

Конор сел на койке, чувствуя, как от соли и грязи зудит спина.

— Уже иду, мистер Биллтоу.

Он припустил к двери, пытаясь обнаружить в душе хоть искру энтузиазма. Линус Винтер попрощался с ним и вскинул голову, что у него было равносильно подмигиванию.

— До вечера, Конор Финн.

Конор против воли улыбнулся. Иметь общий секрет — прекрасный источник сил.

— Да, до вечера — когда солдат вернется.

На лице Винтера расплылась широкая улыбка, шрамы, окружающие оба глаза, растянулись и стали похожи на солнечные лучи.

— Буду ждать «Возвращения солдата».

Биллтоу нахмурился, он всегда чувствовал себя некомфортно, если настроение узников хоть чуть-чуть выходило за рамки смиренной депрессии.

— Хватит чесать языками! Выметайся за дверь, Финн!

Конор Финн покинул сырую камеру, с каждым шагом уходя все дальше от Конора Брокхарта.

Когда Конор поднырнул под колокол, Маларки был уже там. Великан выжимал воду из своих длинных волос, словно прачка полотенца.

— От соли волосы делаются ломкими, — объяснил он, бросив на Конора взгляд из-под вскинутого локтя. — Если человек предпочитает длинные волосы, он должен, насколько возможно, избавляться от нее. Иногда мне кажется, что это пустая трата времени, поскольку на этой проклятой скале никто дважды и не взглянет на мои волосы.

Конор растерялся, не зная, как вести себя с этим доброжелательным джентльменом, пришедшим на смену вчерашнему злобному наемнику.

— Мм... Моя мать рекомендует для ломких волос масло.

Маларки вздохнул.

— Да, масло. Где только его взять? Это загадка, над которой я бьюсь уже десятилетие.

Великан говорит совершенно серьезно, осознал Конор. И это важно для него.

— У Биллтоу, похоже, есть изрядный запас. У него голова всегда смазана жиром.

— Биллтоу! — со злостью бросил Маларки. — Эта змея! Чтобы я доставил ему удовольствие, попросив о чем-то!

У Конора мелькнула мысль.

— Ну, в таком случае я заметил, что наше ежедневное тушеное мясо просто плавает в жиру. В миске натекает небольшая лужица. Думаю, этот жир полезнее для головы, чем для желудка.

Маларки был потрясен.

— Господь Всемогуший, да ты прав, солдатик. Каждый день, по три раза на дню, я пьюсь в эту стряпню и не знаю, где найти жир! Отличный совет.

— И бесплатный, — добавил Конор. — Хотя учти: от тебя будет нести, как от тушеного мяса.

— Ну и что? Зато волосы будут такие блестящие, что хоть по Пикадилли* гуляй.

* Пикадилли — одна из главных улиц центральной части Лондона.

Конор стряхнул воду и засохшую грязь с собственных волос. Он, наверное, и впрямь стал похож на какого-то никчемного бродягу. Пора позаботиться о своем внешнем виде. Может, Маларки подскажет ему что-нибудь насчет гигиены.

Тот между тем закончил возиться с волосами, откинул их назад и сказал более серьезно:

— А теперь у нас есть небольшое дельце.

Конор напрягся. Неужели новая драка? Некоторым ученикам приходится не раз повторять урок, прежде чем они его запомнят. Он положил руку на Вилку дьявола в своем поясе.

— Что за дельце? Новые оплаченные избиения?

— Нет, солдатик, нет! — поспешно воскликнул Маларки. — Твое решение этого дела останется в силе. Мы две недели будем всем морочить голову. Ты помалкиваешь, и все в порядке. Мои суставы будут целы, твоя голова тоже, и все довольны. Жаль, что я сам до этого не додумался. Избавил бы себя от артрита. С ломкими волосами да еще с ноющими суставами я тут запросто сдохну.

Конор отчасти расслабился, но руку с вилки не убирал.

— Я знал повариху на Большом Соленом, которая страдала от артрита. Она клялась, что

от боли в суставах очень помогает кора ивы, если ты сумеешь достать ее.

— Кора ивы?

— Раскроши ее в свою еду или просто поса-сывай время от времени кусочек. Хотя для желудка она не очень хороша.

— Никаких проблем. Я могу переварить живого медведя.

— Ну, и что тогда за дельце? — нахмурившись, спросил Конор.

— Я разговаривал с Пайком.— Маларки ткнул пальцем в сторону иллюминатора.— Мы решили, что будет лучше, если мы с тобой немного поработаем, а уж потом я изобью тебя до бесчувствия. Ну, я и подумал, что мы можем поискать тут вокруг, найти несколько камней, а потом немного передохнуть. Как тебе такой план?

Конор был готов согласиться, но потом вспомнил, что он теперь другой человек. Конор Финн — молодой дьяволенок и никогда не упустит шанса извлечь свою выгоду.

— Ничего себе план. Но как насчет трех фунтов, которые тебе за меня заплатили?

Маларки, видимо, был готов к этому вопросу.

— Один тебе, два мне.

— Я предпочитаю наоборот.

— У меня есть предложение,— сказал Маларки.— Мы делим деньги поровну, если ты научишь меня пользоваться вилкой так, как ты. Умелое фехтование — могучее оружие. Я могу заработать реальные деньги, если ко мне прицепятся какие-нибудь офицеры.

Судя по лицу Маларки, он жаждал заключить это соглашение.

— А можешь ты гарантировать, что никакой «баран» не ткнет меня ножом под ребра?

Отто Маларки тряхнул длинными волосами.

— Есть только один способ гарантировать это.— Он закатал рукав, обнажив татуировку с рогатым бараном.— Ты должен заполучить такую же. Только члены братства в безопасности. Я поддержу тебя, если ты научишь меня фехтовать. Могу сказать, что ты выдержал мои избиения и в тебе есть ирландская кровь, хотя акцент выдает в тебе уроженца Соленых островов. Может, мамаша из Килмора? По-моему, ты еще не дорос до армии, но для «Убойных баранов» это не имеет значения. Если ты достаточно взрослый, чтобы держать в руке пистолет, значит, ты достаточно взрослый, чтобы стрелять из него.

Стать «Убойным бараном»? Это имело смысл. Конор Брокхарт никогда не связался

бы с преступной шайкой, но Конор Финн — совсем другое дело.

— Я согласен на татуировку, но не буду платить никаких взносов и давать клятв.

Маларки расхохотался.

— Клятва! Единственные клятвы, которые есть у нас, «Убойных баранов», — это согласие играть без правил. Что до взносов, уроков фехтования будет достаточно.

Конор потер мышцу в том месте, где предстояло появиться татуировке.

— Хорошо, Маларки: мы заключили соглашение. Рассчитываю получить деньги завтра.

— Не завтра, — ответил Маларки. — Начиная с сегодняшнего дня тебя будут ежедневно обыскивать. Дождись, пока на твоём предплечье появится «баран». Тогда некоторые надежные охранники будут кое на что закрывать глаза. Станут не так тщательно обыскивать, за разумную плату разумеется.

Ну вот, от Маларки уже был какой-то толк. Весьма вероятно, что его болтовня будет стоить нескольких уроков фехтования.

— Ладно, Маларки, после татуировки гуляем. А до тех пор фехтуем и ищем алмазы. Первый урок, пока голова еще ясная.

Он раздвинул вилку, а левую руку убрал за спину. Маларки повторил его позу.

— Ну, Конор Финн, ты научишь меня всему, что знаешь?

— Не всему,— с непроницаемой улыбкой ответил Конор.— Если я сделаю это, тогда ты сможешь убить меня.

На этот раз Биллтоу дождался, пока Конор якобы придет в себя, чтобы по подземным коридорам Малого Соленого отвести его в камеру. Впервые со времени своего появления здесь Конор внимательно осматривался по сторонам, считал каждый шаг, замечал каждую дверь, каждое окно.

Эта часть тюрьмы выглядела вогнутой, как если бы уже после постройки сильно просела. Стены над головой клонились внутрь, пол опустился. Каменные арки стояли вкривь и вкось, словно построенные детской рукой из кубиков. Там, где сквозь трещины струилась вода, стены покрывали темные пятна. Ручейки бежали по вогнутому полу, стекаясь к его центру.

— Мило, не правда ли? — сказал Биллтоу, заметив, что взгляд Конора блуждает по сторонам.— В любой момент эту часть может затопить, так говорят. Конечно, так говорили и задолго до того, как я надел форму. На твоём ме-

сте я попытался бы сбежать из этой дыры. Будет над чем повеселиться. Пойми, всегда есть отчаянные люди, которые готовы попытаться. Самое предпочтительное — спрыгнуть со стены. На Малом Соленом крабы никогда не голодают. Второй вариант — прорыть ход. Прорыть ход! Спрашивается, где, по мнению этих болванов, они сидят? На лугу? На этом острове и земли-то, почитай, нет, и все же находятся сумасшедшие, тратящие каждую свободную минуту на то, чтобы обследовать расщелины. Скажу тебе прямо, солдат, — если ты и впрямь найдешь на Малом Соленом хоть немного земли, лучше посади на ней зелень.

У Конора хватило ума не прерывать Биллтоу. В прошлом он хорошо усвоил, что информация может спасти жизнь, а ему предстояло еще много узнать об этом месте. По счастью, Биллтоу страдал, похоже, словесным поносом и просто жаждал поделиться всем, что знал.

Он толкнул Конора в один из коридоров, расположенных ниже остальных. Пол в нем под небольшим углом шел под уклон, и вода затекала под некоторые двери.

— Ну, вот мы и дома, тра-ля-ля! — пропел Биллтоу. — Отделение сумасшедших. У нас тут кого только нет. Глухие, немые, слепые. Одно-

ногие, однорукие. Стукнутые на голову. И другие, о которых ты слыхом не слыхивал. Есть тут один, который не говорит никаких слов, только числа. Что бы ни случилось, только числа. Десятки, сотни и даже тысячи. Словно какой-нибудь проклятый банкир. Даже имя его неизвестно, мы так его и зовем — Счетчик. Остроумно, правда?

Конор запомнил и это. Такой человек может оказаться полезен — если его «числа» что-нибудь да значат. В планы Конора входили кое-какие вычисления.

Когда они оказались у двери в камеру, Конор обратил внимание на стальные петли и тяжелые запоры. Биллтоу повернул ключ в замке.

— Крепкая дверь, правда? Эти двери — почти единственное, что мы здесь ремонтируем. — Он подмигнул Конору. — Чтобы вы, придурки, не бегали по ночам, пугая друг друга криками, требуя мамочку, занимаясь подсчетами и все такое прочее. Мне больше нравится, когда вы сидите по своим камерам и стонете. — Биллтоу стер со щеки воображаемые слезы. — Эти звуки, словно хор ангелов. Помогают мне засыпать все то время, что я на острове.

Это был настоящий зверь, низкий и подлый. В нормальном мире он сидел бы в тюрьме, а

Конор был бы на свободе. Дверь легко распахнулась, чему способствовал уклон стены.

— Заходи, Соленый. Наслаждайся своим уединением.

Конор сделал несколько шагов, прежде чем до него дошел смысл этих слов.

— Уединением? А где мистер Винтер?

Биллтоу быстро прикрыл дверь, оставив лишь узкую щель, и ответил сквозь нее:

— Винтер? Этот бесстыдный слепой плут? Ну, его освободили. Отныне и навсегда ты будешь сидеть один, таков приказ маршала.

Невыносимая тяжесть навалилась на Конора, и он рухнул на колени.

«Убийство — самый быстрый способ предотвращения перенаселенности в таких местах,— сказал Линус.— Молюсь, чтобы нам обоим повезло никогда не “освободиться”».

— Вы убили его.

Однако он обращался к закрытой двери.

ГЛАВА 9

СВЕТ

В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

Конор забился в угол камеры, рыдая, словно дитя. Теперь он остался один. Дружба могла скрасить то время, что судьба отвела ему пробыть здесь, но теперь у него не было и этого. Он заполз в самый дальний конец камеры, смутно удивляясь тому, что она уходит в скалу глубже, чем ему казалось. За койкой Винтера обнаружилась глубокая ниша размером примерно с четыре поставленных друг на друга гроба. Впрочем, оценить ее протяженность можно было лишь на ощупь, поскольку сюда свет не проникал совсем.

Он забился туда и лежал несколько часов, чувствуя, как решимость утекает из него, точно вода. Новая личность, созданная им для себя, исчезла, и на поверхность снова всплыл несчастный, доведенный до отчаяния Конор Брокхарт.

Всю долгую ночь, утопая в чувстве жалости к себе, он то грезил о родных, то засыпал и видел их во сне. Бесполезные, пустые мечты. В ближайшие несколько дней он вполне может умереть от разбитого сердца, оставшись без единого, пусть совсем крошечного, луча света.

Очнувшись утром, он увидел на противоположной стене дрожащую красную полосу. Какое-то время, еще не совсем стряхнув с себя сон, он воспринимал ее как мягко подрагивающую цифру «один». Что это — какое-то сообщение? Может, в его камере обитает призрак? Потом он окончательно проснулся и понял, что эта полоска — просто луч солнечного света. Но откуда?

Исключительно чтобы отвлечься, Конор решил разобраться и очень быстро понял, что в стене, на стыке двух блоков, есть выходящая наружу узкая трещина; она-то и пропускает свет внутрь. Конор потолкал пальцем левый блок и с удивлением обнаружил, что он шевелится, скребя по соседним. Он нажал с большей силой, и блок закачался, сбрасывая засохшую грязь. Сам блок растрескался, поскольку это был, собственно, не настоящий каменный блок, а просто большой ком засохшей глины.

Конор провел пальцем вдоль края фальшивого блока и слегка сдвинул его. В лицо ударил луч света, и на несколько секунд Конор ослеп. Не потому, что свет был так уж ярко; просто это был первый прямой свет, который он видел на протяжении многих часов.

Он закрыл глаза, но не отвернулся. Лицо ощущало тепло, и это было чудесно — словно дар из руки Господней. Он постучал по соседним блокам, проверяя, нет ли и среди них фальшивых. Увы, нет. Остальная стена оказалась твердой как скала. Всего одна дыра, размером с два кулака.

Какое-то время он посидел на корточках, ощущая тепло на коже и привыкая к свету, проникающему даже сквозь закрытые веки, и только после этого почувствовал, что готов открыть глаза. Он не был разочарован увиденным, поскольку не позволял себе ни на что надеяться. Дыра оказалась чертовски маленькой, но глубокой, пронизывая твердую скалу на целый метр, а в конце был виден кусочек неба размером с носовой платок. Через этот тоннель могла сбежать разве что крыса, пусть и крупная. И если бы даже каким-то чудесным образом Конор сумел уподобиться доктору Редмонду, знаменитому артисту, способному с це-

пиями на руках выбираться из запертого сундука и прочее в том же духе, и протиснулся сквозь эту узкую щель, куда бы он пошел? Океан проглотит его быстрее, чем кит мелкую рыбешку. А если бы он ухитрился украсть лодку, то снайперы на стенах подстрелили бы его. С Мало-го Соленого никто никогда не сбегал. Ни один человек за сотни лет.

«Значит, прими этот свет как маленький тайный дар, и ничего больше,— сказал себе Конор.— Пусть он согревает тебе лицо и очищает душу от боли, хотя бы недолго».

Конор привалился к стене, наслаждаясь мягким теплом. Кто установил тут этот фальшивый блок? И кто провертел дыру? Существовало множество ответов на оба вопроса, но не было способа подтвердить либо опровергнуть ни один из них.

Возможно, тюремные стены понемногу провисали таким образом, что векторы силы сошлись в этой точке, постепенно дробя блок. Или, может, несколько поколений узников с помощью примитивных орудий процарапывали путь наружу. Или как результат воздействия морской и дождевой воды возникла эрозия. Хотя в последнем случае на это ушло бы не меньше тысячелетия. Скорее всего, комби-

нация всех этих факторов и еще дюжины других.

Конор внимательно изучил глиняный блок, за которым скрывалось это сокровище света. Блок был обломан по краям, но в целом не поврежден. И дыра располагалась так, что почти все время была скрыта от взгляда. Однако сейчас она видна, Биллтоу придет не так уж скоро, и Конор может позволить себе удовольствие понаблюдать, как наступает рассвет; без сомнения, это делали до него множество пленников. К дьяволу все тревоги.

«Вода. Кружка воды — это было бы здорово».

Конор закрыл глаза, но тут же в сознании всплыли образы родителей, терзая его, и он снова открыл глаза. Мелькнула мысль: может, он спит или сходит с ума? То, что происходило, не должно было, не могло произойти. Стена скрытой за койкой ниши была освещена, но не просто солнечным светом, а странным, призрачным, зеленоватым свечением. Не вся стена, только отдельные полосы и точки. До боли знакомое изображение. Конор понял, что видит ноты. Стены маленькой ниши были испещрены нотами.

Мистер Винтер сказал: «Я держу всю оперу у себя в голове и в других местах». Другие мес-

та — это и есть тут, в тайной нише. Он и сам рассказал бы об этом, если бы его не убили.

Конор провел пальцами по группе нот: они то поднимались, то опускались, словно горная гряда. Что представляет собой это мерцание? Как такое возможно? Призрак Виктора сердито одернул его: «Думай, болван. Мы изучали это. Основы геологии. И ты еще называешь себя человеком нового века!»

Конечно. Светящийся коралл. Он растет только в специфических условиях, и по странному стечению обстоятельств это влажное, запертое помещение способствовало его росту. Конор отколупнул тонкий слой грязи и обнаружил под ней жесткие чешуйки светящегося коралла. Вся эта часть камеры представляла собой живой коралл, подпитываемый постоянно капающей соленой водой. Скорее всего, он прорастал сквозь скалу на протяжении столетий и был активирован солнечным светом. Просто чудо. Конор никак не ожидал обнаружить здесь чудеса.

Кроме нот здесь были и другие записи, сделанные в более давние времена, старомодным языком. Например, дневник Захарии Корда, признающего, что он был отравителем. И бесвязное проклятие некоего Тома Бели из сем-

надцатого столетия, обращенное к начальнику тюрьмы, которого он называл «ненавистником справедливости». Конору было совсем нетрудно в это поверить.

Теперь понятно, как Линусу удавалось сохранить здравый ум, несмотря на долгие часы одиночества. Он записывал свою музыку на единственной доступной ему поверхности покрытого грязью sklepa; и он даже не знал, что его рукопись светится! Слезы выступили на глаза Конора, когда пальцы коснулись последних нот и слова «Конец», вырезанного с великолепными завитушками. Линус Винтер успел закончить труд своей жизни, прежде чем «освободился».

Благородная традиция, эти записи. Конор внезапно понял, что хочет ее продолжить. Он вверит собственные идеи стенам маленькой ниши. Сама эта мысль заставила сердце забиться чаще. Иметь полотно, на котором можно изображать свои замыслы, — это гораздо больше того, на что он мог надеяться.

Он порывлся рядом с койкой Линуса Винтера и в конце концов нашел то, что, как и предполагал, должен был найти. Его самое последнее стило, спрятанное под ножкой койки. Куриная кость с заостренным концом, недавно брошенная ему Биллтоу. Прекрасно.

Конор втиснулся в нишу и лег на спину. Он решил начать с потолка и делать наброски только до выстрела пушки.

Уверенными штрихами Конор Финн запечатлевал на влажной глине свою первую модель, и тут же сквозь нее начинал просвечивать мерцающий зеленый коралл. Это было то, над чем он работал с Виктором. Планер с рулем управления и раздвижными крыльями — для боковой балансировки.

На стене изображение было неподвижно, но в сознании Конора оно парило, точно птица. Свободная птица.

ГЛАВА 10

НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

1894, два года спустя

Артур Биллтоу пожевал еще немного кусок табака и сплюнул в дыру на полу. Волокнистый кусок пролетел мимо цели и упал прямо на кончик его сапога.

— Жаль, жаль,— сказал охранник.

Но тут же осознал, что разговаривает сам с собой, и воровато оглянулся в надежде, что никто не подслушивает. А то еще подумают, что он умственно отсталый, и запрут вместе с придурками. Никто ничего не слышал, кроме Пайка, но это не имело значения, поскольку Пайк и сам был в полушаге от идиотизма. В любом случае Биллтоу решил замаскировать свое невольно вырвавшееся извинение.

— Жаль, жаль,— повторил он, на этот раз громче.— Мне правда жаль этих бедных безум-

цев внутри «Флоры». Что им предстоит сегодня вечером, а?

Тюремные охранники стояли в подземной кладовой, глядя сквозь дыру в полу на «Флору», на десять морских саженей погруженную в темную воду. Море снаружи было беспокойно, и тоннель, ведущий к открытой воде, выглядел так, будто в нем установлен огромный вентилятор. Он с грохотом раскачивал водолазный колокол, из которого при каждом ударе вырывались пузыри воздуха.

— Мне действительно жаль,— продолжал Биллтоу.— Им лучше поторопиться, пока «Флора» не оторвала кому-нибудь руки-ноги.

Пайк, конечно, не поверил ему; он знал, что судьба пленников волнует Артура Биллтоу никак не больше, чем судьба травы, по которой тот шагал. Однако любой, стоящий ниже Биллтоу по служебной лестнице, не осмеливался ему возражать, если не хотел, чтобы в сочельник его приставили работать в отделение сумасшедших.

— Не расточай попусту свое легендарное сочувствие, Артур,— сказал Пайк, потирая лысую голову.

Биллтоу вскинул хмурый взгляд на товарища. Что это, острота? Нет, вряд ли на такое спо-

собен человек, думающий, что электричество — это подарок фей.

— Не о чем беспокоиться,— продолжал Пайк.— Сегодня в вечерней смене Финн и Маларки.

Биллтоу кивнул. Финн и Маларки. Лучшая пара горнорабочих за все время существования колокола. Юный Финн, без сомнения, был мозгом этой пары; но, следуя его указаниям, гигант Маларки нырял куда угодно, как бы трудно это ни было. Просто не верилось, что два года назад, когда Конор Финн появился на Малом Соленом, он выглядел всего лишь жалким заморышем, которого ожидали стеганный брезентовый мешок и похороны в море. Теперь он заправлял «Убойными баранами» и стал одним из главных источников дохода самого Биллтоу.

Биллтоу откашлялся.

— Я сам общу Финна и Маларки, Пайк.

— Как обычно, Артур.

Биллтоу проигнорировал дерзость — это могло бы повлечь за собой разборку по поводу тайно припрятанных алмазов,— но мысленно решил перевести Пайка надзирать за уборкой нечистот. То, что замечания Пайка граничили с дерзостью, было плохо само по себе. Кроме того, до Биллтоу доходили слухи, что Пайк про-

дает информацию шайке «Убойных баранов» в Килморе в обход своего старого друга Артура.

Биллтоу наклонился над краем ямы, глядя в освещенную лампами бездну. В темной воде мерцал колокол, с каждым ударом испуская протяжный, гулкий звон. Сквозь грязный иллюминатор видны были лишь смутные движущиеся тени. Надо полагать, Финн и Маларки заняты добычей алмазов.

«Удачи вам, Соленые. Принесите дядюшке Артуру золотое яичко».

Биллтоу снова сплюнул табачную жвачку и на этот раз попал в яму, точно на резиновый воздуховод колокола. Он гордо хмыкнул, подмигнул Пайку и зашагал к лестнице, предпочитая встретить Финна и Маларки, как только те поднимутся на поверхность.

— Эй, Артур! — окликнул его Пайк. — Куда это ты? Селедочки захотелось?

Биллтоу нахмурился. С Пайком определенно нужно что-то делать.

— Нет, горбатый лысый клоун. Просто спешу честно делать свое дело.

— Точно. Это второе объяснение, которое пришло мне в голову.

У Пайка, как у большинства тупиц, иногда случались вспышки проницательности.

Внутри водолазного колокола Конор Финн и Отто Маларки сражались, словно дьяволы. Разрезая воздух, их самодельные мечи пели и при столкновении испускали снопы искр. Оба обильно потели и дышали так интенсивно, что уровень воды у их ног постепенно поднимался — они расходовали воздух быстрее, чем шла его накачка.

— Балестра* у тебя получается топорно, — тяжело дыша, сказал Конор. — Изящнее, Отто. Ты не кабан в загоне.

Маларки натянуто улыбнулся.

— Кабаны — опасные животные, Конор. Не побережешься, и они проткнут тебя насквозь.

С этими словами, нарушая правила фехтования, он отбросил меч и ринулся на противника, широко раскинув руки.

Конор среагировал молниеносно: рухнул на живот и откатился в сторону, с силой ударив Маларки по ногам. Тот тяжело рухнул, стукнувшись виском о колокол. К тому времени, когда он восстановил дыхание, Конор уже приставил трезубец к его горлу.

— Твои волосы выглядят хорошо, — сказал Конор. — Здоровый блеск.

Маларки приосанился.

* Балестра — фехтовальный прием.

— Это не один ты заметил. Я ем жирную рыбу, как ты посоветовал. Она дорого мне обходится, и я ее терпеть не могу, но готов пострадать ради таких-то результатов.

Конор помог Маларки встать.

— Надо больше практиковать балестру. Это прыжок танцора, а не пьяное спотыкание. Но если не считать этого, прогресс у тебя налицо.

Маларки потер голову.

— И у тебя тоже. Ловко ты сейчас перекатился. Никогда в жизни не видел бойца лучше тебя, Конор. Существует искусство фехтования, в основном испанское, но отчасти французское. Существует кулачный бой, который я назвал бы немецким искусством. Но есть еще и резкие, точные удары руками и ногами, что я отнес бы к восточным единоборствам. Я видел одного типа в Уэст-Энде*, он там демонстрировал как раз такие удары. Тогда я посчитал, что это трюк, но теперь рад, что не высказал ему своего мнения.

В сознании Конора вспыхнул образ Виктора, но он усилием воли потушил его.

— Я много путешествовал и учился то тому, то другому.

* Уэст-Энд — район Лондона, главный центр торговли и развлечений.

Маларки почувствовал раздражение.

— Типичный ответ Конора Финна. Большинство людей здесь жаждут, чтобы кто-нибудь выслушал их историю. Даже рассказывают ее стенам. Но только не Конор Финн. Ты занимаешься со мной уже два года, но за это время я узнал о тебе не больше десятка фактов. Самый бросающийся в глаза — что борода у тебя разноцветная.

Стоя на коленях, Конор наклонился, разглядывая в воде начавшую отрастать бородку. Насколько ему удалось разглядеть, в ней были волоски светлые, рыжие и даже несколько седых. Конечно, наличие седых волос в бороде шестнадцатилетнего юноши — вещь необычная. Не важно. Благодаря этому он выглядит лет на пять старше.

За прошедшие два года он полностью изменился. Исчез долговязый, худощавый юнец, захлебывавшийся слезами в первую ночь заточения, и его место занял высокий, мускулистый, крепкий молодой человек, сумевший заслужить уважение со стороны товарищей по несчастью и охранников. Может, люди и не любили Конора, не искали его общества, но никто не осмеливался оскорблять его или вмешиваться в его дела.

— Тебе нужно сбрить бороду, — заметил Маларки. — Никто не замечает твоих прекрасных волос, только эту крысиную бороденку.

Конор выпрямился. Его светлые волосы были стянуты позади ремешком — чтобы не мешали работать. Их оттенок стал немного темнее с тех пор, как он перестал выходить на солнечный свет.

— Внешний вид меня не волнует, Отто, не то что тебя. Меня волнует дело. Расскажи-ка, сколько у нас в запасе?

— Уже много, — ответил Маларки. — Семь мешочков надежно припрятано, вот сколько сейчас. Все на грядках со сведой.

Конор удовлетворенно улыбнулся. Это по его совету Биллтоу приказал посадить растения под названием сведа солянковая*. По виду они напоминали водоросли, были устойчивы к воздействию соли и поставляли дешевую еду для заключенных, что позволяло Биллтоу прикармливать еще несколько фунтов в месяц, экономя на их питании. Конечно, за грядками ухаживали пленники; именно тогда Маларки

* Сведа — род растений семейства маревых, одно- или многолетние травы; около ста видов по всему земному шару; растет по засоленным местам, морским побережьям, берегам соленых водоемов.

со своими «баранами» и прятали там украденные алмазы.

— Правда, пока они в земле, толку нам от них не слишком много,— продолжал Маларки.— Разве что они пустят ростки, но тогда Биллтоу обдерет их дочиста.

— Доверься мне, Отто,— сказал Конор.— Я не собираюсь оставаться тут всю жизнь. Так или иначе, я сумею забрать наши камни и пошлю твою долю твоему брату, Зебу. Это я обещаю тебе, друг мой.

Отто обхватил его за плечи.

— У «баранов» есть и свои источники, но с таким богатством мой брат сумеет дать кому надо взятку, чтобы вытащить меня отсюда. Я стану свободным человеком и смогу разгуливать по Гайд-Парку* со своими замечательными волосами.

— Я добьюсь своего, друг мой. Или погибну. Если ты не выйдешь на свободу в течение года, это будет означать, что я мертв.

Маларки не стал попусту болтать языком, прося Конора рассказать детали его плана. Конор Финн неохотно раскрывал свои карты. Поэтому Маларки сменил тему.

* Гайд-Парк — парк в центре Лондона; один из королевских парков.

— Беджер Бирнс все еще не заплатил свой взнос,— сказал он.— Может, пора немного прижать его?

— Помни, больше никакого насилия. Я слышал, у Беджера опоясывающий лишай. Оставим его на время в покое.

Отто Маларки разочарованно поджал губы.

— В покое, Конор? В покое? У тебя всегда один и тот же ответ. Я не раздавал оплеух с тех пор, как ты получил татуировку.

Конор потер татуировку «Убойного барана» на своем предплечье.

— Это не совсем так, Отто. Ты чуть не загнал Маккена в открытую воду.

— Точно.— Маларки ухмыльнулся.— Но он же охранник. И к тому же англичанин.

— Все выдающиеся стратеги знают, когда использовать силу, а когда ум. Александр Македонский, Наполеон...

Маларки расхохотался.

— Да уж, малыш Бони был силен по части ума. Спроси кого угодно, что произошло при Ватерлоо.

— Суть в том, что сейчас у нас семь мешочков, а прежде не было ни одного. Семь мешочков. Кругленькая сумма.

— Они с таким же успехом могут быть набиты глиной,— усмехнулся Маларки.— Пока

ты не осуществишь свои планы. Не знаю, как ты собираешься это сделать. Даже охранникам не удастся вынести с Малого Соленого алмазы. Для этого человеку нужны крылья.

Конор бросил на Маларки острый взгляд. Неужели ему что-то известно? Нет. Это просто образное выражение.

— Да. Человеку действительно нужны крылья.

Биллтоу ждал у самого края, стоя по щиколотку в воде, на случай, если второй охранник попытается обогнать его, чтобы обыскать их.

— Шевелитесь, вы, жалкие мошенники! А ну, встаньте подальше друг от друга и поднимите руки!

Конор с трудом преодолел желание врезать подлому плуту. Напасть на Биллтоу — это, несомненно, могло доставить удовольствие, но, увы, кратковременное, потому что завершилось бы жестоким избиением, после которого Конор мало чем отличался бы от покойника и неспособен был действовать. А он не мог позволить себе этого сейчас, когда его замысел начал реализовываться. И когда приближалась коронация.

Биллтоу приступил к обыску, стремясь создать впечатление, что очень тщательно проводит его.

— Мимо меня ничего не пронесешь, Финн. Даже клочок водоросли. Нет, сэр. Биллтоу знает все твои трюки.

Самое главное для него — громогласно провозгласить все это.

В действительности же он скользнул рукой к штанине штопанных-перештопанных штанов Конора, нащупал там маленький камешек и без единого слова сунул его в свой рукав. Такова была цена его поверхностного обыска.

— Есть новости? — спросил Конор, когда Биллтоу занялся Маларки.

Биллтоу рассмеялся.

— Вы, Соленые, чертовски интересуетесь новостями. То, что для другого скучнейшее событие, для вас прямо золотой самородок.

— Точнее, алмаз, — заметил Конор.

Руки Биллтоу замерли на плечах Маларки.

— Дерзишь, солдатик? Я не ослышался?

Конор опустил голову.

— Нет, мистер Биллтоу. Просто попытался пошутить. Типа по-дружески. Однако момент выбрал неудачный, мне так кажется.

— Мне тоже, — хмуро сказал Биллтоу, однако его лицо разгладилось, когда он нащупал камешек в кармане рубашки Отто. — Ну, немного юмора — не так уж страшно. Все мы люди, в конце концов. Не хотелось бы, чтобы вы

думали, будто у нас, охранников, в груди нет сердца.

— Да, мистер Биллтоу. Я буду осмотрительнее со своими шутками.

— Вот-вот. А теперь послушайте новости.— Биллтоу сделал паузу.— Внимание, Финн. Ты можешь услышать кое-что интересное.

«Такого зануду,— подумал Конор,— можно выносить только в тюрьме».

— Я держу уши открытыми, а рот на замке, мистер Биллтоу.

— Хороший мальчик. Ты учишься, Финн, хоть и медленно.

Год назад Биллтоу сопровождал бы нотацию ударом приклада, однако теперь бить Финна не спешил. Не стоило враждовать с «Убойными баранами», да и сам Конор Финн был уже не тот юнец, от которого можно не бояться получить сдачи. Он производил устрашающее впечатление — если не считать бороды, напоминающей странную поросль.

— Ладно, вот мой самородок новостей. Английская королева Виктория заявила о своем желании присутствовать на коронации принцессы Изабеллы. Однако королева не хочет приезжать четырнадцатого, считая этот день несчастливым, поскольку именно четырнадцатого числа она потеряла внука. Поэтому коро-

нация произойдет на две недели раньше, первого числа, хотя Изабелле к тому времени еще не исполнится семнадцать. Вот тогда мы и увидим твои воздушные шары. Или, правильнее сказать, мои воздушные шары.

Конор почти утратил самообладание, давшееся ему с таким трудом.

«Первого. Я не буду готов. Не успею».

— Первого? — выпалил он. — Вы сказали «первого», мистер Биллтоу?

Биллтоу усмехнулся и сплюнул.

— Да, первого, Финн. Разве ты не получил приглашения? Свое я все время держу при себе, под бархатной жилеткой, поближе к сердцу.

Бестактный смешок застрял у него в горле, когда он разглядел выражение лица Конора. «Пугающее», вот самое подходящее слово. Пока юноша не проявлял агрессии, и Биллтоу счел, что разумнее больше его не провоцировать, а про себя решил, что ближайшие несколько дней Конор Финн проведет в одиночестве в своей камере. Это научит его покорности, «баран» он там или не «баран».

Он взял у Конора и Маларки мешочки с алмазами и отвел их к лестнице, на ощупь определив, что в каждом мешочке не меньше дюжины влажных камней. Необработанные алмазы напоминали тусклые глаза, скользящие и

позвякивающие. Биллтоу знал, что в основном это шлак; лучшие были у него в рукаве.

— А теперь заткните рты, оба. Вылезайте и скажите спасибо Господу Богу, что я не решил застрелить вас просто так, без всякого повода. Вы живы сегодня лишь благодаря Биллтоу, никогда не забывайте об этом.

Маларки закатил глаза.

— Да, мистер Биллтоу. Мы благодарны за это Богу.

Они выбрались из ямы в кладовую. Все помещение постоянно вибрировало от приливных сотрясений, и с каждой пульсацией отовсюду выбрасывалось множество водяных струй. За прошедшие два года не было дня, когда Контону не казалось, что подземная шахта вот-вот обрушится, и каждый день он просил, чтобы его поставили работать выше уровня моря с так называемыми нормальными заключенными, но ему неизменно отказывали.

«Приказ из дворца,— объяснял Биллтоу.— Если Бонвилан хочет держать тебя под землей, ты здесь и останешься».

И за все время пребывания на острове Контону лишь раз позволили выйти наружу — чтобы понаблюдать за посадкой сведы. В тот день покрытая солью поверхность Малого Соленого показалась ему раем.

Конор подмигнул на прощание Отто Маларки, когда Пайк повел того в камеру. Биллтоу же повел Конора из основного здания в отделение безумных. Как и во всех прочих отделениях, эта дверь запиралась не на ключ, а на тяжелый, вертикально торчащий из пола засов. Биллтоу позвонил, снял шляпу и продемонстрировал свою физиономию охраннику, заглянувшему в дверной глазок.

— Самое подходящее место для тебя, Биллтоу, — сказал охранник и поднял засов.

— Каждый день, — пробормотал Биллтоу, широко распахивая дверь. — Каждый чертов день одно и то же замечание.

Конор заговорил, лишь когда они оказались далеко в глубине медленно, но верно разрушающегося коридора. Его договоренность с Биллтоу должна была оставаться секретом.

— Мои простыни уже прибыли?

Биллтоу развеселился; он и думать забыл о простынях.

— Ах да! Особые простыни его величества. Сегодня или завтра, точно не знаю. Что за спешка?

Конор постарался сделать вид, будто пристыжен.

— Я не могу спать, мистер Биллтоу. Разум убедил тело, что, если у меня простыни, как у

матери в доме, тогда я, может, и сумею отдохнуть.

Биллтоу кивнул на одно из отверстий дымохода, покрывавших стену:

— Может, стоит засунуть тебя в дымоход. Тогда призраки будут петь тебе колыбельную.

Трубы дымохода, когда-то предназначенные для горячего воздуха и образующие сложную систему в стенах тюрьмы, теперь были заделаны камнем и строительным раствором. Тем не менее Соленые все время пытались удрать через них, с тем единственным результатом, что терялись в бесчисленных изгибах и поворотах, поскольку один каменный угол ничем не отличался от другого.

— Что бы там ни было, простыни — это нарушение правил, — заявил Биллтоу и протянул раскрытую ладонь, хотя ему уже было уплачено.

Конор сжал его руку и вложил в нее необработанный алмаз, который приберегал для себя.

— Знаю, мистер Биллтоу. Вы святой. Если мне удастся поспать хотя бы несколько часов, я буду трудиться для вас вдвое усерднее.

Биллтоу искоса взглянул на него.

— Нет, не вдвое. Втрое.

Конор склонил голову.

— Ладно, второе.

— Мне нужны новые идеи,— продолжал давить Биллтоу.— Вроде сведы и воздушных шаров.

— Приложу все усилия. Но только если смогу выспаться. Тогда кровь приливает к мозгам. У меня есть идея двенадцатизарядного револьвера.

Биллтоу нахмурился.

— Это мне не нравится. Одно дело — позволить пленникам копать грядки или надувать воздушные шары, но игры с огнестрельным оружием...

Конор пожал плечами.

— Подумайте об этом, мистер Биллтоу. У людей есть деньги. Мы могли бы стать партнерами, когда я освобожусь.

Жадность вспыхнула в глазах Биллтоу, словно желтая лихорадка. Партнерами? Ну уж нет. Если двенадцатизарядный револьвер Финна будет работать, идея будет принадлежать Артуру Биллтоу. Простыни — невелика цена за это.

— Партнеры, значит. Ладно, к твоей следующей смене доставлю простыни.

— Шелковые,— напомнил ему Конор.— Они должны быть шелковые. В детстве у меня были шелковые.

Биллтоу заартачился было, но потом взял себя в руки. Двенадцатизарядный револьвер. Его имя войдет в историю наряду с именами Кольта и Ремингтона.

— Договорились, Финн. Но смотри, чтобы твои воздушные шары не подвели. В противном случае тебе придется несладко.

«Это слабо сказано — что мне придется несладко,— подумал Конор.— В противном случае я буду мертв».

За время заключения на Малом Соленом Конор сумел выторговать себе целый ряд удобств. Он получил ведро известки и замазал мокнущие стены. С колышка свисал завернутый в кожу набор принадлежностей для починки изношенной формы. Он даже добился, чтобы ему выдали соломенный матрас для постели. Койка Линуса Винтера была превращена в стол; за ним он мог изучать учебники, которые Биллтоу считал безвредными, и разрабатывать одобренные последним планы, такие, в частности, как посадка сведы и воздушные шары для праздника в честь коронации.

Фактически посадка сведы не была идеей Конора. Во время уроков садоводства он слышал о ней от Виктора. Тот даже писал королю

Николасу о том, что это растение имеет смысл разводить на Малом Соленом. Это даст тройной эффект, объяснял он. Заключенные будут хоть какое-то время проводить на открытом воздухе, приобретут ценные навыки, да и сама сведа станет полезной растительной добавкой к скудному тюремному рациону.

Совершенно безобидная идея, использованная Конором, чтобы завоевать доверие Биллтоу. Никакого ущерба, никакой возможности сбежать или причинить себе вред. Никто на белом свете не умер, подвергшись нападению растений.

Следующим предложением Конора стали воздушные шары в день коронации. Биллтоу с радостью ухватился за эту идею, вдохновленный успехом со сведой. В сознании Биллтоу воздушные шары в день коронации должны были стать его билетом к продвижению по службе; на самом же деле им было предназначено стать билетом Конора к свободе.

На пути Конора к бегству на материк стояли несколько серьезных препятствий. К ним, конечно, относились двери и замки в них, стены, в которых двери были встроены, и караульные за пределами этих стен. Однако главную трудность представлял сам остров. Даже если заключенный мог бы, словно призрак, пройти

сквозь стены, между ним и ирландским городком Килмор еще лежало более двух морских миль*.

Причем именно этот отрезок океана пользовался дурной славой — с быстринами и течениями, притаившимися под поверхностью, словно зловредные агенты Посейдона. На этом участке пролива Святого Георга погибло так много судов, что британские навигаторы закрашивали его на своих картах красным. И даже если море не остановит беглеца, знаменитые снайперы Соленых островов запросто проделают дыры в его затылке. Поэтому заплыв к берегу не стоило даже рассматривать как вариант. Нет, единственный способ сбежать с Малого Соленого — это улететь, для чего и предназначались воздушные шары Конора.

— Это будет эффектное дополнение к празднику, — однажды ночью, когда они шли к Трубе, сказал он Биллтоу, — если снайперы Соленых островов, демонстрируя искусство стрельбы, расстреляют в ночном небе надутые горячим воздухом воздушные шары.

На Биллтоу, однако, его идея не произвела особого впечатления.

* Морская миля — мера длины для измерения морских расстояний, равная 1,852 километра.

— Ну, лопнут шары,— фыркнул он.— Детский трюк.

Конор ожидал такой реакции.

— А что, если шары наполнить китайским фейерверком? — сказал он.— И когда их расстреляют, в ночном небе появится цепочка эффектных вспышек?

Биллтоу больше не фыркал.

— Вспышек, говоришь?

— Это совершенно новое изобретение,— продолжал Конор.— Такого никто никогда прежде не видел. На маршала Бонвилана это наверняка произведет большое впечатление.

— Произвести впечатление на маршала... Неплохо, неплохо.

— Воздушные шары Биллтоу, вот как будут называть их. Не пройдет и года, как их станут запускать в Лондоне, Париже, на следующей Всемирной выставке.

Глаза охранника остекленели, он погрузился в мечты о своей будущей славе и удаче. Однако быстро вернулся на землю.

— Такого никогда не позволят. Заключение, работающие с черным порохом. Немыслимо.

— Мне нет нужды работать с черным порохом,— успокоил Биллтоу Конор.— Все, что мне

требуется,— это бумага и чернила. Я набросаю чертеж воздушных шаров, а вы, если пожелаете, изготовите их на Большом Соленом. Только не забудьте потом привязать их к нашим стенам.

Биллтоу медленно кивнул.

— Все, что тебе требуется,— это бумага и чернила?

— Ну, и хотелось бы, в качестве вознаграждения, провести день на свежем воздухе. Всего один день, большего я не прошу.

Тут уж Биллтоу почувствовал себя вправе карать и миловать.

— Ах вот оно что! Ты хочешь, чтобы я ослушался самого маршала Бонвилана?

— Один день. Или даже ночь. Мне необходим свежий воздух, мистер Биллтоу. Эти воздушные шары сделают вас богатым и знаменитым.

Биллтоу задумался, продолжая жевать табак.

— Я дам тебе бумагу и чернила, а потом на свои деньги закажу на Большом Соленом один воздушный шар. Если испытание пройдет успешно, после коронации ты получишь день на свежем воздухе. Если же нет, от всех удобств в твоей камере не останется и следа, а

когда солнечный свет в следующий раз коснется твоих глаз, ты не сможешь оценить этого, потому что будешь мертв.

Испытание прошло успешно и даже весьма зрелищно. Бонвилан одобрил изготовление на Большом Соленом нескольких воздушных шаров с фейерверками внутри. Он всегда стремился произвести впечатление на посещающих острова сановников, а воздушные шары с фейерверками внутри не только позволят продемонстрировать эффектное изобретение, но и послужат зловещим напоминанием о воинской доблести снайперов.

Маршал заверил охранника Биллтоу, что воздушные шары действительно будут носить его имя — если в ночь коронации взорвутся как надо; более того, он за свои труды получит высочайшее одобрение и щедрую пенсию. По правде говоря, Биллтоу никогда не видел маршала таким довольным. Тот даже намекнул, что, возможно, Биллтоу пошлют в столицы разных иностранных государств — для демонстрации этих воздушных шаров. Биллтоу вернулся с аудиенции у Бонвилана, сияя и в самом добром расположении по отношению к Конору Финну.

Взрывающиеся воздушные шары действительно были хитроумным изобретением, и мар-

шал ни на миг не поверил, что оно родилось в голове Биллтоу; однако испытание прошло с таким головокружительным успехом, что он не озаботился тем, у кого именно охранник украл идею. Важно, что она сработала и ни англичане, ни французы ничего подобного не имеют. Каждый пиротехнический воздушный шар представлял собой просто наполненный водородом и покрытый светящейся краской воздушный шар, внутри которого находились пачка фейерверков и короткий запал. От стрелка требовалось лишь попасть в центр светящегося шара нитроглицериновой пулей: водород воспламенится, детонатор сработает, и фейерверки вспыхнут.

Для удовольствия королевы Виктории и в назидание всем собравшимся снайперы Бонвилана расстреляют воздушные шары с расстояния почти в километр. Это станет эффектным завершением праздника коронации.

Конор поделился этой идеей с Биллтоу отнюдь не из патриотического желания развлечь гостей коронации. Если все пойдет, как он задумал, тогда один из этих воздушных шаров понесет дополнительный груз. Человеческий. Однако теперь, из-за суеверия королевы Виктории, коронация сдвигается на более раннее

время, и Конор еще не готов. Жизненно важные шелковые простыни по-прежнему лежат в каком-то бельеовом шкафу на Большом Солёном. Его планы не доведены до конца. Он разрабатывал их месяцами, и то, что сейчас возникло препятствие к их осуществлению, стало жестоким ударом.

Конор забрался в нишу позади того, что по-прежнему воспринимал как койку Винтера, и сдвинул фальшивый блок. Пространство залили алые солнечные лучи; кораллы впитывали свет, преобразуя его в зеленую световую энергию. Он недаром перешел в ночную смею — это давало больше дневного света для работы его планов.

Прошло меньше минуты, и вся камера замерцала тысячью расчетов, схем и чертежей. Бесценный научный клад, жизнь которому дала сама природа. Стены пестрели набросками воздушных шаров, планеров и летающих машин тяжелее воздуха. Эти выцарапанные на стенах эскизы воплощали в себе два года захватывающих, а порой и навязчивых раздумий. Все предыдущие записи были сейчас перекрыты — за исключением четырех финальных тактов оперы Линуса Винтера и слова «Конец».

На протяжении нескольких первых месяцев самих мечтаний о машинах хватало, что-

бы помочь Конору коротать долгие одинокие часы. Однако человек не может оставаться в воздухе вечно, даже в мечтах. Его летающим машинам требовалась цель, место для приземления.

Конор Брокхарт полетел бы к своим родителям, к Изабелле, однако за прошедшие два года они ни разу не поставили под сомнение изложенную Бонвиланом версию событий. Если бы это произошло, Конору наверняка нанесли бы визит или прислали сообщение. Да что там! Изабелла могла спасти его. Погрозила бы королевским пальчиком, и его помиловали бы или на худой конец сослали — если бы их детская любовь что-то еще для нее значила. Очевидно, все было не так. Его с презрением вычеркнули из памяти, Конор чувствовал это так же уверенно, как холодный камень под ногами. Поэтому его сердце ожесточилось и преданность уступила место эгоизму.

Верх взял Конор Финн, вытеснив Конора Брокхарта, и благородство Брокхарта сменилось своекорыстием Финна. Он разбогатеет, обокрав людей, укравших у него жизнь. Солёные острова дорого заплатят за два последних года. Алмаз за каждый день. И как только у него будет достаточно денег, он уедет в Амери-

ку и начнет там новую жизнь. Вот такой был у него план, и только он позволял ему жить.

Итак, каким образом сбежать? По земле, по морю или по воздуху? Земли как таковой не было; море ненадежно; оставался воздух. Он должен улететь отсюда, а если не может улететь, то пусть хоть парит, медленно падая. Идея родилась, но на ее осуществление должно было уйти не меньше года. Внезапно коронация оказалась передвинута, и его планы разлетелись вдребезги, словно упавшее зеркало, и на то, чтобы собрать вместе все куски, оставались считанные дни.

Конор лежал на бугристой поверхности, не обращая внимания на капающую соленую воду, и разглядывал свои чертежи. Он должен запомнить их до мельчайших деталей, а потом уничтожить. Они представляют несомненную ценность для любой армии в мире, в особенности для Бонвилана. А идея того, что он хоть как-то, хоть когда-то и хоть чем-то поможет маршалу Хьюго Бонвилану, была непереносима для Конора.

Он проводил пальцем по каждой линии, каждой плоскости, каждому изгибу пропеллера и руля, по стрелкам, обозначавшим воздушные потоки, и даже по воображаемым облакам, ко-

торые он запечатлел, почти бессознательно подчиняясь художественной стороне своей натуры. Едва очередной планер, воздушный шар или аэроплан оказывался зафиксирован в памяти, он замазывал чертеж грязью, втирая ее в каждую прорезь, каждый желобок.

К рассвету изумительные проекты остались существовать лишь в голове Конора Финна.

Этим вечером Биллтоу опоздал на тридцать минут, но появился, с головы до ног обернутый в шелковые простыни.

— Они прямо прилипли ко мне, — заливался он. — Я — римский император, вот кто я такой. Артур Биллтоу Цезарь.

Конор ждал у двери и ужаснулся, увидев, что Биллтоу наступил подошвой сапога на край одной простыни. Ему предстояло и без того много поработать иглой, чтобы еще зашивать разрывы.

— Мои простыни... — придушенно пробормотал он.

Биллтоу бросил свои шутки. У заключенного Финна снова то же выражение лица. Пугающее.

— Вот они, — сказал Биллтоу, внезапно испытав сильное желание оказаться за пределами крошечной комнаты. — И пока ты спишь на

них, пусть тебе приснится двенадцатизарядный револьвер, партнер.

«Партнер?» — с сомнением подумал Конор.

Можно подумать, Артур Биллтоу когда-нибудь согласится, чтобы его партнером стал заключенный. Конор подхватил брошенные ему простыни и аккуратно положил их на постель.

— Спасибо, мистер Биллтоу. Они означают для меня целый мир. Ну, и обещанную прогулку снаружи.

Биллтоу погрозил ему пальцем.

— После коронации, солдат. После.

— Конечно,— сокрушенно сказал Конор.— После.— Он позволил себе сделать осторожный шаг вперед.— Надеюсь, к коронации замысел револьвера будет готов. Если бы я мог не работать несколько ночей...

Биллтоу попятился из камеры.

— Даже не заикайся об этом, солдат. Это уже выглядит как взаимоотношения. Вроде бы мы оказываем друг другу любезности, и все такое. Ну, никакие это не взаимоотношения. Во всяком случае, не дружеские. Ты сделаешь все, что можешь, чтобы я нынче ночью не перерезал тебе горло. Вот и все.

У Конора хватило ума вовремя себя одернуть и больше ничего не говорить. Если Биллтоу вбил себе что-то в голову, попытка повли-

ять на него приведет лишь к тому, что он будет действовать в избранном направлении еще энергичнее.

— Прошу прощения, мистер Биллтоу. Конечно, вы абсолютно правы. Меня ждет работа.

Конор протянул руки для наручников, как он делал каждый день на протяжении последних двух лет. И Артур Биллтоу, так же как он делал на протяжении последних двух лет, плотно их защелкнул, едва не прищемив кожу. Другие охранники спустя какое-то время переставали надевать наручники на своих подопечных, но только не Биллтоу. Эта предосторожность требовала секунду времени, но могла сохранить человеку жизнь. Биллтоу не имел желания закончить свои дни с головой, разбитой каким-нибудь свихнувшимся заключенным, который утратил волю к жизни, приобретя вместо нее желание совершить убийство.

— Вот это правильно, Соленый. Алмазы сами ведь не выскочат из земли прямо в королевскую сокровищницу, верно?

Конор вздрогнул, когда сталь врезалась в его плоть.

«Еще два дня, — подумал он, сделав все, чтобы скрыть ненависть к Биллтоу за маской покладистости. — Еще два дня, и потом я начну забирать свои алмазы».

Биллтоу тоже размышлял.

«Этот не сломлен, нет. Он делает вид, что сломлен, но глаза у него горят. Нужно не спускать глаз с мистера Конора Финна».

Конор Финн был важен для Биллтоу, и не просто из-за своих изобретательных идей и того затишья, которое под его воздействием наступило в рядах «Убойных баранов». Он был важен, потому что маршал Бонвилан слишком часто интересовался его благополучием. У этого солдата в прошлом явно была какая-то непростая история, но Биллтоу не имел желания вникать в детали. Это вредно для здоровья — если у маршала начнут возникать сомнения насчет того, умеет человек держать рот на замке или нет. Он может решить, что на дне океана, где содержимое его мозгов станет доступно лишь крабам, этот человек уж точно будет помалкивать.

Биллтоу содрогнулся. Иногда в сознании возникают такие ужасные образы! Может, их порождают воспоминания, которыми пропитаны стены Малого Соленого.

— Смотри веселее, Соленый. Тебе больше не о чем тревожиться, Биллтоу позаботится обо всем.

Бросив последний, полный сожаления взгляд на драгоценные простыни на койке, Конор вы-

шел вслед за Биллтоу в залитый водой коридор. В этот день был высокий уровень прилива, и соленая вода сбегала по проеденным ею желобкам в известковом растворе. Конор готов был поклясться, что видел угря, извивающегося в одном таком потоке. Все отделение представляло собой смертельную ловушку, и так продолжалось столетиями. Когда он только прибыл сюда, признаки задуманной королем Николасом реконструкции еще были заметны: леса, приставные лестницы и тому подобное. Но все исчезло буквально на протяжении нескольких дней после смерти короля.

«Нет, не просто смерти,— подумал Конор.— Убийства. У короля украли жизнь — как мою у меня».

Однако свою жизнь он скоро вернет.

Последующие дни слились в расплывшееся пятно тяжелого, лихорадочного труда. По ночам Конор добывал алмазы в Трубе, вдыхая грязный воздух колокола почти с той же скоростью, с какой насос закачивал его. Днем он трудился над своими простынями, разрезая их острым камнем, заточенным на стенах камеры, и сшивая нитками, которые еще раньше выменял. Нужно было отрезать, подрубить и

сшить двенадцать полос. Шелковая ткань была не так плотно соткана, как ему хотелось бы, но тут уж он ничего не мог изменить. Дело надо было довести до конца. Работа получалась не слишком высокого качества, но разве он мог добиться лучшего при таком тусклом свете, из подручных материалов, да еще не имея никакого опыта? Скорее всего, он шьет для себя саван, но даже идея скорой смерти страшила меньше, чем мысль провести всю жизнь в камере.

Вечером накануне коронации Конор чуть не выдал себя. Разрываясь между шитьем и горными работами, он стал похож на безумного, кем предположительно и являлся. Когда Биллтоу отводил его на смену, кожа на лице Конора свисала, словно мокрая тряпка, а губы что-то бессвязно бормотали.

«Он ломается,— с удовлетворением подумал Биллтоу.— Все дело в простынях. Иногда напоминание о доме действует настолько сильно, что этого невозможно вынести. Теперь дело пойдет быстро; доведенный до отчаяния, он будет стремиться угодить мне».

Биллтоу защелкнул наручники и повел Конора по затопленному коридору. По дороге он спросил, как дела с револьвером, но в ответ услышал лишь какие-то бессмысленные числа.

Биллтоу резко остановился, из-под его подошв пошли небольшие волны.

— Что ты там бормочешь? Числа, да? Что ты там считаешь?

Конор с трудом сдержался, чтобы не оттолкнуть охранника. Он действительно производил подсчет. Жизненно важный и, конечно, секретный. И чуть не выболтал лишнее, что могло сгубить весь план.

— Детская считалка, мистер Биллтоу, — промямлил он, вспыхнув. — Ничего более.

Биллтоу внимательно оглядел его.

— Ты красный, как вареный рак, солдатик. Может, что-то замышляешь? Что-то, связанное с расчетами?

Конор опустил голову.

— Просто от смущения. Эти простыни навели меня на мысли о матери. Ну и вспомнилась считалка, которую она часто повторяла мне.

Биллтоу рассмеялся. Может, Конор Финн не такой уж опасный, как казалось. С другой стороны, Биллтоу приходилось видеть людей и постарше, с мамочкиным носовым платком в одной руке и окровавленным кинжалом в другой.

— Приди в чувство, — посоветовал он пленнику. — Водолазный колокол — не место для

мечтателей. А то как бы тебе не улететь вместе с птичками.

«Близко,— подумал Конор.— Очень близко к этому».

Последний день проносился мимо. На протяжении месяцев время издевалось над ним, эластично растягиваясь. Каждая секунда была, словно зияющая пропасть. Однако теперь времени не хватало, чтобы втиснуть в него дневную работу. Конору казалось, что он тратит вечность только на то, чтобы вдеть нитку в иголку. Его блестящий ум затуманивался от страха. Дважды он сшивал части своего устройства наружной стороной внутрь и был вынужден распускать стежки. Со лба постоянно капал пот, пятная шелковые простыни.

«Это нелепо. Ты ученый. Рассматривай это как эксперимент».

Без толку; он был не в состоянии успокоиться. Стекая с потолка вместе с водой, призрак неудачи то и дело похлопывал его по плечу. Определенно можно было разработать и другие планы; у него уже созрели наметки пяти-шести. Одни более сложные, другие менее. Например, он мог бы соорудить водолазный шлем, нечто вроде миниатюрного колокола, который должен содержать достаточно воздуха,

чтобы позволить добраться до открытой воды; после этого он мог бы вручную надуть свиной пузырь и под покровом ночи поплыть к берегу. Чтобы собрать все, что нужно для осуществления этого плана, потребуется самое меньшее пять лет.

«Еще пять лет. Нет, это невыносимо».

Конор удваивал усилия, усиленно моргая, прижимая друг к другу кончики пальцев, пока они не переставали дрожать. Коронация сегодня вечером: он должен быть готов.

ГЛАВА 11

КОРОНУ КОРОЛЕВЕ

Соленые острова готовились к празднику. Британское королевское судно «Виктория и Альберт II», колесный пароход длиной сто метров, царственно покачивалось на волнах пролива Святого Георга, которые мягко, словно пальцы ребенка по воздушному шару, постукивали в его борта. Саму королеву удобно устроили в одних из роскошных апартаментов дворца. Она записала в дневнике: «Атмосфера трудолюбия, заметно ощущающаяся в этом миниатюрном королевстве, кажется удивительно забавной. Глядя с балкона на бойкую торговлю внизу, чувствуешь себя почти как в Лилипутии Свифта».

Почти каждый клочок квадратного километра Большого Соленого был убран к празднику: южную оконечность острова украшали пики с ало-золотыми флагами; улицы Фортана-Мысу раскрасили полосами тех же цветов.

Каждый человек с молотком забивал, где мог, гвозди, а каждый человек без одного развешивал на этих гвоздях флаги. Даже боги погоды благоволили к этому дню, заливая маленькое королевство потоками солнечного света, рассыпающегося искрами на волнах. Южные утесы, обрамленные бахромой белой пены, утратили свою мрачность.

У представителей мировой прессы возникало ощущение, будто Королевство Соленых островов — оазис спокойствия среди политического ужаса Европы. Они посиживали в тавернах на берегу залива Фулмар, обжигая глотки традиционно острыми оладьями и тут же охлаждая их крепким ирландским пивом. Ни один журналист и ни один человек, могущий создать проблему, не был допущен на Малый Соленый.

Внешне преобладали счастье и довольство, но, как это часто бывает, сквозь поверхность проглядывало нечто совсем другое. Многие в королевстве были несчастливы. Налоги увеличивались, равно как и пошлины на импорт. Общественная деятельность была настолько урезана, что почти перестала существовать, и гражданство охотно предоставлялось самым разным сомнительным типам, которые потом получали высокие должности в армии Соле-

ных островов и лучшие казармы тоже. В основном это были украшенные шрамами ветераны, высаживающиеся в порту с мешками, в которых бряцало оружие. Бонвилан расширял свои ряды за счет наемников, избавляясь от новобранцев. «Создает собственную армию», — поговаривали многие; хотя маршал утверждал, что просто защищает принцессу от революционеров.

Когда-то капитан Деклан Брокхарт страстно протестовал против политики Бонвилана, однако теперь его осаждали собственные демоны. Кэтрин Брокхарт тоже терзала печаль, хотя она таила ее в себе ради их полуторогодовалого сына Шона.

Горе Деклана было так велико, что буквально пожирало его изнутри, окутывало, словно плащ, лишало аппетита и сил, иссушало тело. Деклан Брокхарт быстро старился. Кэтрин уговаривала его не поддаваться мрачному настроению, всячески бороться с ним.

— Теперь у нас есть другой сын, Деклан. Маленькому Шону нужен отец.

Его ответ всегда представлял собой вариацию следующего:

— Никакой я не отец. Конор умер, исполняя долг, который должен был исполнить я.

Моя жизнь кончена. Исчерпана. Я мертвец, который почему-то все еще дышит.

Деклан Брокхарт сторонился близких контактов, страстно желая быть наказанным за свою якобы провинность, и все больше замыкался в себе. Он вернулся к своим служебным обязанностям во дворце, но манера его поведения полностью изменилась. Если раньше люди служили ему из преданности, то теперь повиновались из страха. Он гонял их и в хвост и в гриву, часто и с легкостью карая достойных солдат, годами бывших на его стороне. Ни одно упущение, даже самое малое, не оставалось безнаказанным. Во мраке ночей Деклан бродил по Стене Соленых островов, выискивая нерадивых караульных. Понижал солдат в звании, урезал зарплату, а в одном случае караульный был уволен за то, что клевал носом в будке дозорных.

Это последнее событие произошло за три дня до коронации, когда Деклан чувствовал себя наиболее напряженно. Прошел слух, что наказанный караульный был до крайности измотан, поскольку имел новорожденных близнецов и все еще не встающую с постели жену, и Кэтрин надеялась, что, может, хоть это заставит ее мужа очнуться, однако Деклан Брокхарт, казалось, стал еще бесчувственнее.

Из спальни слышался плач маленького Шона, спавшего беспокойным дневным сном. Кэтрин вытерла глаза, чтобы малыш не увидел ее несчастной.

— Думаешь, Конор хотел бы этого? — спросила она мужа, предпринимая последнюю попытку. — Думаешь, наш маленький герой смотрит с небес и радуется тому, во что превратился его отец?

Деклан дрогнул, но не сломался.

— А во что я превратился, Кэтрин? Разве я по-прежнему не тот человек, который исполняет свои обязанности на пределе возможностей?

Все еще полные слез глаза Кэтрин вспыхнули.

— Как капитан Брокхарт — безусловно. Но как Деклан Брокхарт, муж и отец? Ты сам признался, что теперь пренебрегаешь своими обязанностями.

С этими словами Кэтрин ушла, оставив мужа в задумчивости. Удостоверившись, что она больше не может видеть его, он стиснул руками голову, как будто надеялся выдавить из нее боль. Деклан так и не оправился от предполагаемой смерти Конора, и, возможно, этого не произошло бы никогда, если бы в день коро-

нации Изабеллы один за другим не случились два события. Каждое из них само по себе не могло вывести его из ступора, однако, дополнив друг друга, они разбили апатию Деклана вдребезги.

Первое было весьма заурядным и недолгим, из разряда тех, которые в семье обычно даже не рассматриваются как событие. Однако Деклану эти несколько мгновений согрели сердце и вывели его на путь восстановления. Позднее он часто задавался вопросом, не подстроила ли Кэтрин этот маленький инцидент и, если уж на то пошло, и второй тоже. Он не раз спрашивал ее об этом, но она не признавалась, хотя ничего и не отрицала.

Произошло же вот что.

Полуторогодовалый Шон вразвалку вышел из своей комнаты, покачиваясь на полненьких ножках. Когда Конор был в этом возрасте, Деклан называл его ноги толстыми сосисками, и они с сыном катались на ковре, точно пес со щенком; однако Шона он едва замечал, полностью переложив его воспитание на плечи Кэтрин.

— Папа, — сказал малыш, слегка разочарованный тем, что матери нигде не видно.

Папа проигнорировал его. Папа не являлся источником ни пищи, ни развлечений, поэтому маленький Шон заковылял к открытой двери на балкон, огражденный такими низкими металлическими перилами, которые вряд ли могли удержать любознательного мальчика.

— Кэтрин! — окликнул жену Деклан, но она не появилась.

Шон обошел кресло, слегка качнулся вправо и напрямик устремился к двери.

— Кэтрин! Мальчик. Он около двери на балкон.

По-прежнему никаких признаков Кэтрин, а между тем малыш Шон уже добрался до порога и поднял толстенькую ногу, чтобы перешагнуть его.

У Деклана не оставалось выбора. С раздраженным ворчанием он сделал два больших шага и потянулся к ребенку. Ничего выдающегося, если не считать того, что, возможно, это был пятый раз, когда Деклан Брокхарт вообще прикасался к сыну. В этот момент мальчик повернулся на пятке так, как это могут лишь очень маленькие дети, и пальцы Деклана задели его щечку. Их взгляды встретились. Мальчик вскинул руку и потянул Деклана за нижнюю губу.

Этот контакт произвел магическое действие. Деклан почувствовал, что сердце дрогнуло, по-

сколько это был первый раз, когда он воспринял Шона как такового, а не как тень его погибшего брата.

— Ох, сын мой... — Он поднял мальчика и прижал его к себе. — Нужно держаться подальше от этой двери, там опасно. Оставайся здесь, со мной.

Так началось возвращение Деклана к жизни. Возможно, оно продолжилось бы скачкообразно, со взлетами и падениями, — случайный обмен улыбками, рассказанная на ночь сказка, — но тут в переднюю дверь постучали. С силой постучали, несколько раз. По-королевски постучали.

Не успел Деклан толком осознать, что происходит, как дверь открылась, один из его людей вошел внутрь и широко распахнул ее для принцессы Изабеллы.

Деклан оказался захвачен в момент, когда стоял, нежно обнимая сына: поступок совершенно не в его духе. Он бросил хмурый взгляд сначала на солдата, предостерегая его хранить это зрелище исключительно в своей памяти, а потом на принцессу Изабеллу, уже полностью одетую для коронации — в ало-золотом шелке и атласе, выглядевшую прекраснее, чем ее отец мог мечтать. Что она здесь делает? Именно сегодня?

Изабелла раскрыла рот, собираясь заговорить. Она заранее все продумала. Деклан испросил разрешения нести службу на Стене во время церемонии, но она хотела, чтобы именно сегодня он находился рядом с ней. Она больше, чем когда-либо, скучала по Конору и своему отцу и могла выдержать церемонию, лишь если рядом будет находиться человек, которого она воспринимала как второго отца. И ей требовалось не только его физическое присутствие, но и душевная поддержка. Сегодня Деклан Брокхарт должен вспомнить, каким человеком был прежде.

Достойная речь: очевидно, из этой девушки должна получиться прекрасная королева. Однако Изабелла не произнесла ни единого заготовленного слова; в тот момент, когда она увидела Деклана, обнимающего сына, королева исчезла и возникшая на ее месте девушка с рыданиями бросилась ему на грудь. Деклану Брокхарту не оставалось ничего другого, как свободной рукой обнять плачущую принцессу.

— Ну все, все,— взволнованно проговорил он.— Вот так, вот так.

— Вы нужны мне,— рыдала Изабелла.— Вы должны быть рядом со мной. Всегда.

Деклан почувствовал на глазах слезы.

— Конечно, ваше величество.

Изабелла стукнула его кулачком в грудь.

— Мне нужны вы, Деклан. Вы.

— Да, Изабелла, — внезапно охрипшим голосом ответил Деклан. — Рядом с вами. Всегда.

И тут с балкона, словно она ожидала там этого момента, появилась Кэтрин Брокхарт и тоже обняла принцессу. Даже у охранника возникло искушение присоединиться к ним, но он преодолел его.

Коронация была многословным действием — с духовенством, льстивыми речами и латинскими песнопениями; всего этого было столько, что хватило бы любому монастырю на десятилетия. Для Деклана Брокхарта происходящее слилось в неясное пятно; он занял позицию на алтаре позади своей королевы и подбадривал ее улыбкой, когда она оглядывалась на него, что случалось часто.

Вскоре после того, как папский нунций увенчал ее голову короной, Деклан обратил внимание на платье жены.

— Новое платье? — прошептал он. — Я думал, мы не пойдем.

Кэтрин лукаво улыбнулась.

— Да, именно так ты и думал, правда?

Деклан ощутил в груди тепло, которое воспринял как оттенок забытого ощущения сча-

стью. Горькая радость — без тени Конора за плечом.

Из собора Святого Кристофера в Форте-на-Мысу они ехали в королевской карете, хотя практически город теперь занимал почти весь остров. Народонаселение увеличивалось, вырастали новые дома и все теснее жались друг к другу. Этот сумбурный город напоминал Деклану Тропу великана, хаотическое скопление базальтовых колонн на севере Ирландии*. Правда, здешние «колонны» имели двери, окна и были покрашены в традиционные для Солёных островов цвета. Что касается островных обитателей, все они высыпали на улицы города и вместе с половиной Ирландии радостными криками приветствовали прекрасную юную королеву.

В карете с ними ехал маршал Бонвилан в полной церемониальной форме, включая свободно накинутую на плечи тогу рыцарей Святого Креста. Тамплиеры Солёных островов были единственным ответвлением этой организа-

* Тропа великана — местность в Северной Ирландии, где находится около 40 тысяч плотно прижатых друг к другу базальтовых колонн, образовавшихся в результате извержения вулкана; популярная достопримечательность Ирландии, обязанная своим названием древней легенде о Финне Мак-Кумале.

ции, пережившим чистку, проведенную в четырнадцатом столетии Папой Клементом V. Ватикан не хотел, чтобы запасы алмазов попали неизвестно в чьи руки.

Воспользовавшись тем, что внимание новой королевы ненадолго отвлечено, Бонвилан наклонился к Деклану и прошептал:

— Как вы, Деклан? Я не ожидал увидеть вас здесь.

— Я и сам не ожидал, Хьюго, — ответил Деклан. — Я не собирался идти, но рад, что мои планы изменились.

Бонвилан улыбнулся.

— Я тоже рад. Хорошо, когда люди видят ваше лицо. Это заставляет их быть бдительнее. Между прочим, вы правильно сделали, уволив того караульного. Спящие караульные — вот что нужно мятежникам. Они готовы пролезть сквозь любую брешь в Стене. И нет необходимости объяснять вам, какие неприятности они могут причинить.

Деклан кивнул, хотя в нынешние времена речь Бонвилана казалась не совсем искренней. Уже много месяцев активность мятежников практически свелась к нулю, а некоторые из произведенных маршалом арестов были сделаны на основании чрезвычайно шатких доказательств.

Бонвилан не упустил из виду выражение лица капитана.

— Вы не согласны, Деклан? Не может быть. После всего, что пришлось пережить Брокхартам?

Деклан почувствовал, как пальцы жены сжали его руку. Он как будто не заметил сияющего лица Изабеллы, он смотрел сквозь окно, над головами сотен островитян и дальше, на смутные очертания моря и неба.

— Дело не в несогласии, маршал. Просто сегодня мои мысли заняты еще кое-чем — моей женой, моей королевой. Они нуждаются во мне. Сегодня, по крайней мере.

— Конечно, — любезным тоном сказал Бонвилан.

Тем не менее взгляд его был холоден, а губы крепко стиснуты. «Брокхарт приходит в себя», — думал он. — Его сомнения уже возвращаются. Много ли времени пройдет, прежде чем пес укусит своего хозяина?»

Отвечая на приветственные крики стоящих вдоль дороги граждан, Хьюго Бонвилан махал втянутой в перчатку рукой.

«Лучше не рисковать. Возможно, настало время для небольшого шантажа. Вряд ли Деклан Брокхарт переживет вторичную потерю старшего сына»

Малый Солёный

Конор был готов к полету. Он закончил с шитьем. Возможно, двойной шов был бы надежнее, но у него совсем не осталось ниток. Ну что получилось, то получилось. Со Стены Большого Солёного доносились звуки шумного веселья. Там пели, смеялись, топали ногами. Собралось множество народу; в свете ламп мелькали тысячи лиц. Конор представил себе огромную толпу, с нетерпением ожидающую начала фейерверка. Казалось, тюремные стены подрагивают, хотя пленников от пирующих отделяло пространство океана.

Возбуждение, связанное с коронацией, охватило и тюрьму; многие заключенные улюлюкали, высунувшись в окна, или протягивали маленькие чашки сквозь прутья решетки. Удивительно, но большинство пленников проявляли монархистские наклонности, несмотря на то что сидели здесь от имени и во благо ее величества. Нестройный хор, исполняющий «Защитим Стену» — государственный гимн Солёных островов, — эхом отдавался от стен и просачивался в камеру Конора. Незаметно для себя он и сам стал негромко подпевать. Было странно слышать вместо «король Николас» слова «королева Изабелла».

«Как ты могла поверить лживым выдумкам Бонвилана? Почему не послала за мной, Изабелла?»

От царящего вокруг беспорядка голова начала гореть, мозг затуманивался, ощущения путались, накладываясь одно на другое. Вид, прикосновения, запахи. Глубоко въевшаяся грязь на лбу. Казалось, дверь камеры сотрясается. Пот, сырость, дурные запахи. Он закрыл глаза, глубоко дыша через нос. Один из трюков Виктора, привезенный с Востока.

«Дыша холодным воздухом, ты прочищаешь мозги».

Конор отбросил всякие мысли об Изабелле. Сейчас нужно сосредоточиться. Снаружи слышались шаги Биллтоу. Итак, последняя проверка.

«Спина у меня грязная?»

Да. Засохшая грязь ощущалась даже под воротником. По крайней мере, хоть какая-то польза от влажных стен. «Всегда есть польза от всего, — говорил Виктор. — Даже от боли».

«Устройство надежно спрятано?»

Конор сунул руку под просторную куртку и потянул спрятанный на груди прямоугольный пакет. Потянул так сильно, что веревки затрещали. Они были самодельные — сплетен-

ные из лоскутов и обрезков, скрученных вместе и пропитанных свечным воском, — и потому далеки от совершенства.

«Клинышек для наручников?»

У него в ладони. Неровно отломанный костяной конус, размеры которого подбирались путем подсовывания его со стороны ладони под наручники, когда Биллтоу снимал их. Этот клинышек — старый трюк цирковых артистов, срабатывающий только для наручников с одним запором и слегка расшатанными шурупами; однако наручники Биллтоу были настолько стары, что могли бы принадлежать Моисею, и Конор уже полгода расшатывал их шурупы. Теперь они держались достаточно свободно. Когда Биллтоу будет защелкивать наручники, Конор быстро вдвинет в отверстие костяной клинышек. «Собачка» замка не сработает, хотя наручники будут выглядеть запертыми.

«Грязь, устройство, клинышек! Безумный план».

План, которого никто и вообразить не может. Конор решительно отбросил всякие сомнения и колебания. На них больше не было времени. Он либо освободится, либо умрет, но и то и другое предпочтительнее долгих лет в этой проклятой камере.

Ключ Биллтоу заскрипел в старом замке — он поворачивался с трудом. Охранник, как всегда, с ворчанием открыл плечом дверь, не забывая держать руку на пистолете.

— Ангел, вот кто я такой! Вынужден заниматься вами, болванами, когда такого человека, как я, с радостью приняли бы в любом приличном обществе. Я мог бы быть принцем, знаешь ли, Финн. Или, осмелюсь сказать, императором. Но я торчу здесь, чтобы ты имел возможность сообщить мне, что мой двенадцатизарядный револьвер еще не готов.

— Он готов, — выпалил Конор, изображая волнение и страстное желание угодить своему тюремщику. — У меня есть чертеж.

Биллтоу был достаточно хитер, поэтому продолжал сохранять настороженность. Человек поглупее потерял бы голову, сначала в переносном, а потом и в прямом смысле проломленного камнем черепа, но у Артура Биллтоу был чрезвычайно силен инстинкт самосохранения.

— Где этот чертеж? Не надейся, что я наклонюсь или полезу куда-нибудь в темный угол.

— Нет. Он лежит на столе. Отдать его вам?

Биллтоу задумался, отхаркнув очередную порцию табака и освободив рот для новой.

— Нет, солдатик. Я предпочитаю, как обычно, надеть на тебя наручники, а уж потом поглядеть на чертеж.

Конор, выражая полную готовность подчиниться, вытянул перед собой руки.

— Но я получу свою прогулку, мистер Биллтоу? Вы обещали.

Биллтоу с улыбкой защелкнул наручники, одним глазом косясь на стол.

— От твоей бороды меня смех разбирает. Жалкая поросль. Рано еще тебе бороду отращивать. Нужно подстригать ее, тогда она будет гуще. «Убойные бараны» не станут подчиняться приказам недоросля с жиденькой бороденкой. Поговорим по дороге, после того как я рассмотрю чертеж.

Биллтоу двумя грязными пальцами взял со стола листок.

— Знаешь, я побеседовал кое с кем из своих товарищей. Похоже, немцы уже делают двенадцатизарядные револьверы.

Демонстрируя неудовольствие, он сплюнул табачный сок на плитки.

— Но маленького калибра,— возразил Конор.— Приноравливаясь к пулям. На этом чертеже цилиндр на самом деле представляет собой винт, и поэтому пули могут быть такого раз-

мера, как пожелаете, и вес распределяется более эффективно, поэтому система годится и для ружей.

Чертеж был абсурдный и абсолютно невыполнимый на практике, но на бумаге выглядел хорошо.

— Не знаю, не знаю,— проворчал Биллтоу.— Винт, говоришь?

— Изготовьте один. Как с воздушными шарами. Чтобы испытать его.

Биллтоу небрежно сложил листок и сунул его в карман.

— Так я и сделаю, господин Финн. И если он окажется фантазией придурка, в следующий раз ты увидишь дневной свет, когда я сброшу тебя с южной стены.

Конор угрюмо кивнул, надеясь, что его волнение не сверкает в глазах, точно свет маяка. Биллтоу допустил ошибку. В своем стремлении лучше разглядеть чертеж револьвера, он не заметил ловких манипуляций Конора с наручниками, в результате которых тот отвел «собачку» замка в сторону. Теперь его руки были свободны, но время воспользоваться этим еще не пришло.

— Это не фантазии, мистер Биллтоу, это наше будущее. Вы сможете зарегистрировать па-

тент на свое имя, а потом дать кому надо взятку, чтобы вызволить меня отсюда.

Биллтоу изобразил крайнее негодование.

— Взятку! Взятку, ты говоришь. Я глубоко оскорблен.

Конор сглотнул — как человек, старающийся справиться с волнением.

— Давайте поговорим начистоту, мистер Биллтоу. Если вы не вытащите меня отсюда, я останусь в этой дыре на всю жизнь. Я не рассчитываю вырваться на свободу немедленно...

Биллтоу рассмеялся.

— Рад слышать это. Я уж подумал, что ты собираешься давить на меня. Немедленная свобода или никакой сделки. Но ты не рассчитываешь вырваться на свободу, значит, беспокоиться не о чем.

— Но мне хотелось бы перейти в камеру на поверхности. Или хотя бы чуть ближе к ней. Неплохо бы и товарища занять. Маларки, к примеру, подойдет.

— Спорю, что подойдет. Так отлично, так удобно — два «барана» вместе. Не умасливай меня сейчас, Финн. Сначала я закажу модель, и, если она не взорвется мне в лицо, тогда поговорим.

— Но, мистер...

Биллтоу вскинул руку.

— Нет. Ни слова больше, солдатик. Твои воздушные шары еще не взлетели. Может, утром я приду за тобой с фенианской* пикой.

Конор, как бы сдаваясь, повесил голову, от всей души надеясь, что не переигрывает. Вся затея с револьвером служила лишь для отвлечения внимания — хлеб насущный любого фокусника. Пока эта идея владела сознанием Биллтоу, он был меньше настроен на восприятие того, что разворачивается перед его глазами.

— Ну а теперь пошли, займемся делом. Ты займешься делом. Что касается твоих... моих... воздушных шаров, тут все зависит от тебя.

Конор бочком проскользнул в дверь мимо Биллтоу, стараясь, чтобы тот не заметил его измазанную грязью спину. Его план — карточный домик. Да что там! Целая карточная крепость. Один неудачный взгляд, и все строение рухнет.

«Сейчас не время думать об этом. Начинай отсчет».

Отсчет. Еще одна теоретически важная карта его крепости.

* Фении (от названия легендарной военной дружины III в.) — члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от Англии в 50-х годах XIX — начала XX века.

Конор давно обнаружил, что в коридоре между дверью его камеры и отделением, где находится водолазный колокол, имеется «слепое пятно». С полгода назад он вместе с остальными обитателями отделения безумцев направлялся на еженедельную речь начальника тюрьмы, и прямо перед ним шел человек, которого Биллтоу называл Счетчиком, маленький, с непропорционально большой головой и огромным лбом. Он получил свое прозвище потому, что внутри его странной головы все превращалось в математику, чистую науку. Он потоком извергал числа, а потом хохотал, как будто сидел на представлении в парижском кабаре.

В то утро полгода назад Конор видел, как этот человек вприпрыжку шагал перед ним, бормоча свои числа, считая свои шаги. На счете «четырнадцать» Счетчик отскочил в сторону — и исчез.

Нет. Не исчез вообще, но пропал из поля зрения. Он находился там, в густой черной тени, содрогаясь от удовольствия, которое доставила ему собственная шутка. Шутка, могущая стоить ему головы.

Счетчик оставался на том же месте, пока Пайк не заметил его отсутствие, а потом так же прыжком вернулся обратно.

— Четырнадцать! — визгливо прокаркал он. — Четырнадцать, восемьдесят пять, половина!

Пайк, не оценив шутки, несколько раз врезал Счетчику по уху. Это было единственное «представление», устроенное Счетчиком на глазах Конора, но юноша все схватывал на лету. Увидев этот трюк один раз, он тщательно проанализировал его.

«Как разгадать секрет фокусника? Понаблюдай за ним и проследи его действия в обратном порядке».

В этом коридоре существовало естественное «слепое пятно» — то, что фокусники и цирковые артисты, демонстрирующие умение освобождаться от цепей и прочее в том же духе, искусственно создают на сцене с помощью игры света, драпировок и зеркал. Маленькое пятно изолированной тьмы, окруженное отвлекающими взгляд раздражителями. Почти пятно невидимости. Внимательного осмотра оно не выдержит, но на мгновение, да еще в обстоятельствах паники, способно создать иллюзию.

На протяжении последующих нескольких недель Конор внимательно приглядывался к этому месту и анализировал услышанные числа. «Четырнадцать, восемьдесят пять, полови-

на». Разгадать их оказалось несложно. Счетчик сделал четырнадцать шагов от камеры Конора и отпрыгнул на половину шага, под углом восемьдесят пять градусов вправо. И оказался точно посреди «пятна». Чтобы самому найти это место, Конору пришлось лишь добавить пять шагов.

Оказавшись там, он поразился тому, насколько все очевидно. Сгустившиеся тени — сюда не доходил свет фонаря, — плюс усиливающий затененность соскользнувший со своего места камень карниза, плюс засохший след пролитой темно-красной краски на плитках пола в полуметре слева. Можно сказать, цилиндр тьмы, на пересечение которого уходит не больше секунды. Но стоило оказаться внутри, и он облекал плащом невидимости, который кого угодно собьет с толку.

Биллтоу шагал рядом с ним, бормоча что-то о своем неуважении к вышестоящим.

Двенадцать.

— А начальник тюрьмы? Только не говори мне о начальнике тюрьмы! Этот человек принимает решения, от которых в голове мутится. Слишком много времени он провел под индийским солнцем, если тебя интересует мое мнение. Проклятая Калькутта выжгла ему мозги.

Пятнадцать.

— А сколько денег он тратит впустую! Наличных денег, заметь. У меня просто сердце разрывается. Я чувствую себя больным после одного только разговора об этом, даже с каким-то жалким Соленым.

Девятнадцать.

Биллтоу щелкнул пальцами, давая понять Конору: «Стой, где стоишь».

«Сейчас наступает решающий момент. Все нити сходятся в одну точку. Мгновение, которое определит: жизнь или смерть».

Биллтоу подошел к двери отделения и позвонил в звонок. Долгое время ничего не происходило, а потом из глазка наверху донесся знакомый насмешливый голос:

— А-а, Биллтоу? Выйти, что ли, хочешь? Из безумного отделения? Ты уверен, что это правильное решение?

Биллтоу окаменел. Эту шутку ему приходилось слушать больше десяти раз на дню.

— Ты не можешь просто открыть дверь, Мерфи? Поверни колесо и подними засов, больше от тебя ничего не требуется.

— Конечно, конечно, я понимаю, больше ничего не требуется, Артур. Остальное бесплатно, маленький ежедневный подарок. Я — все-

го лишь веселый эльф, роняющий крошки юмора на твою голову.

Колесо повернулось, засов пошел вверх. Дверь безумного отделения открылась.

— Если бы я смог выразить словами, как сильно ненавижу этого типа,— пробормотал Биллтоу и обернулся,— тогда сам Шекспир мог бы поцеловать меня в...

Последнее слово тирады Биллтоу застряло во внезапно пересохшем горле, поскольку его пленник исчез. Растворился в воздухе.

«Не мой пленник,— подумал Артур Биллтоу.— Пленник маршала Бонвилана. Я покойник».

Пока Биллтоу стоял, глядя в глазок, у Конора ноги словно приросли к полу. Он столько раз представлял себе этот момент, что сейчас он казался ему нереальным, абсолютно неосуществимым. Мысленным взором он видел себя, уверенно действующего в рамках тщательно разработанного плана, однако Конор Финн из плоти и крови застыл на месте. В полутора шагах влево от «слепого пятна».

Потом Биллтоу начал поворачиваться, и вся возможная будущая жизнь Конора промелькнула перед ним. Еще пять десятилетий

во мраке и под водой, пока кожа не утратит всякий цвет, а глаза станут как у тоннельных крыс.

«Шевелись! — приказал он себе. — Это хороший план».

Что он и сделал, совершив серию многократно отработанных движений. Отступил на полтора шага вправо, повернулся измазанной грязью спиной к Биллтоу и швырнул наручники в отверстие ближайшего дымохода. Сопровождающий это последнее действие шум отвлек взгляд Биллтоу от «слепого пятна».

— Тупица! — простонал тот. — Он полез по дымоходам.

Охранник проскочил мимо Конора, съежившегося в своем «укрытии», которое на самом деле укрытием не было; измазанная грязью куртка по цвету сливалась со стенами коридора. Биллтоу злобно стукнул ногой по решетке, низко наклонился и заорал в дымоход:

— Возвращайся сейчас же, недоумок! Дымоходы запечатаны, все до одного. Ты там ничего не найдешь, кроме засохших скелетов других идиотов!

Ответа не было, но Биллтоу вообразил, будто слышит шелест.

— А-а-а! — закричал он. — Неповоротливость выдает тебя! Спускайся, Финн, или я буду стрелять. Можешь в этом не сомневаться.

Конор, словно бродячий кот, начал бочком прокрадываться к открытой двери отделения. Его ни в коем случае не должны заметить. План может удалиться лишь в том случае, если никто не вычислит, что он сбежал. Если его увидят сейчас, конец известен: недолгое преследование, а потом очень долгое выздоровление после избиения охранниками. Он прошмыгнул ниже глазка, шаря взглядом в поисках лица. Его не было, только кончик сапога и нижний изгиб похожего на котел живота.

Конор скользил вдоль стены, близость свободы опьяняла его. Он почти добрался до наружной двери. Почти. Однако сто́ит один раз споткнуться, и ему конец. Близость свободы дразнила. Сейчас только темный кусок мореного дерева отделял его от наружного мира.

Дверь открылась, из нее вышли два охранника, смеясь по поводу какой-то очередной плоской шутки.

«Придется убить их,— решил Конор.— Это будет нетрудно. Выхватить у первого кинжал и заколоть обоих. Я должен добежать до воздушных шаров».

Он медленно согнул пальцы, готовясь нанести внезапный удар, но этого не потребовалось. Охранники попросту не заметили Конора; да-

же не взглянув в его сторону, они свернули в сторону горнодобывающего отделения.

«Я мог бы убить их,— осознал Конор.— Я готов был нанести удар».

Но даже эта мысль не могла сколько-нибудь задержать его. Охранников Малого Соленого нельзя было воспринимать как нормальных людей. Эти злобные тюремщики с радостью сбросили бы его с самой высокой орудийной башни прямо в пасть акулам, караулящим у сливных канализационных труб.

Конор действовал быстро, испытывая ощущение, что запас удачи убывает. Едва охранники свернули за угол, он выскользнул в наружную дверь и оказался у подножия узкой лестницы. Над головой виднелся квадрат усыпанного звездами неба. До открытого воздуха оставалось двенадцать ступеней.

Начиналась самая неопределенная часть его плана — отсюда и до шаров простиралась неизведанная территория. Кое-какие воспоминания о том, как его вели в тюрьму, сохранились, да и Маларки в этом смысле пополнил его знания чем смог; однако заключенные не поднимались по этим ступеням и не патрулировали стену. Придется положиться на собственную сообразительность — и ту удачу, которая еще оставалась.

«Я уж точно пропаду, если буду торчать здесь», — подумал он и начал подниматься, перепрыгивая через две ступеньки.

Когда он выбрался наружу, соленый морской воздух нахлынул на Конора, его острый запах едва не вырвал всхлип из груди. Конечно, в камере был воздух, но совсем другой, не такой, как этот: чистый, свежий, не пахнувший нечистотами и потом.

«Я забыл, насколько свеж морской воздух. Бонвилан отнял его у меня».

Он находился в двух ступеньках ниже уровня земли, от внутреннего двора его отгораживала низкая каменная стена. Двор казался меньше, чем ему запомнилось. В противоположном углу два мясника в фартуках трудились над висящей свиной тушей — отрезали полоски жирного мяса с ляжек и промывали их в ведре с водой; ручейки крови стекали с их локтей. Конор замер, словно зачарованный; зрелище, по которому он соскучился, даже не догадываясь об этом.

Над головой прогремел взрыв, и с неба дождем посыпались разноцветные искры. Конор низко пригнулся, но потом сообразил, что это тот самый взрыв, который он и придумал. Снайперы начали расстреливать воздушные шары.

«Слишком рано. Слишком рано. Еще недостаточно темно».

Один из мясников выругался от неожиданности, но потом справился с собой и обратил все в шутку.

— Хорошо, что эта свинья мертва. Она могла бы испугаться.

Второй, более щуплый, сдернул платок, которым был обвязан нос.

— Черт с ней, Том. Я хочу подняться на стену, и плевать мне на то, что скажет начальник тюрьмы.

Том стащил с носа платок.

— Знаешь что? Ты прав. Эта девчушка и наша королева тоже. Начальника тюрьмы не убудет, если мы выкроим полчаса для себя. Никакой спешки нет. У него и так запасено достаточно свиного жира.

Мясники расхохотались и повесили свои фартуки на столбик ограды. Взорвался второй воздушный шар, рассыпав рой пляшущих золотых искр.

— Ого! Снайперы Соленых островов отрабатывают свои денежки. Красиво.

Мясники начали подниматься по крутым каменным ступеням на зубчатую стену. Двор опустел — если не считать заключенного, зата-

ившегося в лестничном колодце. Взорвался третий шар, отбросив от стены густую тень и осветив ночь, словно фотовспышка.

«Уже трех шаров нет,— подумал Конор.— Уже трех. Слишком рано».

Он поднялся во двор, на ходу импровизируя дальнейший план действий. Все, что он обдумывал месяцами, разваливалось прямо на глазах. Расчет времени — вот что было важно, и как раз с ним все пошло не так. Конор двинулся вдоль края зубчатой стены, украдкой поглядывая вверх. Неподалеку от него стояло несколько солдат, но большинство расположились на дальней стороне, явно получая удовольствие от спектакля. И укрываться под защитой стены стало легче — по контрасту со вспышками фейерверков тени заметно сгустились.

«Все, все не так,— думал Конор, сдергивая со столбика фартук мясника.— Предполагалось, что у меня будет по крайней мере час на выяснение того, где привязаны шары. Биллтоу считает, что я залез в дымоход. Значит, пока снаружи искать меня никто не станет. Не нужно проявлять излишней торопливости».

И все же он торопился, и бороться с собой у него просто не было времени. Каждая потраченная впустую секунда приближала его к то-

му, что еще одна нитроглицериновая пуля найдет свою цель.

В кармане фартука он нашел окровавленный носовой платок, повязал им лицо и, сунув руки в свиное брюхо, испачкал их в крови. Форменный мясник, с головы до пят.

Ближняя к нему лестница была та, по которой только что поднялись мясники, поэтому он проигнорировал ее и смело пересек двор, направляясь к западной стене. Шел медленно, имитируя походку кривоногого Тома. Никто не окликнул его, никто даже не заметил. У основания лестницы были деревянные ворота, закрытые на простую щеколду, скорее чтобы они не хлопали, чем из соображений безопасности. Конор открыл их и начал подниматься по лестнице. Под ногами хрустели песок и соль.

Наверху, прямо на ступенях, стоял охранник, мягко покачиваясь в такт музыке, плывущей с Большого Соленого. Конор не мог пройти мимо, не потревожив его, что он и сделал, пробормотав извинения.

— Господи, с тебя кровь капает, Том,— сказал охранник.— Это коронация, а не поле битвы. Смотри, как бы начальник тюрьмы не унюхал эту вонь. У него жуть какой нежный желудок, хотя об этом трудно догадаться, судя по его комплекции.

Конор достаточно убедительно изобразил смешок и потопал дальше сквозь толчею охранников и служащих, столпившихся на зубчатой стене. Здесь были и женщины, принарядившиеся по случаю коронации. Все одетые по нынешней моде — жесткие корсажи и широкие у плеча, сужающиеся к запястью рукава.

«Слишком много людей. Начальник тюрьмы явно закатил вечеринку. Еще бы! Лучшие зрительские места на островах. На это я не рассчитывал. Из соображений безопасности стену должны были очистить. Я говорил Биллтоу. Я говорил ему».

Парапет Малого Соленого имел в ширину три метра и со стороны океана был огражден стеной высотой по грудь, а с другой стороны отвесно обрывался во двор. Вдоль этого края между столбами натянули веревку, чтобы не дать какому-нибудь чересчур перебравшему оступиться и упасть. Конор узнал нескольких охранников, разносящих спиртное и одетых, как заключенные, в чистые голубые саржевые комбинезоны. Очевидно, начальник тюрьмы рассчитывал таким образом опровергнуть слухи о безбожном обращении с пленниками. На самом деле с пленниками обращались прекрасно, им даже доверяли разносить шампанское и

закуску за стенами камер. Буквально в каждом уголке стояли жаровни и вертела с креветками и раками для гостей. Беглому пленнику и приткнуться было негде, чтобы перевести дух.

Конор стер с лица приятную по ощущению соленую влагу. В воздухе висел создаваемый морскими брызгами туман. Туман. Он забыл и его тоже. Как может островитянин забыть про туман? Еще одна вещь на счету Бонвилана. Будет стоять нескольких алмазов, если, конечно, Конору дьявольски повезет и он сумеет выбраться с этого проклятого острова.

Новый воздушный шар взорвался, рассыпав по небу вперемешку золотые и алые искры. Цвета́ Соленых островов. Толпа была в восторге. Искры водопадом летели вниз и гасли в водах океана, а некоторые продолжали светиться даже тогда, когда волна накрывала их — словно ребенок, поймавший звезду. Несколько искр имели смелость приземлиться на стене, прожигая дорогие шелковые платья. Ужасная трагедия, если разобраться.

«Я предупреждал его, — думал Конор, огорченный тем, как развиваются события. — Здесь небезопасно».

Зрителей охватила паника. Бокалы с шампанским и тарелки с дарами моря полетели в

океан, богатые гости бросились к лестницам, опасаясь, что низко летящие фейерверки могут превратить их в горящие факелы.

«Столпотворение. Хорошо».

Конор двинулся навстречу людскому потоку к следующему воздушному шару и потянул за прочную веревку, привязанную к медному кольцу на зубчатой стене. Судя по звукам, на Большом Соленом властвовали огни и музыка. Мелодии духового оркестра плыли по воде. Там было так много факелов и фонарей, что, казалось, весь остров в огне. Едва пальцы Конора коснулись веревки, как она провисла — это взорвался воздушный шар.

Конор выругался и ускорил шаг. Осталось всего шесть воздушных шаров. Он проталкивался сквозь толпу, не обращая внимания на сердитые взгляды. Если кто-то из этих джентльменов пожелает сразиться с ним на дуэли из-за того, что его грубо толкнули, придется ему потерпеть до другого раза. Вслед Конору неслись крики и протесты. Он начал привлекать внимание, но ничего не поделаешь. Это была уже настоящая гонка. Конор против снайперов Соленых островов. Оставалось надеяться, что отец не стоит там с ружьем, поскольку Деклан Брокхарт редко промахивался.

Следующий воздушный шар взорвался, и, казалось, сотрясся весь остров.

«Этот точно перегружен».

Четыре шара были наверху, а пятый находился на причале, под брезентом. Движущиеся цели. Парящие шары ярко сияли, словно луны какой-то далекой планеты. Они покачивались на ветру. Трудно попасть.

А вот и нет — еще два взорвались почти сразу друг за другом. Конор слышал, как на Большом Соленом заплодировали. Действительно грандиозное зрелище. Он принял решение. Нет времени возиться с мечущимися на ветру шарами, нужно заняться тем шаром, что остался на берегу. Его, возможно, охраняют, но придется рискнуть. Это последний шанс нынче ночью, учитывая, что все его планы пошли вкривь и вкось.

Приняв решение, Конор побежал. Фартук мясника хлопал по ногам, запах свиной крови бил в ноздри. На пути у него возник охранник — не намеренно, просто стоял тут на посту. Мелькнула мысль с разбега сбросить его со стены, но в последнее мгновение Конор передумал и оттолкнул охранника к стене. Голова в синяках предпочтительнее разбитого черепа.

Сейчас стена более или менее опустела. Представители высшего общества могут дви-

гаться удивительно быстро, если под угрозой оказываются их прекрасные наряды. От последнего воздушного шара Конора отделяли лишь веревка и второй охранник, который стоял, посасывая разожженную трубку.

«Горящая трубка рядом с наполненным водородом шаром!»

— Эй! — крикнул Конор. — Вы, там! Охранник!

Тот стоял, дремотно шаря взглядом по сторонам.

— Сэр. Да, сэр. Что я могу... Кто вы такой?

Не замедляя шага, Конор перепрыгнул через веревку и помчался к охраннику, стуча подошвами по неровному булыжнику. Причал на сотню метров уходил в пролив Святого Георга, служа одновременно и волнорезом, и семафорной станцией.

— Вы курите! — властным голосом закричал Конор. — А в воздушном шаре водород.

Охранник побелел и взвизгнул, когда в вихре разноцветных огней взорвался новый шар. Его веревка медленно провисала к земле, словно обезглавленная змея.

— Я... Я не знал... — запинаясь, пробормотал охранник и отшвырнул свою трубку с таким видом, как будто она могла укусить его. — Я никогда не думал...

Конор грубо оттолкнул охранника, сбив с него фуражку.

— Идиот! Шут! Я чувствую запах утечки. А на землю попадали искры из трубки.

Охраннику, конечно, даже в голову не пришло, что водород не имеет запаха.

— Нужно... Нужно бежать отсюда!

Он отшвырнул ружье, царапнув штыком по мостовой, что вызвало новый сноп искр.

— Болван! — сказал Конор.

— Я ведь отказывался от штыка, — захныкал охранник. — Это все ради церемонии.

— Нужно отпустить шар лететь, — сказал Конор.

— Давай сам! А я потом засвидетельствую, что ты достоин медали.

И с этими словами охранник спрыгнул вниз, молотя ногами по воздуху, пока не рухнул на группу богатых зевак. Большинство из них повалились на землю, словно кегли.

На несколько мгновений Конор остался один на один с воздушным шаром, но по ступеням уже поднимались более сообразительные охранники, возможно, спрашивая себя, с какой стати мясник раздает тут приказы. Конор свинтил с ружья штык и стянул грязный брезент, под которым, окутанный рыбацкой се-

тью, был укрыт светящийся воздушный шар, привязанный к нескольким горшкам с омарами. Удерживая шар левой рукой, правой Конор начал перерезать веревки, изо всех сил стараясь не проткнуть сам шар.

— Том! — окликнули его сзади. — Что ты тут затеял, Том? Этот шар — гвоздь программы.

— Он порвался! — крикнул в ответ Конор. — И искра попала в запал. Я слышу жужжание. Не подходите!

Охранники, которым платили меньше, чем среднему уличному торговцу, проявили благоразумие и остановились — пока не поняли: не происходит ничего, кроме того, что мясник перерезает веревки.

— Эй, Том! На этих штуках двухсекундные запалы. Тебя уже должно было размазать в вонючее пятно.

— О господи! — закричал Конор через плечо, стремясь посеять панику. — Господи, помогите нам!

Среди охранников находился Пайк. Хорошо понимая, что Биллтоу свалит на него ответственность за этот шар, он протиснулся мимо других охранников.

— Что ты делаешь, мясник? Прекрати сейчас же! — закричал он голосом, дрожащим от

страха и вынужденной смелости. — А не то я размажу твои кишки по мостовой!

Последняя веревка лопнула; и воздушный шар устремился к небесам, чуть не выдернув левую руку Конора из суставной ямки. И он упустил бы его, если бы не запутался в сети по локоть.

— Помогите! — завопил он, понимая, что они ни за что не успеют. — Спасите!

У Пайка мелькнула мысль выстрелить в шар, но он отказался от нее. Если пуля воспламенит фейерверки, могут погибнуть как он сам, так и несколько европейских придворных. Разлететься на клочки — не самый приятный способ покинуть этот мир. Даже если он уцелеет во время взрыва, Биллтоу заставит его головой полировать себе сапоги.

Разумнее выстрелить, но промахнуться. Он вскинул ружье и не слишком тщательно прицелился.

— Я тебя предупреждал, мясник! — закричал он и спустил курок.

К несчастью, Пайк был из рук вон скверный стрелок и, даже стремясь промахнуться, оторвал каблук от сапога Конора.

— Дурак! — закричал Конор, но тут порыв восточного ветра подхватил шар и унес его.

Охранники смотрели, как Конор улетает, отвесив челюсти и ничего не понимая. Случившееся не вызывало сомнений, но как именно все произошло? И почему? Человек украл шар или шар унес человека?

Пайка потрясла странная красота этого зрелища.

— Вы только гляньте,— вздохнул он.— Прямо как эльф, повисший на луне.— Потом он вспомнил о Биллтоу.— Ну и тупица этот мясник.

Большой Соленый

Обитатели Большого Соленого искренне радовались. Теперь, когда дочь Доброго Короля Ника заняла его место на троне, все может вернуться к тому, как было прежде. Королева Изабелла уладит все проблемы. Она хорошая девочка, добрая девочка — разве она не демонстрировала это сотни раз? Отправляла запасы продовольствия ирландским беднякам. Посылала в город дворцовых каменщиков, чтобы они помогали горожанам с ремонтом домов. Эта девочка помнила имена всех, с кем встречалась, и часто посещала больницу, с радостью приветствуя новорожденных малышей.

Правда, она заметно притихла после убийства отца, а потеря Конара Брокхарта лишь

усугубила ее страдания. Ни отца, ни плеча, на котором можно выплакаться. Однако сейчас горести ушли, и за ее плечом встал гордый этой честью капитан Деклан Брокхарт. Что заметил весь остров.

Это был праздничный день, никаких сомнений. Единственный, кто на всем его протяжении сохранял кислое выражение лица, был старый козел Бонвилан, но он не улыбался на людях с тех пор, как канцлер Бисмарк* во время государственного визита в поздних семидесятых споткнулся на церковных ступенях.

Изабелла теперь королева, а капитан Деклан Брокхарт снова стал самим собой. Вскоре не будет новых налогов, и невинных людей перестанут отсылать на Малый Солёный по сфабрикованным обвинениям. И наемники с жестокими глазами не будут больше высаживаться на пристани со своими гремящими оружием вещмешками.

Церемония коронации протекала гладко. Изабелла настояла, чтобы за праздничным столом в последний момент нашли место для Брокхартов. Это вызвало недовольное выра-

* Бисмарк Отто фон (1815–1898) — немецкий государственный деятель и дипломат, первый канцлер Германской империи.

жение на лицах некоторых придворных, но ведь нельзя не считаться с молодой королевой, верно? Деклан и Кэтрин весь день сидели по левую руку от нее, а королева Виктория по правую. Маршалу Бонвилану пришлось переместиться за первый стол, что его отнюдь не обрадовало. И дело не в том, что его хоть сколько-нибудь беспокоило, где он сидит. Просто Кэтрин Брокхарт весь день нашептывала что-то Изабелле на ухо, а ему никогда не нравилась эта женщина. Слишком часто сует нос в политику, себе же во вред. Бонвилан дулся на протяжении всей трапезы, жаловался, что вино тепловатое, суп пересолен, а скорлупа раков слишком хрупкая.

Даже Султан Ариф, турецкий наемник, который был с Бонвиланом уже больше пятнадцати лет и дослужился до капитана, вскинул бровь, услышав последнее замечание своего патрона.

— Тамплиера волнует состояние поданных ему раков? — спросил он. — Вы слишком долго пробыли при дворе, маршал.

Бонвилан взял себя в руки. Султан больше кого бы то ни было приближался к тому, что маршал вкладывал в понятие «друг», хотя в случае необходимости он убил бы его без сожаления. Ариф был единственным человеком

в королевстве, у которого хватало смелости говорить откровенно.

— Дело вовсе не в раках,— сказал Бонвилан и кивнул на Деклана Брокхарта.

— А-а, да. Комнатный песик вспоминает, что на самом деле он волк.

— Вот именно.

Образное сравнение понравилось Бонвилану.

Султан бросил на тарелку обглоданную куриную кость.

— В Турции, если сторожевой пес изменяет хозяину, ему вспарывают брюхо.

Эта идея вызвала улыбку на лице Бонвилана.

— Ты всегда умеешь поднять мне настроение, капитан. Однако именно этот пес чрезвычайно популярен, как и его жена. Нужно очень тщательно подойти к проблеме.

Султан кивнул.

— Не отказываясь и от моего решения.

Провозгласили тост за новую королеву, и Бонвилан встал, шепнув Султану:

— Нет, я никогда не отказываюсь от того, чтобы вспороть кому-то брюхо.

Султан улыбнулся, но в глазах его был холод. Каждый год он обещал себе, что бросит

этого сумасшедшего и вернется домой. Теперь Бонвилан вряд ли оставался человеком. Он превратился в дьявола. А дьявол рано или поздно уничтожает все, до чего может дотянуться. Такова его природа.

После обеда началось официальное празднование, хотя для трех тысяч островитян и более чем шести тысяч гостей кульминацией стал тот момент, когда папский нунций возложил на голову Изабеллы корону, отделанную горностаем.

На улицах ощущалось присутствие военных. Ни один человек званием ниже лейтенанта не получил увольнительную, чтобы как обычный гражданин принять участие в празднествах. Более того, Бонвилан позаимствовал на время воинское подразделение у дислоцировавшегося в Дублине английского генерала Юстаса Фицморриса, выложив за это изрядную сумму. Дополнительные сто тридцать солдат получили инструкции не допускать словесных оскорблений, публичного пьянства и в особенности присматривать за французами, если их действия вызовут хоть малейшие подозрения.

Когда королевы Изабелла и Виктория поднялись на помост перед дворцом, вокруг цари-

ла праздничная атмосфера. Граждане, собравшиеся на площади перед помостом, восхищенно слушали, как новая королева произносит свою первую речь. Бонвилан, конечно, не упустил из виду, что при этом она для поддержания духа сжимала руку Кэтрин Брокхарт.

Султан наклонился к нему.

— Прекрасная речь. В особенности мне понравились пассажи о «пересмотре налогов» и «политической амнистии».

Бонвилан не отвечал. У него мелькнула мысль: может, это было ошибкой — сохранить Изабелле жизнь? Он полагал, что ею будет легко манипулировать, и до сих пор так оно и было. Кроме того, ему требовался на троне человек, чье право занимать его не подвергается сомнению. Было бы много хлопот, если бы дюжина алчущих претендентов высадились в гавани, каждый со скатанным генеалогическим древом под мышкой и собственными планами касательно алмазов Соленых островов.

Великобритания и, конечно, Франция поразовались бы политической нестабильности на Соленых островах — это дало бы им повод вмешаться для поддержания порядка. Да, это было королевство Бонвилана, но, чтобы его власть оставалась незыблемой, требовался номинальный глава.

«Нет,— решил Хьюго Бонвилан.— Пусть Изабелла живет — по крайней мере, пока не произведет на свет наследника. Потом с ней может произойти несчастный случай. Возможно, на королевской яхте».

Султан снова заговорил:

— О, вы улыбаетесь. На людях, заметьте.

— Своим приятным мыслям,— ответил Бонвилан, в радостном возбуждении махнув рукой в сторону Деклана Брокхарта.

Деклан Брокхарт и сам был на грани того, чтобы испытывать чувство радости, хотя всякий раз, когда улыбка трогала его губы, он испытывал чувство вины, вспоминая умершего сына.

«Что ты делал во дворце, Конор? Как я мог доверить тебя попечению такого человека?»

До сих пор не укладывалось в голове, с какой легкостью Виктор Вигни обвел их всех вокруг пальца.

Кэтрин до тех пор отказывалась верить, что Вигни был шпионом и убийцей, пока в результате обыска его квартиры не обнаружили сундук с оружием и ядами, детальные планы оборонительных сооружений Соленых островов и письмо безымянного автора, угрожающего

убить семью Вигни, если он не будет исполнять его приказы.

Кэтрин заметила, что взгляд мужа затуманился, и поняла, что он снова затерялся в своих воспоминаниях.

— Разве это не чудесно, Деклан? — Она погладила его руку. — Изабелла — королева. Великий день для островов.

— Хм... Эти английские солдаты — просто позор. Головорезы, все до одного. Я не удивился бы, узнав, что Фицморрис по этому случаю очистил свои тюрьмы. Только глянь на них: небритые, никчемные бездельники.

— Зато твои снайперы выглядят очень хорошо.

— Это да.

Деклана охватило чувство гордости. Дюжина его людей стояла на Стене напротив площади, на одном уровне с верхней ступенькой помоста. Аккуратно причесанные, в отполированных до блеска сапогах и ладно сидящей парадной форме с золотыми эполетами, поблескивающими в свете фонарей. Издалека они выглядели как игрушечные солдатики, с одной лишь разницей: каждый имел свое особенное, отличное от других оружие. У большинства винтовки Шарпса, но были и несколько ремингто-

нов, энфилдов и даже модифицированных ружей. Снайперы являлись лучшими стрелками на островах, и, согласно армейскому обычаю, им всегда позволялось самим выбирать себе оружие.

Одна из гувернанток Изабеллы передала Деклану сложенную записку. Он быстро прочел ее и облегченно вздохнул, поскольку речь не шла о чем-то чрезвычайном.

— Королева Виктория устала,— объяснил он жене.— Но она хотела бы посмотреть воздушные шары, прежде чем удалиться на отдых на королевскую яхту.

Кэтрин улыбнулась.

— Все хотят посмотреть эти воздушные шары, Деклан. Воздушные шары с фейерверками, какая оригинальная идея. Пули нитроглицериновые, надо полагать.

— Ты, как обычно, права,— ответил Деклан и подумал, что Конор был бы в восторге. Да что там — он сам вполне мог бы предложить такого рода «шутейное» изобретение.— Для полного эффекта еще чуть-чуть рано. Не совсем темно.

Кэтрин сжала его плечо.

— Иди к своим людям, муж мой. Сегодня не стоит расстраивать королев.

— И жен тоже, если уж на то пошло.

На лице Деклана мелькнула столь редкая для него улыбка. Он упругой походкой пересек площадь. Даже самые заядлые гуляки и пьяницы расступались перед ним. Никому не пришло бы в голову шутить шутки с офицером Стены, да еще с эмблемой снайперов на плече. В особенности с Декланом Брокхартом, не слишком дорожившим своей жизнью с тех пор, как мятежник лишил его сына.

Его люди расхаживали по Стене, их лица над жесткими воротничками и под еще более жесткими фуражками блестели от пота.

— Уже недолго ждать, парни.— Деклану стоило определенного усилия найти в глубине души родник чувства товарищества, когда-то свободно струившийся.— Пол-литра «Гиннеса»* каждому, кто попадет в цель.— Он устремил взгляд на светящиеся воздушные шары, покачивающиеся на привязи почти на расстоянии километра.— Нет, лучше литр «Гиннеса».

— Посмотрим, что вы потом скажете,— пробормотал храбрый лейтенант, худощавый человек из Килмора, чей отец раньше тоже служил на Стене.

* «Гиннесс» — темное крепкое ирландское пиво.

Капитан Брокхарт усмехнулся.

— Все в твоих руках, Бейтс.

Бейтс оперся прикладом модифицированного винчестера о зубчатую стену и прицелился.

— Сам поработал над стволом? — спросил капитан.

— Да, сэр. Рассверлил его и удлинил на семь сантиметров. Пуля летит по прямой на расстояние около двухсот метров.

Эти слова произвели на Деклана впечатление.

— Умно, очень умно. Где ты только этому научился?

— У вас, сэр.

Бейтс спустил курок. Пуля летела долго, но в конце концов попала точно в цель. Светящийся шар рассыпался яркими китайскими искрами.

— Литр мой,— усмехнулся Бейтс.

Деклан уныло вздохнул.

— К утру я буду разорен.

Он повернулся и помахал Кэтрин. Она аплодировала, стоя, как и все на помосте, включая обычно мрачноватую королеву Викторию. Изабелла, которая еще не испытывала на себе тяжести королевского этикета, громко выражала восхищение.

Деклан повернулся к своим людям.

— Похоже, вы, парни, станете героями этой ночи. Ну, кто следующий хочет получить пиво?

Мгновенно защелкали курки дюжины ружей.

Конор взлетал так быстро, что появилось ощущение, будто он падает. Никакие расчеты не могли подготовить его к непредсказуемости этого полета. Он хотел подниматься быстро, но спокойно и ровно, имея время, чтобы справиться с мыслями и оглядеться. Короче, быть хозяином положения.

На деле же все обернулось кошмаром наяву. Контроль над ситуацией принадлежал кому угодно, только не Конору. Ветер бил в лицо, давя на веки, затыкая уши. Конор оглох и почти ослеп. Руки были вытянуты до предела, и в конце концов, с особенно сильным порывом ветра, стихия вывихнула ему плечо. Боль, словно удар раскаленного добела молота, растеклась по верхней части груди.

«Все пропало. Живым мне не выбраться. Скорее бы потерять сознание и очнуться уже в раю».

Такого рода безнадежные мысли не были характерны для Конора, но сейчас он оказался

в запредельных обстоятельствах. Казалось, у него вот-вот оторвет руки.

Этого, однако, не случилось, и постепенно он, сквозь туман боли, стал воспринимать происходящее. Шар продолжал подниматься, но его ускорение уменьшилось, на высоте воздушные течения стали спокойнее. Конор понял, что нужно воспользоваться временным затишьем, чтобы оглядеться.

Какая высота? Возможно, метров пятьсот. Шар сносит к Большому Соленому. Острова сияют внизу, словно алмазы в море. Сотни ламп покачиваются на палубах гостевых судов, стоящих на якоре в гавани. Звезды над головой, звезды внизу.

Теперь пора отсоединиться от шара. Конор находился ниже, чем хотелось бы, но ветер уносил его в море быстрее, чем он рассчитывал, и теперь, с поврежденным плечом, Конору предстояло плыть неизвестно сколько времени. Требовалось как можно быстрее высвободить руку из сети, однако выяснилось, что даже такая простая вещь, как нащупать одну руку другой, в этой ситуации невозможна. Боль, потеря ориентации и давление ветра обернулись бы вызовом даже для человека на пике своего физического состояния, а что уж говорить об измотанном каторжнике с вывихнутым плечом?

Он не мог управлять суставами и пальцами, и сейчас казалось, что боль исходит от сердца. Штык он выронил; оставалось дергать сеть онемевшими пальцами. Ничего не получалось. Рука застряла в сети прочнее, чем индейка в холодильнике. Конора Финна несло в океан. Приходилось надеяться лишь на то, что шар сделан плохо и через минуту-другую лопнет по шву.

Под ним взорвался второй из двух последних шаров, и черное небо ненадолго запылало золотым и красным.

«Отлично,— улыбаясь онемевшими губами, подумал Конор.— Все работает просто отлично. Фейерверки высшего класса. Горят несколько секунд. Жаль, что я повис не на том шаре и теперь мотаюсь тут, в ночном небе».

Согласно первоначальному плану, он рассчитывал полететь на шаре, который очень быстро подстрелят снайперы. От шара требовалось лишь унести его из тюрьмы, а потом пуля должна была вернуть его на землю.

Мелькнула мысль, не первый ли он человек в мире, наблюдающий фейерверк сверху. Скорее всего, нет. Можно не сомневаться, какой-нибудь бесстрашный аэронавт уже поднимался на воздушном шаре в аналогичных обстоятельствах.

Внезапно Конора осенило.

«Я лечу так, как ни один человек прежде. Ни корзины, ни балласта. Просто человек и его воздушный шар».

И, несмотря на отчаянную ситуацию, эта мысль в какой-то мере утешила его. Он был один в небесах, единственный человек здесь. Дышит разреженным воздухом, во все стороны раскинулся черно-голубой простор. Никаких стен. Никаких тюремных дверей.

«Где меня найдут? В Уэльсе? Во Франции? Или, если ветер изменится, в Ирландии? Поймут ли, что за устройство спрятано у меня на груди? В чем суть моего изобретения?»

У Конора даже возникло некоторое ощущение триумфа.

«Я нанес тебе поражение, Бонвилан. Ты не сможешь больше использовать меня и мучить, держа на привязи. Я свободен».

Пришло и сожаление.

«Мама. Отец. Никогда не будет возможности объясниться».

Однако даже сейчас, в тисках смертельной опасности, в душе вспыхнуло чувство горечи.

«Как ты мог поверить Бонвилану, отец? Почему не спас меня?»

Воздушные шары пользовались грандиозным успехом, вызывая шквал аплодисментов каждый раз, когда взрывались. Снайперы обеспечили зрителям великолепное зрелище, лишь один Киверс промазал и то потому, что его нитроглицериновая пуля взорвалась прямо в стволе, согнув ружье, словно соломинку.

С этими фейерверками все продумано очень хитроумно, вынужден был признать Деклан. Каждый последующий шар создавал взрыв больше предыдущего, в точной последовательности. От финального взрыва задрожала даже сама Стена. Королева Изабелла могла бы потерять корону, если бы не проявила осторожность.

Кэтрин этой ночью выглядела прекрасно, стоя на помосте рядом с королевой. Вообще-то она выглядела прекрасно всегда, но Деклан некоторое время не замечал этого. Фактически два года.

«Конор хотел бы, чтобы его мать была счастлива, возможно, и отец тоже».

— Прошу прощения, сэр.

Это был Бейтс. Без сомнения, жаждет пива.

— Минуточку, Бейтс. У меня сейчас очень важный момент. Думаю о своей жене. И ты попробуй делать то же самое, вместо того чтобы

надоедать вышестоящему офицеру со своим пивом.

— Нет, сэр, дело не в «Гиннессе», хотя я не забыл о нем.

— Тогда в чем же? — спросил Деклан, изо всех сил стараясь удержать снизошедшее на него хорошее настроение.

— Движущаяся цель. Самый большой последний шар, сэр. Его отпустили слишком рано. Я тут ни при чем. Попасть в такую цель невозможно. Расстояние больше километра, и шар уносит морской бриз.

Деклан бросил взгляд через площадь на Кэтрин. Она сияла, и он понимал почему. Наконец-то ее муж возвращается домой. Нужно подать ей знак.

— Дай мне твое ружье, — сказал он и протянул к Бейтсу руку.

Едва пальцы Деклана сомкнулись на стволе, он почувствовал, что попадет. Это судьба. Сегодня его ночь.

— Оно заряжено?

— Да, сэр. Единственная пуля. Отдача немного велика, но, надеюсь, ваше плечо выдержит. Вы же капитан и все такое прочее.

Деклан заворчал. Бейтс опять распускает с ним язык. В любую другую ночь молодой лейтенант в результате выносил бы помои.

- Цель?
- Большой светящийся шар в небе, сэр.
- По-моему, инстинкт самосохранения отказывает тебе, Бейтс.

Бейтс откашлялся.

— Да, сэр. В смысле, цель. Одиннадцать часов вверх и вправо, сэр капитан*.

Деклан поймал шар в прицел. Сейчас он был не больше пятнышка. Бледная луна в море звезд.

«Святой Боже! — подумал он. — Надеюсь, это ружье хорошо пристрелено».

Но он знал Бейтса и знал, что тот не только остер на язык, но и прекрасный стрелок.

Деклан на несколько сантиметров приподнял дуло ружья с учетом снижения, а потом перевел его чуть-чуть влево, чтобы компенсировать боковой ветер. Меткой стрельбе можно научиться — до определенного уровня, — однако дальнейшие успехи зависят лишь от природного таланта.

«Воздушный шар и ружье, — подумал Деклан. — Точно как тогда, в Париже, когда ты по-

* В системе небесных координат положение светил и любых точек на небесной сфере определяется дугами и углами, выражаемыми в градусах и в единицах времени; $360^\circ = 24$ часам.

явился на свет, Коно́р. Однако в тот раз вместе с шаром вниз полетел ты».

Деклан почувствовал, что перед глазами все расплывается, и сморгнул, очищая поле зрения; сейчас не время лить слезы.

«Коно́р, сын мой, твоя мать и брат нуждаются во мне, но я никогда не забуду тебя и то, что ты сде́лал для Соленых островов. Посмотри с небес вниз. Я посылаю тебе это как знак».

Деклан вдохнул, задержал воздух и мягким движением спустил курок, перенеся вес на правую ногу, чтобы смягчить отдачу. Нитроглицериновая пуля вырвалась из рассверленного ствола и понеслась к цели.

«Это для тебя, Коно́р», — подумал он, и последний воздушный шар взорвался, так ярко, что его наверняка можно было разглядеть с небес.

За спиной Деклана весь остров взревел в знак одобрения — за исключением Бонвилана, который, казалось, потерялся в своих мыслях, что никогда не доводило до добра тех, о ком он думал.

Деклан бросил ружье Бейтсу.

— Прекрасное оружие, лейтенант; почти такое же опасное, как твой язык.

Даже на Бейтса произвела впечатление эта немыслимая точность стрельбы.

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Это исторический выстрел, капитан. Ну, так что там насчет моего пива?

Однако Деклан не слушал его; его взгляд был устремлен на Кэтрин, по ту сторону площади, поверх голов ликующей толпы. Их взгляды встретились; собственно, он только и мог видеть, что ее глаза, потому что она прикрывала руками рот и нос. И в оранжевом мерцании электрических огней он разглядел, что жена плачет.

Ее муж вернулся домой.

Воздушный шар взорвался, и огонь воспламенил упаковку фейерверков еще до того, как сработал фитиль. От сотрясения барабанная перепонка в одном ухе Конора прорвалась, и множество искр ужалили кожу, словно миллион пчел. Его засосало в кокон безумствующего пламени, которое поглотило одежду и опалило волосы на руках и ногах. Пострадала и борода — от нее практически ничего не осталось. Повреждения были достаточно серьезны, и все же Конор ожидал гораздо худшего.

Потом гравитация взяла верх, и он полетел к земле, притягиваемый невидимыми нитями. Шок был настолько силен, что он даже не за-

кричал. Ничего этого не было в его плане. Предполагалось, что между ним и шаром будет десять морских сажень* веревки: опасно, конечно, но несравненно в меньшей степени, чем лететь сцепленным с самим шаром.

Он должен сделать что-то еще. Ах да, конечно! Его устройство!

Сопротивляясь встречному потоку воздуха, Конор вытянул вниз здоровую руку и сдержнул тлеющие остатки куртки.

«Господи! На устройство попали искры!»

Устройство, конечно, представляло собой парашют. Аэронавты с бóльшим или меньшим успехом прыгали с воздушных шаров уже на протяжении почти столетия. В Америке во время Гражданской войны стало популярным бросать с воздушных шаров животных. Однако прыжки совершались исключительно в качестве развлекательного мероприятия и в идеальных погодных условиях. Редко ночью, едва ли с высоты больше двух тысяч метров, и никогда — на горящем парашюте.

Конор нащупал веревку, раскрывающую парашют, и потянул за нее. Ему пришлось тща-

* Морская сажень — морская мера длины, равная 1,83 метра.

тельно упаковать парашют в мешок из-под муки и пристегнуть его к груди. Оставалось лишь молиться, чтобы, разворачиваясь, стропы не запутались; хуже того, парашют мог вообще не раскрыться.

Конор находился уже так низко, что у парашюта просто могло не хватить времени, чтобы развернуться. Тогда он превратится в саван для водяной могилы Конора.

Веревка была пришита к верхушке крошечного парашюта, очень похожего на тот, который Виктор с Конором использовали, чтобы пускать по ветру деревянные манекены с орудийных башен замка.

Теоретически, если вытащить этот парашют, он сам должен потянуть за собой больший. Это была одна из множества новых идей, выцарапанных Конором на грязи в глубине камеры. Он надеялся тогда, что его изобретениям не придется проходить проверку в столь ужасающих обстоятельствах.

Хотя Конор не видел, как это произошло, маленький парашют исполнил свою роль идеально, выскользнув из углубления, где он находился, словно младенец кенгуру из сумки. Мгновение он подрагивал на ветру, а потом поймал воздух и полностью раскрылся. Его

собственное падение тут же замедлилось, чего нельзя было сказать о Коноре. Напряжение, ставшее результатом раскрытия маленького парашюта, вытянуло в ночной воздух парашют большего размера. Расправляемый ветром шелк прошелестел мимо лица Конора.

«Только бы стропы не запутались. Только бы складки ни за что не зацепились. Пожалуйста, Господи».

Его молитвы были услышаны, и белый шелк парашюта полностью раскрылся с громким хлопком, похожим на выстрел. Оттого что спуск происходил очень быстро, стропы с силой ударили Конора по спине, оставив на ней ожог в форме буквы «Х», след от которого ему предстояло носить всю оставшуюся жизнь.

Конор был сейчас не в том состоянии, чтобы мыслить рационально, поэтому лишь удивился тому, что луна упорно следует за ним. К тому же казалось, будто она горит. Оранжевые искры злобно выгрызали целые секции, так что сквозь дыры были видны звезды.

«Это не луна. Это мой парашют».

Возникло мимолетное ощущение, будто Конор все еще в камере, строит планы и воображение подбрасывает ему всевозможные проблемы.

«Если искры от воздушного шара попадут на парашютный шелк, последствия могут быть очень скверными. Если именно так и произошло, остается лишь надеяться, что моя скорость все-таки уменьшится и я смогу уцелеть при приводнении».

Теперь спуск протекал более или менее ровно, и Конор мог отличить море от неба. Острова быстро летели ему навстречу. Он видел дворец Изабеллы и, конечно, стену Большого Соленного с ее рядами электрических фонарей, описанных в «Нью-Йорк таймс» как первое чудо индустриального мира.

«Если бы я мог управлять своим движением,— осознал Конор,— то мог бы ориентироваться на эти огни».

Под ним в водовороте света кружились суда. Вскоре самое большое из них заполнило все поле зрения, и он понял, что приземлится туда. Уклониться от него не было никакой возможности. Оно проступало из черных глубин, словно огромная биоэлектрическая медуза.

Конор не почувствовал по этому поводу особой печали; скорее разочарование ученого по поводу того, что эксперимент не удался:

«На три метра левее, и я мог бы уцелеть,— подумал он.— Наука и впрямь раба природы».

Однако этой ночью невероятных событий капризная судьба припасла в рукаве еще одну в высшей степени необычную карту.

За мгновение до того, как его парашют рассыпался на почерневшие угольки, Конор рухнул на палубу королевской яхты «Виктория и Альберт II» на скорости около семидесяти километров в час.

Он упал на третью по правому борту спасательную шлюпку, пробив в голубом брезенте ровную дыру, которую никто не замечал на протяжении двух дней. Под этой дырой лежали пробковые спасательные жилеты, помещенные сюда на время, до тех пор пока не будут вбиты крюки, на которые их предстояло повесить.

Двумя днями раньше затребованных жилетов еще не было бы на борту, а тремя днями позже их уже распределили бы по всей яхте.

Несмотря на парашют и брезент, скорость и масса Конора были таковы, что он пробил пробковые жилеты до палубы, сильно ударившись об нее вывихнутым плечом, снова подскочил и только после этого окончательно остановился.

«В трюме, наверное, чисто, — мелькнула у него смутная мысль. — Пахнет лишь деревом и краской».

И потом:

«Вот бы удар вправил мне плечо. Какова вероятность этого? Астрономически мала».

Такова была его последняя мысль, перед тем как нахлынуло забвение. Всю оставшуюся часть ночи Конор Брокхарт не пошевелил ни рукой ни ногой. Ему снились яркие, живые сны, но почему-то исключительно в двух цветах: алом и золотом.

ЧАСТЬ 3

ЛЕТЧИК

ГЛАВА 12

АНГЕЛ ИЛИ ДЬЯВОЛ?

Малый Солёный, 1894

Той ночью, когда Артур Биллтоу встретил дьявола, он не отказал себе в одном из любимых удовольствий — уединиться в удобном местечке рядом с обращенным к морю обрывистым берегом острова. У Биллтоу по всему острову имелось штук пять-шесть таких мест, где можно было преклонить голову, когда тюремная жизнь слишком уж действовала на нервы.

Это было не просто — подремать на обнесенном стеной острове с крепостью на юго-восточном конце и дюжиной дозорных башен вокруг.

«Что за тупость — это электрическое освещение! — часто думал Биллтоу. — Как, спрашивается, может человек в таких условиях вздремнуть?»

Любимым местечком Биллтоу была маленькая неглубокая землянка рядом с посадками

сведы в пятнадцать шагах от основания стены. Пол в ней заменял старый, выброшенный паромщиками брезент, а крышей служила дверь времен Бродячего Черта, с рамой и все еще на петлях. Разглядеть землянку снаружи было почти невозможно — покрытую грязью, заросшую травой и невысоким кустарником.

Биллтоу испытывал прилив гордости каждый раз, когда проскальзывал в эту землянку, где царила тьма. Из всех его потайных местечек это было самое любимое. Что бы ни происходило, здесь было сухо, и он мог, провертев дырочку, использовать ее как дымоход, и никто не заметил бы, что он курит.

«Еще одна сигарета, — думал в тот раз Биллтоу. — Еще одна, и потом обратно на службу».

За полгода, прошедшие со дня исчезновения Конора Финна, Артур Биллтоу проводил в своих потайных местах все больше и больше времени. Конечно, он переживал не из-за самого солдата; он боялся, что маршал Бонвилан имел касательно этого молодого человека особые планы и в них не входило, чтобы тот погиб.

Тем вечером, когда исчез Финн, Биллтоу несколько часов кряду переходил от дымохода к дымоходу и звал его. Когда стало ясно,

что это бесполезно, он сходил за двенадцатилетним паренком-кокни*, который чуть не всю жизнь промышлял грабежом, и отправил его в систему дымоходов с обещанием скостить несколько лет срока. Парнишка провел там полдня, вернулся ни с чем, и Биллтоу снова послал его назад под угрозой пистолета. Проведя в лабиринте еще сорок восемь часов, парень вылез с окровавленными коленками, но без каких бы то ни было новостей. Дальнейшие поиски не имели смысла. Конора там не было. Артура Биллтоу одурачили, непонятно, правда, как.

Потом у него зародились сомнения насчет мясника, оказавшегося впутанным в историю с одним из предназначенных для коронации воздушных шаров. Возможно ли, чтобы это был Финн? Возможно ли, чтобы он каким-то образом выбрался на поверхность?

Точного ответа на вопросы о судьбе Финна Биллтоу так и не получил, и они зудели внутри, словно жучки под кожей. Может, засохший Финн лежит где-нибудь в дымоходе, а может, утонул в проливе Святого Георга. Ну, разница невелика. Мертвец есть мертвец, и

* Кокни — житель Лондона, уроженец Ист-Энда, представитель рабочих слоев населения.

кости есть кости. Однако, ясное дело, это еще не конец. Рано или поздно Бонвилан вспомнит про своего «особого» пленника, и тогда на голову Артура Биллтоу обрушится ад.

Если только...

Если только Биллтоу не сумеет обмануть маршала. Когда Финн исчез, Биллтоу стал обдумывать идею рвануть отсюда и уплыть на пароходе в Нью-Йорк. Один из его возможных отцов жил в Нью-Йорке — если, конечно, все еще жил. И там, возможно, оставалось что-то вроде поместья. Но все это пустое. У него нет денег, чтобы пересечь Атлантику; и они не появятся, даже если он будет экономить целый год. Вот ведь беда! Иметь подлинное богатство в украденных алмазах, но быть лишенным возможности обратить их в наличные деньги.

Между тем в настоящий момент дела на острове шли совсем неплохо. Воздушные шары во время коронации имели небывалый успех, и Бонвилан благоволил к нему. Вскоре Биллтоу почти наверняка ожидало повышение. Вот тогда, в своем новом положении, он, возможно, сумеет контрабандой переправить с острова некоторое количество алмазов и в результате уплывет первым классом на пароходе в Нью-Йорк.

А до тех пор он должен молиться всем богам, чтобы маршал Бонвилан не разглядывал слишком уж внимательно бородатого юнца, которого Биллтоу бросил в камеру Конора Финна. Парень был примерно того же возраста и сложения, с тем же цветом волос. После того как его несколько раз хорошенько избили, у него появился тот же загнанный и потрепанный вид. Если не вглядываться, просто один к одному. Биллтоу надеялся, что Конор Финн был просто заложником, а не человеком, который действительно что-то знал, потому что если он что-то знал и маршалу потребуется эта информация, то ему придется искать ее где угодно, высоко в небе или глубоко под водой, только не в камере Конора Финна.

Внезапно Биллтоу осенила идея.

«Нужно отрезать подставному молодчику язык. Сказать, что это произошло во время драки с Маларки. Маршал не сможет возложить ответственность за это на меня, поскольку сам приказал натравить Маларки на парнишку».

Это, в понимании Биллтоу, была превосходная идея, гораздо лучше, чем огороды со сведой и воздушные шары во время коронации. Или двенадцатизарядный револьвер, если уж на то пошло, который обернулся пустой

тратой золота. Оружейный мастер из Килмора, друг Биллтоу, чуть не лишился пальца, пытаясь создать это оружие.

«Отрежу этому парню язык, как только вернусь», — решил Биллтоу, похлопывая по сапогу, чтобы убедиться, что его добрый нож на своем месте.

Чрезвычайно довольный новой идеей, Биллтоу выпустил через проверченную им дырку последнюю струйку дыма и загасил сигарету о плитку, которую хранил в землянке специально для этих целей. Оставив дверь слегка приоткрытой, чтобы выдохся запах дыма, он выбрался во тьму, словно труп, поднимающийся из могилы.

«Отрезать этому двойнику язык будет не только полезно, но и улучшит настроение».

Обычно Биллтоу по возвращении какое-то время подпирал стену у подножия лестницы, а потом поднимался наверх, делая вид, будто просто выходил подышать свежим воздухом. Никто не осмеливался призвать его к ответу, в особенности после коронации. Теперь Артур Биллтоу стал важной персоной.

«Для тебя, Пайк, я теперь мистер Биллтоу», — часто повторял он в последнее время.

Вечер был хмурый, ни одна звезда не подмигивала сквозь плотные облака. В электри-

ческом освещении зубцы стены окутывала оранжевая дымка. Биллтоу использовал эту оранжевую линию как свет маяка, на который легко ориентироваться. Под покровом темноты он шел по траве и, судя по тому, как все обернулось, чересчур быстро, потому что вдруг поскользнулся на заросшем мхом участке и хлопнулся на спину с такой силой, что аж дух вышибло.

Биллтоу лежал на спине, тяжело дыша и хватая ртом воздух, когда внезапно облака разошлись и между ними серебряной гинеей засияла луна. Когда Биллтоу восстановил дыхание, губы его расплылись в улыбке, поскольку наконец-то, после многих лет, он смог различить на луне человека, о котором столько болтали. Наверное, это был ангел, потому что до сих пор Биллтоу не видел ничего, кроме темных пятен.

«Надо же! В первый раз я вижу лицо. И собираюсь отрезать пленнику язык. Поистине счастливый день».

Потом, по-прежнему сквозь щель в облаках, проявилась какая-то фигура. Человек с крыльями. Летящий.

Это было так странно, так немыслимо, что вначале Биллтоу даже не удивился.

«Человек с крыльями птицы. Ангел в черном».

Ангел резко накренился вправо, чтобы не проскочить мимо острова, и начал спускаться, описывая плотную спираль. В конце концов Биллтоу смог не только разглядеть, но и услышать то, на чем он летел. Оно скрипело, хлопало, било крыльями, и похожее на человека создание сражалось с ним, будто объезжая огромного норовистого орла.

«А-а, понятно, что происходит», — сказал себе Биллтоу.

Артур Биллтоу за всю жизнь прочел всего две книги: «Самые ужасные лондонские убийцы», которую он нашел чрезвычайно поучительной; и «Благородный индеец», которая, как надеялся Биллтоу, должна была содержать красочные описания массовых убийств и скальпирования поселенцев, но на деле обернулась всесторонним исследованием индейской культуры. Биллтоу чуть не бросил эту книгу в огонь, но воздержался; как-никак она стоила несколько шиллингов. В одной главе там описывалась палатка под названием «парильня»*, где индейцы потели и окуривали себя дымом до тех

* «Парильня» — помещение для обрядового и лечебного потения у большинства индейских племен.

пор, пока не появлялся их духовный наставник.

«Моя землянка вроде этой “парильни”. А теперь появился мой духовный наставник».

Сооружение быстро опускалось, трещина кривляясь, когда воздух наполнял их, словно паруса. Казалось, ангельское создание вот-вот разобьется о скалы — как воробей об окно; зрелище, всегда казавшееся Биллтоу забавным, — однако в последнее мгновение оно вздернуло нос своего аппарата, спланировало и мягко приземлилось. По инерции пробежало еще дюжину шагов и в конце концов сумело остановиться.

Биллтоу в ужасе смотрел снизу вверх на неземное создание, слабо вырисовывающееся над ним. Лунный свет создавал ореол вокруг его головы. Оно находилось достаточно близко, чтобы можно было нанести удар. Но какой в этом смысл? Такое создание не убьешь.

Оно было одето во все черное, с верхушки кожаного шлема до кончиков сапог для верховой езды высотой по колено. Лицо прикрывали защитные очки и плотно обхватывающий рот шарф. Дышало оно прерывисто, грудь тяжело вздымалась.

Что-то поблескивало на груди ангела. Какая-то эмблема. Буква «А» и два раскинутых

в стороны золотистых крыла. Может, это и означает ангел?

Артур Биллтоу всем сердцем желал замечать и не издавать ни звука. Он снова почувствовал себя семилетним мальчиком в дублинском переулке, прячущимся в водяной бочке от пьяной старой карги, которая охотилась за шестипенсовиком* в его кармане. Сейчас его жизнь стоила не больше, чем тогда. Это создание могло убить даже взглядом. Как же ему хотелось зарыться в траву, словно в одеяло, и спать до тех пор, пока это устрашающее летучее создание не исчезнет!

«Только не хнычь,— говорил он себе. Хныкать в минуты опасности всегда было его слабостью, что не раз кончалось синяками.— Сдержись, Артур, мальчик мой».

Он, возможно, справился бы с собой, если бы создание не вытащило из ножен саблю и не начало втыкать ее в мать-землю, как будто задавшись целью изранить ее. Каждый укол приближал его к тому месту, где, дрожа, лежал Биллтоу.

В конце концов он не смог больше сдерживать страх.

* Шестипенсовик — монета в шесть пенни (пенс — *англ.* *penсе*, *мн.* число от *penny*).

— Кто вы? — прошипел он и от волнения вскочил. — Что вам нужно от Артура Биллтоу?

Создание отступило и остановилось. Его стеклянные глаза вспыхнули оранжевым в свете огней, а потом почернели, когда оно повернуло голову, вглядываясь в охранника.

— Биллтоу, — проворчала оно. — Артур Биллтоу!

Если бы Биллтоу мог, он прямо тут же, на месте, сменил бы имя, такая ненависть слышалась в голосе создания. Эти крылатые типы, должно быть, по своей природе полны ненависти.

Пока Биллтоу размышлял об этом, летчик ринулся вперед. Это внезапное движение заставило взлететь его изогнутые крылья, что, в свою очередь, подняло затаенного в черное незнакомца в воздух. словно огромная злобная горгулья, он рухнул на землю на расстоянии вытянутой руки и стальными пальцами стиснул горло охранника.

— Биллтоу, — повторил он и приставил саблю плоской стороной к горлу.

— В-в-вы ангел или дьявол, сэр? — запинаясь, спросил охранник. — Вы к-к-куда потащите меня, вверх или вниз?

Стеклянные круги пристально и внимательно разглядывали его. Лезвие скользнуло по

адамову яблоку; Биллтоу почувствовал острую боль пореза. Потом сабля остановилась, и создание заговорило:

— Я могу быть и ангелом, и дьяволом, *monsieur*. Однако в вашем случае я всегда буду дьяволом.

— Вы убьете меня? — почти взвизгнул Биллтоу.

— Нет, *monsieur*, не сейчас. Однако вы так шумите, что...

Дьявол высоко поднял саблю и стукнул головкой эфеса* Биллтоу по лбу. Тот рухнул, словно кукла, которую вырвали из рук. Он не полностью потерял сознание, но решил не открывать глаз, чтобы не навлекать на себя гнев летчика. Так, с закрытыми глазами, он в конце концов и отключился.

Когда Артур Биллтоу пришел в себя, было уже светло. Голова ощущалась как одна сплошная рана. Над ним стоял Пул, дрессировщик собак начальника тюрьмы, ничуть не возражая против того, что его маленький терьер мочится на сапог Биллтоу.

— Черт побери! — Биллтоу отпихнул пса ногой.

* Эфес — рукоять сабли, пашки, шпаги, главным образом с защитным приспособлением — гардой.

И тут же вспомнил о французском дьяволе, который, возможно, все еще находится где-то поблизости. Он перекатился с топкого места, на котором лежал, и встал на четвереньки, не в силах выпрямиться из-за боли, молотом стучащей в голове.

— Дьявол... Француз... Огромные мерзкие крылья... Летает, словно козодой... Ты не видел его?

Пул притворился, будто не слышал этот бред. Натужно раскашлялся, стремясь заглушить болтовню Биллтоу, и выбрал терьера.

— Плохо, сэр Персиваль, очень плохо — мочиться на мистера Биллтоу, когда он только-только пробудился от сна, а что ему снилось, меня совсем не интересует. Я стукнул бы тебя, Перси, не будь ты такой славный малый. — Он подхватил песика и, избегая смотреть в глаза Биллтоу, перешел к сообщению, с которым и был послан. — Вас ищет начальник тюрьмы. Говорит, что по горло сыт вами и вашими тайными убежищами. Можете вообще не вылезать оттуда. Слово в слово то, что он сказал. По дороге я все время повторял это про себя.

Биллтоу вытаращенными глазами шарил по сторонам. С его губ свисала тонкая нить слюны.

— Он нашел меня. Он нашел меня. Я с шестипенсовиком спрятался в бочке, а он нашел меня.

Пул решил сделать вид, что недопонял Биллтоу; так было легче.

— Да, сэр. Начальник тюрьмы всех находит. У него, наверное, глаза на затылке. — Вслед за сэром Персивалем он затрусил к казармам охранников. — А может, у него и впрямь есть крылья и по ночам он летает над островом, глядя на нас сверху.

Биллтоу с трудом сел, нащупал на лбу шишку с гусиное яйцо и расплакался.

Небеса

Конор Финн летел, однако ощущения были совсем не те, на которые он рассчитывал. Планер вел себя как зверь, и, чтобы совладать с ним, приходилось постоянно вести изнурительную борьбу. Он не парил; он неустанно бился со стихией. Крылья хлопали, скрипели, дергались; казалось, еще один порыв ветра, и их нервюры* сломаются. Ремни вреза́лись в грудь, затрудняя дыхание, и даже случайное столкновение с морской птицей заставило бы его по спирали

* Нервюра — элемент поперечного набора крыла или оперения самолета.

устремиться к земле. Тем не менее Конор ни на миг не пожалел об этом полете.

«Я луна,— думал он.— Я звезды».

И потом:

«Берегись — чайка!»

Планер хорошо сохранял целостность, хотя Конор готов был поклясться, что третья нервюра справа сломалась. Позже он заменит ее на новую. Рулежная планка, одно из его собственных изобретений, работала прекрасно, позволяя смещать вес и таким образом контролировать траекторию полета. Однако этот контроль требовал постоянного напряжения; и над ним мог одержать победу ничтожнейший восходящий поток или любое другое воздушное течение.

Ночное небо покрывали тяжелые облака, подсвеченные снизу огнями Уэксфорда и Килмора. Время от времени Конор пролетал под прорехой в облаках, и полная луна освещала его серебристыми лучами. Он надеялся, что снизу его силуэт воспринимается как большая птица, но тем не менее радовался тому, что решил использовать для крыльев черную материю. Просто черную, не выкрашенную черным. Краска слишком утяжелила бы вес.

С близкого расстояния и при дневном свете было бы ясно, что планер — нечто большее,

чем хитроумно задуманный воздушный змей. Два удлинённых двухметровых овала в качестве крыльев, смыкающихся к центральному круглому отверстию, в котором на кожаных ремнях висит пилот. Короткий хвостовой руль с кожаными петлями для ног и толчковым шестом, который можно наклонять ногами, плюс трапециевидная рулёжная планка, прикрепленная непосредственно к стойке крыльев. Теоретически, если поймать восходящий поток воздуха, на таком планере скользить можно сколь угодно долго. Конечно, это очень оптимистическая теория, не предусматривающая износ, разрывы, слабые навыки пилота и просто тот факт, что поймать устойчивый восходящий поток воздуха так же трудно, как единорога.

Конор был облачен в самую прочную одежду для воздухоплавания, кожаный, застегивающийся под подбородком шлем, защитные очки и плотно сидящие сапоги. Его форма представляла собой копию той, которую носили французские военные авиаторы, но была черной сверху донизу и лишенной всяких эмблем, кроме таинственной крылатой буквы «А», обозначающей «авиация».

«Если я вдруг рухну на Солёные острова, — думал Конор, — то для всех на свете буду вы-

глядеть как французский летчик, не желающий, чтобы его идентифицировали как такового. Другими словами, как летающий шпион. Это лишь укрепит недоверие Бонвилана к французской армии».

Мысль не слишком успокаивающая, однако внести хоть малую толику тревоги в душу Бонвилана все же лучше, чем умереть, став просто трупом.

Этой ночью ему везло. Удачный взлет из аэродинамической трубы, если не считать того, что лопасти парового винта выбили несколько досок обшивки трубы. Но то было дело легко поправимое, на энергии взлета никак не сказавшееся. Конор сумел удержать тело наклоненным вперед, ногами упираясь в стремена. Это было одно из его главных изобретений, не считая тысячи более мелких, начиная от придания нервюрам нужной формы с помощью пара и заканчивая хвостовым рулем.

Приближалась береговая линия, а за ней темное море, на фоне которого Соленные острова сверкали, точно два роя светляков. В тот момент, когда Конор пролетел над мостом Святого Патрика — он выглядел как длинный, изогнутый артритом палец, выступающий из материка в сторону Малого Соленого, — восходя-

щий поток, который Конор «оседлал», исчез, и планер, завалившись на нос, начал терять скорость.

Конор готовился к чему-то подобному, но, как оказалось, это удалось ему не в полной мере. Если падение продолжится еще несколько мгновений, он рухнет на землю и разобьется насмерть.

«В случае потери скорости держи нос вниз и развяжи веревки».

От рулевой планки отходили три веревки, привязанные к запястью Конора. Он резко наклонился вниз, развязал все три веревки и таким образом освободил рулевую планку.

Центральная веревка была соединена с шарнирной панелью, которая, будучи отпущена, потянула нос вниз; две остальные перестали сдерживать лопасти двух деревянных пропеллеров, которые тут же завертелись под воздействием энергии, высвобождаемой двумя прочными резиновыми лентами.

Эти пропеллеры были способны работать только в полете, их толчковая энергия минимальна, но ее могло хватить, чтобы удержать планер от падения.

Так и произошло. Планер прыгнул вперед почти на метр, но восстановил равновесие и

поймал морской ветер. Конор всем телом почувствовал его порывы, несущие в себе запах соли.

Перед ним в темноте возникли горящие на стене Малого Соленого огни.

«В форме сердца,— подумал он.— Отсюда остров выглядит как сердце».

И потом:

«Я возвращаюсь на Малый Соленый. Господи, помоги мне. Я возвращаюсь туда».

Он не смог подавить дрожь, порожденную не столько холодом, сколько страхом.

В ночь своего отчаянного бегства объятый пламенем Конор, словно легендарный Икар, рухнул с неба прямо в шлюпку на яхте королевы Виктории. Там в это время царила суматоха в связи с подготовкой к отплытию.

Никем не обнаруженный, Конор Финн в ночь отплытия лежал под грудой пробковых спасательных жилетов, не в состоянии двинуть ни рукой ни ногой, даже если бы на его плечо грубо опустилась чья-то рука. Однако никакая рука его не потревожила, и Конор спал себе и спал, не слыша, как яхта громкими гудками разгоняет встречающиеся на ее пути лодки и ялики.

Еще раз удача улыбнулась ему в Лондоне, где он сумел незаметно спрыгнуть с яхты в десяти километрах от гавани и поплыл к эллингу на Темзе.

Конор украл куртку, в кармане которой, по счастью, лежали хлеб и сыр, и потратил оставшуюся часть дня, шатаясь по пристани и прислушиваясь к разговорам в надежде уловить ирландский акцент. В сумерках он наткнулся на группу лондонских ирландцев; у них было слишком мало зубов и слишком много татуировок, чтобы заподозрить в них шпионов с таможни.

«Если ты когда-нибудь сумеешь вырваться из этой дыры,— часто повторял ему Маларки,— найди в лондонских документах моего брата Зеба. Покажи ему свою татуировку, и он позаботится о тебе».

Конор на глазах докеров закатал рукав, обнажив татуировку «Убойных баранов», и несколько раз произнес магическое слово «Маларки». Не прошло и часа, как он уже сидел по горло в мыльной воде, с чашкой кофе в одной руке и прекрасной сигарой в другой. Зеб Маларки был человек состоятельный — в основном за счет введенной им самим импортной пошлины.

Сам Зеб прибыл в гостиницу спустя пару часов и без единого приветственного слова стал изучать татуировку Конора и клеймо Малого Соленого.

— Как там Отто? — поинтересовался он. — Как его волосы?

Конор поделился с боссом преступного мира той информацией, которую мог себе позволить:

— Волосы как шелк, здоровье в полном порядке. Проворачивает милые маленькие махи-нации.

Зеб уже слышал о Коноре от подкупленного им тюремного надзирателя на Малом Соленом.

— Конор Финн? Солдатик? Отто хорошо отзывается о тебе. Говорит, ты навел порядок у сидящих там «баранов». Собираешься заняться тем же и здесь?

Это было искушение — полностью поставить крест на своей прошлой жизни, как рептилия сбрасывает старую кожу. Однако Конор умел читать в собственном сердце и понимал, что быть просто береговым гангстером не для него. Может, он больше и не Конор Брокхарт, но моральные принципы матери все еще имели власть над его душой. Он мог причинить человеку вред, чтобы выжить, но не ради выгоды.

Он летчик, вот его судьба. Нужно держаться своего плана. Отправиться в Ирландию, найти способ вернуть себе припрятанные алмазы и уплыть в Америку, имея на руках средства для оборудования собственной лаборатории.

Поэтому он поблагодарил Зеба Маларки, но ответил «нет». У него на Малом Соленом есть незаконченное дело. Дело, могущее принести «баранам» немало денег. Есть ли у Зеба в Ирландии и на Соленых островах люди, способные ему помочь?

— У «баранов» везде есть люди. Какого типа дело? Месть?

— Не совсем. В тюремной земле спрятано кое-что, принадлежащее мне и моему брату. Я дал Отто слово, что помогу ему освободиться. В знак благодарности за его дружбу.

Зеб Маларки бросил ему кошелек с гинейями.

— Тогда вперед, островитянин. Иди создавай хаос.

Именно это и произошло.

Внезапно Малый Соленый оказался прямо под ним. Меньше чем за три минуты он пересек пространство воды шириной в пять километров между материком и островом-тюрьмой.

Если бы с ним летела целая армия, остров оказался бы захвачен, прежде чем успела выстрелить сигнальная пушка.

Все тело Конора болело от напряжения; поэтому большим облегчением было потянуть за рулѐжную планку и начать спуск по спирали. Во время пробных полетов он с успехом сажал планер в пределах поля гораздо меньшего, чем этот остров. Однако поле окружала живая изгородь, а не тюремные охранники. И в этой изгороди обитали барсуки и белки, которые не стали бы целиться в летающее создание из ружья.

Даже ночью с высоты птичьего полета можно было разглядеть немало. На стене, в дальнем ее конце, стояли три охранника. Конор видел, как, болтая, они сблизили свои мерцающие трубки. Вообще-то им полагалось расхаживать по стене, однако столетия без всяких происшествий породили в их душах успокоенность.

На самом деле на Малом Соленом было две стены. Главное, внешнее кольцо и внутренняя стена, окружающая тюремное здание. Между ними располагалась рабочая область, где заключенные прогуливались и трудились на грядках сведы. Вот там-то Конор и хотел приземлиться — потому что там были спрятаны алмазы.

Внезапно воздушный поток подхватил планер, отнеся его на добрую сотню метров от места намеченного приземления. Конор поворачивал рулѐжную планку до предела влево и добился того, что нос планера опустился вниз. В результате он практически вошел в штопор, но это все же было лучше, чем упасть в океан. Жаль было бы утонуть сегодня ночью, залетев на планере так далеко, как не удавалось еще ни одному человеку.

«Виктор гордился бы мной».

Эта мысль расстроила его. В тюрьме он старался не думать о родных и друзьях из прежней жизни, но со времени бегства уйти от этих мыслей было все труднее.

«Я мог бы просто вернуться. Объясниться. Отец мог бы призвать к ответу Бонвилана».

Да. И всю жизнь терзаться из-за причиненных Конору страданий. То же относится и к матери. Нет уж, лучше просто заколотить дверь в прошлое и начать новую жизнь.

Конор быстро падал. Из того, что прежде воспринималось как сплошное черное пространство, начали проступать скалы и небольшие холмы. На всем пути вниз Конор сражался с планером, проклиная свое непослушное судно, не позволяя ему взять верх.

Когда он оказался в укрытии стены, турбулентность исчезла, планер стал послушным, милым и грациозно, словно лебедь, вскинул «шею». Ступни Конора врезались в мягкую землю, и он пропахал ногами двойную борозду, прежде чем с помощью специальной, притороченной к поясу рукоятки смог сложить за спиной крылья и наконец остановиться.

Не было времени ликовать по поводу приземления или поздравлять себя с тем, насколько эффективны складные крылья. Впрочем, в тот момент складными их можно было назвать лишь условно: для того чтобы они полностью отвечали своему названию, придется еще заменить две распорки.

«За дело, за дело».

Алмазы были зарыты в землю в полуметре от северного угла каждого участка со сведой. Семь участков, семь мешочков с алмазами. Ближайший участок начинался почти у ног Конора. Если он поторопится и его не обнаружат, то сегодня ночью, наверное, успеет найти три мешочка.

Конор вытащил из-за пояса саблю и начал тыкать ею почву в поисках алмазов, но тут с земли поднялась темная, плохо различимая фигура.

«Ловушка. Я в ловушке».

Однако он ошибся. Дрожащая фигура заговорила:

— Кто вы? Что вам нужно от Артура Биллтоу?

Конора охватила такая ярость, что он почти физически ощутил ее. Голова запылала, рукоятка сабли затрещала в сжатом кулаке.

— Биллтоу! — прорычал он и ринулся вперед. — Артур Биллтоу!

Взволнованный его движением воздух подхватил крылья и вскинул их. Конора на мгновение подбросило в воздух, но если Биллтоу подумал, что это попытка к бегству, то он ошибался. Конор приземлился прямо перед охваченным ужасом охранником и стальной хваткой вцепился ему в горло.

«Как роли поменялись! Кто сейчас хозяин? И всего в двадцати метрах от того места, где ты запугивал и унижал меня».

— Биллтоу, — повторил он и приставил саблю плоской стороной к горлу Биллтоу.

— В-в-вы ангел или дьявол, сэр? — запинаясь, спросил охранник. — Вы к-к-к-уда потащите меня, вверх или вниз?

Конор обдумал вариант убить его. Искушение было очень велико. Вероятнее всего, мерзавец прикончил Линуса Винтера. Не в силах сопротивляться порыву, Конор сделал неболь-

шой надрез на горле охранника. Но не смог довести дело до конца.

«Ты пока еще не убийца», — сказал бы Линус.

«Держись своего плана. Ты французский шпион».

— Я могу быть и ангелом, и дьяволом, monsieur. Но в вашем случае я всегда буду дьяволом.

— Вы убьете меня? — почти взвизгнул Биллтоу.

— Нет, monsieur, не сейчас, — с оттенком сожаления ответил Конор. — Однако вы так шумите, что...

Он резко стукнул Биллтоу в висок рукояткой сабли, не без удовольствия услышав смачный звук удара. Забавно, что сейчас, распростершись на траве, охранник не казался таким уж опасным. Без своего пистолета и власти за спиной он просто трус.

«Займись алмазами. Найди хотя бы один мешочек».

План Конора вырыть три мешочка явно провалился. Биллтоу в любой момент мог очнуться, и в этом случае не исключено, что Конор поддается манящему искушению раскроить ему череп. А вот связать этого человека и заткнуть ему рот он не мог, поскольку не имел ни

веревки, ни материи для кляпа. Надо будет в следующий раз восполнить это упущение — если он переживет эту «прогулку».

Конор снова принялся выворачивать саблей комья земли. Медыкнула мысль — а может, Маларки солгал и спрятал их добычу в другом месте? Нет, это казалось маловероятным. Невзирая на зловещее начало, Отто Маларки стал ему другом, а «Убойные бараны» умеют хранить верность. Они лучше взойдут на ступеньки виселицы, чем предадут человека, помеченного их знаком. Вера Конора оказалась вознаграждена. Вскоре сабля чиркнула по алмазам. Отложив ее и порывшись в земле затянутыми в перчатки пальцами, он вытащил мешочек с алмазами.

«Один нашел. Осталось шесть».

Очень хотелось поискать второй. С двумя мешочками за поясом он смог бы отплыть в Америку хоть завтра.

«Уходи. Будь благоразумен. Биллтоу может очнуться в любой момент».

Еще один. Всего один. Конор перебежал ко второму участку сведы, все время представляя, как Биллтоу приходит в сознание.

«Может, все же убить его?»

Нет. Мертвый охранник вызовет подозрения. Будет расследование. С другой стороны,

заявление Биллтоу, что он разговаривал с летающим французом, будет выглядеть как пьяная болтовня.

«Слишком поздно. Ищи второй мешочек».

Следующая грядка располагалась дальше вдоль изгиба стены. Конор бежал близко к ее основанию, стараясь избегать воздушных потоков с холмов острова и соленого тумана, от которого могли намокнуть и отяжелеть крылья.

«Нужно сделать так, чтобы крылья полностью складывались,— сказал он себе.— Они ловят каждое движение воздуха».

Второй мешочек оказалось так же легко найти, как первый. Отто Маларки в точности следовал инструкциям. Вытаскивая мешочек, Конор вытянул следом комья земли и гальку. Весил мешочек, как небольшой кролик.

«Вот теперь точно хватит».

Пора было улетать. Поиски третьего мешочка могли обернуться бедой. Внезапно Конор вспомнил ночь в своей камере, и по спине пробежала дрожь. Нужно убраться отсюда.

Охранники наверняка по-прежнему топтались у северной башни, покуривая трубки; значит, следует убегать со стороны южной. Конор вернулся к стене и, пригнувшись, пошел вдоль

нее, пока не обнаружил нужник, выдолбленный в основании стены. От него тянулась к океану сточная канава. Обычно нужники располагались рядом с лестничным колодцем, чтобы охранник как можно быстрее мог вернуться на свой пост.

Как он и надеялся, лестничный колодец находился всего в трех шагах; ступени вели прямо на главную стену. Конор начал подниматься, пригибаясь как можно ниже и придерживая за спиной крылья, чтобы их не задевали порывы ветра. Они тем не менее рвались открыться и поднять его в воздух, так что приходилось напряженно упираться ногами.

«Не сейчас. Чуть-чуть повыше».

На стене не обнаружилось никаких признаков дозорного; самого Конора, однако, едва он вынырнул из лестничного колодца, разглядеть не стоило ни малейшего труда. Все происходило в точности, как он планировал, — если не считать Биллтоу. Как, ради всего святого, этот человек тут оказался? Спит он, что ли, на свежем воздухе? Конор лег на верхние ступени и окинул взглядом изгиб стены.

Истертый на протяжении столетий подошвами бесчисленных стражей, булыжник казался в свете электрических фонарей оранже-

вым. В зубчатом парапете был прорезан ряд горизонтальных бойниц. Ветер свистел и завывал в них.

«Ветер с берега. Все еще сильный».

Это было бы просто чудом, если бы ветер изменился и дул теперь в направлении материка. Рассчитывать на такое развитие событий попросту глупо. Если леди Удача тебе улыбается, нужно, конечно, воспользоваться этим; но рассчитывать на нее не стоит. Значит, сейчас он должен лететь не в Килмор, а на Большой Соленый — туда, куда дует ветер. Конор подобрал под себя ноги и опустил ремни пониже, одной рукой сжимая рычаг подъема крыльев, а другой — рулежную планку.

«Снова в воздух».

Он встал и побежал поперек стены. Сапоги неестественно громко стучали по булыжнику. Наверняка эти звуки долетят до караульных.

«Сосредоточься на том, что делаешь. Малейший промах может оказаться смертельным».

Любопытно, но временами в голове Конора звучал голос Виктора Вигни.

«У меня есть ангел-хранитель, и он француз».

Это заставило его улыбнуться, и так, улыбаясь, несмотря на смертельную опасность,

Конор Финн взлетел на парашют и устремился в ночное небо.

«Я лечу домой».

Мост Себбер, Большой Соленый

Обычно Пайк работал на Малом Соленом в утреннюю смену, а дневные часы и выходные дни проводил на Большом, ухаживая за одной матерью и ремонтируя стену своего коттеджа, над которой трудился вот уже пятнадцать лет. Если он не смешивал известковый раствор для стены, то подрабатывал, продавая «Убойным баранам» информацию.

Пайк никогда не входил во внутренний круг банды, но тем не менее был полезным человеком, поскольку, несмотря на явную нехватку серого мозгового вещества, обладал прямо-таки сверхъестественным даром собирать информацию. Начальник тюрьмы, будучи политической фигурой, поощрял его в этом и даже давал дополнительные выходные, чтобы Пайк приносил ему в клюве все придворные сплетни, которые услышит, а «Убойные бараны» очень неплохо платили за любую таможенную информацию, которую ему удавалось вытянуть из своих работающих в доках товарищей. Два кошелька монет в неделю, и все довольны.

Кроме сбора информации Пайк выполнял для «баранов» еще и некоторые поручения, временами казавшиеся странными. Никакого насилия, конечно, что могло обернуться для него петлей на шее; к тому же он был ужасным трусом. Последняя работа такого рода была проще некуда, хотя и вызывала массу вопросов. До получения дальнейших указаний в любую ночь, когда с материка дует устойчивый ветер, он должен был отбуксировать ялик к мосту Себбера и оставить его там. Вот и все. Вытащить суденышко на глинистый берег ниже Форта-на-Мысу и уйти. Не зажигать никаких огней, не насвистывать и не распевать матросских песен, а иначе снайперы на Стене могут всадить ему пулю в затылок. Просто вытащить судно на берег и уйти. На следующий день ялик каким-то образом сам вернется в гавань Большого Солёного.

Простой заказ, однако Пайка не проведешь. Судя по двойной оплате, он чувствовал — это очень ценная информация и те, кто платят, знают, что за человек подберет ялик у моста Себбер в предрассветные часы. Не кто-то из честных граждан, это уж будьте уверены. Честные граждане входят в гавань и покидают ее без подобных уловок. Да, эта информация может ока-

заться очень полезной. Проблема в том, как продать ее, не влипнув в неприятности с «Убойными баранами». Ну, это он придумает, была бы информация на продажу.

И чтобы ее заполучить, Пайк решил уйти не сразу, а дожидаться, пока таинственный моряк отчалит. Тогда он поймет, что это за тип и как дорого стоит. Собственную шаланду Пайк спрятал в зарослях травы, залез повыше на скалы и приготовился ждать. Спустя часа два он начал жалеть, что прихватил так мало табака, и задумался, не набить ли трубку водорослями, как вдруг что-то со свистом пронеслось над головой. От неожиданности он выронил трубку.

«Если это летучая мышь, то очень крупная. Скорее низко летящая чайка или пустельга откуда-то с материка».

Возникло смутное ощущение, что создание очень большое.

«В такой птице много мяса. Жаль, что я не прихватил с собой рогатку. Даже чайка съедобна, если правильно ее приготовить».

Он выполз из расселины как раз в тот момент, когда какой-то человек с крыльями приземлился на мост Себбер, тормозя ногами по гальке.

«Летающий человек, — потрясенно подумал Пайк. — Человек, который может летать».

Он мгновенно оценил несомненную дороговизну того, что только что увидел. Вытащил из кармана блокнот и облизнул висящий на веревке огрызок карандаша.

«Хороший информант заранее не знает, когда придется что-то записать. Держи карандаш поближе к сердцу и не прогадаешь».

Сердце бешено колотилось в груди, руки дрожали. Пайк сделал набросок крылатого человека, уцепившегося за планшир ялика, чтобы ветер не унес его к луне. Он нарисовал указывающие на крылья стрелки и нацарапал над ними: «крылья», как будто сам факт написания этого слова делал более правдоподобной увиденную им картину. Он зафиксировал момент, когда летчик потянул за рычаг и крылья сложились у него за спиной. Пайк набросал чертеж сложной системы ремней, опутывающих небесного всадника от плеч до колен и в полете поддерживающих его в подвешенном состоянии. Он видел, как человек выскользнул из этой упряжи, словно леди из корсажа, и, вытянув из крыльев несколько подпорок, сложил свое хитроумное приспособление аккуратнее, чем одеяло для пикника.

«Может, нужно просто отобрать у него эти крылья,— подумал Пайк.— Человек не выглядит таким уж крупным. Я могу всадить ему под

ребра нож и отнести крылья начальнику тюрьмы. Может, так будет разумнее всего».

Но потом он заметил свисающую с пояса человека саблю и револьвер на бедре. Существовала также возможность, что эти летчики обладают странной, таинственной силой, вроде дурного глаза или смертоносных чар.

«Пусть все пока останется только на картинке,— решил Пайк.— В следующий раз я подготовлюсь лучше, а он расслабится. Топор с короткой рукояткой сделает свое дело».

Летчик аккуратно засунул снаряжение под кормовое сиденье и, упираясь ногами в глинистый берег, принялся толкать ялик. Суденышко с легким всплеском, напоминающим звук ударяющей в берег волны, соскользнуло в темную воду.

«Он ушел,— подумал Пайк.— Я в безопасности».

Возможно, он незаметно для себя высказал эти мысли вслух, поскольку летчик внезапно замер и обратил защищенные очками глаза в сторону скал, наклонив голову, словно озадаченный олень, и скользя взглядом по верхнему уровню скал. Круглые стекла его очков отсвечивали оранжевым.

«У него глаза горят,— подумал Пайк.— Он видит в темноте».

Потом странный летающий человек повернулся и прыгнул в ялик, который тут же закачался, расплескивая волны. В считанные мгновения раскрылся темный парус, судно свернуло вправо и стало удаляться от острова.

Пайк облегченно вздохнул.

«Возможно, топора с короткой рукояткой будет недостаточно, — решил он. — Нужно что-нибудь с длинной рукояткой».

ГЛАВА 13

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Килмор

Конор сделал широкий поворот, стараясь, насколько возможно, использовать дующий с берега ветер, прежде чем опустить парус и на веслах пойти в Килмор. Облака сгустились, и по обшивке застучали редкие капли дождя. Вода с приливом поднялась высоко, ветер дул в спину.

Конор предполагал, что почувствует воодушевление; он так долго стремился к этому. Алмазы были у него в поясе, впереди ждала свобода. Зеб Маларки прислал ему новые документы, и теперь он мог купить Отто свободу, а себе билет в Нью-Йорк. И начать жизнь заново.

Да, он чувствовал некоторое удовлетворение, но мрачное и как бы приглушенное. Теперь, когда он больше не был в тюрьме, воспоминания о прошлой жизни снова вышли на передний план.

Он задавался вопросом, будет ли еще когда-нибудь испытывать искреннюю радость, не имея возможности поделиться своими достижениями с теми, кого любил. Он позволил себе немного помечтать. Вообразил, будто приземляется на планере не на Малом Солёном, а на континентальном побережье Карраклоу, протянувшемся на несколько километров. Именно здесь Виктор собирался проводить испытания их аэропланов.

Там, конечно, будут толпы народа, и журналисты со всего мира, и целые стаи скептиков-ученых. Однако все они нимало не волнуют Конора; он ищет взглядом родителей. Охваченные волнением и гордостью, они обнимают друг друга. Едва Конор приземляется, отец первым бросается к нему. Может, и Изабелла там будет.

Его сердце упало.

«Изабелла. Она считает, что я участвовал в убийстве ее отца. Как могла она поверить в это?»

Нет, он не планирует над золотистыми песками Карраклоу; он один в лодке, и никто не испытывает гордости за него, не радуется вместе с ним. Полет не был для Конора самоцелью; просто лишь так он мог украсть алмазы.

«Я пролетел больше, чем любой другой человек. Я летел над водой ночью. Никто не расскажет об этом, кроме звезд. Единственный человек, который знает, — жестокий тюремный надзиратель. Болван, считающий меня дьяволом. А на самом деле я первый в мире летающий вор».

Конор покачал головой, отгоняя беспокойные мысли, и приналег на весла. Он греб умело, как учил его отец. Наклониться вперед, окунуть лопасти, но не слишком глубоко. Потянуть весла на себя. Выработать определенный ритм, позволить этому ритму успокоить тебя. Человек может испытывать состояние мира и покоя, даже находясь в море в маленькой лодке, хотя лишь деревянная доска отделяет его от холодного, неумолимого океана.

«Может ли вор испытывать состояние мира и покоя? Временное, наверное».

Конор привязал ялик на причале, сунул очки и шлем в карман, спрятал сложенный планер под куртку, передвинул его на спину и по лестнице поднялся на пирс. Алмазы позвякивали, словно кусочки мрамора, когда он шел по причалу. Он приветствовал двух мальчиков, латающих порванную сеть, и кинул им два шиллинга.

«Один за перегонку ялика, другой для них самих».

Такое часто случалось с посетителями Соленых островов — засиживаться за пивом и пропускать последний паром. Так часто, что не вызывало никаких подозрений. На пристани всегда болтались парни, готовые вернуть нанятую лодку; за плату, естественно.

«Еще несколько ночей эти парни могут мне понадобиться,— подумал Конор.— А потом я навсегда уеду отсюда».

Однако эта мысль больше не несла в себе эмоциональной притягательности. По мере того как мысли о родных набирали силу, мечта об Америке тускнела. Тем не менее он будет держаться своего плана, поскольку оставаться здесь, так близко к дому, что можно разглядеть свет ламп на кухне, просто невыносимо.

«Теперь я Конор Финн. У меня нет родных».

В Килморе, с учетом позднего времени, в целом было спокойно, хотя и доносился гвалт из «Деревянного дома», местного паба, основу которого составляла рубка затонувшего греческого корабля.

Конора охватило искушение зайти туда, посидеть, поесть тушеного мяса, однако груз на спине и в поясе был слишком ценен, чтобы

класть его под стол в таверне. Поэтому он пересек городок и продолжил путь, поднимаясь по склону холма.

Его новый дом располагался в двух километрах от городка, чуть в стороне от старой прибрежной дороги. Конор перебрался через ограждение и по тропинке вдоль края обрыва дошел до ворот времен позднего Средневековья. На массивных опорных столбах восседали орлы.

«Орлы,— подумал Конор.— Маленькая шутка Виктора».

Изящные железные ворота производили внушительное впечатление и отпугивали воров, хотя на протяжении нескольких лет стену с обеих сторон от них растаскивали местные жители, используя для своих домов. Тесаный камень достаточно дорог, чтобы позволять ему валяться в бесхозном состоянии.

Конор перешагнул через разрушенную стену и пошел по аллее, тянущейся сквозь ивовую рощу. Заслоненная, как экраном, деревьями, стояла башня Мартелло — низкий, широкий каменный цилиндр с непомерно толстыми стенами, построенный британскими военными, чтобы наблюдать за Солеными островами.

Единственная дверь находилась на высоте двух с половиной метров от основания башни,

так что проникнуть внутрь можно было лишь с помощью лестницы, а окна размером с почтовую открытку представляли собой бойницы, сквозь которые находящиеся внутри солдаты могли расстрелять любого бедолагу, чьи действия показались бы им агрессивными.

Конор вытащил из травы у основания башни лестницу, приставил ее к стене и начал медленно, осторожно подниматься.

«Жаль было бы уцелеть в ночных полетах над проливом Святого Георга для того, чтобы сломать шею, упав с лестницы».

Дверь, сделанная из сухого, растрескавшегося дерева, скрепленного стальными полосами на заклепках, выглядела тонкой и непрочной, однако в этой башне многое производило обманчивое впечатление. Конор потратил немало времени, изучая ее особенности, главным образом скрытые внутри. Не стоит афишировать нововведения. С деревянной дверью была скреплена стальная, вставленная в утолщенную раму. Конор повернул в замке ключ и вошел внутрь.

Он облегченно вздохнул, заперев за собой дверь.

«Дома. Живой».

Внутри все было гораздо лучше, чем казалось снаружи. На первом этаже располагалась

полностью оборудованная лаборатория для изучения аэронавтики, с самым что ни на есть современным оборудованием, какое найдешь не во всяком королевском колледже. По стенам висели чертежи и диаграммы да Винчи, Кэйли и маркиза де Бакевиля*. С балок потолка свисали самые разные по размерам и уровню исполнения модели планеров. Вдоль стен были аккуратно сложены колесные шины, камеры, крылья, двигатели, бочки с горючим, деревянные брусья и планки, каркасы, рулоны ткани, свернутые тросы; шарикоподшипники, магниты, заклепки и шурупы были разложены по деревянным ящикам, стоящим на длинных полках. На специальной платформе в гнездах поблескивали ружья, револьверы, мечи, две пушки мелкого калибра и целая пирамида пушечных ядер.

«Виктор был готов к сражению. Он знал, что Бонвилан хочет его убить».

Корсиканская башня на мысе Мортелла когда-то на протяжении почти двух дней выдерживала бомбардировку двух британских

* В исторических хрониках Франции описывается первая попытка «скольжения» по воздуху на крыльях — полет некоего маркиза де Бакевиля через р. Сёну в Париже в 1742 г.

военных кораблей, потеряв всего трех человек. Британцы практически скопировали ее и слегка переиначили название, изменив Мортелла на Мартелло. Если бы Бонвилан захотел получить доступ в лабораторию Щетки, ему пришлось бы дорого заплатить за это.

Конор без особого труда нашел башню, о которой Виктор говорил ему в последние мгновения жизни. В окрестностях Килмора находились две башни Мартелло, и одна на протяжении последних пятидесяти лет была занята. Вторая носила мрачное название Унылой. Первоначально она называлась просто Дозорной, но солдаты расквартированного там гарнизона Соленых островов вскоре переименовали ее, отталкиваясь от названия мыса, на котором она стояла. Это название больше гармонировало с неослабными ветрами, мерзкой погодой и унылой погодой окружающей местности. Так появилась Унылая башня, ставшая печально известной благодаря народному певцу Тэму Риордану и его «Жалобной песне Унылой башни», которая начиналась так: «И вот сижу я в Унылой башне за свои грехи». Вторая строка звучала не веселее: «И когда настанет прилив, я брошусь в...»

Поговаривали, что башню населяют призраки тридцати семи солдат, сгоревших в ней

заживо, когда в арсенале возник пожар. Неудивительно, что она оказалась заброшена, до тех пор пока Виктор Вигни не решил, что она может стать идеальной мастерской, и убедил короля Николаса финансировать проект. Француз купил башню на свое имя — чтобы завуалировать сопричастность Николаса — и доставил морем из Лондона, Нью-Йорка и даже Китая множество самых разных товаров.

С помощью лебедки их подняли на крышу, а потом по лестнице снесли на лабораторный этаж, и здесь они пролежали два года. Вечно пьяные местные сторожа носа сюда не совали, и так продолжалось до тех пор, пока не появился Конор и не нашел ключ, дожидаящийся его в когтях водруженного на каменный столб орла.

Призраки Конора не волновали; он даже был благодарен этой легенде, поскольку она отпугивала суеверных местных жителей. Время от времени какой-нибудь парень приводил свою девушку к башне, чтобы прикоснуться к холодным, влажным камням и с визгом убежать прочь, но, помимо подобного рода пустяков, Конора никто не беспокоил.

В городке он вел себя вежливо, но его манеры не располагали к дружбе. Он покупал припасы, расплачивался и уходил. Местные не зна-

ли что и думать о бледном светловолосом молодом человеке, живущем в Унылой башне.

— Он выглядит, как боец,— говорили некоторые.— Всегда готов выхватить саблю.

— Симпатичный, но агрессивный,— заключили женщины.

Одна девушка не согласилась с ними.

— Нет, не агрессивный,— сказала она.— Загнанный.

Хозяин гостиницы рассмеялся.

— Ну, если мистер Симпатичный-но-Агрессивный еще и Загнанный, то он там, где надо.

Жилые помещения Конора находились под лабораторией, ниже уровня земли, но он проводил там мало времени, поскольку их мрачная обособленность напоминала ему камеру на Малом Соленом. Виктор роскошно оборудовал их: прекрасная кровать с пологом на четырех столбиках, бюро, шезлонг. Здесь имелся даже туалет, сбрасывающий нечистоты в океан. Однако когда свет выключался и стены содрогались от каждого удара волн, Конор снова переносился на Малый Соленый. Каждое утро он просыпался от выстрела тюремной пушки, а однажды ночью выяснилось, что он почти бессознательно выцарапывает на стене острым

камнем какие-то расчеты. Достаточно трудно жить так близко к дому, решил он; не хватало еще воссоздать здесь обстановку тюремной камеры.

Поэтому он спал на крыше или, точнее, на том, что когда-то было крышей, а теперь превратилось в дополнительный этаж, так сказать, *pièce de résistance** Виктора. Башни Мартелло строились с абсолютно плоскими крышами, способными выдержать вес двух пушек и обслуживающих их военных. Виктор использовал эту протяженную, плоскую поверхность как основание для мощной аэродинамической трубы, в которой были установлены четыре вентилятора на паровой тяге. Прежде они с Конором изучали эффект воздействия ветра на поверхность крыла с помощью вращаемого рукой устройства, но теперь подъемную силу, сопротивление движению и относительную скорость воздуха можно было точно измерить, используя самую мощную аэродинамическую трубу в мире. Она имела несложное устройство, но работала эффективно. Шести метров в длину и сечением в два квадратных метра, она представляла собой мощную паронагнетательную систему, способную создавать поток воздуха,

* Основное блюдо (*фр.*); здесь в переносном смысле.

движущийся со скоростью сто километров в час.

Пользуясь этой трубой, Конор понял, что многие его тюремные замыслы полны изъянов, а многие другие, наоборот, имели серьезные перспективы. Четыре планера прошли стадию модели, прежде чем он рискнул отправиться в полет, и Конор был убежден, что его снабженный двигателем аэроплан со временем тоже полетит.

Аэродинамическая труба оказалась полезна и еще в одном отношении — Конор прибегал к ее помощи для взлета с крыши башни. Он подпрыгивал, расправлял крылья и нырял наискосок в воздушный поток, который выстреливал им в небо, словно из пушки.

«Ты рискуешь,— несомненно, сказал бы ему Виктор.— Перепрыгиваешь через некоторые стадии научного процесса. Твои записи обрывочны, нечетки и часто трудночитаемы. Что ты за ученый в таком случае?»

«Я больше не ученый,— ответил бы ему Конор.— Я летающий вор».

В то утро он сидел на крыше, прислонившись спиной к обшивке аэродинамической трубы, завернувшись в шерстяное одеяло и поглощая

мясные консервы. Восходящее солнце заливало золотистым светом далекие Соленые острова, и они выглядели, словно какое-то волшебное место. Мистические острова.

Он думал о родителях и об Изабелле; потом, бросив в порыве раздражения вилку на каменную крышу, сбежал вниз по лестнице.

«Буду спать внизу. Пусть все напоминает камеру. Мне не хватает целеустремленности».

Два дня спустя Конор закончил ремонтировать обшивку аэродинамической трубы и отправился в Килмор. Воображение рисовало ему горячую еду и голоса людей, пусть даже они обращались не к нему. Это стало чем-то вроде шока — осознать, что со времени бегства из тюрьмы его одиночество лишь усугубилось. Ему настоятельно требовалось человеческое общество, хотя бы ради того, чтобы не сойти с ума.

В Килморе был рыночный день, и на набережной выстроились в ряд прилавки, около каждого из них болтались нищие. Всюду царило волнение по поводу огромного парового локомотива, выкрашенного зеленым и красным, который громыхал на металлических колесах вдоль берега, выпуская огромные клубы едкого дыма. Поездка на нем стоила пенни.

Конор бросил беглый взгляд на локомотив, но быстро понял, что ничего нового в нем нет. Локомотиву было лет двадцать, типичный ярмарочный «рабочий конь», а не научное чудо, как провозглашал его владелец.

Он зашел в «Деревянный дом», сел за угловой столик и сделал заказ. Живая жизнь кипела вокруг. Он видел ее, слышал ее, обонял ее. Звон посуды на столиках, скрип шатких кресел. Солнечные лучи, в которых плавают клубы дыма.

И тем не менее между ним и окружающим миром сохранялось огромное расстояние. По отношению к людям в целом он испытывал лишь острое раздражение. Все выводило его из себя — то, как они громко жуют, как хлещут портер, каким тяжелым, надсадным становится их пьяное дыхание. Он не спускал им ничего.

«Я забыл, что значит быть человеком. Я зверь».

Потом настроение у него несколько улучшилось — он услышал музыку, которая вливалась в окна таверны, звуки скрипки, разворачивающиеся, словно прекрасный ковер, плывущие над головами, пронизывающие спертый, задымленный воздух.

Казалось, музыка разгоняет сгустившийся вокруг сердца плотный туман.

«Мне знакома эта музыка,— подумал Конор.— Я уже слышал ее. Но где?»

Принесли заказ — густой мясной суп с плавающей в нем зеленью.

— Обычно я прогоняю нищих, юноша,— заметил хозяин.— Но этот слепой так играет, что я вспоминаю детство в конюшнях. Чудесные были годы.— Он утер слезу татуированными костяшками пальцев.— Это от лука в супе,— всхлипнул он и удалился.

Конор налег на суп, наслаждаясь его вкусом и одновременно радуясь странно знакомой музыке.

«Брошу шиллинг музыканту, когда буду уходить,— решил он.— Что это за мелодия?»

Чем дольше Конор слушал, тем большее недоумение охватывало его, а потом вдруг все прояснилось.

«Я слышал эту музыку, я даже читал ее».

«Этот слепой»,— сказал хозяин.

Конор уронил полную ложку, не донеся ее до рта, вскочил с кресла и начал протискиваться сквозь густую толпу ярмарочного дня. После дымной полутьмы таверны внезапно хлынувший снаружи солнечный свет ослепил его.

«Следуй за музыкой».

Он бежал за ней, словно крыса, замороженная дудочкой Гаммельнского крысолова*. Сбоку от входа в «Деревянный дом» собралась небольшая толпа; люди слегка покачивались в такт мягкому адажио. Высокая, одетая в черное фигура в центре круга вытягивала из скрипки звуки, убаюкивающие слушателей.

Конор резко остановился, совершенно сбитый с толку, не зная, смеяться или плакать; в итоге из горла вырвались звуки, в которых слилось и то и другое.

Этот музыкант, конечно, был Линус Винтер.

— Значит, Биллтоу не солгал. Вас действительно освободили?

Они сидели за столиком Конора в таверне, с удовольствием попивая портер. Неуклюжие ноги Линуса Винтера были слишком длинны для здешней мебели, ему пришлось вытянуть их под столом, и они торчали с другой стороны.

— Да, освободили, — ответил он, вертя в руках трубку и кiset с табаком. — Хотя я был со-

* По преданию, в 1284 г. бродячий музыкант избавил немецкий город Гаммельн от наводнивших его крыс, выманив их звуками флейты и утопив в реке. Не получив за работу условленной платы, крысолов увел из города всех детей.

вершенно уверен, что меня освобождают в том смысле, как я тебе говорил. Николас перед смертью подписал приказ о моем освобождении, и понадобилось несколько дней, чтобы он дошел. И поскольку маршал Бонвилан не высказался определенно о запрете на его исполнение, меня отпустили. Свободен как птица.— Он чиркнул спичкой по поверхности стола и поднес пламя к трубке.— Сомневаюсь, что тебе удалось выскользнуть оттуда с такой же легкостью.

— Да уж.

Винтер улыбнулся, выпуская дым сквозь зубы.

— Я играл в Дублине, в одной симпатичной пивной. И там до меня начали доходить слухи о каком-то булочнике, улетевшем к Луне на воздушном шаре.

— Это был мясник, и, поверьте, до Луны он так и не добрался.

— Тогда я вспомнил, что Виктор только и говорил, что о воздушных шарах, а юный Конор был его учеником. Совпадение? Вряд ли. Ну, я и стал раз в неделю или около того ездить поездом в Уэксфорд в надежде, что ты объявишься. И уже начал думать, что ты не уцелел.

— Почти так и вышло. Это чудо, что сегодня я здесь.

Линус похлопал по своей скрипке.

— Помнишь «Возвращение солдата»?

— Как я мог забыть? У меня целые куски впечатаны в память.

— А, ты нашел мои ноты.

— Я использовал это место для собственных чертежей. Вы понимали, что коралл светится?

Линус прикоснулся к виску.

— Нет, конечно. Я же слеп. Чертовски некомпетентен в области светящихся кораллов и всего такого прочего. Это просто успокаивало и помогало запомнить — пробегать пальцами по нотам. Существовала также опасность, что там я и умру и моя музыка будет утрачена навсегда.

— Ну, Линус, ваши ноты просто сияли. Это было нечто.

— Мои ноты всегда сияют, мальчик. Жаль, что никто в мире не осознает этого. — Винтер глубоко затаился. — Теперь к делу; у тебя есть план? Или хочешь выслушать мой?

— План чего?

Лицо Винтера выразило недоумение.

— Ну, уничтожить Бонвилана, естественно. Он украл у нас все и продолжает губить людей. На нас лежит определенная ответственность.

— Я ответствен только перед самим собой, — резко ответил Конор. — Мой план — забрать все спрятанные на Малом Соленом алмазы и начать новую жизнь в Америке.

Винтер выпрямился.

— Черт возьми, парень! Бонвилан убил твоего короля. Он убил нашего друга, бесподобного Виктора Вигни. Он вырвал тебя из семьи, отнял у тебя возлюбленную. И твой ответ на это — сбежать?

Лицо Конора окаменело.

— Я знаю, что произошло, мистер Винтер. Но сейчас я знаю кое-что и о реальном мире. И могу надеяться лишь на то, чтобы покинуть этот континент живым, хотя даже это маловероятно. Но нападать на королевство в одиночку? Это безумие.

— Ты не одинок.

— Уж конечно, юноша и слепой мужчина вместе могут напасть на Бонвилана! Это не оперетта, Линус. Добрые люди получают пулю в лоб и умирают. Я видел, как это происходит.

Конор повысил голос и начал привлекать к себе внимание. Бонвилан был не тот человек, чье имя упоминалось в разговорах даже на материке. Поговаривали, что у маршала есть плат-

ные осведомители во всех странах — от Ирландии до Китая.

— Мне тоже приходилось видеть подобное,— сказал Винтер так, будто просил Конора говорить тише.— Но позже я уже ничего не видел, только воображал, как это происходит, что было гораздо хуже.

В тюрьме Конор много раз представлял себе смерть, и не только свою собственную. Представлял, что Бонвилан сделает с его родными, если они узнают правду об убийстве Николаса.

— Если я вступлю в борьбу, он убьет моих родителей. Он сделает это не моргнув глазом, а потом уснет сном праведника.

— Думаешь, отец поблагодарит тебя за то, что ты превратил его в марионетку маршала?

— Отец думает, что я принимал участие в убийстве короля. Он обвинил меня в этом.

— Еще одна причина, чтобы рассказать ему правду.

— Нет. Я с этим покончил. Я люблю отца и одновременно ненавижу его. Остается одно — уехать.

— А мать? — настаивал Линус Винтер.— И королева?

Конор почувствовал, что его хорошее настроение улетучивается.

— Линус, пожалуйста. Давайте просто радоваться нашей встрече. Знаю, мы провели в одной камере всего несколько дней, но я воспринимаю вас как единственного друга на свете. Это так приятно — иметь друга. Поэтому давайте пока оставим эту тему.

— Ты не хочешь восстановить свое честное имя, Конор? — упорствовал Линус. — Как ты можешь допускать, чтобы твой отец жил с мыслью, будто ты убил его короля?

Конор понимал: эта мысль разъедает Деклана Брокхарта изнутри, но не видел никакого решения.

— Конечно, мне хотелось бы доказать, что я невиновен. Конечно, мне хотелось бы разоблачить Бонвилана. Но как сделать все это, не подвергая опасности родных?

— Можно найти способ. Одна голова хорошо, а две лучше.

— Я подумаю об этом, — ответил Конор. — Это все, что я могу обещать в данный момент.

Линус в знак капитуляции вскинул ладони.

— Согласен. — Он повернулся к окну, чувствуя на лице солнечное тепло. — Как по-твоему, сколько сейчас времени, Конор? Отсюда я не могу судить о положении солнца. Мне надо успеть в Уэксфорд к поезду.

— Забудьте о поезде, Линус Винтер,— вы пойдете ко мне домой.

Винтер встал, зацепив шляпой потолочную балку.

— Я рассчитывал, что ты скажешь это. Надеюсь, постели удобные? Знаешь ли, когда-то я останавливался в «Савое»... впрочем, я, кажется, рассказывал тебе?

Конор взял его за локоть и повел к двери.

— Да, рассказывали. Вы все еще мечтаете о туалете?

— Мечтаю.— Линус вздохнул.— В этом доме у нас будет возможность уединиться? Чтобы вынашивать планы, требуется уединение.

— Полное уединение, какое только может быть на свете. Вы, и я, и небольшая компания солдат.

— Солдат?

— Ну, их призраков.

Линус подергал струны скрипки, имитируя музыкальную тему тревоги ожидания.

— Призраки, надо же,— протянул он.— Похоже, мистер Финн, нам снова предстоит разделить в высшей степени необычное жилье.

ГЛАВА 14

ОДНА ГОЛОВА ХОРОШО, А ДВЕ ЛУЧШЕ

Линус быстро освоился в новом жилище, и Конор был счастлив, что он рядом. Был счастлив, что есть с кем поделиться своими мыслями. Они вместе сидели на крыше; Конор латал каркас последней летающей машины, Линус работал над своими композициями.

— Здесь вступает лютия, мне кажется,— говорил Линус.— Как по-твоему, лютия не слишком пасторально? Не слишком вульгарно?

А Конор гнул свое:

— У меня две основные проблемы. Вес двигателя и эффективность пропеллера. Все остальное работает, в этом я убедился. Мне кажется... мне действительно кажется, что новый газолиновый двигатель, который я разрабатывал, сделает свое дело.

Линус кивал и говорил:

— Да, ты прав. Слишком вульгарно. В таком случае флейта-пикколо, мой мальчик.

Конор вел свою партию:

— Мой двигатель должен развивать по крайней мере десять лошадиных сил, и так, чтобы аэроплан не развалился на части. Нужно сделать корпус, который будет гасить вибрацию. Может, что-то вроде ивовой корзины.

— Значит, по-твоему, лютия? Ты прав, пикколо слишком легковесна и не вызывает должного уважения.

— Видите,— говорил Конор, обрабатывая зубилом последний вариант пропеллера,— не существует проблемы, которую мы не сможем решить, если сложим наши мозги. Череп к черепу, как говаривал Виктор.

Это были счастливые дни. Призрак маршала Бонвилана маячил над ними, прилетая с островов, но и юноша, и зрелый мужчина испытывали чувство товарищества, которого были лишены годами. Конечно, они часто расходились во мнениях. Особенного накала их спор достиг, когда Конор запустил паровые вентиляторы, готовясь ко второму полету. Линус Винтер поднялся по лестнице из спальни и закричал, перекрывая шум двигателя:

— Черт побери, мальчик! Зачем тебе двигатели в это время ночи?

Конор объяснил ему, и музыкант едва не лишился чувств.

— Ты собираешься броситься в этот водоворот и полететь в тюрьму? Почему бы тебе не записать эту идею и не прочесть написанное? Тогда, возможно, до тебя дойдет, насколько ты безумен.

Конор надел защитные очки.

— Я должен сделать это, Линус. Остров в долгу у меня. Еще пять мешочков, и я уеду... мы уедем в Америку.

— Ты хочешь лететь, потому что тобой движет жадность? Ради науки — еще куда ни шло; Ник и Виктор посвятили ей свою жизнь.

— Это не просто жадность. Так будет правильно.

Линус издал короткий смешок.

— Правильно? Знаешь, что правильно для тебя? Спасти родителей и королеву от безумца, который обманул их.

Это заставило Конора замереть. Линус, конечно, был прав. Тем, кого любил Конор, угрожает опасность, а он не знал, как спасти их, не погубив. И, если быть честным перед самим собой, страшился увидеть в глазах отца выражение неподдельной ненависти.

— Я ничего не могу, — сказал он. — Ничего, кроме как забрать свои алмазы.

Линус жестом проповедника вскинул руки.

— Все это ради алмазов? Это недостойно тебя.

Конор расправил крылья и бросился в воздушный поток.

— Все на свете недостойно меня,— ответил он, но его слова вместе с ним самим улетели в ночное небо.

Большой Солёный

Биллтоу и Пайк, как это у них было принято, проводили свободный вечер в таверне «Залив Фулмар», накачиваясь всякой дешевой бурдой. Пайк сделал огромный глоток и рыгнул так мощно, что задрожал стул, на котором он сидел.

— Доброе у них тут пойло,— прокомментировал он, причмокивая губами.— Я уже заказывал вино, пиво, бренди и еще что-то, отдающее карболовым мылом, если мне не изменяет память.

Память редко изменяла Пайку, когда речь заходила о дешевом пойле, поскольку обычно, даже с деньгами «Убойных баранов», он мог позволить себе лишь пиво, а уж никак не всю эту адскую смесь.

— Что скажете, мистер Биллтоу? Вам понравилось мыло? Течет в глотку легко, вот только не задерживается надолго, а?

Биллтоу был не в настроении для пьяной болтовни. Единственное, чего он хотел, — это упиться до полного забвения, однако сильно опасался, что едва это самое забвение наступит, тут-то и появится французский дьявол. С той ночи на Малом Соленом неделю назад Артур Биллтоу утратил свою обычную жизнерадостную жестокость. Он постоянно ощущал, как летающий дьявол нависает над ним, выжидая момент, чтобы вонзить свою саблю. Никуда не делась и проблема мертвого пленника маршала Бонвилана. Каждое мгновение, когда Биллтоу находился в сознании, он сражался с паникой, и от этих усилий его постоянно была дрожь.

— Я хочу спросить вас, мистер Биллтоу, — снова заговорил Пайк, — все ли с вами в порядке? Ваша рубашка с кружевными манжетами выглядит не ахти как, а ведь это ваша гордость и радость. Вы постоянно дрожите и бормочете что-то. Может, у вас чума или желтая лихорадка? Хотя я никогда не слышал об этих болезнях так далеко на севере.

Настроение Биллтоу омрачалось еще и пониманием того, что Пайк, этот лысый простофиля, был его единственным другом. Раньше ему казалось, что друзья вообще ни к чему. Ес-

ли ты обладаешь столькими мрачными секретами, как Артур Биллтоу, меньше всего тебе требуются друзья, которые будут их выпытывать. Однако нынче вечером он был на грани полного отчаяния и страстно желал услышать слова утешения, произносимые реальным человеком, а не воображаемым голосом его любимых тапочек, с которыми он то и дело разговаривал.

— Пайк, могу я задать тебе вопрос?

— Конечно, мистер Биллтоу. Только, если можно, без чисел или там адресов, потому что с ними у меня проблемы.

Биллтоу сделал глубокий, судорожный вдох.

— Ты веришь в дьявола?

— Начальник тюрьмы — чистый дьявол, если хотите знать мое мнение. В смысле, почему спрашивается, заключенные не могут есть друг друга? Одним ударом убили бы двух зайцев. И заключенные сыты, и нам не надо хоронить мертвых.

— Нет! — взорвался Биллтоу. — Не начальник тюрьмы, вообще не человек, а этот, с рогами... — Он повернулся к Пайку — с изможденным лицом, расширенными красными глазами; кружевные манжеты пиратской рубашки, казалось, бессильно повисли. — Я видел его,

Пайки. Я видел его. С крыльями и горящими глазами. На прошлой неделе он приземлился на острове. Он за мной приходил. Назвал меня по имени, Пайки. Назвал меня мон-север*.

Биллтоу спрятал лицо в ладони и затрясся от рыданий.

Пайк облизнул ладонь и пригладил единственную уцелевшую прядь волос. Он тоже видел дьявола; правда, это был не настоящий дьявол, а человек с пристегнутыми к спине крыльями. Пайк видел, как он снял и сложил их. Было неприятно смотреть, до чего Артура довел его дьявол, однако информация такого рода стоила денег, и получить их Пайк сможет лишь тогда, когда «бараны» пришлют к нему своего человека.

«Если уж на то пошло, никто лучше Артура Биллтоу не умеет извлекать реальные деньги из любой ситуации. И может, он станет лучше ко мне относиться, если я избавлю его от дьявола».

Пайк вытащил из кармана блокнот, открыл на набросках, сделанных у моста Себбер, и пододвинул к Биллтоу.

* Мон-север — искаженное *фр.* *monsieur* — меесье, господин; так Конон обращался к Биллтоу во время их встречи на острове.

— Я тоже видел его, мистер Биллтоу. Вашего дьявола.

Затуманенный взгляд Биллтоу наконец-то оторвался от дрожащих рук. Какое-то мгновение он не понимал, что видит, но потом узнал нарисованную Пайком фигуру. И если Пайк тоже видел этого дьявола, значит, Артур Биллтоу в своем уме. В его поросячьих глазках сверкнула обычная хитринка; рука метнулась и схватила блокнот.

— Это он, не сомневайтесь, мистер Биллтоу,— сказал Пайк.— Только он не дьявол, а человек вроде меня и вас, правда повыше и лучше сложен. Вы коренастый, приземистый, ну и я такой же. Это он, готов поспорить. Разве нет, мистер Биллтоу?

Биллтоу выпрямился, стряхивая с себя дурное настроение, словно пес воду со шкуры.

— Называй меня Артур, Пайки, друг мой.

Пайк улыбнулся, обнажив редкие зубы. Этот блеск в глазах-бусинках Биллтоу был ему хорошо знаком; точно такой же возникал перед тем, как тот должен был обыскивать пленника. Биллтоу всегда чуял запах гиней.

С берега дул постоянный, ровный ветер, и луна из-за завесы облаков сияла, словно серебряный шиллинг. Идеальный вечер для тай-

ного полета. Конор Финн почти испытывал чувство удовлетворения, летя в сторону моста Себбер. Теперь планер слушался его гораздо лучше, и удар о землю ощущался не сильнее, чем если бы он спрыгнул с низкой стены. К пропеллерам он пока не прибегал: и без них все шло гладко. Радовал также тот факт, что он уже выкопал три мешочка алмазов «Убойных баранов», а охранники на Малом Соленом по-прежнему ни о чем не догадывались. Правда, беспокоила мысль, что Биллтоу может выжрать пару бутылок для храбрости и отправиться искать дьявола со своими друзьями, однако пока никаких признаков Артура Биллтоу не наблюдалось.

«Я до смерти напугал эту крысу. Однако долго он в таком состоянии не останется. Еще один полет, и все семь мешочков будут у меня».

«Зачем непременно нужны все семь?»

Этот вопрос мог бы задать ему Линус, а сейчас задавал себе сам Конор.

«В качестве компенсации за мой плен. Вопрос чести».

Именно эта мысль поддерживала его в тюрьме. Он сделает то, чего не может Биллтоу, — вынесет алмазы с острова. Однако теперь этот план казался не таким уж безупречным. Зачем снова и снова подвергать себя опасности, ког-

да ему уже следует плыть на пароходе в Нью-Йорк? Правда, половина алмазов были обещаны Отто, но, даже полностью расплатившись с кланом Маларки, он все еще будет иметь достаточно алмазов, чтобы купить билет в Америку и начать там новую жизнь.

«Я не хочу уезжать,— понимал он.— Но должен».

Остаться здесь небезопасно и для него самого, и для его родных.

«Семь мешочков. А потом — Америка».

Ялик был вытащен высоко на глинистый берег; единственная тянущаяся от него цепочка следов уходила к заливу Фулмар. Зеб Маларки держал свое слово; и с какой стати ему нарушать его, когда половина алмазов поступает в его сундуки?

Конор сел на планшир судна и отстегнул ремни планера. Особых повреждений вроде нет, но завтра утром он проверит каждую секцию, каждую нервюру. Даже малейший разрыв в ткани крыла может привести к тому, что он упадет с неба, словно подстреленный голубь.

Один из мешочков с алмазами с клацаньем упал на землю. Конору этот звук показался громче выстрела. Он присел на корточки в те-

ни ялика, нашел мешочек и прижал его к груди, словно младенца, скользя взглядом по стене, но не увидел ничего, кроме мерцания огней.

«Будь осторожен, летчик. Одна ошибка — и ты снова окажешься на пароме, увозящем тебя на Малый Соленый».

Он сунул мешочки под кормовую скамью и осторожно положил сложенный планер на палубу. Потом произошло нечто заставившее его улыбнуться. Он встал и поднял руку, чтобы почувствовать движение воздуха.

«Ветер изменился. Я могу плыть прямо в Килмор».

Он стащил ялик к береговой линии.

«Спокойная вода и попутный ветер. Добрые предзнаменования».

Почувствовав, что вода поднимает ялик, Конор вспрыгнул на борт. Палуба содрогнулась под его весом. Одной рукой он развязывал парус, потряхивая его, чтобы отцепить от мачты, другой сжимал румпель, по широкой дуге огибая западный берег Малого Соленого.

«Через час буду дома,— подумал он.— Может, Линус что-нибудь сыграет. Музыка — бальзам для души».

Парус поймал ветер, и маленький ялик понесся по волнам.

«Хорошее судно. Быстро домчит».

Он плыл к своему новому дому, заставляя себя не оглядываться. Позади нет ничего, кроме страданий.

С высоты холма Артур Биллтоу следил за отплытием странного летчика. И хотя острые камни впивались ему в живот, он даже не шевельнулся, пока человек, бывший, по его убеждению, дьяволом, полностью не исчез за изгибом береговой линии Малого Соленого.

Пайку не хватало сосредоточенности, чтобы соблюдать такую осторожность, поэтому он облегчился и, сталкивая камни в прибой, начал спускаться к желобу, прорезанному в глинистой поверхности килем ялика. Вскоре Биллтоу присоединился к нему

— Не понимаю, почему это место называется мост Себбер,— пробормотал Пайк.— Это же не мост, правда? Просто каменная коса, нанесенная течением.

— Когда-то здесь был мост, тысячи лет назад,— заметно нервничая, ответил Биллтоу — А потом море смыло его. Он тянулся отсюда до Малого Соленого, а потом переходил в мост Патрика на материке.

— Этот летчик вроде как лишил тебя мужества, а, Артур? — сказал Пайк, меняя тему разговора.

— Он приставил меч к моему горлу. Отвратительный, огромный меч, не чета вашим фехтовальным бабским иголкам. Им он мог снести верхушку дуба.

— И все же он человек, Артур. Ты сам видел. Эти его крылья типа воздушного змея, вот и все.

— «Вот и все!» — взорвался Биллтоу. — Ты полный идиот! Не понимаешь, свидетелями чего мы только что были?

— Идиот? Ты назвал меня идиотом, Артур? — обиженно воскликнул Пайк. — Разве не я избавил тебя от дьявола? Теперь ты снова можешь спать спокойно. Идиот... Это, знаешь ли, немного чересчур.

— Ничего не чересчур! — Биллтоу уже позабыл свои страхи. — У этого человека есть летательное устройство. Ты хоть представляешь, сколько «Убойные бараны» заплатят за него? Попади оно им в руки, они смогут прямо с неба падать в любой порт, в какой пожелают, и плевать им на таможеню. Такое устройство может навсегда изменить контрабанду.

Пайк прочистил горло.

— Так уж получилось, что я знаком с несколькими джентльменами, возможно, связанными с «Убойными баранами». Возможно.

Биллтоу приложил ладонь ко рту Пайка, как будто вышеупомянутые джентльмены могли его слышать.

— Нет. Нет. Мы не будем связываться с «баранами», пока эти крылья не окажутся у нас под замком. Ты же знаешь, какие они вероломные. Заберут крылья себе, а нас скормят акулам. В этой сделке нам нужны все козыри на руках.

Пайк сбросил руку Биллтоу, от которой несло потом и чем-то еще более гадким. Было ясно — больше они не друзья. Самое обычное дело для Артура Биллтоу. Значит, Пайк снова всего лишь лакей, которого можно оскорблять.

— Как скажешь, Артур.

— Какой еще...

— Понимаю, понимаю, мистер Биллтоу.

Пайк повернулся к морю и бросил камень вдоль его поверхности.

«Типично для Артура Биллтоу. Я избавил его от дьявола, а он забыл об этом, чуть запахло деньгами. Я-то думал, что теперь так и будет: Пайки и Артур. Как же я ошибался!»

Бросание камней успокоило его; каждый раз, когда камень прыгал по воде, это напоминало детство. Он замахнулся для очередного броска, но Биллтоу внезапно схватил его за руку и вырвал из пальцев камень.

— Где ты его взял? — спросил он, и щеки у него заалели.

Пайк подумал, что, может, это один из тех вопросов, которые на самом деле не требуют ответа, и если он ответит, то будет выглядеть глупо.

— Это просто камень, Артур... мистер Биллтоу. И я просто подобрал его...

Биллтоу рухнул на колени и принялся скрести глину, пока не нашел еще штук шесть так заинтересовавших его камней. Он держал их в сложенной чашечкой ладони так бережно, словно бродяга, боящийся лишиться яйца на завтрак.

— Артур, ты что, заболел? Хочешь, я наберу тебе еще камней? А вон там, дальше, лежит славный кусочек дерева.

Биллтоу был слишком счастлив, чтобы злиться.

— Это не просто камни, Пайки. Это необработанные алмазы. Вот зачем наш летчик останавливается на Малом Соленом. Он занимается контрабандой алмазов.

Он встряхнул сложенные лодочкой руки, бряцая алмазами, словно колдун костями.

— Хочешь предсказать нам будущее? — пошутил Пайк.

Неприкрытая жадность во взгляде Биллтоу заставляла его нервничать.

— Мне известно будущее,— ответил Биллтоу.— Мы подберем несколько крепких парней, устроим засаду этому летчику, продадим его крылья и украдем его алмазы.

— А с ним что будет? Отпустим на свободу, надо полагать.

Биллтоу добродушно ткнул Пайка локтем в бок.

— Славный малый Пайки. Отпустим его на свободу, как же! Нет, мы убьем его, разрежем на мелкие кусочки и сожжем их. С точки зрения всего остального мира этого летчика никогда не существовало.

Пайк с трудом сглотнул. Все эти разговоры об убийствах заставляли его нервничать. Он решил никогда в жизни не изобретать ничего полезного, а не то Биллтоу может расправиться и с ним.

ГЛАВА 15

ДОМА

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Было на удивление тихо, когда Конор вплывал между скалами в пролив Соленых островов. Скалы бо́льшую часть времени покрывала вода, но иногда ее уровень опускался так низко, что их плоские вершины обнажались. Когда однажды вечером в пятилетнем возрасте Конор плыл с отцом на патрульном судне и впервые увидел эти искривленные, продолговатые образования, он посчитал, что это крокодилы, и не успокоился, пока Деклан не согласился сделать предупредительный выстрел. Без сомнения, грохот выстрела возымел эффект, и оба крокодила скрылись под водой.

Эта маленькая история стала одной из тех, которые рассказывают у камина, что и происходило всякий раз, когда кто-нибудь из друзей заходил к ним и усаживался у огня с бренди или лимонадом. Прежде она всегда застав-

ляла Конора сердито хмуриться, но сейчас он едва не расплакался.

«Это невыносимо. Они слишком близко».

Казалось, лицо матери витает перед ним, зовет его домой, и он не мог больше игнорировать этот призыв. Без сомнения, она страдает так же, как он, а может, и сильнее. Он должен узнать.

«Если бы я мог просто увидеть их. Еще раз посмотреть в их лица, прежде чем уехать. Удостовериться, что они живы».

Конор подтолкнул коленом румпель и подтянул парус для разворота на юго-запад. Он решил плыть домой.

С расстояния нескольких километров гавань Соленых островов показалась ему такой же, какой он помнил ее. Величественная диадема с острями, сияющими серебром. Когда же Конор оказался внутри, стало ясно, что за прошедшие несколько лет эта диадема в значительной степени утратила свой блеск. На гранит напозала морская тина, и док был беспорядочно забит стоящими на якоре судами, образующими спутанный клубок. Проект строительства новой внешней стены был заброшен, и наполовину построенное сооружение спол-

зало в море, словно размытый песчаный форт. Башня маяка тоже была возведена лишь наполовину и стояла, покосившись и покрываясь трещинами, — не столько гордый символ новой эры, сколько напоминание о старой. Даже здесь, на береговой линии, остро чувствовалось, что короля Николаса больше нет.

Конор привязал кормовой линь ялика к рыбацкому судну и бросил якорь. Пуская пузыри, тот быстро пошел ко дну, унося с собой три надежно привязанных мешочка с алмазами. Перепрыгнув с носа на нос нескольких покачивающихся на волнах рыбацких лодок, Конор с помощью медного причального кольца поднялся на вымощенную плитами пристань.

С невозмутимым видом зашагал он по пристани, стреляя взглядом в сторону караульных на Стене. Несмотря на то что все вокруг становилось все более разболтанным и бессистемным, Деклан Брокхарт не позволял своим снайперам снижать требования. На Стене стояли четверо караульных, их накидки развевались на ветру. Конор видел блеск стволов и понимал, что при первых признаках агрессивности предупредительный выстрел выбьет искры у него из-под ног; при повторных признаках он будет мертв еще до того, как его тело упадет в воду.

Поэтому он шел медленно, с беспечным видом, держа на виду пустые руки.

Дорожка на набережной тянулась вдоль изгиба внешней стены к мощеной рыночной площади, где днем стояло множество прилавков. Торговцы, хозяева гостиниц и домохозяйки стекались сюда каждое утро, чтобы наполнить свои корзины скумбрией, треской, сайдой, мидиями, раками, крабами, лангустами и лососиной. В Килмор прибывали пустые суда, а отбывали набитые до отказа; или же наоборот.

К вечеру воздух пропитывался острыми запахами рыбы и соли. Уборщики качали воду из гавани и поливали рыночную площадь, смывая в море кровь и внутренности. На Соленых островах уборщиками работали совсем молоденькие парнишки; вооружившись щетками и энергией юности, они счищали с плиток глубоко въевшуюся грязь, а на следующий день все начиналось сначала.

Конор прошел под аркой Стены, мимо будки таможенников.

— Несешь что-нибудь? — окликнул его охранник.

Конор поднял пустые руки.

— Просто сильная жажда, сэр, и свидание с подружкой.

Охранник улыбнулся.

— А, пиво и Бесси. Две серьезные причины для посещения Соленых островов. Надо полагать, ты не первый раз здесь?

Впереди, на холме, уходили высоко в ночь башни дворца, загораживая собой звезды.

— Нет, сэр, я уже бывал тут прежде.

Мальчиком Конор отнюдь не все время посвящал занятиям. Он до подмышек погружался в тину и морские водоросли. Он карабкался на утесы, строил запруды и, если удавалось, воровал яйца у птиц, вразвалку расхаживающих по плоским холмам, словно игрушки с часовым механизмом. Эти сугубо мужские увлечения часто приводили к тому, что Конор опаздывал со временем своего возвращения. В таких случаях приходилось заглядывать в окна, чтобы посмотреть, дома ли отец и в каком настроении пребывают родители.

Сейчас он занял то же место, оседлав горгулью водосточного желоба, в трех метрах над землей, по другую сторону площади от дома Брокхартов. Скапливающаяся из мелких соленых брызг вода вытекала изо рта горгульи, оставляя белые прожилки на изогнутых каменных губах. Даже сам факт того, что он карабкается

сюда, породил острую душевную боль и страстную тоску по дому.

«Ноги сами находят опору в камне. Я карабкаюсь так, словно в последний раз делал это всего лишь вчера».

Дом Брокхартов стоял спокойный и тихий, если не считать единственной свечи в кухонном окне. И никаких признаков родителей.

«Наверное, уже слишком поздно».

Конор испытал сильное разочарование, но одновременно и облегчение. Внутри все стянулось в тугой узел плотнее, чем когда он улетал из тюрьмы на воздушном шаре. Он понимал: если увидит на лицах родителей страдание и боль, ничто не удержит его от того, чтобы войти в дом и рассказать правду.

«Они ненавидят меня, отец и мать, но это ненависть, в основе которой лежит ошибка. Сфабрикованная. Под ней по-прежнему сохранилась любовь».

В кухне возникла какая-то тень. Конор почувствовал биение пульса в виске.

«Может, мать не в состоянии уснуть. Ее, как и меня, преследуют ночные кошмары».

Это действительно была его мать. Кэтрин Брокхарт прошла мимо окна, с разметавшимися со сна волосами.

«Мама. Ох, мама!»

Стоило ему просто увидеть ее, и все барьеры, возведенные вокруг сердца, рухнули. Пора покончить с жестокой шарадой Бонвилана, и пусть он расплачивается за все, не Конор. Он собрался соскользнуть с горгульи и вдруг замер. В кухню вошел отец — и не один. Он нес на руках ребенка, взъерошенного малыша лет двух или чуть меньше, с недовольно оттопыренной нижней губой.

«Ребенок. Мой брат».

Отец вовсе не выглядел сломленным человеком, как воображал Конор. Он качал малыша на согнутой руке, и на его губах играла хорошо знакомая улыбка. Он заговорил, и сквозь открытое окно Конор мгновенно узнал этот тон, хотя не мог разобрать слов.

«Мой отец счастлив».

Кэтрин налила для сына воды в кружку, и они вместе захлопотали над ним, присев у камина, пока он пил. Постепенно настроение малыша улучшилось; видимо, ему приснился кошмар, но воспоминание о нем растаяло при виде любящих родителей.

Сидя на горгулье, Конор чувствовал себя так, словно последние остатки Конора Брокхарта сдирают с него, словно кожу.

«Ребенок. Брат».

Все обстояло совсем не так, как он себе представлял. По-видимому, он был единственным, кто страдал. Со вторым сыном родители вновь обрели счастье.

Холод каменной горгульи поднимался по телу к сердцу, куртка промокла от соленых брызг. Конора начал бить озноб.

«У них все хорошо,— думал он.— Они снова счастливы».

Нельзя, чтобы они узнали, что он жив и как все было на самом деле.

«Бонвилан убьет их, не колеблясь, и это будет моя вина».

Конор отвернулся от окна и съехал по желобу.

«Я Конор Финн»,— говорил он себе, быстрыми шагами устремившись в гавань.

«Летчик слетает еще раз. Два мешочка алмазов, и потом Америка».

Унылая башня

Во время отсутствия Конора Линус Винтер развивал бурную деятельность. Он полностью переустроил спальню в соответствии со своими личными предпочтениями. На плите стояли горячий шоколад и сковорода с беконом и картошкой, а сам он в данный момент зашивал рукав своего фрака.

— Сейчас середина ночи,— сказал Конор, входя внутрь.

Линус постучал себя по виску.

— Для меня всегда ночь, мальчик. Я сплю, когда чувствую усталость.

Конор заглянул в подвал.

— Зачем вы утруждались, передвигая мебель? Пройдет несколько дней, и нас здесь не будет... Я же вам говорил.

— Несколько дней? Твоя драгоценная летающая машина еще не закончена.

Если Конор не латал крылья планера, он тратил каждую минуту, конструируя аэроплан с бензиновым двигателем и убирающимся шасси, который замыслил еще в тюрьме.

— Он почти готов. К тому же, если потребуется, я могу увезти его в Америку.

— Мы не связаны друг с другом,— сказал Линус, нащупывая пальцами разошедшийся шов.— Может, я останусь здесь и сам спасу твоих родных.

— Мои родные не нуждаются в спасении. Они живут во дворце, и у них новый сын.

Линус замер, вслушиваясь в дыхание Конора. Потом, осторожно приблизившись, нащупал его плечи.

— Ты такой высокий,— удивленно произнес он.— Виктор говорил, что так и будет. «У не-

го длинные кости», — не раз повторял он. Значит, у тебя появился маленький брат. Это замечательно. Ты не хотел бы увидеться с ним, прежде чем уедешь?

Конор почувствовал пелену слез на глазах:

— Я... Я... Конечно, именно этого я и хотел бы, но чем это обернется для ребенка... для моего...

— Ну же, произнеси это слово. Он твой брат.

— Чем это обернется для моего брата? — выпалил Конор. — Бонвилан убьет его. Если отец призовет маршала к ответу, он убьет их всех.

Казалось, Линус пристально смотрит на Конора, как будто может видеть сквозь повязанный на глаза шелковый шарф.

— А как же Изабелла? Я слышал в городе, что она уже отменила налоги и импортные пошлины. Она становится подлинной королевой. Как, по-твоему, среагирует на это Бонвилан?

Конор вытер глаза.

— Она королева. Королеву есть кому защищать. Она любила меня, так она говорила, и тем не менее поверила, что я помогал убивать ее отца.

— А я слышал другое. О Коноре Брокхарте в городе тоже ходят слухи. Он был герой, так говорят. И умер, пытаясь защитить короля.

Конор фыркнул.

— Это официальная версия. Бонвилан сказал, что ради спасения моей семьи о моем участии в убийстве никто не узнает. Это был его дар Брокхартам.

— А ты уверен, что Изабелла тоже принимала участие в этом жульничестве?

Это была пугающая мысль. Что, если Изабелла ничего не знала? Что, если она верила, что ее юный поклонник погиб той ночью?

«Не думай об этом. Слишком больно, а толку никакого».

Конор сел и уткнулся лицом в стиснутые кулаки.

— Пожалуйста, Линус, прекратите. У меня нет сил анализировать все возможные варианты. Моя связь с Брокхартами разрублена, и не я за это в ответе. Бонвилан слишком силен, а я всего лишь Конор Финн.

— Финн. Это имя — дар Бонвилана тебе.

Конор почувствовал, как будто голова сжимается и вот-вот раздавит мозг.

«Любовь, семья, счастье. Все это роскошь. Просто жить — вот награда. Жить и не дать погибнуть родным».

— Я жив. И буду жить дальше.

Линус издал короткий смешок.

— Будешь жить дальше? Ежедневно улетающая с башни?

— Я дал обещание Отто Маларки.

— Итак, ты готов погибнуть ради алмазов, но не ради семьи и чести. Думаю, Виктор разочаровался бы в своем ученике.

Конор вскочил.

— Только не надо нотаций! Вы мне не отец.

— Вот тут ты прав, мальчик.— Линус говорил мягко, выражение гнева покинуло его лицо.— Я тебе не отец.

Без единого слова Конор повернулся к нему спиной, сунул под мышку сложенный планер и стал подниматься на крышу.

ГЛАВА 16

ЗМЕИ В ТРАВЕ

ЛЮБОВЬ — ЭТО НЕ СЛОВО

На следующий день Конор и Линус не перекинулись и словом, если не считать произнесенных ворчливым тоном приветствий. Американец несколько раз сознательно натыкался на мебель, надеясь, что это хоть немного обеспокоит Конора, но безрезультатно. Конор или не слышал его стонов, или просто игнорировал их.

«Возможно, Малый Соленый ожесточил его сердце», — думал Винтер.

Но нет; это сделало созерцание маленького брата.

Ночь ничего не изменила между ними, но когда Конор начал заправлять двигатель аэродинамической трубы, Линус почувствовал, что больше молчать нельзя.

— Ты не можешь лететь сегодня ночью, Конор. Ветер неподходящий.

Конор даже не повернулся.

— Вы мне не отец, помните? И ветер вполне подходящий, лишь на несколько градусов больше к югу, чем хотелось бы, но я сманеврирую.

— А луна? Сегодня должно быть полнолуние.

Застегивая черную куртку, Конор оглядел раскинувшуюся перед ним панораму. В небе ни облачка. Отражение сверкающей луны дрожало на волнах океана. Ночь на диво ясная.

— Небо затянуто облаками,— отрывисто бросил он, занимая позицию под планером, свисающим с портала подъемного крана.— Можете опустить планер?

Линус, уже знакомый с оборудованием на крыше, пошел, отсчитывая шаги, к укрепленной на стене рукоятке ворота.

— Готов?

Конор поднял руки.

— Опускайте. Пять поворотов рукоятки.

— Помню. Все, как вчера. Стоит ли мне готовить обед?

— Да. И простите за прошлую ночь. Мне не хотелось есть.

— Ну, значит, и готовить ничего не придется. Я просто подогрею вчерашнюю еду.

— А горячий шоколад будет? Жаль, что я не выпил его. На крыше было так холодно.

Линус улыбнулся.

— Иногда приступ гнева дорого обходится.

Планер опустился Конору на спину, он застегнул ремни на груди и продел ноги в петли. Нашупал пальцами раскрывающую крылья рукоятку, словно стрелок, который проверяет, на месте ли пистолет.

— Я закрепил пропеллеры,— сказал Линус.

Конор щелкнул резиновой лентой.

— Хорошо сделано.

— Мною овладевает беспокойство,— сказал Винтер.— Может, обождешь, Конор? Ветер неподходящий. Я чувствую запах соли.

Конор застегнул до подбородка куртку и надел защитные очки. Едва его облик изменился, вся манера поведения тоже стала другой. Он больше не был мальчиком, стал как будто выше ростом и чувствовал, что, если понадобится, способен применить силу.

— Я не могу ждать, Линус. Хочу скорее получить свои алмазы и покончить с этой жизнью. Америка ждет. Мы можем вместе открыть там дело. Я буду пилотировать планеры, а вы следить, чтобы все шло как надо.

В улыбке Винтера сквозила печаль.

— Я пока не готов к возвращению домой, мальчик. Николас привез меня сюда, чтобы сделать кое-какую работу, и я намерен довести ее

до конца. Рискую показаться сентиментальным, скажу: я не успокоюсь, пока Бонвилан процветает. Он погубил лучших людей, которых я когда-либо знал. Боюсь, сегодня ночью он может лишиться меня еще одного.

Конор вытащил саблю и подержал на ладони, как бы взвешивая.

— Не бойтесь за меня, Линус. Бойтесь за того, кто сегодня ночью встанет у меня на пути.— Он убрал саблю в ножны и проверил, заряжены ли оба револьвера.— И отключите аэродинамическую трубу, прежде чем лечь спать.

Конор бросился в воздушный поток и унесся в ночь. Линус воспринимал его отлет как свист воздуха, скрип дерева и уносимый ветром вскрик.

«Возвращайся живым, мальчик,— подумал он.— Ты — их единственная надежда».

И потом:

«Может, я все же приготовлю обед. Мою знаменитую овсянку, например. Летчик заслуживает хорошей еды. И свежего горячего шоколада, конечно».

Конор задержал дыхание, пока ветер наполнил крылья и уносил его к звездам. Как всегда, в эти первые мгновения он терял ориентацию — не мог отличить море от неба, звезды от их от-

ражений. Воздух колотил по нему призрачными кулаками, пока планер подстраивался под направление ветра.

Потом настало мгновение чистого полета; ветер подхватил его, планер заскрипел, натянулся и понес дальше от земли.

«Момент счастья и полной гармонии с собой».

С каждым новым полетом Конор получал все больше удовольствия от этого короткого промежутка времени. Он понимал — это всего лишь затишье перед бурей, и все же, уносимый дующим в спину ветром, мог на время забыть все свои оставшиеся на земле тревоги.

Восходящий поток воздуха поднял его выше, чем когда бы то ни было. Земля раскинулась внизу, словно живая карта. Он видел извилины дорог, тянущиеся вдоль побережья светлыми ниточками. Несколько суденышек мягко покачивались на серебристо-черном море; рыбаки воспользовались преимуществом ночного прилива и спокойной воды. Конору показалось, что с судов донеслись приветственные крики. Неужели его заметили? Не важно; это последний полет таинственного Летчика. В следующий раз он поднимется в воздух как свободный американский гражданин, с новы-

ми документами, спасибо Зебу Маларки. Летящую машину он разберет на части, увезет с собой и потом соберет где-нибудь в Небраске, или Вайоминге, или Калифорнии. Чем дальше от Солёных островов, тем лучше.

Конор надавил на рулѐжную планку, разворачивая планер по широкой дуге. Пора сосредоточиться на деле, а не то он проскочит Малый Солёный. Еще две грядки сведы, еще два мешочка. Потом Отто купит себе свободу, и еще много останется. Хватит, чтобы спокойно и в безопасности жить в Америке.

Большой Солёный

Биллтоу и Пайк лежали, укрывшись за гребнем холма над мостом Себбер. Вокруг них в высокой траве были воткнуты разнокалиберные клинки.

— Вот этот секач — мой самый любимый, — с нежностью в голосе вещал Пайк. — Режет что угодно — рыбу, птицу, человеческую плоть. Даже кость может проломить.

Биллтоу, как обычно, возразил:

— Твой секач такой нескладный: приходится слишком высоко закидывать руку. По мне, чтобы пощекотать легкие, куда лучше вот эта красота.

Он постучал ногтем по длинному острому ножу для колки льда, который в ответ издал долгий звон.

— А я предпочитаю мою любимую саблю по имени Мэри Энн, — произнесла их спинами хриплый голос с ирландским акцентом.

— Тихо, ты, болван! — прошипел Биллтоу. — Летчик может появиться в любой момент.

— Ты же говоришь, — обиженно сказал человек.

— Я шепчу, — поправил его Биллтоу и спросил Пайка: — Какого черта ты привел этого идиота?

— Я смог взять с собой только трех тюремных охранников, — ответил Пайк. — А ты сказал, чтобы одолеть этого летчика, понадобится человек шесть, не меньше. Ну, я и подцепил Рози в пабе. Он успел выпить не больше литра пива.

— Ты же видел этого Летчика, — недовольно сказал Биллтоу. — Он по крайней мере метр восемьдесят ростом и вооружен до зубов. Чтобы захватить его, нам нужны зоркие глаза и быстрые руки, а не пьяные, красноносые пэдди*.

Рози презрительно фыркнул.

* Пэдди — шутивное прозвище ирландца.

— Ты сам пэдди, Артур. Я могу срубить любого, кого ты мне укажешь. Давай посмотрим правде в лицо. Этот твой Летчик не реальнее, чем какое-нибудь привидение, верно?

!!! Биллтоу так сильно закусил нижнюю губу, что щетина на подбородке задрожала.

— Привидение?

— Ну да. У тебя в мозгу. Призрак, от которого ты прятался в бочке.

— Ты разболтал ему, Пайки,— укоризненно сказал Биллтоу.

— Ты сам выболтал все в таверне.— Роза рассмеялся.— Рассказывал любому, кто хотел слушать, об этом дьяволе и несчастном маленьком Биллтоу в бочке. Нет никакого Летчика. Я здесь только потому, что мне посулили заплатить пять шиллингов. К чему все эти клинки, кстати? Одна пуля сделает свое дело.

— Нам необходимы эти клинки, ты, красномордый, отупевший от пива идиот! — вскипел от злости Биллтоу.— Потому что выстрел заставит караульных на Стене слететься к нам, как мухи на коровью лепешку. И нам не достанется ничего сто́ящего из того, что есть у этого Летчика.

— Если Летчик существует.

Биллтоу крепко стиснул рукоятку кинжала.

— Ну, если Летчика не существует, тогда, Рози, объясни нам, что делает в небе над нами вон тот тип? Может, это призрак, выскочивший из моего мозга?

Рози поднял взгляд, уверенный, что не узрит ничего, кроме звезд. Увиденное, однако, заставило его зашарить рукой по траве в поисках любимой сабли.

— Господи, защити нас,— пробормотал он и перекрестился свободной рукой.— Человек с крыльями.

— Привидение, черт бы меня взял,— фыркнул Биллтоу и больше не проронил ни слова, поскольку стиснул зубами лезвие кинжала.

Конор сумел выкопать два последних мешочка, но это дорого ему обошлось. Серебряные лунные лучи осветили крылья, словно китайские фонари.

Карaulьный заметил планер над внешней стеной Малого Соленого и, как один из немногих храбрых людей на острове, решил погнаться за тем, кого посчитал альбатросом. Он преследовал свою жертву до грядок сведы и только тут понял, что ошибся, после чего выстрелил в одно из крыльев, как раз в тот момент, когда странный летчик низко наклонился и доставал

из земли какой-то мешочек. Только нервная дрожь в руке караульного спасла Конора от того, чтобы пуля разнесла ему череп. Выстрел расколол камень у его ног, осколок отскочил вверх и, вызвав ощущение яркой вспышки, ударил в левую линзу очков. Конор среагировал молниеносно — двумя рывками сбросил со спины планер, повисший на прикрепленных к поясу ремнях, и развернулся к нападавшему, вытаскивая свои пистолеты.

— Сдавайся или умри, *monsieur*! — воскликнул он, взводя курки револьверов.

Караульный не мог сразу сообразить, чего хочет — сдаваться, умереть или что-то среднее между этим. Сдаваться было ему не по душе, но идея сражаться посреди ночи с летающим французом тоже не привлекала. Они и без крыльев народ опасный, что его дед очень хорошо усвоил при Ватерлоо.

Когда он наконец принял решение пустить в ход оружие, облаченный во все черное Летчик набросился на него, перепрыгивая с камня на камень со скоростью кота, как позднее клялся караульный, и рыча, точно голодный волк. Подумать только! Кот-волк и притом француз, который размахивает пистолетами и бряцает свисающей с пояса саблей.

— Bonsoir, monsieur*, — сказал Летчик и с силой ударил караульного по голове.

Караульный еще не успел упасть, как Конор принялся проверять планер. Правая верхняя секция оказалась пробита, но очень ровно, без отходящих от отверстия разрывов; жар пули достаточно хорошо запаял края. Планер дотянет до моста Себбер — если Конор сможет подняться в воздух.

Он сунул руки в ремни, надел упряжь, плотно затянул ее и бросился к ближайшей лестнице. Кончики крыльев с обеих сторон царапали стены, и он ругал себя за то, что не обшил их кожей. Сверху в лестничный колодец дул ветер, дребезжа в крыльях и толкая Конора вниз, но он сопротивлялся ему и продолжал подниматься.

Выстрел поднял на ноги всех караульных, и они бросились к лестнице, на ходу хватая ружья, подтягивая штаны и стряхивая с себя сон. Вид Конора убедил по крайней мере половину из них в том, что они все еще спят.

Кто-то выстрелил, но наобум и слишком высоко. Остальные тупо уставились друг на друга, сбившись в кучу. Конор воспользовался их

* Добрый вечер, месье (фр.).

смятением, вскочил на парапет и прыгнул в небо.

«Ветер! — взмолился он. — Один крошечный сквознячок!»

Юпитер* услышал его молитву. Восходящий поток наполнил крылья и бросил Конора вверх, высоко над головами изумленных караульных. Одни сердито таращились на него, другие кричали, третьи просто молча, пристально смотрели. Двое решились применить оружие, но одного из них, который, может, и попал бы в цель, случайно задела пуля другого, выстрелившего раньше. В мгновение ока Летчик растаял в ночи. Тьма поглотила его, словно ночное море брошенный камень.

Какое-то время никто на стене не издавал ни звука. Потом все возбужденно затараторили, каждый высказывал свою версию только что увиденного. Говорил даже раненый, не обращая внимания на стекающую к ногам кровь. Это событие им предстояло описывать еще не раз, и сейчас требовалось выработать единое мнение. Обернуть костяк невероятного происшествия плотью слов, до того как

* Юпитер — в римской мифологии бог света, неба и воды.

дневной свет делает все совершенно неправдоподобным.

«Это был Летчик,— решили они.— Летчик».

Вроде бы на Большом Соленом ходили слухи о чем-то подобном?

«Мы видели Летчика. Двухметрового роста, с яростными, круглыми глазами».

Так родилась история и начал распространяться слух.

Слухи — вовсе не то, чего хочет человек, если он контрабандист и вор.

Попутный ветер нес Конора к Большому Соленому. Сердце бешено колотилось в груди, кровь вскипала; он понимал, какая опасность ему угрожала.

«Человек идет на неоправданный риск, когда им овладевает лихорадка боя,— когда-то говорил ему Виктор.— Я видел слишком много умных людей, умерших глупой смертью».

«Успокойся. Успокойся».

Однако времени, чтобы успокоиться, не было. Ветер внезапно задул порывами, и Конору пришлось сражаться с планером, просто чтобы оставаться в воздухе. Большой Соленый разрастался внизу, как будто земля ринулась ему навстречу. Конор опустил нос планера, чтобы сопротивление воздуха поддерживало его.

В такую ночь, как сегодня, было нетрудно поверить в то, что человеку не дано летать. Конор падал под резким углом, слишком быстро, слишком круто.

«Мне повезет, если я не сломаю ноги», — подумал он и стиснул зубы, готовясь к удару о землю.

Хотя эти бешеные рывки и поцарапанная линза ухудшали обзор, Конор разглядел на мосту Себбер ялик, но, кроме того, заметил и лежащих под прикрытием гребня людей, явно ожидающих его.

«Змеи в траве», — подумал он без тени страха, готовый к сражению.

Он повернул рулѐжную планку влево, чтобы упасть прямо среди них. Может, тогда и приземление будет мягче.

Рози пытался скрыться, когда Конор рухнул на него, обеими ногами на плечи. Послышался хруст, и человек с воем покатился по скалистому склону. Остальные вскочили на ноги и окружили Конора. Никто не нападал, пока просто оценивая противника.

«Эти люди не понимают, что я такое со всей этой экипировкой», — подумал Конор. — В их глазах я призрак или какое-то непонятное создание. Однако долго это не продлится. Очень

скоро они сообразят, что крылья у меня из ткани, а грудь вздымается от усилий. И тогда они застрелят меня».

А может, и нет. Никто пока не выхватил пистолет, хотя клинки имелись у всех.

«Ну конечно. Тут нельзя открывать стрельбу. Это мгновенно привлечет внимание караульных на Стене, и они бросятся сюда, а эти разбойники здесь явно не ради того, чтобы просто арестовать меня».

Один из пяти оставшихся мужчин сделал шаг вперед, размахивая ножом для колки льда.

— Ода-на-мзы,— сказал он, после чего вынул изо рта кинжал и сплюнул.— Я сказал, отдай нам алмазы, Летчик.

Алмазы! Мешочек, который выпал у него в прошлый раз! Он оставил след.

— Биллтоу...— хриплым от ненависти голосом прорычал Конор.

Тюремный охранник струсил.

— Кто ты? Что имеешь против меня?

«Биллтоу погибнет первым,— подумал Конор.— По крайней мере, этого у меня не отнять».

Его руки молниеносно метнулись к ножам на бедрах и выхватили две боевые сабли.

— En garde! — воскликнул Конор и ринулся вперед.

Ветер подхватил планер, удлинив его шаги, и Биллтоу, полагавший, что находится на безопасном расстоянии, внезапно оказался лицом к лицу с Летчиком.

Он попытался сделать ответный ход, не единожды испытанный в пьяных драках, — коварный удар сбоку ножом для колки льда, — но каким-то образом его оружие оказалось отброшено в сторону.

— Стыдно, monsieur, — сказал Летчик. — Выходить на бой с кухонным приспособлением!

Конор нанес рубящий удар, его сабля глубоко вошла в бедро Биллтоу. Тот взвизгнул и зажал обеими руками рану, сдерживая хлынувшую из нее кровь. Больше он не представлял собой угрозы.

«Даже сейчас мне не хочется убивать его, — осознал Конор. — На свете есть лишь один человек, которого я могу убить».

Позади послышался шелест: оттуда приближались двое.

«Осторожничают. Странная одежда пугает их».

Неожиданно ветер подхватил крылья, и вдобавок Конор с силой подпрыгнул. Мужчины оказались под ним, и он обрушил на них удары сапог и сабель. Вскоре с обоими было поконче-

но. Нет, он не стал убивать их, но уж точно отбил охоту устраивать засады в лунном свете.

Остались двое. Один трясся, другой осторожно кружил вокруг Конора, дожидаясь удобного момента, выискивая его слабые стороны. Это был Пайк; казалось, он полон решимости не отступать.

— Давай сначала ты, парень. — Он подтолкнул своего товарища в сторону Конора.

Бедняга едва успел вскрикнуть, прежде чем без чувств повалился на землю, сваленный ударом сабельной гарды.

— Только ты и я, Летчик. — Пайк вроде бы беззаботно улыбался, хотя на самом деле внимательно разглядывал Конора, его позу, мускулы, оружие в руках и на поясе. Потом потянулся к пистолету. — К черту! Придется рискнуть с караульными на Стене.

Конор опередил его; миг — и саблю в его правой руке сменил револьвер.

— Караульные могут услышать мой выстрел, а могут и нет, *monsieur*. Выбор за тобой.

Пайк по-прежнему не собирался отступать, и Конор выстрелил. Пуля просвистела мимо уха. Охранник упал на колени, временно оглушенный, выронив пистолет.

— Предупредительный выстрел. Следующий проделает в тебе дыру.

Пустое. Пайк не мог его слышать. Он зашарил по траве в поисках пистолета.

— Брось пистолет,— сказал Конор.— У меня преимущество перед тобой.

Однако Пайк то ли все еще не слышал, то ли не хотел слышать и вскинул пистолет. Его намерения не оставляли сомнений. Конор выстрелил ему в плечо. Обшитая медью пуля отбросила охранника, визжащего, точно сипуха, на гребень холма.

Выстрелы, крики, и все это ночью! Шум определенно привлечет внимание караульных на Стене. Конор перепрыгнул через гребень и присел позади него на корточки. Наверху на Стене погасли три лампы. По правилам так и полагалось действовать. При первых признаках беспорядка караульные должны были погрузиться во тьму, чтобы не стать мишенью для нападающих. Над Стеной взлетели с полдюжины сигнальных ракет, окрасив залив резким красным светом.

Пора уходить. И побыстрее, до того как сигнальные ракеты опустятся достаточно низко, чтобы высветить ялик. Конор сложил крылья и, согнувшись вдвое, побежал к маленькому судну. Аккуратно складывать планер времени не было, и несколько нервюр с треском сломались, когда он засовывал его под сиденье.

«Не важно. В башне целый склад деревянных нервюр. Другое дело — мои собственные ребра. Их так легко не заменишь, если они страдают от пули».

Он принялся толкать ялик к воде, царапая килем по камням и песку. Сейчас крики доносились сзади — это караульные высыпали из ворот и мчались вдоль береговой линии. Некоторые верхом. Лай охотничьих собак далеко разносился над поверхностью моря.

«Собаки! Быстро же дозорные спустили своих гончих».

Конор прыгнул в ялик; сила инерции отнесла его в море. Он вытащил мачту из держателя и положил ее на доски: так меньше заметно с берега. Холодная вода заплескивала нос судна, брызгала в лицо, и Конор был рад этому. Сердце глухо билось в ушах, словно далекий барабанный бой.

«Лучше бы я был ученым. Причинять зло не доставляет мне удовольствия».

«Даже Биллтоу? Тебя не радует, что ты ранил его?»

Конор отмахнулся от этого вопроса; еще будет время разобраться со своими сомнениями.

«Ты снова станешь ученым. В Америке. Новая жизнь, новые изобретения, новый дом, но-

вые друзья и, возможно, новая девушка, которая не будет напоминать тебе Изабеллу».

Конор постарался сосредоточиться на гребле. Стоило ему хотя бы подумать о девушках, как в сознании возникал образ Изабеллы.

Итак, океан. Сейчас Конор был уверен, что он в безопасности. Крепкое маленькое судно быстро уносило его прочь. Ялик послужил хорошо.

Большой Соленый стал уже темным, клиновидным, быстро удаляющимся холмом. Биллтоу назвал Конора Летчиком. Ну, с этим покончено. Планер лежал под сиденьем с неловко сложенными крыльями, словно разбившаяся птица.

«Не важно. Таинственный летчик больше не будет летать».

Стала видна башня Мартелло, на верхнем этаже горел фонарь. Маяк, который приведет его домой. Конор улыбнулся.

«Линус простил меня», — подумал он.

И потом:

«Надеюсь, я получу свой горячий шоколад».

ГЛАВА 17

ЗАПУТАННЫЕ СЕТИ

Два часа спустя Артур Биллтоу сидел в офисе маршала Бонвилана на ящике из-под фруктов, зажимая края своей раны. Штаны у него промокли, маленькие струйки крови в такт сердцебиению выплескивались между пальцами.

В комнату вошел маршал Бонвилан, и струйки начали выплескиваться быстрее.

— Извини за этот ящик, Артур,— сказал Хьюго Бонвилан, усаживаясь за стол.— Но, видишь ли, парча кресел мне дороже твоей жизни.

— Мм... конечно, маршал,— запинаясь, произнес Биллтоу.— Я истекаю кровью, сэр. Думаю, рана серьезная.

Бонвилан отмахнулся от его слов.

— Да, мы займемся ею позднее. Сейчас же я хочу поговорить об этом создании.— Он взял со стола блокнот и бросил его Биллтоу. Это

был блокнот Пайка, раскрытый на динамичном наброске Летчика.— Его называют Летчиком, и, по-видимому, он действительно может летать.

Биллтоу знал, что в ситуациях такого рода всегда лучше притвориться несведущим.

— Мы просто гуляли, а он вдруг набросился на нас.

— Хм... Значит, все это совпадение? Вы совершенно случайно оказались на мосту Себбер, подставляя себя под удары дозорных на Стене, когда этот Летчик спустился с небес?

Биллтоу энергично закивал.

— Все так и было. Вы, как обычно, ухватили суть проблемы.

— А мистер Пайк делал свои наброски до или после того, как в него выстрелили? По правде говоря, я не понимаю, как он мог бы это сделать и в том и в другом случае.— Бонвилан наклонился вперед. Тень его массивной фигуры упала на Биллтоу.— Может быть, ты лжешь мне, Артур Биллтоу?

Кровь пульсировала между пальцами охранника.

— Нет, сэр. Никогда.

Бонвилан вздохнул. Эта игра в кошки-мышки явно доставляла ему удовольствие.

— Ты сплел очень запутанную сеть и сам угодил в нее. Думаю, будет лучше, если мы поступим так. Я расскажу, что, по моему мнению, ты затевал, а когда закончу, ты добавишь к моему рассказу колоритные детали, которые я упустил. Согласен, Артур?

Биллтоу кивнул, как будто на самом деле от его ответа что-то зависело.

— Итак, сначала ты подкинул мне идеи воздушных шаров и посадки сведы. Потом появились слухи о летающем человеке, выкапывающем что-то на грядках сведы. Пайк описывает это «что-то» как алмазы.

— Пайк бредит, — возразил Биллтоу. — У него лихорадка.

Бонвилан поднял палец.

— Сейчас не время лгать, Артур. Вспомни — ты истекаешь кровью. А я еще не закончил.

— Простите, — пробормотал Биллтоу.

— Дальше, ты слишком невежествен и близорук, чтобы самому разработать этот план с алмазами...

— Точно, — сказал Биллтоу с облегчением. — Невежественный и близорукий — это про меня.

— Выходит, тобой манипулировал тот, кто поставлял тебе эти идеи. Ну, на Малом Солёном мне известен лишь один человек, увле-

кающийся полетами.— Тут беспечная манера Бонвилана сменилась холодной решимостью.— Будь осторожен, отвечая мне сейчас, Биллтоу, потому что, если твои слова не удовлетворят меня, ты не доживешь до того, чтобы умереть от кровотечения... Это идеи Конора Брокхарта?

— Кого? — с неподдельным изумлением спросил Биллтоу.

— Финна. Конора Финна.

От лица Биллтоу отхлынула вся остававшаяся в нем кровь. Он всегда знал, что этот момент наступит. Осталось разыграть последнюю карту.

— Да, маршал,— робко ответил он.— Он продавал свои идеи за одеяла и все такое. Я не видел в том вреда.

— Пока во время коронации он не сбежал на воздушном шаре,— проворчал Бонвилан.— Ручаюсь, с твоей помощью.

— Нет, сэр.— Биллтоу плотнее сжал края раны.— Финн, как вы и приказали, заперт в безумном отделении. Конор Финн не может сбежать.— Биллтоу помолчал с виноватым видом.— Хотя он, конечно, сильно изменился с тех пор, как вы видели его. Годы плохо отразились на бедняге — с этими побоями по вашему приказу и работе под колоколом. Я не удив-

люсь, если вы вообще не узнаете юного Конора Финна.

Бонвилан стиснул пальцы с такой силой, что их костяшки побелели, и несколько раз стукнул себя ими по лбу. Он понимал, что произошло; конечно, понимал. Это целиком его вина.

«Нужно было выбросить Конора Брокхарта из окна еще тогда, а не сохранять ему жизнь в расчете на то, что когда-нибудь он понадобится, чтобы держать под контролем его отца. Какие и впрямь запутанные сети мы плетем...»

Бонвилан признавался себе, что, кроме всего прочего, его тешила идея сохранить свидетеля своей гениальности. Насколько мучительнее было заключение для Конора Брокхарта, полагающего, что отец считает его убийцей!

Маршал натянуто улыбнулся. Нет, это был хороший план, погубленный совершенно невероятными обстоятельствами. Летчик, представьте себе! Как может человек предусмотреть возможность появления того, что еще даже не было изобретено?

Может, Конор Брокхарт и талантливый изобретатель, но Хьюго Бонвилан изобретательнее — в другом смысле. Эта ситуация стала проверкой его характера. Соображать нужно быстро, и в сознании маршала уже пустил корни за-

родыш нового плана. Он будет включать в себя убийство, что само по себе не проблема, если не считать того, что это убийство на очень высоком уровне; и если уж решаешься на подобное, нужно выглядеть абсолютно безупречно. Европейские королевские семьи не одобряют людей, убивающих своих монархов. А королевское неодобрение обычно принимает форму приближающихся к берегам военных кораблей. Хьюго Бонвилан не собирался ни с кем делиться ни своими алмазами, ни своей властью, в особенности с близкой подругой Изабеллы британской королевой Викторией. Бонвиланы слишком много столетий боролись за ту позицию, которую он занимал сейчас, чтобы при первом появлении достойного противника начать упаковывать чемоданы.

Бонвилан вспомнил ночь, когда умирал его отец. Во время паломничества в Иерусалим он заболел проказой, бредил, и многие его речи напоминали тарабарщину, однако бывали моменты, когда его глаза становились ясными как никогда.

— Нас отодвигали,— говорил он юному Бонвилану.— Понимаешь, о чем я, Хьюго? На протяжении столетий Трюдо отодвигали нас. Они размножались, как кролики, будь они прокляты, однако это мы надевали корону на нужную

голову, и Соленые острова сохраняли свою независимость. Ты должен завершить эту работу. Стань последним в ряду слуг и первым в ряду хозяев. Обещай мне, Хьюго. Обещай.

Забинтованными руками умирающий сжал плечо сына.

— Обещаю,— сказал Бонвилан, не в силах смотреть на то, что осталось от исхудавшего лица...

Внезапно до Бонвилана дошло, что он уже несколько мгновений качается в кресле, упиравшись в лоб костяшками пальцев. Это может выглядеть странно. Он откинулся назад и расправил белую с красным крестом накидку тамплиера, надетую поверх военного мундира.

— В такой позе я обычно размышляю, Артур. Есть возражения?

— Нет, маршал, никаких.

— Рад слышать. Что еще ты хотел рассказать мне о нашем Летчике?

Биллтоу поискал в памяти, что бы сообщить такое приятное, что порадует маршала.

— Ну... Мм... А! Он говорит по-французски, вот так: мис-ёр.

Бонвилан с такой силой стукнул кулаками по столу, что письменные принадлежности подскочили.

Француз. Ну конечно! Зря он в какой-то момент приоткрыл свою франкофобию Конору Брокхарту. Похоже, у мальчика есть чувство юмора. Лучше как можно скорее избавиться от него. Меньше всего маршалу требовалось, чтобы какой-то жаждущий мести Летчик кружил над островами, воруя его алмазы и срывая его планы.

— Итак, Артур, этот Конор Финн по-прежнему томится в своей камере?

Биллтоу напряженно сглотнул.

— Если не считать слова «томится», в чем я не уверен, то да. Он в своей камере.

— Хорошо. Я хочу поговорить с ним.

— Что? Сейчас?

— Да, сейчас. Это что, проблема для тебя?

— Нет, никаких проблем.— Лицо Биллтоу вытянулось от боли и отчаяния.— Если не считать кровотечения, очень сильного, маршал. Рану необходимо затянуть, иначе я не доживу до парома на Малый Солёный.

Бонвилан бросил взгляд на камин. Голубовато-оранжевое пламя потрескивало, и с крюка рядом с ведерком для угля свисал палаш, используемый как кочерга.

— Ты прав, Артур,— жизнерадостно сказал он.— Пора залепить твою рану.

Бонвилан взошел на борт парома вместе со своим доверенным офицером, капитаном Султаном Арифом. Билдтоу съезжился на корме, время от времени дотрагиваясь до образованного расплавленной плотью рубца на бедре и каждый раз удивляясь, что это причиняет боль. Во время недолгой поездки он несколько раз отключался, а когда приходил в себя, то плакал, словно ребенок, бормоча слово «бочка».

Бонвилан, обдумав ночные события, пришел к выводу, что тревожиться не о чем. Фактически он даже испытывал воодушевление, поскольку этот вызов должен был способствовать удержанию его позиции или даже укреплению ее. В конце концов, Конор Брокхарт всего лишь юнец с воздушным змеем, а Хьюго Бонвилан — опытный военный стратег с армией за спиной. По-видимому, юный Конор не склонен к убийству, в то время как Бонвилан рассматривал убийство в качестве освященного веками эффективного политического инструмента.

Маршал наклонился к уху Султана Арифа:

— Возможно, нам предстоит отравление. Приготовь свой снадобья.

Султан кивнул, теребя пышные усы.

— Да, маршал. Могу я поинтересоваться, кто именно, возможно, будет отравлен?

— Я сам, к сожалению.

Султан, казалось, не удивился.

— Надо полагать, будут и другие?

— О да,— подтвердил Бонвилан, устремив взгляд вдаль.— Будут и другие.

Малый Соленый

В камере Конора Финна и впрямь находился пленник, но это был не Конор Финн.

— Ну и кто это? — спросил Бонвилан, кивая на жалкого человека, скорчившегося в темном углу, куда не падал свет лампы.

Биллтоу понял, что его хитрость не удалась.

— Не убивайте меня, ваша честь.— Он рухнул на колени и вцепился в край накидки Бонвилана.— Пожалуйста, пощадите! Я не знаю, как сбежал этот негодник. Только что он был здесь, а потом вдруг исчез. Это какая-то магия. Может, он загипнотизировал меня.

Бонвилан любил, чтобы перед ним пресмыкались, и не стал сразу отталкивать его.

— Пока мне неясно, Артур, был ли ты сообщником Финна. Помогал ему сбежать, налаживал контакты с контрабандистами. А?

— Нет, сэр,— затараторил Биллтоу.— Я никогда не участвовал ни в каких заговорах. Для этого у меня мозгов маловато.

— Не знаю, не знаю... То, как ты додумался подменить узника... Может, ты уже не первый раз такое проделываешь? Просто сейчас тебе не повезло.

— Вот именно, мне просто не повезло, сэр. А с узником я никак не сотрудничал, что вы!

Бонвилан решил продемонстрировать вполне уместный в данной ситуации гнев; все-таки здесь присутствовал Султан.

— Ты лгал мне, Биллтоу! — взорвался он, и его голос загрохотал в тесной камере. — Ты воровал мои алмазы!

Маршал вырвал накидку из рук Биллтоу и нанес ему мощный удар ногой, перебросивший охранника через койку. При этом пласт грязи на стене треснул и упал. Биллтоу лежал, словно мешок, из которого вывалилось белье.

— Прекрасный удар, маршал, — заметил Султан. — Прямо в челюсть. Он покатился кувырком. Добить его?

— Нет, — ответил Бонвилан. — Здесь нужно что-то более поэтичное, так я бы сказал. Нашему другу Артуру требуется время, чтобы обдумать свои промахи.

Внезапно его внимание привлекло странное мерцание в глубине камеры. При ударе лбом Биллтоу сбил со стены часть засохшей грязи,

и на камне проступили призрачные каракули. Любопытствуя, Бонвилан подошел поближе и наклонился, разглядывая их.

— Коралл, по-моему, — пробормотал он. — Вполне в духе старины Бродячего Черта.

Но нет, пометки были сделаны человеческой рукой. Схемы и уравнения. Кто-то пытался замазать их грязью, однако грязь не слишком хорошо держалась на влажной поверхности. На стене можно было явственно различить планер. Бонвилан прикоснулся к нему пальцем.

— Привет, Летчик, — прошептал он. — Видишь? Я обеспечил тебя лабораторией.

Вытащив из-за пояса пистолет, он легко постучал по стене рукояткой. Еще один участок засохшей грязи пошел трещинами и упал; стало ясно, что планер взлетает с крыши башни.

— И ты оставил мне сообщение о своем местонахождении. Не удивлюсь, если тут есть и более ценные секреты.

Лежа на полу, Биллтоу застонал.

— Какая меня ждет судьба, сэр? Казнь?

— Не сейчас. — Бонвилан выпрямился. — Ты мне еще понадобишься, Артур Биллтоу. На данный момент твоя судьба состоит в том, чтобы отчистить эти стены, а потом переписать и зарисовать все, что обнаружишь под грязью.

— Ох, благодарю вас, сэр.— Слезы облегчения закапали с носа Биллтоу.— Я сейчас же приставлю к этому делу одного из заключенных. Самого лучшего.

— Ты меня не понял, Артур.— Зажав в кулаке отвороты куртки охранника, Бонвилан содрал ее и толкнул его в глубину камеры.— Ты не надзирать будешь, а сам выполнишь эту задачу. Как заключенный.

Бонвилан повернулся к молодому человеку, почти год занимавшему эту камеру.

— Как тебя звать, парень?

— Клод де Виль Монтгомери, ваше высочество,— с готовностью ответил тот.— Хотя близкие зовут меня Спог.

Бонвилан прищурился: жизнь никогда не скупится на сюрпризы.

— Старина Биллтоу велел отвечать «Конор Финн», если кто-нибудь, в особенности вы, будет спрашивать. Он вообще хотел отрезать мне язык. Но как видите...

Спог широко открыл рот, обнажив два зуба и серый язык.

— Спасибо тебе... мм... Спог. Скажи-ка, мистер Биллтоу плохо обращался с тобой?

Казалось, все лицо Спога выразило неодобрение.

— Чертовски плохо, этакий подонок. Бил, и плевался, и таскал за волосы. Ужасно невоспитанный, правда?

— Ну, теперь у тебя есть шанс отомстить.— Бонвилан бросил Спогу куртку Биллтоу.— Теперь ты тюремный охранник, а он пленник. Делай с ним что хочешь.

Спог воспринял это известие с полнейшим спокойствием, как будто такая резкая перемена судьбы совершалась с ним чуть ли не каждый день.

— Я ваш человек, ваше высочество.— Он изобразил что-то вроде салюта.— Как вы относитесь к пыткам тех, кто раньше был охранником?

— Целиком за,— ответил Бонвилан.— Это закаляет характер.

Спог улыбнулся. Его зубы напоминали стойки ворот.

— Вы будете гордиться мной, ваша милость. Маршал подмигнул ему.

— Давай лучше придерживаться просто маршала, а?

— Да, сэр, ваша милость.

Мысли Биллтоу кружились, словно духи в колдовском котле, и все же суть происходящего он уловил.

— Я... Я теперь заключенный?

Тяжело дыша, он потащился к койке.

Бонвилан похлопал Спога по плечу.

— Займись своим узником, мистер Монтгомери. Я не общаюсь напрямую с преступниками.

Глаза Спога мстительно вспыхнули.

— Да, сэр... ваша милость. Со всем моим удовольствием. Может, вам лучше отвернуться?

Бонвилан сложил на груди руки.

— Может быть. Но не прямо сейчас.

Биллтоу попятился от своего нового тюремщика, все глубже и глубже в камеру, пока не уперся локтями в стену, сбивая с нее грязь и обнажая целые куски схем и вычислений. Зеленое мерцание коралла высвечивало зарождающееся на его лице выражение ужаса. Страдания, которые он причинял многим другим, теперь ожидали его самого.

Бонвилан подмигнул Султану.

— Ну, я же сказал — что-то гораздо более поэтичное.

Унылая башня

Вследствие бурной ночной деятельности — не один полет, а целых два — Конор спал не больше часа. И ему без конца снились тюремные охранники с кинжалами вместо рук и алмазами вместо глаз. Было, правда, и что-то еще, мель-

кало на заднем плане, требуя внимания. Воспоминание о том, как в девятилетнем возрасте Конор вместе с отцом пересекал на веслах залив Фулмар.

«Следи за лопастью весла,— учил его Деклан Брокхарт.— Смотри, как оно разрезает воду. Твоя задача — зачерпывать воду, а не скользить веслом по волнам».

Потом во сне Деклан произнес то, чего Конор никогда не слышал в реальной жизни: «То же самое применимо к лопастям пропеллера. Благодаря этому твой аэроплан сможет оторваться от земли».

Мгновенно проснувшись, Конор сел на постели. Что это было? Какая мысль мелькнула в сознании? Сон уже распадался на фрагменты. Весло. Что-то о веслах. Как может весло помочь аэроплану лететь?

На самом деле ответ был очевиден. Ведь весло, как и пропеллер, имеет лопасть.

«Смотри, как оно разрезает воду...»

Конечно! Весло ударяет воду не плоско, а под углом, чтобы уменьшить торможение и усилить толчок. Тот же древний принцип следует применить и к пропеллеру. В конце концов, он и есть вращающееся крыло. Когда аэроплан полетит, пропеллер должен будет, поглощая энергию двигателя, преодолевать сопротивление

воздуха. К нему следует относиться как к крылу и, значит, придать соответствующую форму.

«Плоские пропеллеры бесполезны,— рассуждал Конор, торопливо натягивая одежду.— Они должны иметь угловой наклон и лопасти такой формы, чтобы обеспечить подъем».

К тому времени, когда Линус поднялся по лестнице с беконом, хлебом и кофе, Конор вырезал уже вторую лопасть своего нового пропеллера.

— А-а-а,— протянул Линус.— Новый пропеллер.

Конор замер.

— Мне казалось, вы слепой. Откуда вам знать, что я делаю?

Линус поставил поднос с завтраком на скамью.

— Я обладаю мистической силой, мальчик. К тому же весь последний час ты разговаривал сам с собой. Подъемная сила, сопротивление воздуха, толчок и прочие интересные вещи в том же духе. Знаешь, слепой — не значит глухой.

Ученый в душе Конора жаждал продолжить работу, однако изголодавшийся юноша оттащил его от драгоценного пропеллера к восхитительному завтраку. Линус с удовлетворением слушал, как он ест.

— Свежий хлеб я купил в городе. Тамoshние люди в смятении из-за рассказов о Летчике. Говорят, нынешней ночью он убил на острове двадцать человек.

— А я слышал, он трехметрового роста, — откликнулся Конор с полным ртом.

Линус сел на скамью рядом с ним.

— Это не шутка, Конор. Теперь ты в опасности.

— Не стоит беспокоиться, Линус. Краткая карьера этого Летчика окончена. Больше никаких ночных полетов в личных интересах. С этого дня полеты только с научной целью.

Линус стянул у него кусок бекона.

— Может, тебе стоит поискать девушку? Ты уже совершеннолетний, знаешь ли.

Конор не мог не вспомнить об Изабелле.

— Когда-то у меня была девушка, или, по крайней мере, так мне казалось. Буду снова думать о девушках, когда мы окажемся в Америке.

— Когда ты окажешься. Я собираюсь остаться здесь и устроить заговор против Бонвилана. У меня есть единомышленники.

— Вы не отказались от своих намерений, — с грустью констатировал Конор. — А я надеялся, что вы передумаете.

— Нет. Я потерял друзей. Мы оба потеряли друзей.

Конор не имел ни малейшего желания вооружить уголь этого не единожды повторявшегося спора.

— Хорошо.— Он отодвинул тарелку.— Башня ваша и немалые деньги тоже. Но я ухожу. В Америке есть такие летчики, как я,— рвущиеся в небо.

— Понимаю. И когда ты уедешь?

— Собирался сегодня, но сейчас мне не терпится испытать новый пропеллер. Красивый, вы не находите?

Линус Винтер похлопал по бархатной маске, прикрывающей глаза.

— Верю тебе на слово. Эту маску мне прислали из «Савоя». Я тебе говорил, что когда-то останавливался там?

— Давайте заключим соглашение,— сказал Конор.— Сегодня я перевезу аэроплан на побережье Карраклоу. Два дня уйдет на сборку и испытания. Когда я вернусь, мы отправим мое снаряжение морем в Нью-Йорк, а сами сядем на паром и поплывем в Лондон. И, как короли, проживем неделю в «Савое», ни словом не упоминая о восстании и науке. А потом еще раз проанализируем ситуацию.

— Соблазнительное предложение,— признался Линус.— В некоторых номерах есть пиа-

нино. При мысли об этом у меня пальцы подергиваются.

— Ну так соглашайтесь. Одна неделя исключительно для собственного удовольствия, а потом обратно в реальный мир. Можно и по отдельности, но мне хотелось бы вместе.

— Мне тоже.

— Значит, договорились. «Савой».

Линус протянул Конору руку.

— «Савой».

И они скрепили свой договор рукопожатием.

Бонвилан и Султан сошли на берег инкогнито, затенив лица широкополыми шляпами. Военная форма Соленых островов на материке не давала им никакой власти, и в гражданской одежде они меньше привлекали внимания.

Местные хулиганы скорее затеяли бы стычку с чужеземными военными, чем с незнакомцами весьма угрожающего вида. На самом деле некоторые килморские парни превратили это в спорт — дразнить солдат Соленых островов, которым было строго-настрого приказано не отвечать. На Бонвилана и Султана подобного рода приказы, конечно, не распространялись. Никаких откровенно враждебных поступков они не совершали и вообще были сама вежли-

вость, однако у местных парней в гавани сложилось впечатление, что шутить шутки с этой странной парой может оказаться накладно, поскольку немедленно обернется продолжительными неприятностями.

Они прошагали по пристани и углубились в дымные недра «Деревянного дома».

— Я побывал в тавернах по всему миру, — сообщил Хьюго Бонвилан, наклоняясь, чтобы пройти в дверь. — И всех их объединяет одно.

— Пьяницы? — спросил Султан Ариф, перешагивая через спящего моряка.

— Это тоже. Информация на продажу — вот что я имел в виду. К примеру, тот жалкий мерзавец...

Он кивнул на сидящего в стороне от других мужчину, который пристально смотрел в пустой стакан, упираясь локтями о стойку.

— Прекрасный кандидат. Душу продаст за еще одну порцию спиртного.

Маршал подсел к человеку и, окликнув трактирщика, заказал бутылку виски.

— Я вас знаю? — спросил трактирщик.

— Нет, — живо ответил Бонвилан. — И мой вам совет: пусть так будет и дальше. А теперь оставьте бутылку и идите займитесь своими делами.

У любого, самого миролюбивого трактирщика вырабатывается чрезвычайно чуткий инстинкт касательно клиентов и того, что от них можно ожидать. Этот не был исключением. Он не стал больше задавать вопросов, но проверил, заряжен ли его пистолет, на случай, если удивительно знакомый, широко улыбающийся клиент и его усмехающийся приятель учинят беспорядки, на что они определенно способны.

Бонвилан откупорил бутылку и повернулся к бедолаге, уставившемуся в пустой стакан.

— Ну, добрый сэр, вы, похоже, из тех, кому питье идет на пользу. Очень надеюсь на это, поскольку сам я не собираюсь употребить ни капли этого пойла, которое, судя по запаху, уже прошло через желудки нескольких котов.

Человек одним пальцем подвинул свой стакан по стойке.

— Готов оказать вам любезность и избавить вас от него.

— Очень благородно с вашей стороны, друг,— сказал Бонвилан, до краев наполняя стакан.

— Мы с вами не друзья,— раздраженно, несмотря на неожиданное везение, ответил человек.— Пока.

Полбутылки спустя они уже стали друзьями, и Бонвилан направлял беседу в нужное русло с такой легкостью, как если бы держал руки на руле, вмонтированном в голову собеседника.

— Чертовы газовые лампы! — говорил человек. — Чем плохи свечи? Свеча никогда не взрывается. Я слышал, в Китае взрыв газа уничтожил целый город — кроме кошек, они к газу невосприимчивы.

Бонвилан сочувственно покивал.

— Газ. Страшная штука. А тут еще иностранцы скупают наши дома...

— Чертовы иностранцы! — страстно негодовал человек. — Скупают наши дома. Для больших «шишек». Вы знаете, что англичанам принадлежат сто процентов всех крупных домов в округе? Если не больше.

— И в особенности они обожают жить в башнях, строя из себя аристократов.

— Это точно, — согласился уже заметно ослотившийся человек. — У нас один такой «умник» поселился в Унылой башне. Держит слепого музыканта, чтобы он готовил еду и убирал за ним.

Это сообщение чрезвычайно заинтересовало Бонвилана.

— Такие парни не должны владеть башнями. Новая порция виски полилась в стакан.

— Нет! Пропади оно все пропадом, не должны. Такие парни. А что он должен? Косить сено, как все мы в его возрасте. А он что делает? Покупает кучу всяких материалов. Выписывает откуда-то черт знает какие механические части. Что он там строит? Кто знает? Прямо как доктор Франкенштейн. Чем бы он там ни занимался, каждую ночь в этой башне поднимается такой шум, что и мертвую свинью разбудит.

Человек разом осушил свой стакан, и его проняло от макушки до пят.

— И не говорите мне, что омары не становятся умнее. В прошлом месяце я поймал омара, и, клянусь, он пытался общаться со мной. Щелкая клешнями, правда, правда!

Трактирщик постучал по стойке.

— Можешь теперь заткнуться, Эрни. Они ушли.

— Плевать.— Эрни прижал бутылку к груди.— Терпеть не могу мужиков в шляпах. Никогда не доверяй таким.

У трактирщика хватило такта не обратить внимание на то, что на Эрни тоже лихо сдвинутая шляпа.

Чтобы найти Унылую башню, Бонвилану и Султану Ариффу понадобились считанные минуты. Отчасти им помог старый мемориальный камень британских солдат у обочины.

— Подходящее название для этого местечка, — заметил Ариф, кладя на пень заплечную сумку. Оттуда он извлек два револьвера и целый набор ножей, которые заткнул за пояс. — Я так понимаю, мы не будем посылать за помощью.

— Как это иногда случается, Султан, ты прав. Это башня Мартелло; даже обстреляв ее с боевого корабля, мы не сможем проникнуть внутрь. Будем продвигаться поэтапно. Сначала дипломатия, потом обман и только в конце насилие, если понадобится.

Они перешагнули через остатки разрушенной стены и пересекли двор, стараясь не наступать на пробившиеся сквозь скалистую почву ползучие растения, чтобы те не хрустнули под ногами и не выдали их присутствия.

— Она не такая уж большая, — сказал Султан, оторвав кусочек мха от стены.

Бонвилан кивнул.

— Но хитроумно устроена.

Они быстро обошли башню и убедились, что в ней имеется лишь один вход на высоте головы и его прикрывает деревянная дверь.

— Держу пари, эта дверь не такая хлипкая, как кажется,— пробормотал Бонвилан.

Султан приложил к стене щеку.

— Там работает генератор, и камни вибрируют, маршал. Я слышу классическую музыку. Она звучит так, как будто внутри целый оркестр.

— Фонограф. Как современно! — кисло сказал Бонвилан.— Конор Брокхарт всегда любил игрушки.

— Ну и как мы проникнем внутрь? Будем бросать камни в дверь?

«Эта башня Летчика,— подумал Бонвилан.— Значит, он входит и выходит через крышу».

— Я буду бросать камни,— сказал он капитану.

— Вы всегда проявляли ловкость в бросании камней. А мне что делать?

— Поищи в своей сумке, может, найдешь там арбалет.

Глаза Султана вспыхнули.

— Искать нет нужды. Я всегда ношу с собой арбалет.

Линус Винтер варил традиционную южно-американскую овсянку, наслаждаясь «Одой радости» Бетховена. Его секретным ингреди-

ентом был, конечно, кайенский перец*. Ограниченные запасы продуктов Конора не включали в себя никакого перца, и вместо него пришлось использовать щепотку порошка карри. Может, это и не соответствовало кулинарным стандартам Линуса, однако вряд ли Конор выразит недовольство — после двух-то лет тюремной пищи. В любом случае, Конор отбыл на побережье Карраклоу не далее как пять минут назад, и ко времени его возвращения от овсянки останется лишь воспоминание.

Этот фонограф — просто какое-то научное чудо. Конор объяснял, как звук оркестра может быть перенесен на восковой валик, но, по правде говоря, Линус даже не старался вникнуть. Звук был скрипучий, и каждые несколько минут приходилось менять валик, но все равно — это была та же прекрасная музыка. Несмотря на потрескивающую музыку и булькающую овсянку, Линус слышал снаружи приглушенные голоса. Сначала он подумал, что это шляются вокруг местные парни, но потом до него донеслось слово «маршал», и умерен-

* Кайенский перец (чили) — растение из группы острых перцев; множество видов; родина — тропическая Америка. В качестве пряности используются плоды в свежем и сушеном (молотом) виде.

ное любопытство тут же сменилось ледяным комком страха внутри. Бонвилан нашел их.

Линус никогда не был метким стрелком, но все же почувствовал себя спокойнее, когда его тонкие пальцы сомкнулись на стволе спрятанной под столом винтовки.

«Пусть Бонвилан лишь откроет рот, и я сделаю все возможное, чтобы заткнуть его навсегда».

Спустя несколько мгновений в дверь ударил камень, а за ним еще три. Последний зазвенел, стукнувшись о стальную обшивку.

— Я так и думал,— произнес голос.— Дверь укреплена.

Линус проверил казенную часть винтовки и, касаясь плечом стены, чтобы не потерять направления, пробрался к бойнице.

«Заряжена и готова к бою. Ну, скажи что-нибудь еще, маршал».

Бонвилан словно бы прочел его мысли.

— Конор Брокхарт, почему бы тебе не спуститься, чтобы я мог в конце концов прикончить тебя? Может, так будет проще.

Целясь в направлении голоса, Линус выстрелил шесть раз.

«Господи, сделай так, чтобы я попал».

Выстрелы эхом отдались от стен башни, от дыма у него перехватило дыхательное горло.

— Ага,— сказал Бонвилан,— значит, Конора нет дома, и курок спустил его слепой слуга. Просто чтобы ты был в курсе, слепец: ты только что серьезно ранил столб, за которым я укрываюсь.

«Возможно, этот дьявол прикончит меня,— подумал Линус, прикрывая рот и нос влажной тряпкой из раковины.— Я должен предупредить Конора. Нельзя допустить, чтобы его схватили. Я подожгу аварийные сигнальные ракеты».

Конор всегда беспокоился, оставляя Линуса одного в башне, даже несмотря на то, что американец за свои пятьдесят с лишним лет без его помощи пережил не одну войну и тюремное заключение. Поэтому он установил на крыше целую серию аварийных сигнальных ракет. Запальные шнуры были выведены вниз, в самые разные места по всей башне, и заканчивались муфтами с серой. Достаточно было дернуть муфту, чтобы запал сработал. Запальные шнуры были связаны между собой; стоило воспламенить один, как вспыхивали все остальные.

Ближайший запал находился в помещении, которое они в шутку называли гостиной. Там перед очагом в кружок стояли кресла; Линус использовал очаг как перегонный куб.

«От этой бойницы до гостиной пятнадцать шагов. Один шаг вниз. Скамья у стены. Я проходил мимо этого места сотню раз на дню».

Наконец-то Линус выкашлял из легких пороховой дым и осторожно начал свой короткий переход. Вот будет позор, если он провалит все дело, подвернув ногу. Времени у него полно. Вряд ли Бонвилан станет ломиться в дверь, понимая, что в этом случае обстрелять его будет проще простого.

«Иди медленно, но уверенно».

Внезапно Линус вздрогнул: целый град выстрелов обрушился на дверь, заставляя ее металлическую обшивку звенеть, словно колокол. Винтер в недоумении опустил на четвереньки.

«Неужели маршал совсем спятил? Дверь же укреплена; он сам обратил внимание на это. Зачем стрелять в нее?»

Ответ был очевиден, и почти сразу же Линус сообразил, в чем дело.

«А-а, он не пытается убить меня, он пытается отвлечь меня. Значит, он не один...»

В шею Линуса уперлось что-то холодное, острое, металлическое.

— Ты оставил дверь на крышу открытой, старик, — произнес по-английски голос с сильным акцентом.

Линус мгновенно сообразил, кто это. Султан Ариф, смертельно опасный помощник Бонвилана.

— Тебе должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было, — продолжал Султан, — что иногда неприятности приходят сверху.

«Запал. Я должен воспламенить его».

Линус сделал рывок в сторону гостиной, почувствовав, как глубоко лезвие проникло в шею, но от Султана Арифа было не убежать. Капитан схватил его, словно вырывающегося щенка, и поставил на ноги.

«Не теряй направления. Помни, где ты».

Нелегкая задача, когда шею обжигает боль, а по спине течет кровь.

Не успело еще смолкнуть эхо выстрелов, как Султан резко развернул его. Линус полностью потерял ориентацию.

«Сконцентрируйся. Где ты?»

В итоге сам Султан облегчил ему задачу.

— Давай спустимся и встретим нашего господина.

Он с силой толкнул Винтера через всю комнату. Заскрипели дверные засовы, в лицо ударил порыв прохладного воздуха.

«Я рядом с дверным проемом», — подумал Линус, пытаясь нащупать дверную раму.

— Я схватил слепого, маршал,— загремел в ушах голос Султана.— Он тут один. Здесь есть веревочная лестница... сейчас отвяжу ее.

— Не нуди, Султан. Просто столкни его вниз. Это забавно — смотреть, как падает слепой.

Султан вздохнул; поступать так было бесчестно, но честь — не то качество, которое ценит маршал.

— Расслабься, старик, а не то переломаешь все кости.

Кожа его пальто закрипела, когда он согнул руку, собираясь толкнуть Линуса. Тот дождался нужного момента и вскрикнул, когда Султан сбросил его вниз. Вскрикнул достаточно громко, чтобы скрыть звук, с которым он с силой дернул запальный шнур, проложенный вдоль дверной рамы.

Линус вскрикнул и в тот момент, когда снова пришел в себя, потому что, как только голова его ударилась о землю, он кое-что увидел. Вспышку света. Всего на мгновение — и тьма снова окутала его. Дышать было тяжело — на грудь давила нога в сапоге.

— Я тебя помню,— сказал Бонвилан.— Ты играл на пианино для короля. Очень хитро-

умно, слепой шпион. Ну, дружище, с твоей игрой на пианино покончено. И со шпионскими играми тоже.

— Будь ты проклят, Хьюго Бонвилан! — храбро прохрипел Линус. — В аду для таких, как ты, уже готова специальная яма.

Маршал рассмеялся.

— Не сомневаюсь, почему и намерен как можно дольше не расставаться с жизнью. Твое расставание с ней, однако, совсем близко — если не ответишь на мои вопросы.

Линус тоже рассмеялся, с оттенком горечи.

— Просто убей меня, Бонвилан. Твоя тюрьма меня не сломила. И тебе не удастся.

— Знаешь, ты, наверное, прав. Уверен, ты будешь сопротивляться до последнего вздоха. Никогда не понимал вас, принципиальных людей. У Султана тоже есть принципы, но он умеет их игнорировать, если ситуация того требует. На самом деле я в тебе совсем не нуждаюсь. Все очень просто: Брокхарт вернется и я дождусь его.

— Может, и не так просто, — сказал Линус.

В этот момент штук шесть сигнальных ракет взлетели в небо и взорвались розово-красным, подсветив нижнюю сторону темных облаков.

Бонвилан в смятении смотрел, как они снижаются.

— Предупредительные сигнальные ракеты. Какой этот юный Брокхарт изворотливый! Клянусь, временами мне кажется, будто я всю жизнь пытаюсь похоронить его.

— Помощь вот-вот придет,— прохрипел Линус.— Люди вызовут пожарную команду.

Бонвилан ненадолго задумался, стуча по лбу костяшками пальцев.

— Принеси из башни бумагу и ручку,— приказал он Султану.— Я приколочу к голове этого человека личное приглашение.

— Мне не нравится идея убивать слепого, маршал,— спокойно сказал Султан.

— Мы обсудим это позже, капитан,— прошипел Бонвилан тоном отца, не желающего, чтобы его слышали дети.— Когда ты был солдатом, то не отличался такими высокими моральными принципами.

— Тогда шла война и все были солдатами. Это же старый, слепой человек.

— Принеси мне ручку! — раздраженно повторил Бонвилан.

— Я не развернул лестницу.

— Не развернул? Не развернул?! Ты что, заделался Вильямом Шекспиром? Выстрели из арбалета и поднимись по веревке.

Султан кивнул в сторону города.

— На это уйдет несколько минут. Не думаю, что у нас хватит времени.

Бонвилан сердито воззрился на него.

— Это уже чересчур, Султан. Горячо надеюсь, что именно этот старик воткнет нож тебе под ребра. Тогда я склонюсь над тобой, умирающим, просто чтобы напомнить, что я тебя предупреждал.

Султан подчеркнуто низко поклонился, демонстрируя свою глубокую верность.

— Теперь уже слишком поздно кланяться, добрый человек. Я сильно разочаровался в тебе.

— Мои извинения, маршал.

— Ах да, конечно, извинения. Как удобно. По крайней мере, сделай доброе дело, привяжи этого шпиона к столбу.

— Конечно, маршал.

Султан поднял Линуса и грубо прижал к столбу ворот. Веревки так плотно обхватили туловище и ноги, что жгли кожу. Шаги Султана раздавались вокруг, и это вызывало головокружение.

«Зрения нет, а головокружение есть. Чертовски несправедливо».

Но по крайней мере, похоже, его не убьют; хотя, раз тут замешан Бонвилан, наверняка будет поставлено какое-то условие.

— Хорошо, слепец,— слева от него произнес голос маршала, низкий и насмешливый.— Ты заработал отсрочку. Передай Летчику сообщение. Скажи, что завтра вечером я устраиваю у себя вечеринку. Маленький обед в честь Конора Брокхарта. Изумительная ситуация, не правда ли? Третья годовщина его смерти. Только родные и друзья. Будут и особый тост, и крепкое вино. Очень крепкое. Похоже, на кухню проникнут мятежники. Трагедия.

У Линуса не было сил на оскорбления.

— Не забудь сказать Конору, что все эти неприятности вызваны его же поведением,— продолжал Бонвилан, больно сжимая пальцами плечо Линуса.— Если бы он оставался там, куда я его поместил, ничего этого не потребовалось бы. Однако он не только сбежал, но и обокрал меня, а раз так, его брат станет сиротой. Знаешь, возможно, я даже возьму опеку над малышом. Выращу его как собственного сына. Маленький маршал, а? — Бонвилан засмеялся, получая удовольствие от своего извращенного чувства юмора.— А как меня будут любить люди! Благородный Бонвилан усыновляет чужого ребенка.

— Никто не любит тебя, Бонвилан,— сумел выдать Линус.

— Ты прав. И ты, возможно, думаешь, что это меня волнует. Но нет; материальные блага дают мне все, в чем я нуждаюсь.

Султан поклонился, постаравшись попасть в поле зрения Бонвилана.

— Маршал, сигнальные ракеты могли привлечь внимание.

Бонвилан был разочарован. Без сомнения, жители городка придут выяснять, что означают эти сигнальные ракеты. Для того чтобы от души позлорадствовать, не было времени.

Жаль — он это любил, а случаев подворачивалось не так уж много. Ну ладно, остается предвкушать перспективу отравить королеву и Брокхартов, а если повезет, то и сам Конор сунет голову в петлю. Но даже если и нет, Бонвилан вскоре станет премьер-министром, и никто не в силах этому помешать.

Еще несколько слов.

— Полагаю, ирландцы развяжут тебя, — сказал он слепому. — Не вздумай убежать. Оставайся здесь и передай мое сообщение, а не то твой господин упустит шанс погибнуть при попытке сорвать мои планы. — Бонвилан с силой ударил Линуса по щеке. — После этого можешь всю оставшуюся жизнь задаваться вопросом, когда я убью тебя. Как мы уже выяснили, ты не заметишь моего приближения.

Линус плотно сжал губы, тяжело дыша через нос, и, не будь веревок, наверняка упал бы.

«Ненавижу себя за то, что испытываю такой ужас. Я видел войну и чуму. Жил во тьме с не покидающим страхом боли. Но ужас? До сих пор — никогда».

— Будь ты проклят, маршал! — с вызовом всхлипнул он. — Дьявол тебя забери!

Однако по тому, как глухо прозвучал его голос, стало ясно, что он уже один. Бонвилан ушел готовиться к празднеству.

«Я должен чувствовать себя счастливым, — думал Конор Финн. — Мои планы успешно осуществляются, я снова ученый и имею средства для продолжения экспериментов. Я должен чувствовать по крайней мере удовлетворение».

И все же он не мог прогнать мысли о том, что это не его жизнь. Он обходил стороной границы собственной жизни, как будто на вход внутрь был наложен запрет. А между тем где-то там, за пределами досягаемости, его ждала другая, настоящая жизнь.

«Чем дальше отсюда, тем лучше. Как я могу начать все снова, если каждый раз, подняв взгляд, вижу на горизонте Соленые острова?»

Конь тащил повозку по прибрежной дороге в Уэксфорд, отсюда предстояло проследовать

девять километров на побережье Карраклоу. Был уже полдень, поскольку, чтобы спустить с помощью ворота крылья с башни, понадобилось больше времени, чем он предполагал. Придется провести на побережье лишнюю ночь, а может, и две, в зависимости от обстоятельств.

Поездка тоже длилась дольше по сравнению с тем, на что он рассчитывал. Он еще и километра не отъехал от Килмора, как конь устал тащить груз. Крылья, двигатель, хвост, фюзеляж и, конечно, новый пропеллер. Для старого коня такая ноша оказалась тяжела. Наверное, в Уэксфорде стоит обменять коня.

Вспомнив о Линусе, Конор громко рассмеялся.

«В моем сознании Линус уподобляется старому животному. Ему не понравилось бы это сравнение».

Так, думая о Линусе, он обернулся, чтобы проверить, нет ли сигнальных ракет, — как делал уже не меньше десяти раз за время этой поездки.

«Как будто Линус нуждается во мне. Как будто Линус нуждается в...»

В небо взлетали сигнальные ракеты. Похоже, все, что были. Устремляясь к земле, они оставляли розовые следы, похожие на спицы призрачного зонтика.

«У Линуса неприятности».

Наверное, это как-то связано со стычкой прошлой ночи. Совпадение вряд ли возможно.

Конор съехал с дороги глубоко в рощу. Конь был недоволен, старался уклониться от низких ветвей, однако Конор упрямо погонял его. В конце концов ему удалось плотно заклинить повозку между двумя стволами. Деревья тряслись, осыпая человека и коня дождем иголок.

Конор отцепил повозку и торопливо вывел коня обратно на дорогу. С таким старым животным у него было два варианта: либо гнать его быстро, но недолго, либо долго, но медленно. Конор предпочел первое; что-то подсказывало ему, что иначе может оказаться слишком поздно.

Добравшись до башни, Конор обнаружил своего единственного друга привязанным к столбу; на шее рана, на лице синяки. Первой мыслью было: «Мертв. Я снова потерял его». Но потом старик раскашлялся.

— Линус! — воскликнул Конор, принимая на себя его вес. — Вы живы.

Винтер, казалось, удивился.

— Конор... Я не слышал коня.

— Он рухнул на окраине города. Сердце не выдержало, надо полагать.

Конор быстро разрезал веревки, уложил Линуса на землю и ощупал, проверяя, нет ли сломанных костей.

— Сегодня не умрете, но на вас места живого нет. И еще у вас голубая кровь. Вы довольны? Я всегда предполагал, что вы королевских кровей.

— Послушай, Конор. — У Линуса першило в горле, все тело горело. — Это был Бонвилан.

Конор буквально рухнул на траву.

— Сам маршал? Здесь?

— Он и его ищейка, Ариф. Я оставил дверь на крыше открытой, чтобы выходили запахи стряпни. Глупо. Они ушли только потому, что подумали — сейчас из-за сигнальных огней сюда сбегутся жители городка. Я мог бы сказать им, что ты запускал сигнальные ракеты и бог знает что еще уже несколько недель и местным надоело смотреть на них. Да, я мог бы сказать им это, но не стал.

— Что он говорил? Расскажите, Линус!

Линус сделал глубокий вдох. Его лицо исказилось от боли и огорчения.

— Он знает, что Летчик — это ты, Конор. Он планирует убить твоих родителей и Изабеллу тоже. Отравить, скорее всего, за обедом завтра вечером. За обедом в честь Конора Брокхарта.

Конор присел на корточки, онемев от услышанного. Это был наихудший поворот событий.

«Он собирается убить моих родителей... Что мне делать? Что я могу?»

Линус, казалось, прочел его мысли.

— Ты должен забыть об Америке, Конор. По крайней мере сейчас. Время действовать.

— Понимаю. Конечно. Но что я должен делать?

— Это вопрос. Бонвилан знает, что ты появишься. Более того, точно знает, когда и где. Ожидая Летчика, его люди будут наблюдать за морем и небом.

— Я могу сдаться! — в полном отчаянии выпалил Конор. — Тогда маршалу не понадобится никого убивать. Его секреты будут сохранены.

Линус горячо запротестовал:

— Нет! Слишком поздно, Конор. Бонвилан не знает, кому ты рассказал правду и какую армию, возможно, собрал на украденные алмазы.

— Но зачем он сообщает мне об этом обещании? Чтобы помучить меня?

— Чтобы заманить тебя в ловушку, — ответил Линус. — Все его враги умрут в одну ночь, и их убийцей станет Летчик. Обвинение в убий-

стве — испытанный и надежный метод Хьюго Бонвилана.

Конор замер, как статуя, глядя на камни, будто они могли сообщить ему решение ужасной дилеммы. Ветер шевелил его волосы, солнечный свет согревал лицо; но какое значение имеют все эти нормальные вещи для него? Будет ли у него вообще когда-нибудь нормальная жизнь?

— Конор? — окликнул его Винтер, подползая ближе и одной рукой ощупывая воздух. — Конор? С тобой все в порядке?

Конор быстро, поверхностно дышал, не издавая ни звука, и Линус понял, что придется взять главенствующую роль на себя.

— Мы должны покинуть башню. — Он постарался придать голосу оживленное, деловое звучание. — Все, что сможем, погрузим на повозку и уедем сегодня же ночью. Даже если Бонвилан пошлет солдат, чтобы захватить тебя, они не найдут Конора Финна.

Зашуршала трава и одежда — это Конор поднялся на ноги. Если бы Линус мог видеть глаза своего молодого друга, его поразила бы внезапно вспыхнувшая в них решимость.

— Конора Финна? — сказал Летчик. — Конор Финн мертв. Меня зовут Конор Брокхарт, и я должен поговорить с отцом.

ГЛАВА 18

ТЯЖЕЛЕЕ ВОЗДУХА

Конор понимал: существует единственный способ покончить с этим кошмаром. Нужно разоблачить маршала как убийцу. Теперь, когда Бонвилан угрожал тем, кого он любил, вариант убежать как можно дальше отпал сам собой. Открытое противостояние маршалу даст Брокхартам и монархии шанс сражаться и выжить.

«Отец согласился бы с таким решением. Может, он и ненавидит меня, но все изменится, когда всплывет правда».

Теперь Конор понимал, что должен был объявиться еще той ночью на Большом Соленом, когда видел маленького брата; но, казалось, родители были так счастливы без него. И в полной безопасности. Если бы они приняли его как члена семьи, то поставили бы себя под угрозу.

«Ошибочное рассуждение. Неубедительная логика».

Вступить с ними в контакт сейчас — вещь почти невозможная. Бонвилан ожидает его, и, конечно, все караульные на Стене получают приказ стрелять без предупреждения. Им известно, что он может передвигаться на планере и морском судне; это и будут отслеживать. Но может быть, есть какой-то другой выход.

За немислимую цену Конор купил в городке коня и поскакал на нем туда, где спрятал груженую повозку. Все оказалось не так уж просто, поскольку на брезентовую крышу взгромоздились несколько местных парней. Они, словно любопытные обезьяны, тянули за веревки. Первой мыслью было прогнать парней, но потом Конор решил их использовать, предложив каждому за его силу и молчание ошеломляющую плату в виде необработанного алмаза. Нет нужды говорить, что никто не отказался от такого предложения, поскольку один камень стоил столько, сколько взрослый человек зарабатывал за год.

Даже с помощью новых подмастерьев несколько тяжелых, жарких часов ушло на то, чтобы вытащить на дорогу заклиненную между стволами повозку.

— А теперь, парни,— сказал Конор своим «солдатам», когда коня впрягли в повозку,— горячий шоколад всем, если мы доберемся до моста Святого Патрика засветло.

Они с удовольствием приналегли плечами на повозку. Горячий шоколад, алмазы, таинственный груз! Они чувствовали себя рыцарями в поисках приключений.

Мост Святого Патрика представлял собой вал из мелкого щебня и булыжников, протянувшийся от материка к Соленым островам.

Легенда гласит, что когда святой Патрик изгонял дьявола из Ирландии, он в конце концов сумел загнать его в ловушку в горах. Чтобы расчистить себе путь, дьявол выломал из склона две огромные глыбы и рванул в графство Уэксфорд; святой Патрик кинулся в погоню, швыряя в дьявола собранные в полях камни и валуны. Загнанный в воду, дьявол вынужден был пересекать вплавь открытое море; из падающих вокруг него камней и образовался мост Святого Патрика. Несколько камней попали дьяволу в голову, выбив из его рук валуны, которые упали в океан. Меньший стал Малым Соленым, больший — Большим Соленым.

Конор никогда не придавал значения этим рассказам, считая, что виной всему эрозия бе-

реговой линии и океанские течения, но сегодня, глядя на утонувшие в море мрачные, зубренные острова, он почти верил, что они — дело рук дьявола.

Конор и его команда добрались до моста Святого Патрика за час до наступления темноты. К мосту вела извилистая дорога, но она была слишком непрочна для коня и повозки. Требовалось доставить все в целости и сохранности.

Стоя на повозке, Конор раздавал инструкции — точно генерал, командующий своими солдатами.

— Несите все вниз. Кладите отдельные части на мост, выше береговой линии.

Видимо, все очень хрупкое. И его слова звучат так таинственно!

В тот момент, когда Конор отстегнул брезент, стало ясно, что представляет собой тайный груз. Крылья, двигатель, пропеллер. Один парнишка, вожак этой маленькой группы, выступил вперед, раздираемый страхом и недоверием.

— Сэр, не тот ли вы Летчик, который напал на тюремных охранников?

Конор разглядел, как мерцают его глаза, свидетельствуя о жажде удивительного приключения.

— Да, я действительно тот Летчик, и мне требуется ваша помощь. Что скажете, парни? Вожак задумался.

— Ну, мистер Летчик,— заговорил наконец он,— у меня брат на Малом Соленом, пожизненно осужденный за то, что украл всего несколько гиней да сломал пару костей. Так что давайте займемся делом.

Остальные с жизнерадостными криками бросились к повозке, стремясь опередить друг друга.

«Надеюсь, их энтузиазм выдохнется не так быстро,— размышлял Конор.— Впереди долгая ночь тяжелой работы».

Молодые парни — переменчивые создания, и к полуночи трое ушли, подгоняемые голодом, усталостью или призывами родителей немедленно вернуться домой. Однако трое остались и закончили оттаскивать все части аэроплана к мосту Святого Патрика. Конор не знал и не имел времени выяснять, договорились ли они со своими родителями или находились тут без их разрешения.

Одного он отослал с сообщением к Линусу, и спустя какое-то время тот появился с едой и масляными лампами, неуверенно нащупывая длинными ногами путь вниз по крутой тропе, словно новичок на ходулях.

Мальчишки собрали дров и разожгли костры вокруг рабочего места Конора, где он возился с деталями двигателя, банками со смазкой, заводными рукоятками, пружинами, клапанами, рулонами простого, непропитанного муслина, мотками проволоки, котелками с клеем, жесткой коричневой бумагой и странным, изогнутым пропеллером.

Медленно, но верно из небытия возникал аэроплан.

Вожак, откликающийся на мало подходящее ему прозвище Дядя, проявил удивительную способность к механике и оказался бесценным помощником, когда требовалось принести тот или иной инструмент. Он даже нередко предугадывал, какой именно инструмент понадобится!

— Мне нужен гаечный ключ, Дядя. Среднего калибра.

— А по-моему, мелкого, Летчик.

Конечно, Дядя оказался прав и на радостях позволил себе покурить.

Конор принялся объяснять суть своих инноваций — это помогало не думать о родных.

— Паровой двигатель слишком тяжел для аэроплана. Чтобы поднять паровой двигатель, нужен еще более крупный паровой двигатель.

Поэтому Виктор, мой учитель, советовал установить небольшой газовый двигатель или бензиновый, который лучше, но все еще слишком тяжел. Но потом я вспомнил об алюминии.

— Это, что ли, тот, который такой же редкий, как золото?

— Был. Пятьдесят лет назад его было так трудно производить, что алюминиевые бруски демонстрировали на выставках. Однако теперь благодаря процессу Байера* он если не широко распространен, то по крайней мере доступен. Поэтому у меня картер двигателя и «водяная рубашка» полностью сделаны из алюминия. Этот двигатель достаточно легкий, чтобы поднять себя и аэроплан. В воздухе он даст мне по крайней мере десять лошадиных сил.

— Так вы надеетесь, — заявил юный Дядя.

— Действительно надеюсь. И вот что, Дядя...

— Да, Летчик?

— Мне неприятно говорить об этом, но от тебя жутко несет. Ты что, никогда не моешься?

Дядя загасил сигарету о подошву ботинка.

— Не-а, Летчик. Что касается мытья, я как египтянин. Это вредно для души.

* Процесс Байера — наиболее широко используемый способ получения алюминия; разработан во второй половине XIX в.

Когда взошло солнце нового дня, пятеро тружеников сгрудились вокруг жаровни с котелком шоколада. Все были измотаны до предела, но уходить никто не хотел. В разгар утра маленький отряд восстановил свои ряды — парни, покинувшие их прошлой ночью, вернулись, чтобы не упустить шанс стать счастливыми свидетелями полета.

— Идите по мосту и убирайте все маломальски большие камни. Мне нужна ровная взлетная полоса.

Задача была нетрудная, и Дядя отрядил выполнять ее самых медлительных ребят.

— Просить этих дурней помогать с механизмами бесполезно, — заявил он. — А убирать камни — дело как раз по ним: нужно лишь глядеть в оба да иметь сильную спину. Каждые десять минут я повторяю им, что они герои.

Конор кивнул преувеличенно серьезно. Дядя был определенно незаменим.

Пока шла очистка взлетной полосы, Конор навинчивал крылья, сделанные из изогнутых над паром ясеневых нервюр, обтянутых муслином. Теперь форма воздушного судна стала отчетливо видна. Два соединенных крыла, девять метров от конца до конца. Длинный, тонкий фюзеляж, имеющий сходство с плоскодонным яликом, с алюминиевым десятисантимет-

ровым несущим двигателем, установленным позади нового пропеллера Конора.

— Никогда не видел такого пропеллера, — заметил Дядя, по-видимому, бывший экспертом по всем вопросам. — Как он показал себя в испытаниях?

— В каких испытаниях? — усмехнулся Конор, завинчивая на пропеллере последнюю гайку.

Линус продолжал подносить еду и питье, а когда парни выдыхались, доставал из кармана маленький свисток и играл джигу* или рил**. И ребята, даже не отдавая себе отчета, снова ускоряли темп. Работа заняла большую часть дня, но в конце концов аэроплан был готов, стоял на отмели из глинистого сланца на трех колесах, словно огромная спящая птица. Это было чудо, и на несколько долгих минут маленький отряд застыл в молчании, просто рассматривая конструкцию, вглядываясь в каждый изгиб, каждую распорку.

Они ощущали и страх; никто из парней не осмелился бы и пальцем прикоснуться к аэроплану — из страха разбудить спящую птицу.

* Джига — старинный парный танец кельтского происхождения, сохранился в Англии и Ирландии.

** Рил — быстрый шотландский танец.

Лишь Линус Винтер не испытывал этого благоговейного страха. Конор подвел его к пропеллеру, он ощупал его и весь аэроплан.

— Виктор испытывал бы гордость,— сказал он.

— Надеюсь,— ответил Конор.— Теоретическая часть столько же его, сколько моя, поэтому я и сделал вот это...

Конор сорвал с носа полоску бумаги и положил руку Линуса на то, что находилось под ней. Американец почувствовал под пальцами слоистые линии высохшей краски, складывающиеся в слово «Щетка».

Винтер грустно улыбнулся.

— Ему, французскому спесивцу, это должно было понравиться. Если бы мои слезные протоки еще действовали, я бы расплакался.— Он вытер нос.— Я должен написать что-то особенное. Мелодию, которая поможет тебе быстрее лететь.

— Время еще есть. Мне нужно по крайней мере тридцать метров для разгона, поэтому придется дожидаться отлива.

Дядя, стоящий бок о бок с Конором, услышал это замечание.

— Объясни мне кое-что, Летчик. Если тебе нужно тридцать метров для разгона, то сколько метров тебе требуется, чтобы приземлиться?

Вполне уместный вопрос, однако Конору, похоже, не хотелось на него отвечать. Он повернулся и зашагал к плоским камням, избегая вопросительных взглядов следовавших за ним.

— Это сложно,— бормотал он.— Технически. Нужно сделать некоторые расчеты.— И потом, как будто тема была исчерпана: — Кстати, а где эти ясеновые нервюры? Мне нужно кое-что подправить.

Дядя прикурил очередную сигарету.

— Я достаточно хорошо знаю Большой Солёный. Если для приземления требуется такое же расстояние, как для разгона, то на острове такого места не найдешь. На всех плоских поверхностях стоят дома. Единственное место, где можно приземлиться,— это на площади перед дворцовыми воротами.— Безумие этой идеи заставило Дядю рассмеяться.— Площадь перед дворцом, только представьте себе! Если бы маршал Бонвилан был пауком, это была бы его паутина, а Летчик был бы...

— Мухой,— еле слышно закончил Линус.

Большой Солёный

Маршал Хьюго Бонвилан был необычайно возбужден; предстоял очень важный день, и не только для него, но для всех Бонвиланов, кото-

рые были вынуждены выслуживаться перед своими королями-идиотами. Сегодняшний день оправдает все их жертвы. Для такого финала понадобились века, но наконец-то Бонвиланы на шаг от того, чтобы занять место Трюдо.

Неудивительно, что Султан Ариф, войдя в полдень в кабинет Бонвилана, обнаружил маршала в таком состоянии, в каком не видел еще никогда. Бонвилан стоял у окна, хлопая в ладоши в такт вальсу Штрауса, который играл стоящий в углу скрипач. Султан откашлялся, привлекая внимание маршала.

— А-а, капитан, это ты! — лучась удовольствием, воскликнул Бонвилан. — Что за день, а? Исторический, и все такое прочее. Я люблю Штрауса, а ты? Многие считают, что я предпочитаю Вагнера, но это вовсе не так, хотя мои обязанности временами и носят мрачный характер. Нет, Штраус — вот кто нужен, если предстоит трудный день. Думаю, когда я буду вступать в должность премьер-министра, непременно надо будет выписать австрийский оркестр.

Такая самоуверенность удивила Султана, и это отразилось на его лице.

— Не тревожься из-за него. — Бонвилан сделал жест в сторону музыканта. — Несколько лет назад беднягу переехал экипаж, в результате чего он ослеп и оглох. Играет по памяти. Его

прислал мне кайзер Вильгельм, и, представь, он приехал как раз сегодня. «Это знамение», — сказал я себе. Разве может теперь что-то пойти не так?

Султан нервничал все сильнее. В окружении маршала всегда что-то шло не так — для других людей, конечно.

— На все воля Божья. Думаю, все пройдет хорошо.

— Как же иначе? — Бонвилан отошел от окна. — Королева и ее приверженцы вскоре будут мертвы. Наследника нет, значит, я стану премьер-министром. Мальчишка Брокхартов, Летчик, без сомнения, предпримет попытку спасти их. Значит, мы заполучим также и его. Но даже если он не явится, после смерти Изабеллы ему уготована участь стать всего лишь негодующим беженцем. — Маршал уселся за письменный стол, глядя ладонью войлочную поверхность. — А теперь давай поговорим о яде.

Султан Ариф поставил на стол заткнутой пробкой пузырек, до половины наполненный бледно-желтым порошком.

— Это альпийский аконит*, — пояснил он. — Можно смешать с вином, а можно подсыпать

* Аконит — род многолетних травянистых растений семейства лютиковых; большинство видов ядовиты.

в еду. Спустя несколько минут жертва начнет испытывать странное покалывание в руках, боль в груди, сильное беспокойство, ускоренное сердцебиение, тошноту. Затем рвота и вскоре смерть от остановки дыхания.

— Вскоре,— промурлыкал Бонвилан.— Это мне нравится.— Он поднял пузырек, разглядывая его на свету, как будто рассчитывая зрительно убедиться в смертоносных качествах порошка.— Теперь вот что, Султан. Ты знаешь, как жизненно важно, чтобы во всей этой истории я выглядел безупречно. Я должен пострадать вместе с остальными и спастись исключительно благодаря собственной живучести. Врач королевы должен подтвердить, что я был на пороге смерти.

— Тогда выпейте лишь половину стакана,— посоветовал Султан.— Вы будете страдать так же, как остальные, но без остановки дыхания.

Бонвилан взял хрустальный графин и налил стакан бренди.

— Половину, говоришь? Ты уверен? Готов рискнуть моей жизнью?

— С неохотой.

— У меня есть идея.— Бонвилан высыпал в стакан щепотку порошка.— Почему бы не уточнить дозу на музыканте? — Он напустил

на себя грустный вид.— Но ты с такой теплой относишься к слепым, да и я хотел бы послушать еще что-нибудь из его репертуара.

Султан почувствовал, как по спине заструился пот.

— Нет никакой необходимости ничего уточнять, маршал. Мы и раньше применяли этот метод.

— Но не на мне. Я хочу, чтобы ты испытал его на себе. Тогда я буду уверен.

— Но на то, чтобы оправиться, уйдет несколько часов,— слабо запротестовал Султан.— А я буду нужен вам сегодня.

— Ты уже мне нужен, капитан.— Бонвилап протянул ему стакан.— Как раз для этого.

— А если появится Летчик?

— Этот мальчишка? Я с ним справлюсь. Я участвовал в нескольких кампаниях, Султан, и прекрасно владею мечом. Прошу тебя, выпей это, капитан. Или ты снова мне откажешь?

Султан почувствовал, что оказался в ловушке. Портреты многочисленных маршалов Бонвиланов сердито взирали на него со стен, подзадоривая отказаться.

«Я могу убить его,— подумал он.— По крайней мере, могу попытаться».

Однако это была битва разумов, и Султан уже проиграл ее. Слишком долго он безропотно выполнял приказание маршала.

«Я совершал чудовищные поступки. Чудовищные».

Султан Ариф вспомнил о вреде, причиненном им во имя Соленых островов, о множестве загубленных жизней, о тех, кто и сейчас томился в тюрьме.

Он протянул руку, взял стакан и выплеснул его содержимое в горло.

— Bravo! — воскликнул Бонвилан. — Только поосторожнее со стаканом, он хрустальный.

Султан швырнул стакан на стол и стал ждать, когда подействует яд. Онемение конечностей — первый симптом отравления аконитом. Пальцы начало покалывать, и Султан уставился на них, словно они принадлежали другому человеку.

— Немеют, — сказал он.

— Превосходно! — воскликнул Бонвилан. — Начинается.

Султан слишком хорошо представлял себе, какие страдания его ожидают. Ему еще повезет, если он вообще выживет.

— Сыграй что-нибудь печальное, — приказал Бонвилан скрипачу, хотя тот не мог слышать его. — Нужно развеселить капитана.

Час спустя Султан скреб пальцами ковер, легкие жгло огнем, каждый вдох был, точно удар кинжала. Бонвилан присел рядом на корточки и щелкнул пальцами, привлекая его внимание.

— Вот теперь, капитан,— добродушно сказал он,— в следующий раз, когда я прикажу тебе убить слепого, ты сделаешь это. Понял?

Султан не то кивнул, не то просто спазматически дернул головой. В любом случае, Бонвилан не сомневался, что урок усвоен.

Мост Святого Патрика

Настало время лететь. Закат и отлив. Мост из глинистого сланца стал гладким, как никогда, двигатель был заправлен. Ничто больше не удерживало Конора — кроме чувства тревоги.

Он сидел на плоских камнях, высматривая в небе птиц.

— Ты не слышишь летучих мышей? — спросил он Линуса.

Тот сидел рядом, вытянув на песке длинные худые ноги.

— Летучих мышей?

— Да. Если где-то поблизости есть логово летучих мышей, они могут повредить пропеллер.

Линус помолчал.

— Нет. Никаких летучих мышей. Но кто-то крадется по гребню. Я слышу шарканье. Сильное шарканье.

Конор встал и обернулся, вытянув шею, чтобы лучше видеть. Вдоль гребня, словно зубы в огромном рту, выстроились горожане, и число их увеличивалось с каждым мгновением. Они тарасились вниз, на Летчика.

— Весь Килмор здесь,— простонал он.

— А ты рассчитывал, что будешь раздавать алмазы, сооружать на побережье машину тяжелее воздуха и при этом сохранишь все в секрете? Ты — Летчик и летишь, чтобы дать бой Бонвилану. Он тут непопулярен.

— Смотри, они зажигают фонари.

Линус похлопал себя по виску.

— Я не могу смотреть, мальчик. Я слепой, ты забыл? Кстати, разве тебе не будет пользы от света?

— Бог мой! — воскликнул Конор.— Конечно. Свет мне очень даже поможет.

— В таком случае пригласи этих добрых людей спуститься. Ведь уже через несколько часов все это не будет иметь никакого значения. Королева узнает правду; Бонвилан будет изгнан; и ты снова станешь сэром Конором Соленых островов.

— Еще неизвестно. Все может завершиться совсем иначе.

Линус встал и отряхнул штаны.

— Только не сегодня вечером, мой юный друг. Планеты выстроились в ряд; руны сложены; я нашел в траве четырехлистный клевер. Сегодня вечером, спустя три года, Конор Брокхарт восстанет из мертвых.

— Может быть, — ответил Конор. — Но надолго ли?

Большой Соленый

Двухлетний Шон Брокхарт лежал в постели, но не спал.

— По-моему, у него жар, — сказала Кэтрин, прикоснувшись тыльной стороной ладони ко лбу малыша. — Может, лучше остаться дома.

— Остаться дома, — улыбнулся Шон.

Деклан, в полной форме, отчего плечи казались шире, стоял в дверном проеме.

— С Шоном все в полном порядке, дорогая. Будь он чуть посильнее, я взял бы его на военную службу прямо сейчас. Если не хочешь идти, просто так и скажи, не впутывай малыша в свои интриги.

Кэтрин расправила медали на груди мужа.

— Я была против с тех самых пор, как поступило приглашение. Это странно, тебе не ка-

жется? Внезапное желание маршала устроить праздник в честь Конора?

Деклан нахмурился. За последние недели многое изменилось. Он стал самим собой впервые за долгие годы; точнее говоря, за три года. И хотя он по-прежнему был благодарен Хьюго Бонвилану за то, что тот сделал для Конора и семьи, его беспокоили методы этого человека, в особенности суровая дисциплина и даже жестокость, которые тот поддерживал на Малом Соленом. Не так давно люди Деклана рассказывали ему ужасные истории об этой тюрьме.

— Это не странно, а естественно. Хьюго тоже испытывает чувство вины. Ведь именно его люди охраняли короля. С Николасом всегда существовала проблема: он не желал, чтобы его жизнь проходила под охраной. Был чересчур доверчив.

— Поговори с Изабеллой, Деклан. Она ждет этого.

— А ты уже разговаривала с ней?

Кэтрин положила руку на плечо мужу.

— Она разговаривала со мной. Изабелла тоже обеспокоена. Ей нужен друг, к которому люди прислушиваются. Ты единственный, кто может бросить вызов Бонвилану.

Деклан не хотел выступать в этой роли.

— Маршал — мой начальник. И был очень добр к нам.

— Мне не хочется огорчать тебя, Деклан, но в последние годы ты витал в облаках, был слеп и глух к несправедливости, которая становится нормой на Соленых островах. Мечта Николаса создать Утопию для людей — теперь это мечта Изабеллы. Но не Хьюго Бонвилана. Он хочет стать премьер-министром. Всегда хотел.

Для Деклана эти факты были как лучи света, прорвавшиеся между плотными занавесками.

— До меня доходили кое-какие слухи. Я могу провести расследование.

Кэтрин сильнее сжала его плечо.

— Еще одно. Хотя сегодня, возможно, не время говорить об этом: Виктор Вигни предатель?

— В его апартаментах нашли письма с детальным описанием наших оборонительных сооружений. И мои люди были с Бонвиланом, когда он обнаружил тела.

— Мне все это известно, но я тоже знала Виктора. Он спас нас, помнишь?

— Он спасал себя,— возразил Деклан и мягко добавил: — Виктор был шпионом, Кэтрин. Шпионы — люди хладнокровные. Мы воспри-

нимали его таким, как он хотел, чтобы мы его воспринимали.

В глазах Кэтрин дрожали слезы.

— Просто пообещай, что поддержишь Изабеллу во всех ее начинаниях. Твоя преданность прежде всего принадлежит ей.

— Конечно, она же моя королева.

— Хорошо.— Кэтрин вытерла глаза.— А теперь я снова должна привести себя в порядок. Почему бы тебе пока не рассказать что-нибудь сыну, не развлечь его до прихода няни?

Маленький Шон понял главное.

— Расскажи, папа. Расскажи, расскажи, расскажи.

Деклан крепко сжал руку жены, прежде чем она покинула комнату.

— Я вернулся, Кэтрин. И позабочусь обо всех нас, включая королеву.

Он уселся на постель Шона. Как обычно, он не мог, глядя на одного сына, не вспомнить о другом, но прогнал невеселые мысли и улыбнулся малышу.

— Ну, Шон Брокхарт, не желаешь засыпать?

— Не хочу спать,— ответил Шон, воинственно потянув отца за рукав.

«Такой маленький,— подумал Деклан.— Такой уязвимый».

— Думаю, одна из моих историй подойдет. Какую хочешь? О капитане Кроу?

— Не надо Кроу.— Шон оттопырил нижнюю губу.— Конор. Расскажи о Коноре. О брате Шона.

Деклан оказался застигнут врасплох. Шон никогда прежде не просил рассказать о Коноре, и Деклан этого не ожидал.

— О Коноре! — требовал Шон, колотя палку по бедру.

Деклан вздохнул.

— Хорошо, малыш. О Коноре. О твоём брате существует множество историй, поскольку он был человеком особенным и совершил немало удивительных поступков. Однако его самое знаменитое деяние, то, за которое он получил золотую медаль от правительства,— это спасение королевы Изабеллы. Конечно, тогда она еще была не королевой, а просто принцессой.

— Принцессой,— удовлетворенно повторил Шон.

— Тем летним днем Конору и Изабелле надоело лазить по заброшенным дымоходам, и они решили, притворившись пиратами, напасть на королевские апартаменты...

И Деклан Брокхарт рассказал историю о горящей башне. Когда она закончилась и прин-

цесса была спасена, он поцеловал спящего мальчика и покинул спальню с ощущением странной легкости на сердце.

Мост Святого Патрика

«Это безумие,— думал Конор.— Чистое помешательство, учитывая, как много может пойти не так».

Несмотря на алюминиевую обшивку, двигатель может оказаться слишком тяжел. Пропеллер даже не прошел испытания в аэродинамической трубе и мог с равной степенью вероятности как толкать судно вперед, так и просто разнести его нос на части. Непропитанный муслин легче пропитанного, но, возможно, будет отражать воздушные течения не в той мере, чтобы создать подъемную силу. Рулевое управление в зачаточном состоянии и обеспечит поворот не больше чем на двадцать градусов, но даже это может привести к тому, что крылья просто отвалятся. Неизвестно, обеспечат ли концы крыльев достаточную для взлета балансировку. И так далее и тому подобное.

Мост Святого Патрика превратился в некое подобие кафедрального собора. Жители городка спускались по крутой тропинке вниз и скапливались в естественном амфитеатре чуть по-

выше площадки из глинистого сланца. Одни занимали удобные места, открывали корзины с едой и, дожидаясь начала «спектакля», дружно болтали. Другие выстроились по обеим сторонам моста Святого Патрика, подняв вверх фонари, чтобы осветить дорогу Летчику.

«Новые напасти на мою голову, — размышлял Конор. — Попытки свергнуть военного лидера недостаточно, в придачу я должен развлекать горожан».

Он в последний раз проверил «Щетку», с масляной лампой в руках заглядывая под каждое крыло, выискивая разрывы, выравнивая вздутия. Все, больше откладывать нельзя.

— Это твой четвертый последний осмотр, если уши меня не подводят, — заметил сидящий в тени Линус. — Отправляйся, Конор, или ты упустишь отлив.

— Да, конечно, вы правы. Нужно лететь немедленно. Наверное, это выглядит ужасно глупо — столько приготовлений к такому короткому полету.

Линус подошел ближе. Лампа освещала его снизу, отбрасывая призрачные тени на художавое лицо.

— Ты не прав, мальчик. Это чрезвычайно важный полет. Исторический.

Конор застегнул летную куртку.

— Боюсь, вовсе не исторический. Не будет ни официальных отчетов, ни фотографий. Ничто не может быть признано, если нет хотя бы одного свидетеля из Королевского научного общества. Каждую неделю объявляется новый чокнутый, заявляющий, что он летал.

Линус высоко вскинул руки — как дирижер, выражающий признательность зрителям.

— Все до одного присутствующие здесь мужчины, женщины и дети всю оставшуюся жизнь будут помнить то, что вот-вот должно произойти, и не важно, как об этом впоследствии будет сказано в исторических книгах. Истина никогда не умирает.

Конор пристегнул очки и шлем.

— Линус, если что-то произойдет... что-то плохое... вы найдете безопасный способ связаться с моим отцом? Он должен знать правду.

Линус кивнул.

— Найду, мальчик. У старого шпиона всегда припасено в рукаве несколько трюков, но я верю в тебя.

Конор поднялся по короткой лестнице на место пилота и осторожно уселся. Что-то на его куртке звякнуло о каркас. Это была крылатая буква «А».

— Думаю, больше в ней нет нужды.— Конор отстегнул эмблему.— Бонвилан точно знает, кто я такой.

Он бросил ее над головой Линуса мальчику по прозвищу Дядя.

— Подарок на память. Когда люди станут говорить, что этого никогда не было, по крайней мере ты будешь знать, как все происходило.

Дядя потер крылатую букву «А» о рубашку, полируя ее.

— Спасибо, Летчик. Я рассчитывал на очки, но, наверное, тебе они еще понадобятся.

— К несчастью, да. Но ты их получишь, если я вернусь, взамен еще одной, последней любезности.

— Все, что угодно! — воскликнул парнишка, уже воображая, как он важно расхаживает по килморской пристани, лихо сдвинув очки на лоб.— Если только для этого не нужно мыться.

— Нет. Никакого мытья. Пусть два твоих самых высоких парня встанут у концов крыльев. Это должны быть сильные, быстрые на ноги парни.

Дядя подозвал двух высоких парней и велел им встать так, как сказал Конор.

— Эти двое такие тупицы, что по сравнению с ними городской идиот выглядел бы Шерлоком Холмсом,— по секрету сообщил Конору

Дядя.— Если вы захотите, они побегут прямо в море.— И потом он добавил, обращаясь к парням: — Бегите быстро, приятели. Поддерживайте крылья ровно, и я обменяю ваши алмазы на две пачки ирисок.

— Согласен, Дядя,— ответил один.

— Ириски,— сказал второй, очень похожий на первого.

— Пусть останются у воды.— Конор закрепил очки.— Нужно, чтобы они бежали вместе с аэропланом и держали крылья ровно. Как только я взлечу, они свободны. Справятся они с этим?

— Конечно, справятся. Они хоть и тупицы, но не настолько же.

Конор кивнул.

— Очень хорошо. Дядя, если для меня этим вечером все обернется плохо, я хочу, чтобы ты остался с мистером Винтером. Он будет хорошо платить тебе.

— А он будет заставлять меня мыться?

— Нет, но он будет обсуждать эту проблему с тобой до тех пор, пока ты сам не захочешь вымыться.

— А-а, он из таких. Ладно уж. Ради вас, Летчик. Хотя, возможно, мне придется убить его во сне.

— Логично.

«Я впустую трачу драгоценные минуты, болтая с мальчишкой. А время уходит».

Конор уперся ногами в деревянные подставки и встал, наклонившись вперед, чтобы дотянуться до заводной ручки двигателя. Во время испытаний с двигателем не было никаких проблем, но так уж заведено — проблем нет, пока не доходит до дела.

Двигатель заработал на втором обороте — закашлялся, словно простуженный пес, а потом оглушительно взревел. Толпа разразилась приветственными криками; Конор почувствовал, что хочет сделать то же самое. Первая фаза была завершена; теперь, если он все рассчитал правильно, вибрация не разорвет аэроплан на части... не сразу, по крайней мере.

После первоначального взрыва энтузиазма двигатель перешел к делу: развил около десяти лошадиных сил, закрутил революционный пропеллер Конора и послал через его плечо клубы выхлопных газов. Аэроплан подскочил и встал на дыбы — дикий зверь на привязи, страстно рвущийся на свободу.

«Наверное, ничего не получится. Я не могу контролировать скорость, а каркас, может, и пяти минут не продержится».

Конор натянул ремни, отпустил тормозной рычаг, и аэроплан прыгнул вперед, поскакал по

сланцевой поверхности. Краем глаза Конор заметил, как Дядя подхлестывает одного из бегунов ударами прута. Одной рукой Конор застегивал пряжку на груди, другой с трудом удерживал руль прямо.

«Нужно было пристегнуться до того, как отпустить тормоз. Идиот».

Океан быстро приближался, а скорость все еще была недостаточна. Конор подталкивал аэроплан рывками туловища вперед, не обращая внимания на дым и брызги масла на лице и очках.

«Нужно было прикрепить выхлопную трубу к фюзеляжу. О чем ты только думал?»

Мимо с обеих сторон проносились фонари, из-за скорости их огни сливались друг с другом в размытые пятна. Все, что он мог, — это удерживать аэроплан между двумя этими светящимися линиями. Вибрация была жуткая, позвонки щемило, зубы стучали, глаза выкатывались из орбит.

«Нужно что-то, смягчающее вибрацию. Матерчатая обивка или пружины».

Однако сейчас было не время для новых идей. Аэроплан, только что пробудившийся к жизни, уже умирал. Заклепки вылетали, материя рвалась, нервы стонали. Пройдет не-

сколько минут, и двигатель разорвет его на куски, словно пес, трясущий лоскутную куклу.

Ноги Конора нашли на полу педали, и он надавил на них, меняя угол наклона крыльев. Аэроплан слегка поднялся и опять упал. Конор надавил снова, и на этот раз подъем был гораздо ощутимее, а вибрация уменьшилась. Теперь он не чувствовал ударов на каждом камне, что было большим облегчением.

Черная вода возникла впереди и тут же ушла вниз. Конор мимоходом отметил, что его бегуны плюхнулись в океан, но он уже был в воздухе и уносился прочь.

«Я лечу на машине,— подумал он.— Ты видишь меня, Виктор? Мы сделали это».

Большой Соленый

Маршал Бонвилан распорядился, чтобы обед проходил в его личных апартаментах, что было весьма необычно. До этого вечера никто из гостей не бывал в комнатах маршала, да он и не приглашал туда никого.

Башня Бонвилана возвышалась отдельно от главного здания дворца, южнее по Стене; семья маршала обитала там с тех самых пор, как башня была возведена. Это было самое высокое строение на Соленых островах. Серое, величественное, грозно выделяющееся на фо-

не неба, оно напоминало о власти маршала. Самого Бонвилана часто видели на балконе; он стоял там, прильнув к телескопу, следя за всеми и всем, отчего остров как бы заранее чувствовал себя достойным порицания.

Обеденный зал представлял собой роскошное помещение, декорированное восточным шелком и цветными бумажными экранами. Вокруг круглого невысокого стола лежали толстые подушки.

Когда королева Изабелла и Брокхарты вошли в зал, возникло ощущение, будто они оказались в другой вселенной.

В особенности удивилась Кэтрин.

— Это так... Это так...

— Изысканно? — подсказал ей Хьюго Бонвилан, выходя из-за экрана.

Вместо обычного строгого синего костюма и накидки тамплиера на нем было японское одеяние.

Бонвилан не мог не заметить, что его наряд вызвал у гостей большое изумление.

— Это одеяние называется *yakuta tatsu**. *Tatsu* по-японски означает «дракон», олицетворяющий собой могущественные и непокорные природные стихии. В шестьдесят пятом я

* Якутский дракон.

прожил год в Японии в качестве личного телохранителя императора Мейджи, до тех пор пока не умер отец и меня не отозвали обратно. Император Мейджи настоял, чтобы я взял с собой что-нибудь японское. Я редко достаю это одеяние из шкафа, но сегодня особый случай. Я подумал, может, вам понравится видеть маршала не таким церемонным, как всегда.

Кэтрин первая оправилась от удивления.

— Вы потрясающе выглядите, маршал.

— Благодарю вас, Кэтрин. Надеюсь, никто не возражает против того, чтобы сидеть на подушках.

Никто не возражал, хотя с церемониальными мечами и в модных платьях сидеть так было не слишком удобно.

— Слава богу, турнюры* больше не в моде,— шепнула Кэтрин королеве.— Иначе мы катались бы тут, точно кегли.

Угощение состояло главным образом из рыбы и риса; обслуживал гостей один-единственный худощавый слуга.

— Вообще-то Коко шеф-повар,— заявил Бонвилан.— Я переманил его из одного ресто-

* Турнюр — модная в 80-х годах XIX в. принадлежность женского платья в виде подушки, подкладываемой под платье сзади ниже талии; также широкая юбка, предназначенная для ношения с такой подушкой.

рана в Лондоне с обещанием приличного жалования. Он португалец, но может приготовить все, что пожелаете. Особенно хорош в японской кухне.

Час прошел медленно, несмотря на культурологические лекции маршала. Наконец терпение Кэтрин истощилось. Она шмыгнула носом и принялась скручивать салфетку, как будто намеревалась задушить ее.

Деклан вздрогнул. Он знал, что означают эти признаки. Надвигались неприятности.

— Угощение изумительное, маршал,— сказала Кэтрин,— но, уверена, мы собрались здесь не просто чтобы поесть и поболтать. В своем приглашении вы высказались несколько неопределенно, поэтому я хотела бы знать, какое отношение этот праздник имеет к Конору?

Лицо Бонвилана превратилось в маску сожаления и понимания.

— Вы правы, Кэтрин. Я отклонился от *raison d'être** сегодняшнего вечера. Конор. Ваш сын. Герой Солёных островов. Я подумал — мы могли бы обмениваться воспоминаниями об этом храбром молодом человеке и, скажем, поднять в честь него тост. У меня припасена бутылка редкого вина.

* Разумное основание, смысл (*фр.*).

Неплохо получилось; маршал почувствовал, что, если понадобится, сможет выдавить и слезу.

— Но почему именно сейчас? — не унималась Кэтрин.— Признаться, я в некотором недоумении, маршал.

От необходимости отвечать его избавил звук сигнальной трубы со Стены.

Деклан мгновенно вскочил.

— Это призыв к оружию.

Король Николас настоял на том, чтобы горнисты Соленых островов выучили сигналы армии США.

— Не стоит паниковать.— Бонвилан вышел на балкон.— Меня предупреждали, что он может появиться.

— Кто? — спросила королева.

— Враг государства, ваше величество.— Бонвилан прильнул к телескопу.— Тот, который называет себя Летчиком.

— Летчик,— сказал Деклан.— До меня доходили слухи о нем. Вы хотите сказать, что он представляет собой реальную угрозу?

— Реален ли он? Да,— ответил Бонвилан, не отрываясь от телескопа.— Представляет собой угрозу? Уж точно нет. Всего лишь какой-то француз с воздушным змеем. Подойдите взгляните сами. Линзы просто потрясающие.

Кэтрин вцепилась в плечо Деклана, чтобы унять дрожь. Все эти разговоры о полетах и французах вызывали в памяти Виктора Вигни.

— Француз на воздушном змее? — напряженно спросила она.

— О господи, конечно! — Бонвилан постарался изобразить шок. — В точности как убийца Вигни. Вполне допускаю, что Летчик — один из его помощников. Любопытный гибрид безумного революционера и ученого... Как бестактно с моей стороны даже упоминать о нем. Пожалуйста, не покидайте зал. Караульные на Стене подстрелят его.

Взяв Бонвилана за руку, Деклан отвел его в сторону.

— Подстрелят? Вы же сказали, что он не представляет собой угрозы.

Бонвилан наклонил к нему голову и заговорил еле слышно:

— Практически нет, хотя мои люди обнаружили мастерскую по изготовлению гранат.

Деклан побледнел.

— Гранат! Маршал, я капитан караульных на Стене. Почему мне неизвестно об этом?

— Капитан... то есть Деклан, информаторы с материка связались со мной меньше двух часов назад. Я планировал обсудить эту проблему после обеда, но если быть честным... фран-

цуз на планере, бросающий гранаты? Нелепо! Что-то вроде низкопробных романов ужасов. Да и ветер сегодня дует в сторону материка. Как этот безумец может прилететь сюда?

Внезапно над проливом возник лязгающий механический звук, меняясь от низкого регистра к высокому и сопровождаясь странным шипением.

— Возможно, этот Летчик не полагается на ветер. — Деклан сорвал с подставки телескоп. — Конор всегда говорил, что когда-нибудь человек создаст аэроплан с двигателем.

— На двигательной тяге, — пробормотал Бонвилан сквозь стиснутые зубы. — Хитроумный он, этот Конор, а?

Деклан перевел взгляд на Стену. Караульные погасили огни и собрались у третьей башни. Несколько человек забрались на парапет и указывали куда-то в небо. У двоих были телескопы, направленные под углом тридцать градусов к северо-востоку. Деклан аналогичным образом повернул телескоп маршала. В первое мгновение он не видел ничего, кроме ночного неба и звезд, однако потом что-то промелькнуло, пересекая поле обзора. Не птица. Что-то слишком большое для птицы.

Деклан принялся водить телескопом, стараясь поймать объект. Наконец получилось, и ды-

хание у него перехватило. Летающая машина. Перед глазами Деклана ожила мечта Конора.

Аэроплан нельзя было назвать изящным, однако он летел сквозь воздух, кренясь и оставляя позади клубы дыма. В лунном свете Деклану удалось разглядеть сидящего сразу за двигателем Летчика, сгорбившегося, борющегося за то, чтобы сохранять контроль над судном. Лицо наполовину прикрывали очки, а остальное было вымазано сажей, на фоне которой выделялись оскаленные от усилий белые зубы.

— Я вижу его, — выдохнул он. — Это Летчик. Он летит.

Кэтрин метнулась на балкон и перегнулась через перила, вглядываясь в небо.

— Бог мой! Если бы только Конор мог его видеть! — Она повернулась к мужу. — Ты должен поговорить с этим небесным пилотом.

Позади них дважды прозвучал пронзительный свист, караульные на Стене скинули свои плащи и принялись вращать ими, словно торeadоры. Три команды, обслуживающие скорострельные пушки Гатлинга*, заняли места на Стене и начали наводить орудия. Кем бы ни был

* Гатлинг Ричард Джордан (1818–1903) — американский изобретатель; в 1862 г. запатентовал многоствольное скорострельное оружие — пулемет.

этот Летчик, он летел прямо туда, где его ожидал шквал огня.

Бонвилан по-прежнему держал свисток у рта.

— Приказ отдан. У меня нет выбора, Кэтрин. Возможно, он везет с собой гранаты. Прежде всего я должен защищать королеву. Деклан, вы меня понимаете?

Кэтрин повернулась к мужу, сверкая глазами, рассчитывая на его поддержку, но...

— Маршал прав,— сказал Деклан, как ни больно было ему это говорить.— Кострову приближается неопознанное судно. Возможно, пилот вооружен. Выбор один — открыть огонь.

— Он летит на моторизованном воздушном змее,— сказала Кэтрин; отступничество Деклана болезненно ударило ее.— Стены больше метра толщиной. Даже если бы он нес на своих крыльях пушку, он не мог бы повредить башню.

Для Деклана, однако, долг был превыше всего.

— Этот человек покориł небеса. Может, и стены не устоят перед ним. До меня доходили слухи о наполненных ядовитым газом гранатах. Мы не имеем права подвергать королеву опасности.— Он взял Кэтрин за руки.— Королева не может умереть, понимаешь?

Внимательно вглядываясь в лицо мужа, Кэтрин попыталась вникнуть в глубинный смысл его слов, и ей это удалось.

«Королева не может умереть, потому что, если это произойдет, Бонвилан станет премьер-министром».

— Хорошо, Деклан. Понимаю,— безжизненным голосом произнесла она.— Королева должна жить, значит, Летчик должен умереть.— Выпустив руки мужа, она вернулась в комнату.— Смотреть на это убийство — выше моих сил. Радуйтесь, маршал. Вы победили.

«Это уж точно»,— подумал Бонвилан, но вслух сказал:

— Смерть другого никого не радует, мадам. Я участвовал не в одном сражении, но даже если мы боролись за правое дело, я всегда приходил к выводу, что многих потерь можно было избежать. Увы, на этот раз никакой альтернативы нет.

И с полуулыбкой сожаления на губах маршал в последний раз свистнул в свой свисток.

Внизу, на Стене, стрелки завертели рукоятки пушек, изрыгая в небо тысячу очередей в минуту. Пули устремились к Летчику, оставляя в воздухе дымные следы.

«Никто не выживет в таком аду,— подумал Деклан.— Никто».

Бонвилан рассуждал в точности так же. Это было сражение векторов и силы тяжести. Люльки пушек Гатлинга допускали лишь фиксированный угол возвышения, и, хотя их дальность бойность достигала шестисот метров, Летчик пока находился слишком высоко, чтобы в него попасть. Однако его врагом была и сила тяжести. Хрупкое судно не могло долго держаться на высоте, и, как только оно начнет снижаться, пули превратят его в конфетти.

Грохот пушек был столь силен, что казалось, весь остров содрогается. Легко можно было представить, что, если так будет продолжаться, Стена рассыплется в пыль. Патронники изрыгали длинные цилиндры дыма, и к облакам поднимались клубы пара, когда обслуга пушек охлаждала дула, поливая их из ведер.

Деклану никогда не приходилось видеть работу пушек Гатлинга в реальных боевых условиях, но он слышал, что одна очередь может разорвать человека на части. Сейчас в воздухе было столько свинцовых пуль, что хватило бы на целую армию.словно плотный рой металлических шершней, они, устремившись к единой цели, заполняли небо своим жужжанием.

Деклан вскинул телескоп, чтобы в последний раз взглянуть на Летчика. Даже с такого

расстояния было ясно, что тот в отчаянном положении. Горячее масло пузырилось на его лице и очках, обеими руками он вцепился в руль; связь между крыльями была разрушена, и они бились позади аэроплана, словно ленточки во время первомайского праздника.

Деклан опустил телескоп.

«Ему конец. Мы никогда не узнаем, каковы были его истинные намерения».

Несколько мгновений спустя Летчик проиграл битву за управление судном и высотой. Двигатель работал рывками, время от времени издавал хриплый рев — и умирал. Потом аэроплан по спирали пошел вниз, и стрелки замерли в ожидании.

Ждать им пришлось недолго. Прозвучала короткая, отрывистая команда, и люльки пушек повернулись еще раз. Восемнадцать дул выплюнули огонь, и новый ураган очередей вспорол ночное небо. И использованные гильзы звякали о парашют, словно брошенные нищему монеты.

Пули рвали крылья и фюзеляж, замедля падение аэроплана. Удар был ужасный; хрупкое сооружение разнесло на мелкие клочки. Очередь за очередью с грохотом били в двигатель, пока он не взорвался, образовав плотное

оранжевое облако. Языки пламени охватили обломки нервюр и обрывки веревок, высвечивая на фоне ночного неба то, что осталось от силуэта судна.

Всплеска никто не услышал.

Ночное небо

Конор летел на своей машине по небу над Большим Соленым. Свирепый встречный ветер бил в нос судна, заставляя Конора клониться вправо. Он вглядывался в скопление огней около третьей башни. Огни означали караульных.

Потом огни один за другим погасли, и Конор ощутил в животе плотный ком страха.

«Теперь я становлюсь мишенью».

Несколько мгновений не происходило ничего, кроме плохо различимой из-за темноты активности около третьей башни, потом начали вспыхивать точки света и град выстрелов устремился в небеса. Спустя еще мгновение Конор услышал визг пуль и их горестный плач, когда они пролетали под ним.

Паника вскипала в груди настолько сильная, что Конор едва не выпрыгнул из машины.

«Подожди. Подожди. Нужно пролететь над башней Бонвилана».

Двигатель начал запинаться, пропуская бие-ния, словно слабеющее сердце. Битва с небе-

сами подходила к концу. Сейчас оба крыла превратились в лохмотья, когти ветра срывали с каркаса полоски муслина. Под ногами Конора педали выскочили из своих опор и болтались без толку.

«Почти то, что нужно. Еще несколько метров».

Второй рой пуль полетел к нему, и Конор почувствовал, что некоторые из них задевают шасси, заставляя колеса вращаться. Все, он в пределах досягаемости. Время попрощаться со «Щеткой». Совсем скоро все доказательства его полета будут уничтожены.

Конор понимал, что маршал ни за что не позволит ему живым добраться до Большого Соленого. Хитрость состояла в том, чтобы убедить Бонвилана — да, Летчик мертв. Однако это была проблема. Такого мастера жульничества обмануть нелегко.

«Вот только он ничего не знает о полетах. В небесах мастер я».

На Коноре был закреплен его планер, соединенный с летающей машиной одним добавочным ремнем. Сложенный планер, пристегнутый, как обычно, лежал на спине, шлепая по куртке. Линус отремонтировал его, и сейчас он был крепче, чем когда-либо.

«Еще один полет, старый дружище».

Во всем этом столпотворении трудно было потянуться вниз, даже трудно было понять, где именно находится низ, поэтому Конор провел рукой вдоль тела, нащупал ремень на поясе и дернул его вверх, расстегивая пряжку. Теперь аэроплан свободно парил вокруг его туловища, но не отделялся совсем, как будто их по-прежнему связывали инерция и сила тяжести. Пули уже раскалывали дерево вокруг ног Конора; если он замешкается, его изобретение может стать гробом.

Отработанным движением он потянулся к подпружиненному рычагу на боку. Один быстрый рывок, и крылья планера развернулись. Раскинулись в стороне на фоне звезд, словно крылья огромной ночной птицы, и, действуя, словно мощный тормоз, подняли Конора над обреченным аэропланом.

Он смотрел, как тот падает, утопая в плотной стае сверкающих пуль. Не осталось ничего, кроме пылающих фрагментов и раздробленного металлического сердца.

Двигатель взорвался, разлетелся на куски размером с кулак, которые закружились в темноте.

«Конец. В истории от “Щетки” не останется никаких следов».

Далеко внизу на Большом Соленом пушечным дымом заволокло Стену, и сквозь эту пелену Конор видел приглушенное мерцание электрических огней.

«Они снова включили свет, потому что теперь считают себя в безопасности».

Конор висел в небе, определяя свое местоположение. Башня Бонвилана выделялась светящимся четырехугольником открытой двери. Изабелла и его родители находились внутри, и им угрожала смертельная опасность. Возможно даже, он уже опоздал.

«А теперь в логово льва», — сказал себе Конор и наклонил нос планера, нацелив его на освещенную дверь.

Башня Бонвилана

Маршал Бонвилан вернулся в обеденный зал; на его лице застыло преувеличенное выражение горести.

За его спиной последние горящие обломки падали с неба. Было слышно, как на Стене взволнованно поздравляют друг друга и как шипит пар, поднимаясь над раскаленными дулами пушек.

— Очень, очень жаль. — Маршал погрустнел. — Этот человек мог столь многому научить мир.

Встреча и прежде протекала в мрачном ключе; теперь обстановка накалилась до предела. Бонвилану хватило одного взгляда на лица гостей, чтобы понять — надвигается кризис.

— Не было другого выхода, дамы... Деклан. Как маршал, я не мог допустить нападения на Стену.

Изабелла стояла около камина, ее пылающие щеки резко контрастировали с высоким воротником платья цвета слоновой кости. Бонвилану стало не по себе — никогда прежде он не видел такого выражения на ее лице. Со времени коронации уверенность королевы медленно, но неуклонно возрастала; теперь у нее хватало безрассудной смелости вперить в него сердитый взгляд.

И это после того, как он только что спас ей жизнь!

«Я определенно предпочитаю прежнюю Изабеллу,— подумал он.— Смущенная, опечаленная — вот какой я хочу видеть свою королеву».

Никто не произносил ни слова, и все смотрели на Бонвилана с одинаковым выражением отвращения.

«Они разговаривали,— понял Бонвилан,— пока я был на балконе».

— Все сильно расстроились? — с невинным видом спросил он. — Может, стоит закрыть окно?

И снова все промолчали. Бонвилан почувствовал, что королева собирает все свое мужество, готовясь произнести речь.

— Думаю, мне лучше сесть. — Маршал опустился на подушку и скрестил ноги. — Ноги не держат. Вы что-то хотите сказать, ваше величество?

Изабелла сделала шаг вперед; платье скрывало ее дрожь.

— Трубочист нашел кое-что, маршал. В комнате моего отца.

Это были первые слова, произнесенные ею за весь вечер.

— Правда? — беспечно сказал Бонвилан, хотя внутренне напрягся.

В его положении хороших сюрпризов быть не могло.

— Да, правда. — Изабелла достала из сумочки маленькую книжку в кожаном переплете и прижала ее к сердцу. — Это дневник отца.

Бонвилан решил, что нахальство — второе счастье.

— Ну, это замечательно, ваше величество. Еще кое-что, связывающее нас с королем Николасом.

— Не так уж замечательно для вас, маршал,— продолжала Изабелла, для поддержки сжав руку Кэтрин.— Мой отец с большим подозрением относился к вашей деятельности. Он пишет, как вы злоупотребляете своей властью в интересах личного обогащения. Как вы культивируете шпионскую сеть на материке. Как вас подозревают в причастности к десяткам убийств. Список можно продолжить и дальше.

— Понимаю,— сказал Бонвилан, усиленно размышляя, как действовать дальше.

«Теперь будет трудно заставить их выпить отравленное вино. Они уже не доверяют мне».

Изабелла больше не дрожала, ее тон стал царственным.

— Понимаете? Сомневаюсь, маршал. Вам известно, что отец планировал посадить вас в тюрьму? Вам известно, что он собирался полностью видоизменить структуру власти на Соленых островах? Создать парламент?

Бонвилан умудрился сохранить вежливое выражение лица, хотя понимал, что настал кризис.

«Типично,— подумал он.— Убей одного врага, и на его месте тут же возникнет трое других».

— Вы позволите мне зачитать кое-что? — спросила Изабелла.

Бонвилан кивнул:

— Я не в том положении, чтобы позволять или запрещать, ваше величество.

— Расцениваю это как «да». — Изабелла еле заметно улыbnулась и отпустила руку Кэтрин, чтобы открыть дневник отца. — «Хьюго Бонвилан — настоящее бедствие, — начала читать она. — Его власть огромна, и он злоупотребляет ею при малейшей возможности. Когда я собираю доказательства его преступлений, он проведет всю оставшуюся жизнь, глядя на стены тех самых камер, где по его приказу страдает столько невинных людей. Но мне следует проявлять осторожность; ничто не проходит мимо маршала, и если он узнает о моих планах, то предпримет любые шаги, чтобы сорвать их. Я не опасаюсь за собственную жизнь, но нужно позаботиться о безопасности Изабеллы. Она — моя душа».

В конце голос Изабеллы почти сломался, но она снова сжала руку Кэтрин и справилась с собой.

Бонвилан хлопнул ладонями по коленям.

— Ну, это убийственное обвинение, — сказал он. — Очевидно, текст подделан кем-то из моих врагов.

«Необходимо заставить их выпить. Но как? Как?»

— Я знаю почерк отца,— твердо заявила Изабелла.

— Не сомневаюсь, однако опытный фальсификатор может обмануть глаза и поострее ваших. Пусть книжку проверит любой эксперт по вашему выбору. Я настаиваю на этом. Этот дневник — тяжкое оскорбление делу всей моей жизни, и я должен восстановить свое честное имя.

— Я еще не закончила,— заявила Изабелла.— Я отстраняю вас от должности. Немедленно. Деклан... Капитан Брокхарт займет ваше место.

Бонвилан сумел сдержать клокочущий внутри гнев.

— Деклан определенно был бы прекрасным маршалом. Целиком одобряю ваше решение, но, конечно, я заслуживаю того, чтобы получить возможность...

— Хватит! — оборвала его королева тоном, не допускающим возражений.— Вы останетесь здесь под домашним арестом до тех пор, пока будет идти расследование ваших деяний.

Бонвилан внутренне выругался. Он сам создал для королевы прекрасные условия для атаки, собрав вместе ее сторонников. В тайном помещении за стеной у него скрывались дове-

ренные люди, но в условиях столь пристального наблюдения протянуть руку за гобелен и нажать спрятанный там рычаг было практически невозможно.

«Остается надеяться на отравленное вино. Если бы здесь была одна королева, я силком бы влил его ей в горло. Однако Деклан Брокхарт тут же пронзит меня своим проклятым церемониальным мечом, а если бы глаза его жены могли разить, как кинжалы, я уже был бы мертв».

В глазах Изабеллы вспыхнуло выражение невероятного облегчения, тело расслабилось, плечи опустились. Перспектива противоборства с маршалом ужасала ее с тех пор, как был найден дневник. Она обдумала каждое слово своей речи и в результате одержала победу; конечно, вместе с отцом.

— А теперь, Хьюго Бонвилан,— сказала она,— мне кажется, мы должны сделать то, ради чего здесь собрались. Помянуть нашего дорогого Конора Брокхарта.

Бонвилан прикусил губу.

«Ох, спасибо вам, духи иронии. Что ни говори, а у богов есть чувство юмора».

Тем не менее он придал своей физиономии недовольное выражение.

— По-моему, это не совсем... Учитывая обстоятельства...

Кэтрин встала и достала из ведерка со льдом ту самую, редкую бутылку.

— Я понимаю — вы пригласили нас сюда в попытке подольститься к Изабелле и Деклану, однако мы хотим почтить память нашего сына, и вы тоже поднимете с нами бокал.

— Это нелепо, — проворчал Бонвилан. — Но я, конечно, не посмею огорчить мою королеву.

Он встал и, пока Деклан откупоривал бутылку и разливал вино, что-то бормотал себе под нос, бросая недовольные взгляды по сторонам. Другими словами, имел вид потерпевшего поражение забияки, но отнюдь не интригана, готового сделать свой последний ход.

Все подняли хрустальные бокалы. Подбадриваемая улыбкой Кэтрин, Изабелла произносила тост:

— За Конора, моего лучшего друга, моего принца и спасителя, который ушел вслед за моим отцом.

В глазах Кэтрин сверкнули слезы, Деклан не смог сдержать стон. Бонвилан силился не рассмеяться, хотя это было трудно.

«Ушел вслед за твоим отцом? Ты вот-вот сама уйдешь вслед за своим отцом, если все произойдет так, как я задумал».

Бонвилан ждал, пока гости выпьют, но они этого не делали. Он взгляделся в их лица. Все рассматривали свои посверкивающие бокалы с неприкрытым подозрением.

«Может, вино отравлено? Может, именно поэтому Бонвилан пригласил нас сюда?»

Для Бонвилана существовал единственный способ отместить эти подозрения.

«Ах, ну это всего лишь один вечер. А потом до утра я проторчу в уборной, только и всего».

— За мальчика Брокхарта, которого мне так недостает,— провозгласил он и одним глотком осушил половину бокала.

— За Конора, моего сына,— сказал Деклан.— Небесам повезло, что они забрали его к себе.

Он поднес бокал ко рту, но не успел даже смочить губы, как что-то черное метнулось из ночной тьмы за окном и набросилось на Бонвилана. Что-то черное с крыльями.

Конор, создание ночи, с грохотом пронесся сквозь окно, обрушился на Бонвилана и вместе с ним упал на низкий стол. Посуда и столовые приборы разлетелись в стороны, и оба мужчины оказались мгновенно окутаны расшитой золотом скатертью. Только крылья Конора оставались на виду, и он стал похож на гигантского мотылька, привлеченного ярким светом.

Деклан среагировал быстро — отбросил бокал в сторону и сжал рукоятку церемониального меча, острого как бритва.

«Это Летчик,— подумал он.— Прилетел, чтобы убить королеву».

О ситуации с Бонвиланом нужно на время забыть, пока следует разобраться с общим врагом. Он ухватился за край скатерти, низко наклонился и, используя свой вес и силу, сдержнул борющихся со стола. Они покатались по полу, все еще сражаясь, хотя удары Бонвилана становились все слабее и реже достигали цели. Летчик снова и снова бил врага кулаком в лицо, и в конце концов взгляд Бонвилана помутился.

Деклан протянул руку к воротнику куртки незнакомца, но недостаточно быстро. Летчик молниеносно развернулся и требовательно спросил:

— Вы пили вино? Провозглашали тост?

«Странный вопрос для предполагаемого убийцы,— подумал Деклан.— Но сейчас не время отвлекаться. Обезвредь его, а потом будешь думать о его вопросах».

Он выхватил меч, собираясь нанести Летчику удар плоской стороной лезвия, чтобы просто вывести его из строя, но тот каким-то образом довольно небрежно отбил меч рукой.

— Тост. Вы пили?

Что-то в осанке этого человека тревожило Деклана, порождало ощущение, что он вот-вот совершит ужасную ошибку. Лицо или, возможно, голос. Что-то... Он не стал наносить удар.

Кэтрин никаких сомнений не испытывала. Лица Летчика, даже частично, она не видела. С ее позиции были видны лишь муж и нападающий на него человек. Она приподняла край юбки и нанесла сильный удар ногой в бок Летчика, а следом схватила стоящую рядом вазу с цветами и швырнула в него.

Конор пошатнулся, весь в бледно-желтых нарциссах и стекающей воде.

— Постойте...— пробормотал он, сдергивая с себя ремни и крылья.— Не...

Однако передышки Конор не получил. Изабелла схватила с подставки самурайский меч и встала в фехтовальную позу.

— *En garde, monsieur*,— сказала она и бросилась в атаку.

Конор едва успел достать из ножен саблю, чтобы парировать первый удар.

— Изабелла,-- тяжело дыша, проговорил он,— остановитесь.

Однако королева останавливаться не собиралась.

— Я останавлиюсь, когда ты будешь мертв, убийца.

Конор сумел отбить очередной удар, и это дало ему мгновение, в котором он нуждался, чтобы восстановить равновесие.

Со времени их уроков с Виктором Изабелла заметно преуспела в фехтовании, но и Конор не забыл основ преподанного ему учения.

— Вы прилежно изучали Мароццо, — хватая ртом воздух, сказал он. — Виктор мог бы гордиться вами.

Меч задрожал в руке Изабеллы и замер.

«Что это значит? Кто этот человек, вызывающий к имени Виктора?»

Деклан оттащил королеву и жену себе за спину и вскинул меч.

— Откройте свое лицо, сэр! — потребовал он. — Даю вам пять секунд, прежде чем мы сразимся не на жизнь, а на смерть. И погибнете вы, обещаю.

Конор медленно опустил меч и вонзил его кончик в пол.

— Хорошо. Но прежде, чем я сделаю это, скажите, пили вы вино или нет.

— Ничего мы не пили! — взорвался Деклан. — А теперь снимите очки, сэр.

Плечи Конора поникли, казалось, он вот-вот упадет без чувств. Но потом он выпрямил-

ся, оттянул от подбородка воротник и поднял на лоб очки. Его лицо почернело от копоти и масла, но глаза были ясны, и из-под кожаного шлема выбивался локон светлых волос.

Все потрясенно замерли. То, что открылось их взглядам, было совершенно невозможно.

— Отец, я знаю, ты поклялся убить меня при нашей следующей встрече,— медленно заговорил Конор,— но ты многого не знаешь. Виктор не убивал короля, и я тоже не принимал в этом участия. Это сделал Бонвилан.

— Конор,— вырвалось у Кэтрин.— Ты жив? Деклан рухнул на колени словно подкошенный. По его лицу текли слезы, дыхание участилось.

— Мой сын жив. Господи, это правда? Внезапно до Конора дошел весь размах хитрости Бонвилана.

«Родители искренне верили, что я мертв. У Бонвилана для каждого была припасена своя ложь».

Изабелла первой бросилась к нему, крепко обняла, поцеловала в щеку. Их слезы смешались.

— Конор, Конор, где же ты был? Конор был потрясен силой обрушившихся на него эмоций — он-то ожидал недоверия и гнева, а никак не любви.

— Это ты был тогда в камере,— простонал Деклан.— Я сказал, что убью тебя, и тем самым обрек на адские муки.

Кэтрин, которая до сих пор успокаивающе поглаживала мужа по спине, не могла дольше держаться вдали от сына. Она метнулась к нему, взяла его лицо в ладони.

— Конор! Ты уже мужчина. Такой же высокий, как твой отец в семнадцать лет.

Конор как-то отстраненно удивился, осознав, что ему всего семнадцать. Конору Финну было за двадцать.

Внезапно лицо Деклана Брокхарта исказилось от гнева.

— Все это сотворил Бонвилан. Клянусь Богом, я заставлю его заплатить!

Бонвилан! В вихре эмоций Конор забыл о Хьюго Бонвилане. По-прежнему в объятиях королевы и матери, он неуклюже повернулся, но обнаружил лишь лужицу крови там, где упал Бонвилан. Он выдернул саблю из пола, обвел комнату взглядом и увидел, как его старый враг крадется вдоль стены к двери.

— Отец! — Конор ткнул мечом в сторону маршала.— Нужно задержать Бонвилана.

Поняв, что ему не сбежать, Бонвилан сунул руку за гобелен и нажал скрытый там рычаг. Камин на шкивах заскользил в сторону, и откры-

лось маленькое помещение, в котором в тесноте сидели гвардейцы Святого Христа.

Бонвилан улыбнулся превратившимся в кровавое месиво ртом, в котором не хватало нескольких зубов.

— Моя последняя линия обороны.— Он сплюнул кровавую слюну и приказал солдатам: — Убейте женщин! Это мошенницы, выдающие себя за других.

Коварный приказ, отвлекающий внимание Конора и Деклана исключительно на то, чтобы защищать женщин. Солдаты полезли из тесной каморки, выхватывая мечи и кинжалы. Никаких пистолетов — стрельба могла привлечь внимание караульных на Стене.

По счастью, из-за тесноты конечности у солдат затекли, а из-за духоты головы слегка кружились, что дало Брокхартам преимущество, пусть и кратковременное. Они использовали его, чтобы затолкать человек шесть гвардейцев обратно в каморку.

— Не спускай глаз с маршала! — крикнул Конор Изабелле.

— Он больше не маршал.— Королева вскинула самурайский меч.— Меня научили резать человека на три части,— добавила она, обращаясь к Бонвилану.— Один шаг в мою сторону, и я продемонстрирую на вас свое умение.

Бонвилан ущипнул себя за переносицу. При обычных обстоятельствах он набросился бы на глупую девчонку и сломал бы руки, которыми она держала меч, однако яд в вине уже начал оказывать свое действие — пальцы покалывало, в животе разливался вулканический жар. Нужно выбраться отсюда до того, как проявятся последующие, самые тяжкие симптомы.

Путь к двери перекрывали Брокхарты. В тайном проходе шла рукопашная схватка, мелькали мечи, так что единственным выходом оставался балкон. Споткнувшись о сброшенные крылья Конора, Бонвилан кинулся на балкон, взглядом выискивая что-нибудь, могущее его спасти.

«Подумать только! Хьюго Бонвилан вынужден спасаться. Просто позор».

Внизу на Стене караульные снова расчехляли пушки Гатлинга; по-видимому, до них дошли звуки столпотворения, творившегося на высоте двадцати метров над их головами. Как, интересно, они не заметили огромное, похожее на птицу создание, ворвавшееся в апартаменты маршала?

В животе жгло все сильнее.

«Я должен сбежать. Должен найти способ спуститься».

Вот оно! Двор пересекал Султан Ариф с мешком в руке и другим — за спиной.

«Куда, к дьяволу, этот дурак собрался?»

— Султан! — закричал Бонвилан. — Капитан Ариф! Ты мне нужен... немедленно!

Султан слегка запнулся, но не остановился.

— Я иду домой, Хьюго, — не поворачиваясь, бросил он. — Мне предстоит искупить множество грехов.

Впервые за многие годы Бонвилана обуяла настоящая ярость.

— Вернись! — Бонвилан заколотил кулаками по перилам. — Сейчас не время для твоих обид. Выстрели из арбалета, прицепив к стреле веревку.

Ариф и не думал его слушаться.

— Если вы уже выпили свое вино, я бы посоветовал вам быть поспокойнее, маршал. — Он торопливо продолжил путь к воротам. — Чем чаще стучит сердце, тем быстрее оно разгоняет по венам яд.

— Ах ты подлый изменник! — взревел Бонвилан. — Подожди, мы еще встретимся.

— И я даже знаю где, — прошептал Султан, раз и навсегда отвернувшись от Бонвилана.

«Чем чаще стучит сердце, тем быстрее оно разгоняет яд».

Истина этих слов в полной мере дошла до Бонвилана, когда по телу пробежала судорога и его вырвало через перила балкона.

«Успокойся, Хьюго. Время еще есть».

В последний раз погрозив кулаком в спину Ариффу, Бонвилан вернулся в зал, где Деклан и Конор Брокхарты яростно бились с тремя гвардейцами. Трое уже лежали на полу, кто зажимая свои раны, кто без сознания. Как раз в этот момент Деклан получил удар в плечо, и его сын продолжал сражаться один.

Кэтрин оттащила мужа в сторону, а королева Изабелла стояла, целясь мечом в Бонвилана.

«Эта девица определенно становится надоедливой. Почему я не убрал ее раньше?»

Слишком сложными стали его интриги, внезапно понял Бонвилан.

«Эти люди должны умереть. Но сейчас главное для меня — это оказаться в безопасном месте, где я смогу восстановить силы. На материке у меня есть и средства, и сторонники».

Конор широкими взмахами заставлял троих гвардейцев отступать, а потом выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в двоих. Они рухнули с раздробленными голенищами.

«Стрельба! — подумал Бонвилан. — Карательные на Стене наверняка слышали ее, как и

прозвучавшее во дворе слово “яд”. Значит, они вот-вот прибегут. Нужно уходить».

Яд уже начал действовать на ноги — кончики пальцев кололо иголками, мышцы сводило судорогой.

На другом конце зала Конор Брокхарт бился с последним гвардейцем, огромным шотландцем, умело владеющим укороченным палашом. Это был один из наемников Бонвилана, опытный убийца. На какое-то мгновение в душе Бонвилана вспыхнула надежда, но потом Конор умело увернулся от удара шотландца и с силой ударил его гардой сабли.

Швырнув гвардейца в потайное помещение, Конор сунул руку за гобелен, нащупал тайный рычаг и запер каморку. Сквозь решетку камина доносились стоны сваленных там солдат.

— Сын, у тебя за спиной, — сквозь стиснутые зубы проговорил Деклан. — Маршал.

Конор развернулся к Бонвилану; в его глазах полыхала накопленная за три года ненависть. Он выглядел как персонаж детского ночного кошмара: человек в черном, с окровавленной саблей, с оскаленным ртом.

— Бонвилан... — со странным спокойствием в голосе сказал он.

В обычных условиях Бонвилан доставил бы себе удовольствие, сделав несколько особо ед-

ких замечаний, за чем последовала бы молниеносная смертельная схватка с этим щенком, однако сейчас все его тело пылало под воздействием аконита. Язык ощущался во рту странно распухшим, ноги подгибались под тяжестью могучего туловища.

«Скоро разум покинет меня. Я должен бежать сейчас».

Вперед выступила Изабелла.

— Вы ответите за все свои преступления, Хьюго Бонвилан. Вашей власти конец. И не рассчитывайте бежать.

Бонвилан низко наклонился, рыча, словно вепрь, схватил планер Конора и потащил его на балкон.

— Сбежать,— бормотал он непослушными губами, с которых стекала слюна.— Улететь, как Летчик.

Конор последовал за ним с пистолетом в руке.

— Предупреждаю вас, Бонвилан.

Бонвилан сумел издать сухой смешок.

— Конор Брокхарт. Всегда на моем пути. В Париже, когда по моему приказу обстреляли воздушный шар твоего отца. Потом, когда я поджег королевскую башню. Даже сейчас. Может, ты и впрямь колдун, как считают люди.

Сейчас было трудно разобрать, что говорит Хьюго Бонвилан; на его губах пузырились слюна и кровь. Маршал с трудом взвалил свое тело на парапет балкона.

— Держись подальше, а не то вам никогда не узнать моих секретов.

Конору страстно хотелось прикончить Бонвилана, но легкое прикосновение Изабеллы удержало его.

— Не надо, Конор. Я должна узнать обо всем, что он сделал. Так много еще предстоит исправить.— Изабелла повернулась к маршалу: — Спускайтесь оттуда. Это приказ вашей королевы.

С трудом удерживаясь на ногах, Бонвилан неуклюже натягивал на плечи упряжь планера.

— У меня нет королевы, нет Бога, нет отечества,— бормотал он, негнуцимися пальцами застегивая нагрудный пояс; хоть это-то нужно сделать, на остальные застёжки у него точно не хватит ловкости.— Все, что у меня есть,— это хитрость.

Ненависть позволила ему сфокусировать взгляд. Неожиданно Бонвилан сунул руку под свое «драконье» одеяние и выхватил из-за пояса кинжал.

«Изабелла! — мелькнуло у Конора.— Даже сейчас он пытается убить Изабеллу».

Конор вскинул пистолет, но Деклан Брокхарт оказался проворнее, несмотря на ранение в плечо. Он метнул свой меч словно копье с такой силой, что оно пробило бронежилет Бонвилана и вонзилось в сердце.

Бонвилан вздохнул, как будто разочарованный книгой, которую читал, и шагнул с парапета в ночь. Восходящий поток воздуха поднял крылья планера, пронес Бонвилана над двором, мимо не верящих своим глазам караульных на Стене и сотен жителей Соленых островов, поднятых с постелей выстрелами пушек.

На несколько мгновений он завис в воздухе, капли его крови образовывали узоры на плитах двора, а потом боковой ветер развернул планер и понес его к морю.

Конор смотрел, как Бонвилан улетает, опускаясь все ниже и ниже к холодному океану, с мечом, торчащим из мертвого сердца. Вместе с ним исчезал кошмар, в который превратилась жизнь Конора.

Никто не мог оторвать взгляда от Бонвилана, даже в смерти привлекающего всеобщее внимание. Все дальше и дальше улетал он, медленно опускаясь, пока носки его ног не заскользили по воде. Конор жаждал увидеть, как маршал утонет, — чтобы точно знать, что все кон-

чено,— но Бонвилан исчез из виду до того, как океан поглотил его.

Внизу царил ужас. Караульные колотили во входной люк Стены, людские волны все накатывали и накатывали на основание башни.

Деклан Брокхарт взял Изабеллу за руку и подвел ее к парапету.

— Королева в безопасности! — прокричал он и поднял ее руку.— Да здравствует королева!

В ответном крике прозвучало искреннее облегчение.

— Да здравствует королева!

ГЛАВА 19

ВРЕМЯ РАЗЛУКИ

Большой Соленый, месяц спустя

Королева Изабелла имела привычку каждое утро на рассвете гулять по Стене. Она верила, что подданные ободряются, когда видят ее там.

Конор часто сопровождал королеву во время утренних прогулок. Тем утром, когда он собирался отправиться в университет в Глазго, чтобы пройти там обучение и получить наконец ученую степень, они встретились под тем, что когда-то было башней Бонвилана. Изабелла стояла, облокотившись о парапет, глядя, как маленькие рыбацкие лодки покачиваются на волнах пролива.

— Знаешь, его никогда не найдут,— сказал Конор.— Бронежилет увлек Бонвилана прямо на дно, он стал добычей крабов.

— Поэтому он превратился в привидение. Говорят, его видели в Париже и Дублине. Я про-

чла в «Лондон таймс», что он живет в Уайтчепеле* как наемный убийца.

Они помолчали, внутренне убеждая себя, что собственными глазами видели гибель Хьюго Бонвилана.

— Что ты планируешь сделать с этим зданием? — спросил Конор, хлопнув ладонью по стене башни.

— Скорее всего, открою тут алмазный рынок, — ответила Изабелла. — Это пелено, что алмазы здесь, а продаем мы их в Лондоне.

— Ты много меняешь.

— А сколько еще нужно изменить! Малый Соленый хотя бы. Ты знаешь, что только четырнадцать заключенных — жители Соленых островов? Остальные несчастные из Ирландии и Великобритании. Но с этим покончено. Я закрою тюрьму и заключу контракт на разработку месторождения с профессиональной фирмой.

Конор бросил взгляд на выжженную на предплечье букву «С».

«Малый Соленый навсегда останется со мной. Он оставил неизгладимый след и на теле, и в душе».

* Уайтчепел — один из беднейших районов Лондона.

— А с заключенными что будет? — спросил он.

— Каждое дело будет пересмотрено. Подозреваю, что многие давно отсидели свои сроки. Придется выплачивать им компенсацию.

— Буду признателен, если ты отнесешься по-доброму к некоему Отто Маларки. Он не так страшен, как кажется.

— Конечно, сэр Конор.

— Ты будешь прекрасной королевой.

— Мой отец был ученым, поэтому я деловая женщина. Ну а ты, когда вернешься, можешь стать придворным ученым....

— Мама говорила с тобой?

Изабелла взяла его под руку, и они двинулись по Стене.

— Кэтрин рассказала мне о Глазго. Она надеется, что я сумею отговорить тебя.

— И как ты собираешься это сделать?

— Я всегда могу тебя повесить.

Конор улыбнулся.

— Как в добрые старые времена. Иногда я жалею, что они уже прошли.

Изабелла остановилась на одном из своих любимых мест на Стене — скате в сторону материка, где столетия назад каменщики построили скамью для влюбленных. Утром с этой возвышенной точки можно было видеть, как солн-

це просвечивает цветное оконное стекло церковной башни. При повороте солнца возникло впечатление, будто фигура святого Кристофера в окне тоже слегка поворачивается.

Изабелла села на каменную скамью и потянула за собой Конора, заставив его опуститься рядом.

— Я тоже скучаю по старым добрым временам. Но ведь у нас еще все впереди, правда, Конор?

— Надеюсь, что да.

— Тогда я буду ждать.— В Изабелле пробудилась игривая сторона ее натуры.— Ты станешь прилетать домой, чтобы повидаться со мной, сэр Летчик?

— Я просто сэр. Не очень-то достойно для королевы.

— Это дело поправимое. Один укол моей шляпной булавки, и ты станешь принцем.

— Шляпной булавки? Это законно?

— Вообще-то это не должна быть шляпная булавка, а то тебе будет больно.

Конор взял ее руку в свою.

— Я думаю, мне будет больно все время, пока я не вернусь.

— Тогда учись усердно, заслужи свою степень и возвращайся домой. Твоя королева нуждается в тебе. Я нуждаюсь в тебе.

И они поцеловались в первый раз. Цветные стекла отбрасывали радужные отблески на их лица, и с площади внизу доносился шум утренней торговли.

Все прощальные слова были сказаны. Он поцеловал мать, перевернул маленького брата вверх ногами и покачал его. Пора было уезжать.

Солнечным утром Конор шагал к порту, одним глазом поглядывая на парня с тележкой, везущего вниз с холма его багаж. Море было спокойно, и маленький пассажирский пароход пыхтел на причальных канатах. На палубе собралась небольшая толпа, и Конор улыбнулся, увидев, что ее привлекло. Линус Винтер развлекал пассажиров, исполняя импровизированный вариант арии из «Возвращения солдата».

Услышав шаги Конора, он смолк.

— Опаздываешь, мальчик. Мне пришлось петь, чтобы капитан не отчалил без тебя.

— Прости, Линус.— Конор бросил носильщику шиллинг.— Ты позаботился о безопасности лаборатории?

— Наша башня в хороших руках. Туда теперь въехал Дядя с двумя своими олухами, как он их называет.

— Как от Дяди пахнет?

— Не слишком хорошо. Остается лишь надеяться, что он упадет в океан с куском мыла в кармане.

Конор прыгнул на палубу парохода.

— Думаешь, Шотландия созрела для твоего гения?

Линус широко улыбнулся, поправляя тонированные очки, которые разработал для него Конор.

— Шотландцы знамениты своим пониманием музыки. Роберт Бернс был их поэтом, прямо как я. Уверен, Глазго примет меня с распростертыми объятиями. Не пройдет и полгода, как мы станем достопримечательностью города.

— Ты уже способен прозревать будущее, старый дружище?

Линус пошарил рукой в воздухе, нащупывая плечо Конора.

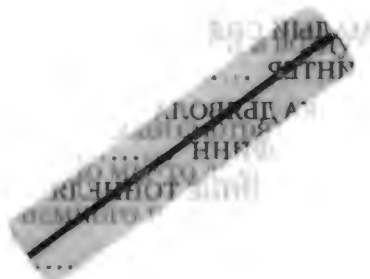
— Обычные люди смотрят вверх и вниз, влево и вправо. Но мы-то другие. Мы мечтатели, а значит, немного провидцы.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Часть 1. БРОКХАРТ	31
Глава 1. ПРИНЦЕССА И ПИРАТ	33
Глава 2. ЩЕТКА	67
Глава 3. ИЗАБЕЛЛА	92
Глава 4. ИЗМЕНА И ЗАГОВОР	126
Часть 2. ФИНН	165
Глава 5. МА... СОЛЕННЫЙ	167
Глава 6. В... ..	178
Глава 7. ВИЛК ДЬЯВОЛА	216
Глава 8. КОНОР ФИНН	236
Глава 9. СВЕТОТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ	265
Глава 10. НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ	273
Глава 11. КОРОНУ КОРОЛЕВЕ	310
Часть 3. ЛЕТЧИК	377
Глава 12. АНГЕЛ ИЛИ ДЬЯВОЛ?	379
Глава 13. ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА	416
Глава 14. ОДНА ГОЛОВА ХОРОШО, А ДВЕ ЛУЧШЕ	438

604 • СОДЕРЖАНИЕ

Глава 15. ДОМА	454
Глава 16. ЗМЕИ В ТРАВЕ	466
Глава 17. ЗАПУТАННЫЕ СЕТИ	486
Глава 18. ТЯЖЕЛЕЕ ВОЗДУХА	529
Глава 19. ВРЕМЯ РАЗЛУКИ	597

Литературно-художественное издание

Йон Колфер

АВИАТОР

Ответственный редактор *Б. Крылов*

Редактор *А. Косакова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *С. Швадова*

Корректоры *М. Одиноква, Н. Князева*

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 02.07.2009.

Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага писч. Усл. печ. л. 31,92.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 4671

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК

«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н,
г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Б».
Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12.
Тел.: 937-85-81, 760-56-81.

**Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12.
Тел. 346-90-95.**

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

100-60

Если человек родился в корзине
терпящего бедствие воздушного шара,
к гадалке ходить не надо — он вырастет
авиатором. Тем более что отец Конора
Брокхарта, будущего покорителя неба,
капитан гвардии скромного островного
государства, состоит на службе
у короля-романтика, для которого слава
и богатство — ничто в сравнении с заботой
о своих подданных. И все вроде бы идет
своим чередом, ничто не нарушает
идиллию, но в один несчастливый день
в государстве происходит переворот,
доброего короля убивают, а на его месте
утверждается злобный
генерал Бонвилан.

Но не может такого быть, чтобы человек,
родившийся в воздухе, смирился
с подобной несправедливостью.
И Конор Брокхарт начинает борьбу...

ISBN 978-5-699-36928-7

9 785699 369287 >